

Н.Е.Ананьева

**ИСТОРИЯ
И ДИАЛЕКТОЛОГИЯ
ПОЛЬСКОГО
ЯЗЫКА**

*Рекомендовано Государственным комитетом
Российской Федерации по высшему образованию
в качестве учебника для студентов
высших учебных заведений,
обучающихся по направлениям и специальностям
"Филология" и "Лингвистика"*

**Издательство
Московского университета
1994**

**ББК 81
А64**

Рецензенты:

Отдел славянского языкознания Института славяноведения
и балканистики РАН (зав. отделом доктор филологических
наук *Л.Н.Смирнов*), доктор филологических наук
К.К.Трофимович

Ананьева Н.Е.

А64 История и диалектология польского языка:
Учебник. — М.: Изд-во МГУ, 1994. — 301 с.

ISBN 5-211-02787-6

В настоящем учебнике впервые в таком объеме дается характеристика польской письменности и литературного языка, рассматриваются особенности польских диалектов, излагаются основные закономерности развития звуковой и морфологической систем польского языка.

Для студентов славянских и русских отделений филологических факультетов университетов, специализирующихся по польскому языку.

$$A \frac{4602020100(4309000000) - 056}{077(02) - 94} 131 - 94$$

ББК 81

ISBN 5-211-02787-6

© Ананьева Н.Е., 1994

От автора

Предлагаемый читателю учебник включает в себя три самостоятельные дисциплины: историческую грамматику польского языка, историю литературного польского языка, описательную диалектологию. Такое объединение обусловлено традициями преподавания указанных предметов на славянских отделениях госуниверситетов, где студентам читается общий курс “История и диалектология польского языка”. Из трех разделов учебника наиболее фрагментарно изложена часть, связанная с историей формирования литературного языка. Это объясняется наличием большого числа работ по истории литературного польского языка (в первую очередь такого значительного труда, как “История польского языка” З.Клеменевича), в которых студенты могут найти более подробные сведения о формировании литературного польского языка, условиях его функционирования и источниках изучения в разные исторические периоды.

Историческая грамматика охватывает фонетику и морфологию. При анализе фонетического строя и фонологической системы польского языка трёх основных исторических периодов его развития (древнепольского, среднепольского и новопольского) выделяется ряд синхронных “срезов” и прослеживаются изменения, которые происходят в вокалической и консонантной системах при переходе от одного периода (“среза”) к другому.

В разделе “Морфология” для каждой части речи устанавливаются основные тенденции развития, по которым излагается конкретный материал.

Ограниченный объём учебника не позволил включить в его окончательный вариант раздел “Элементы синтаксиса”. Эту часть предполагается издать отдельно.

Основные словообразовательные типы и модели, характерные для определенных исторических периодов развития польского языка, рассматриваются в разделе “Лексика” в качестве одного из средств, формирующих лексический состав польского языка.

В работе над книгой автор опирался в основном на достижения полонистики 70-х гг. Исследования, появившиеся в более позднее время (например, фундаментальный труд И.Баеровой о польском языке XIX в. и др.), не могли быть учтены в тексте учебника.

Автор приносит глубокую благодарность рецензентам своего труда доктору филологических наук С.М.Толстой, кандидату филологических наук Т.С.Тихомировой, кандидату филологических наук Н.В.Котовой, сотрудникам кафедры славянской филологии филологического факультета МГУ имени М.В.Ломоносова, принимавшим ак-

тивное участие в обсуждении концепции и окончательного варианта учебника, кандидату филологических наук А.И.Изотову, а также сотрудникам Издательства Московского университета за подготовку рукописи к печати.

ВВЕДЕНИЕ

§ 1. Предмет и задачи курса “История польского языка”

Предмет данной лингвистической дисциплины составляют происходящие на фоне изменения исторических судеб польского народа (т.е. преобразований в социально-культурных условиях его бытия) процессы формирования и развития языковой системы польского языка в ее диалектном многообразии, общие тенденции и закономерности, проявляющиеся в ходе этого развития, а также история формирования и эволюции литературного языка. Таким образом, составными частями истории польского языка являются историческая грамматика (история развития языковой системы) и история литературного языка. Историческая грамматика в свою очередь включает и историческую диалектологию - историю формирования диалектных, региональных подсистем. История литературного языка начинается с возникновением у народа памятников письменности. Это история становления нормированного языка, имеющего письменную и устную формы существования, история изменения его функций в обществе.

Из предмета курса вытекают его задачи:

1) изучение внутренних закономерностей развития польской языковой системы в ее диалектном многообразии, установление главных тенденций этого развития на всех уровнях языковой системы (фонетическом, морфологическом, словообразовательном, синтаксическом, лексическом);

2) изучение влияния внешних (этнолингвистических, социолингвистических и др.) факторов на развитие системы польского языка.

В настоящем учебнике рассматриваются в основном исторический процесс, зафиксированный в письменных источниках, а также фонетические закономерности дописьменного периода, реконструируемые по данным сравнительной грамматики славянских языков, сформировавшие своеобразие польского языка как западнославянского восточнолехитского наречия, а в некоторых случаях относящиеся и к специфическим собственно польским особенностям.

В 70-е гг. к работам К.Нича, В.Ташицкого и В.Курашкевича, посвященным отдельным вопросам исторической диалектологии, прибавилось фундаментальное исследование К.Дейны “Dialekty polskie” (1973), в котором прослеживается история формирования отдельных

фонетических и морфологических особенностей польских диалектов. Однако обрисовать процесс формирования и развития региональных фонологических подсистем и изложить по тенденциям историю развития морфологических подсистем основных пяти диалектных районов (см. § 15) мы пока не в состоянии. Поэтому, рассматривая какое-либо явление, неединообразно представленное на территории распространения польского языка и в памятниках разных регионов, мы ограничиваемся иногда лишь дополнениями историко-диалектологического характера.

Такой же подход наблюдается и при сравнении явлений польского языка с фактами истории других славянских языков, в первую очередь русского. Систематическое сопоставление языковых фактов - это предмет уже другой дисциплины: сравнительной грамматики двух (или более) славянских языков.

С другой стороны, учитывая специфику комплексного преподавания курса "История и диалектология славянских языков" на славянских отделениях филологических факультетов университетов, мы включили в наш учебник раздел по описательной диалектологии, дающий самое общее представление об основных группах польских диалектов.

§ 2. Методы изучения истории языка

Для изучения истории языка письменного периода основным является филологический метод, который состоит в сопоставлении текстов, относящихся к различным эпохам, и определении на основании такого сопоставления тенденций развития тех или иных уровней изучаемого языка. Зная приблизительную датировку памятников, при использовании этого метода можно определить время проявления тех или иных тенденций непосредственным образом, т.е. в категориях так называемой абсолютной хронологии (век, десятилетие). Например, изучая рифмы польских поэтов XVII-XVIII вв., мы делаем вывод о нередкой утрате в польском языке данного периода фонологической самостоятельности $\acute{e} < \bar{e}$ (см. § 34.1) и совпадении его на одних территориях с e , а на других — с i/y .

Для изучения процессов дописьменного периода истории языка применяются два основных метода: метод внутренней реконструкции и сравнительно-исторический метод.

Метод внутренней реконструкции заключается в воссоздании на основании имеющихся в каком-либо языке языковых форм искомой праформы. Например, в современном польском языке представлены формы *las* и *w lesie*, *wiara* и *wierzyć*, *widziały* и *widzieli*, *jazda* и *jeździć*, *świat* и *świecić*, *obiad* и *po obiedzie*. Зная фонетическую закономерность, которая вызвала наличие вариантов 'а и 'е, мы можем восстановить исходную корневую праформу **lēs-*, **svēt-*, **jězd-* и т.д.

Сравнительно-исторический метод состоит в восстановлении искомой праформы путем сопоставления морфем родственных языков. При этом морфемы должны быть тождественны не столько с синхронной точки зрения, сколько по происхождению, т.е. должно соблюдаться диахроническое тождество морфемы. Лишь "сравнение родственных морфем с учетом их истории дает возможность изучить основные закономерности фонетической эволюции в данных языках, вскрыть природу многих фонетических процессов"¹. Использование сравнительно-исторического метода и метода внутренней реконструкции возможно лишь вследствие наличия в языке (языках) определенных закономерностей. Понятие фонетической закономерности, разработанное сравнительно-историческим языкознанием XIX в. в рамках младограмматической концепции, является методологической основой возможности применения сравнительно-исторического метода.

Расположение языковых фактов на временной оси может устанавливаться не только в категориях абсолютной хронологии. Определяя их последовательность во времени, выстраивая их на временной оси в определенном отношении друг к другу, мы имеем дело с относительной хронологией явлений, которая представляется более точной и более важной, чем абсолютная хронология, особенно если речь идет о процессах дописьменного периода истории языка. В. Манчак даже полемически подчеркивает важность для исторической морфологии только самого факта появления новой формы и незначительность вопроса о продолжительности периода, в течение которого сосуществуют старый и новый варианты².

Так, нет точных данных о том, какой из двух процессов доисторического этапа развития польского языка—вокализация *ъ* и *ь* в сильной позиции (§ 31.4) или перегласовка *'e > 'o* (§ 31.2)—произошел раньше. Но формы типа *pies, sen*, в которых *e*, возникшее из *ъ* и *ь*, не подверглось переходу в *o* в позиции перед твердыми переднеязычными зубными (условие перегласовки *'e > 'o*), дают возможность констатировать, что фонетический процесс перегласовки закончился до вокализации сильных *ъ* и *ь*, т.е. на месте позднейшего *e* произносились звуки, не совпадавшие по качеству с *e*. Иначе *e*, возникшее из *ъ* и *ь*, подверглось бы изменению в *o* в позиции перед *p* и *s*. Итак, на временной оси перегласовка *'e > 'o* предшествовала процессу вокализации редуцированных в сильной позиции.

Большое значение имели аргументы, использовавшие факты относительной хронологии языковых явлений, в дискуссии о происхождении литературного польского языка (см. § 9).

1 Бернштейн С.Б. Очерк сравнительной грамматики славянских языков. М., 1961. Ч.1. С.17-18.

2 Ма́нча́к W. Polska fonetyka i morfologia historyczna. Warszawa, 1983. S. 43-44.

В исторических исследованиях применяются и частные, присущие не только историческому изучению языка, методы (например, лингвостатистический метод). Так, В. Манчак подчеркивает особое значение статистических закономерностей, которые позволяют, по его мнению, ответить на основные вопросы исторического развития языка: 1) почему одни формы сохраняются, а другие исчезают; 2) почему определенные формы имеют архаический вид, а другие подвергаются аналогическому воздействию; 3) почему некоторые формы вызывают преобразование других форм, а не наоборот; 4) почему одни формы заменяют другие, а не наоборот. Иначе говоря, статистический метод позволяет установить, происходят ли аналогические изменения случайно и хаотично или являются следствием определенных закономерностей³. Проследивая историю фонетических явлений и выделяя в них регулярные и нерегулярные изменения, В. Манчак усматривает причины нерегулярности наряду с ассимиляцией, диссимиляцией и метатезой, гиперкоррективизмами и влиянием орфографии, в статистической закономерности, установленной, впрочем, еще Ципфом: закономерности частотности употребления языковой формы. Таким образом он объясняет, например, утрату *ть в 3-м л. ед. ч., і в инфинитиве и императиве, стяжение типа *staremu* < *starujem*, отсутствие переноски 'e > 'o в предлоге *bez* (и, вероятно, и *przez*), утрату *o* в наречиях типа *tam* < *tamo*.

§ 3. Источники изучения истории польского языка. Связь истории языка с другими науками

Если для письменного периода источниками являются памятники, написанные на польском языке, или латинские документы с польскими глоссами, высказывания о польском языке современников, нормализаторов, грамматистов, деятелей культуры, позднее художественная и другие виды литературы, грамматика, словари (подробнее см. § 10), то для дописьменного периода истории польского языка источниками являются данные сравнительно-исторической грамматики славянских языков, а также материал польских диалектов, которые, не будучи связаны с нормирующим воздействием письменности, могут сохранять те или иные древние особенности, утраченные литературным языком или никогда в него не входившие.

Источники изучения истории польского языка определяют те основные науки, с которыми тесно связана история польского языка. Из лингвистических дисциплин к таковым относятся сравнительная грамматика славянских языков и старославянский язык, описательная диалектология, ономастика. Историк польского языка для чтения древ-

³ M a n c z a k W. Op. cit. S. 5.

них памятников необходимо знать палеографию, исторические судьбы носителей изучаемого им языка, историю их контактов с другими народами, причем не только на доисторических ступенях развития общества (и здесь необходимо знание археологии), но и в новую историческую эпоху. Таким образом, история польского языка тесно связана с историческими науками.

§ 4. Понятия, необходимые для изучения исторического языкового процесса

Одним из основных понятий при историческом (диахроническом) изучении языка является понятие языковой системы, понимаемой как совокупность взаимосвязанных и взаимообусловленных элементов языка, изменяющаяся во времени. Вместе с тем взаимосвязаны и взаимообусловлены не только элементы одного уровня (и тогда по отношению к каждому уровню говорят о подсистемах языка: фонетической, морфологической и т.д.), но и элементы разных уровней. Исходя из системного характера языка и способности этой системы изменяться во времени, мы говорим, например, о польской языковой системе XII или XVI в., о языковой системе древнепольской эпохи.

Изменения в языке могут быть релевантными для языковой системы и нерелевантными. Условно назовем первые "системными", а вторые "несистемными". Системные изменения затрагивают всю систему оппозиций, с помощью которых описываются зависимости между элементами определенной подсистемы языка. Например, в польском языке является системным переход долгих гласных неверхнего подъема в суженные, осуществившийся во второй половине XV в., в результате которого оппозиция краткий—долгий утратилась, а на ее месте развилась оппозиция чистый—суженный, охватывающая меньшее число фонем, чем более древняя оппозиция (см. § 33.4).

Несистемные изменения не затрагивают языковой системы или ее подсистем. Это может быть утрата какой-нибудь изолированной формы или флексии (например, утрата формы 1-го л. личного местоимения *jaż*). Частным видом несистемного изменения в фонетике является фонетическая субституция: изолированная замена одного звука (или ряда однотипных звуков) другим звуком (или рядом звуков), заключающаяся в артикуляционном сдвиге при произношении этого звука или ряда звуков. Примерами фонетической субституции могут служить, в частности, так называемое *walczenie* - утрата зубного затвора в *ł* и переход его в губно-губной *ɟ* (см. § 34.6) и переход палатализованных *s', z', ł', d'* в палатальные, в результате чего возник ряд *ś, ź, ć, ź* (см. § 32.2).

Однако нередко и несистемное явление в сочетании с другими факторами влечет за собой изменения в частных подсистемах. Так, воз-

никновение в результате фонетической субституции $\acute{s}$, $\acute{z}$, $\acute{c}$, $\acute{z}$ при сохранении (до середины XVI в.) мягкими членов ряда $\acute{s}$, $\acute{z}$, $\acute{c}$, $\acute{z}$, c' , z' , по мнению некоторых польских исследователей, вызвало на части территории распространения польского языка разнообразные смешения этих рядов (подробнее см. § 7 и раздел "Диалектология"). Возможны случаи, когда изменения, происходящие в одной частной подсистеме (в том числе и несистемного характера), вызывают изменения в другом виде подсистемы. Например, появлению альтернанта $\acute{b}$ на месте старого $\acute{s}$ в им.п. мн.ч. существительных с семантикой мужского лица, в лично-мужских формах местоимений и прилагательных в конце XVII - начале XVIII в. в связи с развитием лексико-грамматической категории мужского лица (см. § 44) способствовала фонетическая субституция: отверждение к середине XVI в. ряда $\acute{s}$, $\acute{z}$, $\acute{c}$, $\acute{z}$, c' , z' , вследствие чего звук $\acute{s}$, утративший палатальность, "диссонировал" с другими типами палатальных основ перед флексией -i.

Таким образом, с учетом понятия "языковая система" предмет истории какого-либо языка можно определить как изменения, которые происходят между одним состоянием языковой системы (или ее синхронным срезом) и ее последующим (или предыдущим) состоянием. Задача историка языка может быть ограничена изучением изменений в какой-либо частной подсистеме, рассмотрением нескольких срезов и изменений, произошедших, начиная со среза, выбранного им за исходный для анализа, до состояния, избранного конечным в рамках данного исследования. Например, исследуя польский язык XVIII в., И.Баерова выделяет в нем четыре среза и анализирует изменения, происходящие на протяжении этих четырех периодов. Не давая полного описания языковой системы XVIII в., исследовательница ограничивается материалом, в котором отразились три, по ее мнению, наиболее существенные тенденции развития языка XVIII в.: упрощение, семантизация и унификация польского языка ⁴.

При анализе всего исторического процесса развития польского языка с момента выделения его из праславянского единства до новейшего времени (а именно эта задача решается в курсе истории польского языка) на современном уровне развития исторической фонологии возможно представить историю фонологической системы как ряд изменений ее отдельных срезов. Однако отсутствие исследований, например, по морфологии определенных периодов (причем имеющиеся работы представляют собой описание не морфологической системы того или иного периода, а отдельных изолированных явлений, частных подсистем или их фрагментов и в лучшем случае, подобно работе И.Баеровой, описание на уровне тенденций для того или иного периода) и

4 Baerowa I. Kształtowanie się systemu polskiego języka literackiego w XVIII wieku. Warszawa etc., 1964.

полная неизученность синтаксиса не позволяют представить историю изменения этих уровней как последовательную смену одних состояний другими. Поэтому мы ограничиваемся выделением основных тенденций в развитии каждой из частеречных подсистем и в истории лексической подсистемы.

В истории языковой системы на разных ее уровнях большую роль играют процессы конвергенции и дивергенции, хотя ими безусловно не исчерпывается сложный характер исторического развития любого языка⁵. Процесс дивергенции - это тенденция к расхождению, распаду некогда единого элемента на ряд других. Пример дивергенции на фонетическом уровне: развитие на месте ё звуков е и а (см. § 31.2).

Конвергенция - это тенденция к схождению, совпадению, слиянию в один элемент некогда различающихся элементов. Примером конвергенции, в частности, является совпадение в древнепольском языке в конце XIII в. двух праславянских носовых в одном а-образном гласном (см. § 32.1). Не случайно понятия дивергенции и конвергенции введены в арсенал лингвистических терминов представителями Казанской школы в первую очередь для фонетических фактов: именно для фонетического уровня эти процессы наиболее характерны.

Конвергенция и дивергенция могут быть результатом имманентного (внутреннего) развития языковой системы или внешнего воздействия (например, в случае влияния другого языка). В то же время и вхождение в данную языковую систему какого-либо заимствованного элемента обусловлено особенностями внутренней структуры данной системы, поскольку одни заимствования устанавливаются в языке, а другие утрачиваются.

Для исторической морфологии и морфонологии большое значение имеют процессы аналогии (или аналогические процессы), на роль которых в истории языка обращали особое внимание младограмматики. Результат действия аналогии представлен, например, в морфонологии обобщением звукового облика основы - утратой алломорф типа древнепольских им.п.ед.ч. *pkieł*, *psiek* - косвенные падежи *piekł-*, *piesøk-*, трансформировавшихся в единую основу *piekł-* и *piesøk-* (см. § 31.4). Примером действия аналогии в морфологии является омонимия падежных форм (падежный синкретизм) числительных, во мн.ч. существительных, местоимений и др.

На морфологическом, словообразовательном, лексическом уровнях встречается также такое явление, как контаминация - объединение в одном составном элементе двух (или более) простых элементов, которые в свою очередь представляют собой компоненты других составных элементов. В результате контаминации, по мнению историков

⁵ О роли процессов дивергенции и конвергенции в истории языка см.: Мартынов В.В. Язык в пространстве и времени. М., 1983.

польского языка, появилась, например, глагольная диалектная флексия 1-го л. мн.ч. -та, объединившая в своем составе а из флексии 1-го л.дв.ч. -wa и т из флексии 1-го л.мн.ч. -ту (см. § 78). Контаминационного происхождения, например, форма тв.п. *czieremi*, отмечаемая в памятниках с конца XVI по XVIII в. и возникшая как объединение двух других новообразований XVI в. - форм *czierema* и *cziermi* < *czytyrzm* (см. § 73).

В арсенале терминологических средств историка языка находятся и частные лингвистические понятия, например диссимилиция и ассимиляция в исторической фонетике, опрощение в историческом словообразовании, переразложение, или перинтеграция (передвижка морфемных границ) в исторической морфологии и др.

§ 5. Польский язык и другие западнославянские языки в отношении к праславянскому

По традиционному представлению славистики 60-х гг. о реальности существования праславянского языка, в отличие от понимания его как реконструируемой условной системы, монолитное развитие праславянского языка охватывало следующие периоды: период после распада индоевропейского праязыка, период балто-славянской общности (или, по мнению ряда исследователей, балто-славянского праязыка) и период после распада балто-славянской общности.

В эпоху до диалектного членения праславянского единства происходили такие фонетические процессы, как утрата слоговости сонантов, изменение *s* после *i*, *u*, *g*, *k* (появление звука *x*), переход *m* > *n* на конце слога.

Названные процессы лингвистически характеризуют период балто-славянской общности. На этапе ее распада происходят изменения согласных *s*, *j*, изменения гласных *ö* > *ě*, *ÿ* > *ÿ*, *u* > *i*, *e* > *a*. До утраты закрытых слогов появляются сверхкраткие *ъ* и *ь* из *ÿ* и *ï* и *y* < *u*. Предполагается, что все эти процессы завершились к III-II вв. до н.э.

С последних веков до н.э. начинает действовать закон открытых слогов, который определяет развитие праславянского языка в течение всей первой половины I тысячелетия н.э. Начало действия этого закона совпало по времени с самыми древними диалектными членениями внутри праславянского языкового единства, так как к этому времени относятся первые передвижения славян на запад и восток с территории предполагаемой прародины славян⁶. Следствием этого движения славян является возникновение первых праславянских изоглосс⁷, выделе-

6 О различных теориях по вопросу прародины славян см.: Б е р н ш т е й н С.Б. Указ.соч.

7 Изоглосса — термин лингвистической географии, обозначающий наносимые на карту линии, объединяющие территории с одинаковыми языковыми особенностями.

ние в праславянском языке западного и восточного диалектов (конец веков до н.э. - I-II вв. н.э.).

Предки поляков и кашубов, чехов и словаков, лужичан и вымершего в середине XVIII в. славянского населения бассейна Эльбы-Лабы, известного под именем полабских славян, т.е. представители языков, которые мы называем западнославянскими, принадлежали к носителям западного диалекта. Предки южных и восточных славян — к носителям восточного диалекта. Ко времени формирования западного и восточного диалектов относятся и первые упоминания о славянах в исторических источниках под именем антов, склавинов и венедов (I-II вв. н.э.).

Говоря об изоглоссах, которые образуют первые изоглоссные области, имеют в виду определенный их вид: изофоны, т.е. линии, охватывающие территории с одинаковыми фонетическими особенностями. Это объясняется тем, что фонетическая база как праславянского языка, так и современных славянских языков является наиболее изученной. Создатели сравнительного языкознания, и на домладограмматическом этапе его развития, и младограмматики, в первую очередь устанавливали фонетические соответствия в родственных языках, исследовали фонетические закономерности их развития.

Предки западных славян продвигались в двух направлениях: в западном и юго-западном. Известно, что в VI-VII вв. они занимали обширные территории между Одером и Эльбой, в том числе и левый берег Эльбы, бассейны Вислы и северных притоков Дуная. Позже западные славяне продвинулись еще дальше на запад и юго-запад. Заняв область всей восточной Германии, славяне соприкасаются здесь с местными племенами, которые позднее были ассимилированы славянами. О контактах с германцами свидетельствуют соответствующие заимствования в славянских языках, в том числе географические наименования (ср. ороиии *Ślęza*) и этнонимы (некоторые из них перешли на названия славянских племен: например, *руяне* от германского этнонима *ругии*, *сленжане* — от *силинги*, *варны* — от *варины*).

Древнейшей праславянской изоглоссой, которая объединяет носителей западного диалекта, противопоставляя их носителям восточного диалекта, является отсутствие архаических сочетаний *tl, dl*. В восточном диалекте произошла утрата первого элемента. Ср. польск. *plotła, wiodła, mydło*, чеш. *pletla, vedla, mýdlo* и рус. *плела, вела, мыло*.

В научной литературе существуют разные объяснения этого явления. Так, Н.С.Трубецкой причину неодинаковой судьбы этих сочетаний у предков западных и предков южных и восточных славян усматривал в различиях слогораздела: в западном диалекте *tl* и *dl* принадлежали разным слогам (*myd|lo*), а в восточном — одному слогу (*my|dlo*). Таким образом, он признавал, что закон открытых слогов мог не действовать в западном диалекте праславянского языка. Разви-

вая идею Н.С.Трубецкого о различии слогораздела у предков западных славян, с одной стороны, и у предков восточных и южных славян, — с другой, М.Рудницкий в статье "Grupy tl, dl w językach słowiańskich" (1927) делает вывод о более ранней утрате в западнославянских языках сильной тенденции к открытости слогов и сохранении вследствие этого неупрощенных сочетаний tl, dl.

Иной точки зрения придерживается С.Б.Бернштейн в "Очерке сравнительной грамматики славянских языков". Он упрекает Н.С.Трубецкого в логически вытекающем из его гипотезы положении о возможности недействия закона открытого слога в некоторых случаях в западном диалекте. С.Б.Бернштейн дает чисто физиологическое, артикуляционное объяснение факту наличия архаизма у предков западных славян и развития инновации у предков южных и восточных славян: сохранившиеся в западном диалекте tl, dl представляли собой сочетание "двух самостоятельных артикуляций" (два самостоятельных звука), в то время как в восточном диалекте ^чl, ^дl являлись "единым артикуляционным целым" (один звук), первая часть которого — взрыв — утратилась. Такое предположение должно подкрепляться данными экспериментальной фонетики о большей способности к утрате части "единого артикуляционного целого" по сравнению с одним из двух самостоятельных звуков.

В отдельных районах славянского ареала мог быть и третий вариант. Сочетания tl, dl не сохранились, но изменились либо в kl, gl (отмечалось в диалекте древнего Пскова, известно северо-западным говорам словенского языка, кашубскому, мазовецким говорам, при этом изолексы mgly, mgłoś по заходят на территорию и других польских диалектов), либо в ll.

Исследователи по-разному трактуют эти факты. Так, французский славист Вайян считал наличие kl, gl, ll эквивалентным наличию tl, dl: и в том и в другом случае перед l представлен согласный. На основании того, что у некоторых потомков носителей восточного диалекта представлены kl, gl, а не l на месте tl, dl, Вайян отрицал древний характер изоглоссы tl, dl ~ l.

Польский лингвист З.Штибер в работе "Wzajemne stosunki języków zachodniosłowiańskich" иначе смотрит на эту особенность, считая ее реализацией одного из направлений утраты затвора в сочетаниях tl, dl. Таким образом, по мнению З.Штибера, некоторой части западнославянской территории (польские говоры Мазовшья и Малой Польши, кашубский язык) также свойственна утрата tl, dl, как и для восточных и южных славян. При этом kl, gl, отмечаемые в русском и словенском языках, представляют частный вид утраты tl, dl и не нарушают южно-восточнославянскую закономерность.

С.Б.Бернштейн считает появление *kl, gl, ll < tl, dl* частными, локальными процессами, не отрицающими древности праславянской изоглоссы.

Более поздней по времени, но тоже очень древней изоглоссой, противопоставляющей западный и восточный диалекты праславянского языка, является результат II палатализации для задненёбного *x*. После такого проявления действия закона открытых слогов, как монофтонгизация дифтонгических сочетаний, возникли новые сочетания задненёбных *k, g, x* с дифтонгическими по происхождению гласными переднего ряда *ě (ě2)* и *i*. До действия этого закона таких сочетаний не было, так как старые сочетания *k, g, x* с последующими гласными переднего ряда изменились еще в период монолитного развития праславянского языка в шипящие *č, ž* (рано утратив смычку, *ž* перешло во всех диалектах праславянского языка в *ž*), *š* - I праславянская палатализация. Ср. рус. *могу - можешь, пеку - печешь* и польск. *mogę - możesz, piekę - pieczesz*. Возникшие новые сочетания задненёбных с *ě* и *i* изменились. *K* и *g* одинаково преобразовались у носителей и западного и восточного диалектов: *k ~ c* (ср. польск. *Polska - Polsce*, др.-рус. *РОУКА - РОУЦЬ, ОТРОКЪ - ОТРОЦИ*, чеш. *babička - babičce*), *g ~ z* - во многих языках смычка утратилась и *z > ž* (ср. польск. *oga - podze*, в чешском в период самостоятельного развития языка *ž > z*, а *g > h*: *Volha - Volze*, др.-рус. *НОГА - НОЗЬ, ДРОУГЪ - ДРОУЗИ*). Судьба же *x* перед *ě2* и *i* в восточном и западном диалектах была различной: в западном *x* изменилось в *š* (ср. польск. *mucha - musze*, др.-польск. *mniszy, grzeszech*), а в восточном - в *s'* (ср. бел. *муха - мусе, саха - сасе*, укр. *соха - соси*). В современном русском языке в склонении существительных не сохранилось результатов палатализации *x ~ s'*, как, впрочем, и изменений *k ~ c* и *g ~ z*, вследствие морфологического процесса аналогического выравнивания звукового облика основы по большинству форм, но в древнерусском были закономерные формы типа *СОХА - СОСЪ, МОУХА - МОУСЪ, ПОСЛОУХЪ - ПОСЛОУСИ* и т.п.

Следующей изоглоссой, конституирующей восточный и западный диалекты праславянского языка, является различная в этих диалектах судьба сочетаний *kv, gv* перед дифтонгическим *ě (ě2)*. В западном диалекте сохранились эти сочетания, *k* и *g* не подверглись в них II палатализации: ср. польск. *kwiat, gwiazda*, чеш. *květ, hvězda*. В восточном диалекте произошла II палатализация *k* и *g* в сочетании с *v* перед *ě (ě2)*: ср. рус. *звезда, цвет*, болг. *цвет*. Причину различной судьбы этих сочетаний С.Б.Бернштейн, в частности, как и для групп *tl, dl*, усматривает в различии артикуляции. Если в западном диалекте смягченное *v* перед гласным переднего ряда не оказывало ассимилирующего воздействия на *k* и на *g*, то в восточном диалекте сочетания *kv, gv* произносились так, что *ě* оказывало воздействие на *k* и *g*.

Древнейшей изоглоссой являются также различные результаты III палатализации для задненёбного х. Все три палатализации связаны с задненёбными k, g, x. В отличие от I и II палатализаций, которые были регрессивными (на качество предшествующего согласного воздействовал последующий гласный переднего ряда или сонант), III палатализация была прогрессивной: k, g, x подвергались изменениям после гласного переднего ряда (ь, ѣ, і, ѣ'), т.е. на качество согласного влиял предшествующий ему гласный.

Результаты II и III палатализаций различаются по степени мягкости образовавшихся звуков: если результаты II палатализации являются полумягкими (палатализованными), то результаты III палатализации - это мягкие (палатальные) звуки, т.е. k ~ c', g ~ z', x ~ š' в западном диалекте и x ~ s' в восточном диалекте. Примеры: *овька > овьс'а, *děvika > děvic'a; *mъ'kati > mъ'c'ati; *къп ѣгь > къп ѣз'ь; *въхъ > корни vs' - в западном и vs' - в восточном диалектах (ср. рус. *весь* и польск. *wszystek*).

Разная судьба сочетаний tj и dj и наличие - отсутствие вставного l после губных в начальной позиции относятся к расхождениям между западным и восточным диалектами в результатах изменения некоторых долгих смягченных согласных, возникших из сочетаний c j в эпоху балто-славянской общности. По мнению С.Б. Бернштейна, восходящему к предположению А.М. Селищева⁸, в период балто-славянской общности началась активизация j, который, оказывая ассимилирующее воздействие на предшествующий согласный, вызывает передвижку его "в область собственно твердонёбной артикуляции (передненёбной и средненёбной)"⁹. Все предшествующие согласные при этом смягчались, поглощая j, и в результате такой взаимной ассимиляции j и предшествующего согласного образовывались долгие смягченные согласные, большинство которых утрачивается довольно рано. При утрате мог развиваться вторичный палатальный элемент (призвук) и могло происходить сокращение долготы без развития призвука, как в ряду ġ', Ĩ', p̄'. Призвук развивался, в частности, у задненёбных, причем в них аналогичный процесс образования долгого смягченного и его утраты путем развития призвука происходил и перед гласными переднего ряда. Долгие задненёбные изменились в č, ž (ž), š. Таким образом, в рамках указанной концепции I палатализация задненёбных рассматривается как частный случай изменения согласных с j.

Губной ряд p̄', b̄', m̄', v̄' в позиции начала слова также утратил долготу путем развития призвука, ставшего со временем самостоятельной артикуляцией l (эпентетическое l) и в западном и в восточном диалектах: ср. рус. *плевать*, польск. *pluć*, чеш. *plivat*. А в начальной

8 См.: Селищев А.М. Славянское языкознание. Т. I. Западнославянские языки. М., 1941. С. 21.

9 Бернштейн С.Б. Указ.соч. С. 166.

позиции на стыке морфем судьба $\bar{r}'$, $\bar{b}'$, $\bar{m}'$, $\bar{v}'$ различалась у предков южных и восточных славян (за исключением предков болгар). В восточном диалекте призвук развился в самостоятельную артикуляцию и в ненадлежащей позиции, а у западных славян и предков болгар, по всей видимости, если и возникал, то рано утратился. Ср. польск. *ziemia*, *grabcie*, чеш. *země*, *hrábě*. Современные формы с сочетанием "губной + l" на стыке морфем - позднейшие образования (ср. до XV в. в польском представлены *kropia*, *grobia*, которым в современном языке соответствуют *kropia* и *grobia*). Многие слова подобного типа относятся к заимствованиям: украинизм *hodowla*, германизм *tafla* и др. Различна также в восточном и западном диалектах судьба долгих смягченных $\bar{i}'$, $\bar{d}'$, которые сохраняются в славянских языках в течение длительного времени и начинают изменяться лишь в эпоху первых диалектных членений праславянского языка. Вероятно, изменение *tj*, *dj* происходило раньше, чем утрата призвука l на стыке морфем у западных славян, поскольку по изменениям *tj*, *dj* все предки западных славян отличались от всех предков восточных и южных славян, а по результату развития $\bar{r}'$, $\bar{b}'$, $\bar{m}'$, $\bar{v}'$ на стыке морфем западные славяне объединяются с болгарями, противопоставляясь остальной части южного славянства и восточным славянам.

Утрата долготы в $\bar{i}'$, $\bar{d}'$, как и в задненёбных, осуществлялась путем развития вторичного палатального элемента, качество которого у носителей западного и восточного диалектов было различным: в западном диалекте развился свистящий призвук, а в восточном - шипящий. В западном диалекте: $\bar{i}' > \bar{i}^2 > c'$ (*světja > польск. *świeca*, чеш. *svíce*); $\bar{d}' > \bar{d}^2 > z'$ (*medja > польск. *miedza*, чеш. *meze*). В восточном диалекте: $\bar{i}' > \bar{i}^3 > č'$ (*světja > рус. *свеча*, болг. *свец*, серб.-хорв. *свећа*); $\bar{d}' > \bar{d}^2 > ž$ (*medja > рус. *межа*, серб.-хорв. *међа*).

Аналогично группам *tj*, *dj* изменились и сочетания *kt'* и *gt'* перед гласными переднего ряда. Ср. *noktis > польск. *noc*, рус. *ночь*, укр. *ніч*, бел. *ноч*; *rekti > польск. *piec*, чеш. *pěci*, рус. *печь*.

Традиционно к древнейшим признакам, по которым противопоставлялись западный и восточный диалекты праславянского языка, относится также явление стяжения гласных вследствие выпадения интервокального j (контракция). Например, словацкий лингвист Р.Крайчович считает данное явление древнейшей праславянской изоглоссой. Н.С.Трубецкой, рассматривая вопрос о хронологическом соотношении процессов падения слабых еров и контракции и выступая против предположения Ф.Травничека об одновременности этих процессов, полагал, что контракция произошла у западных славян до падения редуцированных. В докладе на VI съезде славистов в Праге "Контракция и структура слога в славянских языках" на основе данных славянской диалектологии и материалов памятников С.Б.Бернштейн предполагает, что контракция не только не относится к праславянским

(древним) явлениям, но даже не может служить признаком, по которому все западнославянские языки противопоставляются южно- и восточнославянским. С одной стороны, существует западнославянский язык, в котором отсутствовала контракция (полабский язык), с другой — контракция широко представлена в южных и восточных славянских языках (во всех северновеликорусских говорах, в ряде говоров украинского и белорусского языков, в литературном словенском языке и его говорах, в говорах сербохорватского языка, отмечалась в древнеболгарском языке). Контракция не могла возникнуть, по мнению С.Б.Бернштейна, в праславянском языке, так как до утраты сверхкратких (а этот процесс характеризует уже период самостоятельного развития славянских языков) в праславянском была эпоха силлабем, когда различителем значения выступал слог, состоящий из согласного с последующим гласным (ta, to, tu, te ...). При неизменности границ слога взаимодействие гласных, находящихся в разных слогах (например, oje, aja и т.п.), было невозможно. В различных славянских языках процесс контракции осуществлялся в разное время и не проходил одновременно во всех морфологических категориях. Но во всех славянских языках явление контракции, по мнению С.Б.Бернштейна, происходило после утраты сверхкратких. Факты стяжения в южнославянских языках приводились и Н.С.Трубецким, который, однако, считал, что хронологическая последовательность процессов падения слабых еров и контракции у западных и южных славян была разной: в отличие от западных славян у южных славян падение еров предшествовало утрате интервокального j.

Из рассмотренных изофон пять (tl, dl; kv, gv; x > s/š по II палатализации; x > s'/š' по III палатализации; изменение tj, dj) едины, с одной стороны, для всех западнославянских языков, а с другой - для всех южно- и восточнославянских языков. Шестая изофона (отсутствие - наличие l-epentheticum после губных на морфемном стыке) относится к древним западнославянско-южнославянским (западнославянско-болгарским изоглоссам).

Следующая особенность, которая едина для всех западных славян (исключая словаков), не ограничивается только этой областью, а является древнейшей западнославянско-восточнославянской изоглоссой. Речь идет об изменениях начальных ort, olt, которые в большинстве работ по сравнительно-исторической грамматике славянских языков определяются как более ранние по сравнению с изменениями (метатезой) в tort, tolt (иначе в "Очерке сравнительной грамматики славянских языков" С.Б.Бернштейна). Оба этих процесса - следствие осуществления тенденции к открытости слога.

У предков южных славян и словаков и под акутовой интонацией, и под циркумфлексной интонацией представлен единообразный результат изменения. При гласном носителедолготы в сочетаниях произошла

перестановка: $\bar{ort}, \bar{olt} > rat, lat$ (ср. старославянизмы в рус. *расти, ладья, рало*, словац. *gasti, gavn-*). У предков восточных и западных славян (кроме словаков) характер изменения зависел от интонации. Под акутом гласный был долгим, и произошел тот же процесс, что в южнославянских языках ($ar, al > rat, lat$ - польск. *radło, ramię*). Под циркумфлексом гласный был кратким ($\bar{or}, \bar{ol}$), что дало в результате *ro, lo*: польск. *robić, robota, równy, łódź*.

Наряду с изофоновой *ort, olt* к западнославянско-восточнославянским изоглоссам А.М.Селищев относил также изоморфу - обобщение флексии тв.ед.ч. в древних * $\bar{o}$ -основах по типу * $\bar{i}$ -основ (*bratъь* как *супъь* вместо этимологического *bratowъь*, представленного в "раннее историческое время" у предков южных славян).

Прежде чем проанализировать результаты метатезы в *tort, tolt, tert, telt* - последнего по времени проявления тенденции открытого слога, необходимо рассмотреть, какие группы диалектов существовали в восточном и западном диалектах праславянского языка, поскольку результаты метатезы в *tort, tolt* и другие особенности противопоставляют внутри западнославянского ареала одну группу другой, что свидетельствует об образовании изоглоссных областей в пределах западного диалекта праславянского языка.

§ 6. Польский язык как представитель лехитской группы западнославянских языков

Диалектное членение существовало, как уже отмечалось, и внутри западного и восточного диалектов праславянского языка. В восточном диалекте традиционно выделяют центральный поддиалект (язык предков носителей современных южнославянских языков) и восточный (язык предков современных восточных славян), в западном диалекте различают северную (лехитскую) группу языков и южную (чешско-словацкую). Наиболее единым из этих поддиалектов был восточный (ср. функционирование древнерусского языка как единого языка восточных славян).

Название северного поддиалекта "лехитский" искусственно образовано от латинизированного этнонима *Lech*, употребленного в хронике Винцента Кадлубека. Так называли поляков их северные, восточные и южные соседи (ср. литов. *Leĩkas*, венг. *Lengyel*, рус. *лях*). Кроме польского в лехитскую группу входят также язык поморян (из которых сохранился кашубский - в настоящее время диалект польского языка) и полабский. Серболужицкие языки занимают переходное положение от лехитской группы к чешско-словацкой, поскольку имеют особенности обеих групп языков.

В средние века лехитские племена занимали территорию от Западного Буга на востоке до среднего течения Эльбы на западе и от Балтий-

ского моря на севере до северных отрогов Карпат и северо-восточных склонов Судет на юге. В лехитской группе в свою очередь выделяются западная группа и восточная (поляки). На основании исторических данных, изучения топонимии удалось выявить состав западнолехитских племен. К ним, в частности, относились славяне в районе Люнебурга. Записи их языка известны под названием полабского языка. Т.Лер-Сплавинский¹⁰ выделяет четыре группы этих племен: союз ободритов (куда наряду с ободритами входили древляне, полабяне, вагры и другие племена); велецкий союз, во главе которого стояли лютичи- велеты; жители острова Рюген (Ругии) - руяне (или рояне, ране); поморяне, которые в свою очередь распались на две группы - западнопоморскую и восточнопоморскую. Кашубы и исчезнувшие уже в XX столетии словинцы, язык которых подробно описан Ф.Лоренцем, являются остатками восточнопоморских племен.

Какие же языковые особенности объединяют лехитов, отличая их одновременно от предков чехов и словаков?

Во-первых, это ряд языковых фактов, выделенных С.Б.Бернштейном в так называемые болгаро-лехитские изоглоссы - древние явления, сформировавшиеся до II в. н.э., до начала продвижения носителей центрального поддиалекта на юг, к Карпатам. До этой миграции носители центрального поддиалекта тесно контактировали с предками поморян и полабян. Следствием контактов помимо одинаковой судьбы r' , $\bar{b}'$, $\bar{m}'$, $\bar{v}'$ на морфемном стыке, объединяющей болгар со всей западнославянской группой, явились три болгаро-лехитские изофоны: 1) совпадение монофтонгического $\dot{e}$ и дифтонгического $\dot{e}_2$ в звуке широкого образования $\dot{a}$ при обобщении у остальных славян узкого варианта $\dot{e}$; 2) делабиализация носового заднего ряда (лех. a^o , болг. a^b), в то время как на остальной территории носовой заднего ряда был лабиализованный (у словенцев o , у остальных славян o); 3) сохранение смычки в z . z' - результатах II и III палатализаций; следует отметить, что у лехитов эта особенность более устойчива: впоследствии смычка утратилась только у кашубов, а у болгар она сохранилась лишь в западных говорах. У лехитов выше и частотность звука z , поскольку он представлен и на месте сочетания dj .

Следующая лехитская особенность - специфика изменений в группах $tort$, $tolt$ ... - является одновременно лехитско-восточнославянской изоглоссой. Причину такого расхождения в метатезе у различных групп славян А.М.Селищев видел в том, что в слогах с сочетанием гласного с сонантом, которые всегда были долгими, у предков лехитов и восточных славян долгим был сонант, а у предков южных славян и чехов и словаков - гласный. В результате у носителей центрального

¹⁰ Lehr-Splawinski T. Język polski. Pochodzenie, powstanie, rozwój. Warszawa, 1978. S. 52.

поддиалекта, чехов и словаков процесс реализации тенденции открытого слога развивался следующим образом: $to\bar{r}t, to\bar{l}t, te\bar{r}t, te\bar{l}t > ta\bar{r}t, ta\bar{l}t, te\bar{r}t, te\bar{l}t$. В этих сочетаниях изменяется слогораздел (например, $ta|rt$), у г и л развивается слоговость ($ta\bar{r}t, ta\bar{l}t, te\bar{r}t, te\bar{l}t$). Краткий сонант утрачивает слоговость и вновь примыкает к первому слогу, что вызывает перестановку: $tr\bar{a}t, tl\bar{a}t, tr\bar{e}t, tl\bar{e}t$ (ср. чеш. *kráva, břeh, sláma, král*).

У восточных славян и лехитов при изменении слогораздела у долгого сонанта развивалась побочная слоговость, которая утрачивалась путем развития вокального элемента после сонанта, совпадающего по качеству с гласным, предшествующим сонанту: $to|g\bar{t}, to|l\bar{t}, te|g\bar{t}, te|l\bar{t} > to\bar{g}^o t, to\bar{l}^o t, te\bar{g}^e t, te\bar{l}^e t$. Со временем вокалический призвук превращается в самостоятельный гласный, причем у лехитов этот процесс сопровождается редукцией гласного, предшествовавшего сонанту ($to\bar{g}^o t > t^o\bar{g}ot > trot \dots$: ср. польск. *krowa, brzeg, mleko, król* [ó < ō]), а у восточных славян он осуществляется при сохранении гласного, что приводит к полногласию ($to\bar{g}ot, to\bar{l}ot, te\bar{g}et, te\bar{r}et$: ср. рус. *корова, берег, молоко, король*).

Этап утраты гласного, предшествовавшего сонанту, относится, в частности, в польском языке уже к историческому периоду развития, поскольку в древнепольских памятниках представлена вокализация $\bar{y}$ в предлоге перед словом с сочетанием *trot* (типа *we głowie*), т.е. редуцированный "ведет себя" как перед слогом со сверхкратким в слабой позиции, который, вероятно, и произносился между г и л.

На севере лехитской территории известны случаи отсутствия перегласовки в $to\bar{r}t$ (т.е. совпадение с результатом $tr\bar{y}t$ — см. § 31.3): сохранившиеся топонимы *Stargard, Nowogard*, примеры без метатезы в кашубском (*varna* 'ворона') и в древнепольских памятниках (*zgardzenie, charka, rozgard, zagardywali*), нет перегласовки в полабском языке (ср. *korvo* 'корова'). Явления подобного рода отмечаются и в среднеболгарских памятниках. Наличие примеров без перестановки в окраинных районах распространения праславянского языка (у северных лехитов и в южноболгарских говорах) свидетельствует о том, что метатеза в $to\bar{r}t$ — последнее по времени проявление закона открытых слогов. Одновременно отсутствие нарушения метатезы в $og\bar{t}$ наряду с зависимостью этих изменений от древних интонационных отношений (при отсутствии подобной связи с интонацией для метатезы в $to\bar{r}t$) делают более убедительным предположение о более древнем характере метатезы в начале слова.

Время действия метатезы в $to\bar{r}t$ можно определить и с помощью абсолютной хронологии. Разное отражение в славянских языках имени создателя империи франков Карла Великого (ок. 742-814) — польск. *król*, чеш. *král*, рус. *король* — доказывает, что метатеза еще действовала в IX в. Невозможно установить, однако, было ли это действие самой фонетической закономерности, осуществляемой по всем выде-

ленным нами стадиям, или здесь представлено следствие фонетического закона: адаптация заимствований по существующим в языках фонетическим моделям.

Следующая особенность лехитской группы языков связана с лехитскими носовыми. По этому вопросу среди исследователей нет единого мнения. Так, польские ученые считают важной особенностью лехитской группы сохранение праславянских носовых, называя их лехитским архаизмом, отличающим лехитов от остальных славян, утративших носовые. Топонимы Dambene, Dambeke (соотносятся с апеллятивом *doby) свидетельствуют, что у западных лехитов были носовые. Некоторые историки языка отмечают даже усиление назальности у лехитских носовых¹¹.

Иная точка зрения у С.Б.Бернштейна. Среди особенностей пралехитского диалекта он отмечает раннее распадение носовых, выделение назальности в самостоятельную артикуляцию (типа г а °ка > гапка) до общего процесса деназализации в остальных славянских языках. Носовые, по мнению С.Б.Бернштейна, сохранялись только на территории современных келецко-сандомерских (северомалопольских) говоров, в которых в настоящее время как раз отсутствуют носовые гласные. Таким образом, по этой гипотезе носовые в польском языке, за исключением келецко-сандомерских говоров, где произошел общеславянский процесс деназализации, нового происхождения: они вновь появились в период, предшествующий первым памятникам с польскими глоссами.

Эта гипотеза вызывает возражения. Во-первых, она предполагает нарушение тенденции открытого слога, который еще действовал на уровне процесса или фонетического правила, как уже отмечалось, в IX в., причем нарушение это касалось бы не окраинных районов распространения славянства, как в случае с *logi*, а всей лехитской группы, южная часть которых (малопольяне, силезцы) занимала вполне "среднее" положение на географической карте славянского мира. Во-вторых, слишком краток период отсутствия носовых у лехитов, поскольку уже в XI в. в латинской хронике с польскими глоссами (хроника Титмара) представлено сочетание *ep* на месте *ę* (например, *Suentepulcum*). Можно было бы возразить, что такое написание отражает стадию расподобленного произношения "бывшего" носового. Однако тогда мы вынуждены усматривать такой характер произношения вплоть до появления знаков *ę* и *ą* (т.е. до второй половины XV в.), поскольку даже наряду с используемыми с конца XIII в. знаками *ŕ*, *phi* и т.п. для обозначения совпавших в одном качестве двух различных праславянских носовых во многих памятниках (а нередко и в памят-
11 Kłemensiewicz Z., Lehr-Splawinski T., Urbanczyk S. *Gramatyka historyczna języka polskiego*. Warszawa, 1964. S. 34.

нике с *ŕ*, *ŕ* и т.п.) используются орфограммы *ap*, *am*, отражающие традиционный способ передачи средствами латинской графики отсутствующих в системе латинского языка фонем. Дискуссия о происхождении литературного языка показала, что по написанию носовых невозможно определять качество ринезма (см. § 9). Важно то, что носовые как фонемы, несомненно, существовали в XI в.

Историки польского языка иначе объясняют и утрату ринезма в келецко-сандомерских говорах.

Следующая особенность, отличающая лехитскую группу от чешско-словацкой — это вокализация сонантов *ɣ*, *ɟ* (см. § 31.3). У чехов и словаков слоговые сонанты сохранились. Вокализация сонантов характерна и для серболужицких языков.

Историки польского языка относят к общелехитским явлениям также перегласовки *ě*, *ę* и *ǫ* перед *t*, *d*, *s*, *z*, *n*, *r*, *l* в *a*, *a* и *ag*. С.Б.Бернштейн рассматривает эти процессы как собственно польские, которые могли осуществиться только после фонологизации категории твердости-мягкости, т.е. лишь после падения слабых редуцированных.

Существуют и особенности, отличающие западных лехитов (в том числе и кашубов — последних представителей поморских славянских диалектов) от восточных (поляков): 1) единообразная замена переднего и заднего сонантов *ɟ*' и *ɟ*: кашуб. *wolk*, *dolgi*, *pãlni* (польск. *wilk*, *długi*, *pełny*); 2) сохранение мягкости перед *ar* < *ɣ*'; *cv'ardi*, *m'artvi* (ср. польск. *twardy*, *martwy*); 3) сохранение неметатезированных сочетаний *tort* типа *Starogard*.

Итак, мы рассмотрели особенности польского языка как представителя восточнолехитской группы, одновременно выявив ряд явлений, которые образуют древнейшие изоглоссы на карте славянства. Фонетические особенности польского языка как западнославянского конституируют следующие фонетические признаки: сохранение архаизмов *il*, *dl* и *kv*, *gv*, шипящий резульат *x* по II и III палатализациям, развитие свистящего призвука в *t'*, *d'* < *tj*, *dj* (и аналогичное изменение групп *kt'*, *gt'* > *c'*), отсутствие эпентетического *l* на стыке морфем (эта особенность объединяет предков западных славян и болгар), различие в изменениях начальных *ort*, *olt* под циркумфлексом и акутом. Последняя особенность представляет собой одновременно восточнославянско-западнославянскую (исключая словаков) изоглоссу.

Историки польского языка выделяют и некоторые морфологические признаки западнославянской группы: обобщение флексии тв.п.ед.ч. *ŷ-основ у существительных древних *ǫ-основ (особенность, объединяющая западных славян с восточными), окончание *-ě* в род.п. ед.ч., им.-вин.п. мн.ч. основ на **-ja* и вин.п. мн.ч. основ на **-jǫ* м.р., образование указательного местоимения *ten* из сочетания морфем *tъ + *пъ (<*опъ) в отличие от удвоения *тътъ (ср. рус. *тот*) или сочетания *tъ + *jъ (болг. *тай*, укр. *той*)¹²; и наличие в род. и дат.п. ед.ч. сложных

прилагательных флексий *-ego*, *-eti* в отличие от *-ogo*, *-omi* (по типу местоимения *тъ) или при стяжении преобладания окончания первого члена (ст.-сл. ДОБРААГО), хотя *-eg-*, *-em-* известно и одному южнославянскому языку - словенскому. К общим для западных славян морфологическим инновациям относятся совпадение 3-го л.мн.ч. аориста и имперфекта вследствие распространения флексии имперфекта на аорист (чеш. *-chu*, польск. *-chą*), обобщение в аористе форм *с е* и отсутствие форм *с och* в глаголах I и II классов: 1-е л.ед.ч. *nesexъ*, *vedexъ*, 1-е л.мн.ч. *nesexomъ*, *vedexomъ* и др. (см. § 86).

Польский язык как представитель лехитской группы характеризуется: 1) широким *ä* на месте *ĕ*₁ и *ĕ*₂; 2) делябиализованным характером носового заднего ряда; 3) сохранением затвора в *з*, *з'*; 4) особенностями изменения в группах *torĭ ...*; 5) вокализацией сонантов *ŕ'*, *ĭ'*, *ŕ*, *ĭ*; 6) отсутствием метатезы в *torĭ* на севере лехитской области; 7) сохранением (по С.Б.Бернштейну - гипотетической утратой) праславянских носовых; 8) переходом гласных *ĕ* (*ä*), *ĕ*, *ŕ'* в позиции перед *t*, *d*, *s*, *z*, *p*, *g*, *l* в *a*, *ą*, *ag*. При этом перестановка в *torĭ* является одновременно восточнославянско-лехитской изофоной, подобно тому, как изменения начального *orĭ*, *olĭ* - западнославянско-восточнославянской.

В польском языке в качестве восточнолехитского наречия различаются результаты вокализации *ĭ* и *ĭ'* (см. § 31.3) и отсутствует показатель мягкости перед *ar* < *ŕ'* (*twardy* - кашуб. *cv'ardi*).

§ 7. Польские племена и польское государство в IX-X вв.

Во второй половине I тысячелетия н.э. праславянская языковая общность распалась. Наступает период формирования самостоятельных славянских языков.

В IX в. племена, образовавшие впоследствии польскую народность, занимали территорию от нижней Эльбы и Одера на западе до среднего течения Наревы, Буга, Вепша и Сана (правые притоки Вислы) на востоке. На юге территория польских племен простиралась до истоков Одера, Дунайца, Вислока и Вислы, а на севере - до Балтийского моря. Эта территория соответствует современным границам Польши. Здесь жили лехитские племена: *поляне* (занимали район Великой Польши с центрами Гнезно и Познань, впервые название племени встречается в "Житии святого Войцеха", при определении Болеслава Храброго как "*dux Palaniogum*", т.е. "вождь полян"), *висляне* (территория современной Малой Польши, упоминаются, как и *сленжане*, в хронике Географа Баварского IX в.), *сленжане* (от германского этнонима *силлингов*), *мазовшане* (территория современного Мазовья с Варшавой, упоминаются летописцем Нестором), *поморяне* (словинцы и кашубы, жившие на побережье Балтийского моря). Не все эти племена в одинаковой

12 Хотя в древнепольских памятниках встречаются и формы *tello*.

степени родственны в языковом отношении. Относительное языковое единство было характерно только для трех восточнолехитских племен: полян, вислян и сленжан. Об этом свидетельствует наличие в современных говорах, относящихся к данной диалектной территории, таких общих несомненно древних черт, как переход $\text{ǰ}' > \text{e}'$ перед Т (Т = t, d, s, z, n, r, l) типа *reŋny, weŋna* и звонкий тип межсловной фонетики (сандхи). В отличие от полян, вислян и сленжан племена мазовшан и восточных поморян не принадлежали генетически к польскому языковому единству и сами не образовывали какой-то единой языковой группы. Мазовшане от восточных лехитов отличались по глухому типу сандхи и изменению $\text{ǰ}'$ перед Т в oT (тип *roŋny, voŋna* - см. § 25). О принадлежности восточных поморян к западнолехитской группе см. § 6. Таким образом, в древности кашубы и словинцы - племена более обособленные от исконно польской языковой группы, чем мазовшане.

Кроме пяти основных племен, языковые различия между которыми отражают пять основных диалектных групп польского языка (великопольская, малопольская, силезская, мазовецкая и кашубская), в источниках упоминаются и другие племена. Так, племя *лендзян* (*лендлицев* или *ленхов*), вероятно, граничило с восточнославянскими племенами, вследствие чего восточные славяне использовали данный этноним в качестве названия всех поляков.

В X в. названные племена были объединены династией Пястов в первое польское государство. Началось это объединение в правление Мешко I и закончилось при его преемнике Болеславе Храбром. Центром интеграции польских племен стала Великая Польша, т.е. район, населенный племенами полян. Название этого племени, которое буквально означает "жители полей", распространилось на название государства и его граждан - *Polska, Polacy*¹³.

Консолидации польских земель в рамках единого государства способствовало принятие в 966 г. христианства. Как свидетельствуют источники, еще за век до признания христианства официальной государственной религией учение Христа проникло на польские земли благодаря миссионерской деятельности немецкого духовенства.

Эти два общественно-историко-культурных события (создание государства и принятие христианства) способствовали формированию общенационального культурного диалекта, который стал основой образования общенационального литературного языка, развитию письменности на польском языке. В результате принятия христианства по римско-католическому образцу латинский язык вплоть до середины XVI в. выполнял функцию литературного языка поляков, а позднее пережил

¹³ Некоторые исследователи иначе интерпретируют славянский этноним *поляне*, соотнося его с понятием '*исполн, гигант*'. В качестве доказательства приводится наличие феминатива *поляница* - 'женщина-богатырь' в древних русских былинах. (см., напр.: Г у м и л е в Л. Н. Древняя Русь и Великая степь. М., 1989. С. 55.)

период частичного ренессанса. Являясь на протяжении веков языком церкви, науки и литературы, латынь, с одной стороны, не могла не повлиять и на элементы структуры, и, в особенности, на лексику самого польского языка. С другой стороны, в древний период развития польского языка после принятия христианства значительную роль играл чешский язык, который служил посредником в процессе адаптации латинской христианской терминологии и образцом при переводе Священного писания и его отдельных частей на польский язык. В меньшей степени в качестве посредника использовался немецкий язык. Его значение обусловлено тем, что немецкое духовенство активно участвовало в распространении христианства на польских землях, а также участием писцов немецкого происхождения в создании памятников в некоторых районах Польши (в частности, в Силезии). Все эти факты обязательно должны учитываться историком польского языка.

§ 8. Периодизация истории польского языка

Существует несколько периодизаций истории польского языка. Эти периодизации — историко-культурно-лингвистического характера, так как в них учитываются не только внутриязыковые изменения, но и изменения в экстралингвистических условиях функционирования языка в общественной жизни.

З.Клеменевич, Т.Лер-Сплавинский и С.Урбанчик¹⁴ выделяют пять периодов в истории польского языка.

I. Дописьменный период, который охватывает время с момента выделения польского языка из пралехитской группы до 1136 г. К этому году относится первый памятник на латинском языке с польскими глоссами (отдельными словами на польском языке, преимущественно топонимами) — булла римского папы Иннокентия II гнезненскому архиепископу Якубу, в которой устанавливались границы гнезненской епархии (подробнее о булле и других памятниках см. § 10.1).

II. Древнепольский период (или старопольский период) — с 1136 г. до начала XVI в. Этот период связан с появлением первых памятников, написанных на польском языке, перенесением столицы польского государства в Краков, с развитием здесь книгопечатания и выходом в свет первых книг на польском языке.

III. Среднепольский период — с начала XVI до середины XVIII в. Это начальный период развития сформировавшегося на основе древнепольского культурного диалекта (разговорного койне высших образованных слоев и языка польских памятников XIV-XV вв.) литературного польского языка.

IV. Новопольский период, начавшийся с середины XVIII в. и характеризующийся дальнейшим развитием литературного языка.

¹⁴ Klemensiewicz Z., Lehr-Spławiński T., Urbanić S. Op.cit.

V. Новейший период, охватывающий последние 70 лет.

Несколько иначе рассматривал дописьменный период С.Слонский¹⁵. Разделив историю польского языка на два периода - дописьменный и письменный, в дописьменный он включил время до создания первых памятников на польском языке (до начала XIV в.). В этом периоде он в свою очередь выделяет: 1) первый дописьменный период — до конца XI в. (вообще отсутствуют памятники письменности); 2) второй дописьменный период — XII-XIII вв. (появление памятников на латинском языке с польскими глоссами). Периодизация письменного периода, который, по мнению С.Слонского, начинается с XIV в., в основном совпадает с периодизацией З.Клеменевича, Т.Лер-Сплавинского и С.Урбанчика. В письменной эпохе С.Слонский выделяет пять периодов: 1) с начала XIV до середины XVI в. (появление литературного языка); 2) с середины XVI до второй половины XVII в. (бурное развитие литературного языка); 3) вторая половина XVII - конец XVIII в. (время упадка языка); 4) конец XVIII в. (возрождение языка); 5) новейшее время.

Наиболее подробная периодизация представлена в "Истории польского языка" З.Клеменевича¹⁶. Понятие "древнепольский" у З.Клеменевича охватывает дописьменную и письменную эпохи (до начала XVI в.). Дописьменный период завершается 1136 г. С внутриязыковой точки зрения древнепольский период - I период в истории языка - характеризуется изменениями в фонологической и морфологической системах, в лексике, а с социально-культурной, как уже было отмечено, — перемещением центра польского государства в Краков, развитием здесь книгопечатания.

Совокупность этих факторов увенчивается появлением в начале XVI в. собственно польского литературного языка.

II период — среднепольский — длился с начала XVI в. до 80-х гг. XVIII в. и характеризовался внутриязыковыми изменениями в фонологии, словообразовании и словоизменении, синтаксисе. Однако в большей степени выделение этого рубежа связано с реформаторскими преобразованиями эпохи Просвещения, стабилизацией орфографии и другими внешними факторами, определяющими условия функционирования языка. Среднепольскую эпоху З.Клеменевич делит на четыре периода: 1) 40-е гг. XVI в. (переходный период); 2) с 40-х гг. XVI в. до 30-х гг. XVII в. (бурное развитие литературного польского языка, Ренессанс); 3) с 30-х гг. XVII в. до конца XVII в. (начало упадка в языке, связанное с общественно-историческим регрессом, культ так называемого "сарматизма"); 4) первая половина XVIII в. (дальнейший упадок языка и его социально-культурной функции).

¹⁵ Sł o Ń s k i S. Historia języka polskiego w zarysie. Warszawa, 1953.

¹⁶ K l e m e n s i e w i c z Z. Historia języka polskiego. Warszawa, 1974.

III период - новопольская эпоха, охватывающая время с 80-х гг. XVIII в. до 1939 г. Внутри этой эпохи автор выделяет уже собственно социально-историко-культурные периоды: 1) правление Станислава Августа; 2) 1795-1815 г., границы которого определяют III раздел Речи Посполитой (1795) и Венский конгресс (1815); 3) 1815-1831 г. (завершается Ноябрьским восстанием); 4) 1831-1918 г. (завершается приобретением Польшей государственной независимости); 5) межвоенное двадцатилетие (1918-1939).

Даже при выделении "внутренней" и "внешней" истории языка в два различных лекционных курса (соответственно "Историческую грамматику" и "Историю языка") невозможна, по всей видимости, чисто языковая периодизация "внутренней" истории языка. Так, С.Шлиферштайн¹⁷ предлагала следующую периодизацию: I. Дописьменная эпоха (до 1136 г.); II. Письменная эпоха (с 1136 г.). Таким образом, в этой периодизации учитываются источники изучения языковых явлений: реконструкции на материале диалектов польского языка и других славянских языков на I этапе и письменные данные на польском языке на II этапе. Далее дается чисто лингвистическая характеристика каждого из периодов. Так, внутри II периода выделяются два основных синхронных среза: 1) до конца XV в. (т.е. до утраты долготы-краткости гласных - см. § 33.4); 2) с начала XVI в. до настоящего времени. Эта периодизация основана на периодизации Я. Розвадовского (которую повторяет З.Штибер), установленной им только для фонетического (у З.Штибера для фонологического) уровня, без учета данных других уровней. Ср. у Я.Розвадовского использование для периода с 1100 г. до конца XV в. термина "древнопольский", а с середины XVI в. до настоящего времени - "новопольский"¹⁸.

С другой стороны, периодизация письменного периода, предложенная П.Зволинским¹⁹, ориентированная в первую очередь на факты "внешней" истории языка, учитывает внутренние изменения структуры языка: I период - X-XII вв. (появление латинских памятников с польскими глоссами); II период - XIII - середина XV в. (возникновение первых памятников на польском языке); III период - с середины XV до середины XVI в. (характеризуется вторым чешским влиянием, началом формирования литературного языка); IV период - с середины XVI до середины XVII в. (развитие книгопечатания, стабилизация литературного польского языка); V период - с середины XVII до середины XVIII в. (упадок стиля и вкуса при продолжающемся развитии языка);

¹⁷ Лекции по разделу "Историческая фонология польского языка", прочитанные в 1978/79 г. в Институте польского языка Варшавского университета.

¹⁸ R o z w a d o w s k i J. Historyczna fonetyka, czyli glosownia języka polskiego // Rozwadowski J.M. Wybór pism. T.I. Pisma polonistyczne. Warszawa, 1959. S. 73-224.

¹⁹ Эту периодизацию П.Зволинский предложил для настоящего учебника в устной беседе в 1978 г.

VI период - с середины до конца XVIII в. (эпоха Просвещения); VII период - XIX в. (важная роль литературы "кресов" - см. § 30); новейшее время.

Мы опираемся на периодизацию З.Клеменевича без детального рассмотрения каждого из общественно-культурных этапов внутри среднепольского и новопольского периодов. Понятие "древнепольский" относится и к дописьменному периоду, концом которого условно считаем 1136 г. В древнепольском языке мы выделяем два периода: 1) с 1136 г. до начала XIV в. (период отсутствия памятников на древнепольском языке - II дописьменный период по С.Слонскому); 2) с конца XIII - начала XIV по начало XVI в. (этап развития древнепольского языка, отраженный памятниками польской письменности, — I этап письменного периода по С.Слонскому).

§ 9. Дискуссия о диалектной базе литературного польского языка

Сохранившиеся рукописные древнепольские памятники XIV в. свидетельствуют о том, что к XIII-XIV вв., по словам А.М.Селищева, "сформировались элементы польского книжного языка", которые "лежат в основе и современного польского литературного языка"²⁰. В польском языкознании XX в. неоднократно ставился вопрос: какой диалектной основе принадлежали эти "элементы польского книжного языка" - прообраза будущего полифункционального и обладающего разветвленной стилевой системой литературного польского языка. Эта дискуссия, особенно остро протекавшая в межвоенное двадцатилетие и в 50-е гг., так и не дала однозначного ответа на основной вопрос: "Wielkopolska czy Malopolska?"²¹, т.е. на великопольской или малопольской диалектной основе сформировался письменный язык средневековья. Но в ходе дискуссии возникла и развилась историческая диалектология (при этом с целью выявления в древнепольских текстах тех или иных диалектных особенностей были тщательно изучены древнепольские памятники и их графика), обогатилась сведениями и описательная диалектология (в частности, уточнено территориальное распространение тех или иных диалектных особенностей), были поставлены общие вопросы формирования литературного языка, соотношения культурного диалекта донационального периода и литературного языка и др.

Впервые о великопольской основе литературного польского языка упомянул А.Крынский в 1897 г. Но начало дискуссии о диалектной базе польского литературного языка связано в первую очередь с именами А.Брюкнера и К.Нича. К.Нич и его последователи (Т.Лер-Сплавин-

²⁰ Селищев А.М. Указ. соч. С. 282.

²¹ Pochodzenie polskiego języka literackiego. Wrocław, 1956. S. 113.

ский, В.Курашкевич, С.Урбанчик, С.Роспонд и др.) считали, что книжный древнепольский язык сформировался на великопольской языковой основе. Их оппоненты (А.Брюкнер, позднее В.Ташицкий, С.Шобер, Н.Ван- Вейк, А.М.Селищев, Т.Милевский) придерживались мнения о малопольской основе литературного языка. Хотя, например, А.Брюкнер, являющийся автором идеи о малопольской основе литературного польского языка, не отрицал того факта, что в великопольских центрах первого польского государства Гнезно и Познани были, по всей видимости, заложены основы культурного диалекта (Kultursprache), который в свою очередь послужил базой для сформировавшегося в Малой Польше польского литературного языка.

В начале дискуссии сторонники великопольской и малопольской точек зрения на происхождение литературного польского языка отличались:

1) характером аргументации: если "великополяне" (в первую очередь К.Нич) опирались на данные современных диалектов, соотнося их с настоящим и прошлым литературного языка, то "малополяне" (главным образом В.Ташицкий) ориентировались на филологические данные, искали в памятниках подтверждения своим положениям и контраргументов против "великополян";

2) разной датировкой формирования основ литературного польского языка (и, следовательно, содержанием понятия "литературный польский язык"): если "великополяне" считали, что основы литературного языка были заложены еще в виде разговорного койне при дворе Болеслава Храброго в X-XI вв. (впрочем, как уже указывалось, этого не отрицал и "малополянин" А.Брюкнер) и именно этот язык отражен в рукописных памятниках XIV-XV вв., то "малополяне" относили формирование литературного польского языка к более позднему периоду. В частности, В.Ташицкий первоначально определял это время как середину XVI в., полагая, что литературный язык появляется только тогда, когда существует ощущение нормы и ошибки, нарушающей данную норму.

Позднее указанные два различия несколько утратили свою остроту. Так, и сторонники великопольской теории начинают привлекать данные памятников и исторической диалектологии (В.Курашкевич, С.Роспонд), а "малополянин" В.Ташицкий допускает существование определенных общепольских "образцов" (wzór) в XV и даже в XIV в. Большинство же "малополян" придерживалось "умеренного" взгляда и относило формирование основ литературного польского языка к XIII-XIV вв. А.М.Селищев, в частности, приводил историко-культурную аргументацию концепции формирования основ литературного польского языка в Кракове, а не в Великой Польше: незначительное влияние областей Гнезно и Познани на культурно-языковую ситуацию

(миграция по стране королевского двора, его интернациональный характер при слабой представленности польского элемента при дворе).

Рассмотрим некоторые из аргументов "великополян" и "малопольян", выдвигаемых в ходе дискуссии.

Так, К.Нич сделал вывод о великопольской основе литературного языка на основании того, что в литературном языке, как в великопольских говорах, во-первых, отсутствует мазурение, характерное для Малой Польши, во-вторых, представлен узкий тип оральной артикуляции континуантов праславянских носовых гласных (в отличие от широко широкого малопольского типа - ср. § 21), в-третьих, отсутствует малопольский переход конечного $x > k$ (типа *pa pogak, dak*), в-четвертых, отсутствует малопольская флексия *-wa* в 1-м л.мн.ч. индикатива, а также, в-пятых, до XVI в. в литературном языке наличествовало великопольское *ew* после мягких, коррелирующее с *ow* после твердых в дат.п.ед.ч. и им.п.мн.ч. существительных м.р., в патронимическом суффиксе *-ewic*, вошедшем в состав некоторых географических названий.

Т.Лер-Сплавинский к первым пяти аргументам К.Нича добавляет два: 1) представленное еще в древних памятниках совпадающее с великопольским произношением написание *w* в сочетаниях *tw, kw, sw, šw* (типа *twardy, swój, kwiat, świat*), отличающееся от малопольского произношения *f* в этих сочетаниях; 2) совпадение характера ринезма в великопольских говорах и в литературном языке (вокалический перед фрикативными и консонантный перед смычными) при отличии от малопольского вокалического типа перед любым согласным; великопольский тип, по мнению Т.Лер-Сплавинского, представлен в древнепольских памятниках.

"Малополяне" (В.Ташицкий, С.Шобер) опровергли эти аргументы и выдвинули свои контраргументы. Основным упреком К.Ничу и Т.Лер-Сплавинскому было хронологическое приписывание литературному языку и диалектам средневековья особенностей диалектов XX столетия, об истории возникновения которых мало что знали, особенно в начале дискуссии.

Особую проблему составил, в частности, вопрос о первом аргументе К.Нича - мазурении. Если К.Нич считал, что это древняя особенность (какое развитие групп **sj* и **zj* еще в период балто-славянского единства), то "малополяне" полагали, что мазурение позднего происхождения, причем некоторые из них (например, А.М.Селищев) придерживались мнения об иноязычном его источнике (прусском, по мнению А.М.Селищева).

Позднее происхождение мазурения было доказано М.Малэцким с помощью метода относительной хронологии. Он заметил, что ни в таком мазуракающем говоре нет форм типа **m̃asać* (лит. *mieszac*) или **voza* (лит. *wieża*), а представлены формы типа *m̃esać* и *veza*. Это

свидетельствует о том, что мазурение не могло возникнуть до польских перегласовок 'ě > 'a и 'e > 'o, относящихся к IX-X вв. (см. § 31.2). Следовательно, мазурение могло начаться только после X или XI в. Границы мазурения сузил М.Рудницкий, который, объясняя возникновение его "законом идентификации недостаточно различающихся представлений" (prawo identyfikacji wyobrażeń niedostatecznie różniących), полагал, что возможность смешения рядов s, z, c, ʒ и ś, ź, ć, ʒ могла возникнуть после появления третьего ряда ś, ź, ć, ʒ (см. § 32.2). Длительным процессом, начавшимся на рубеже XII-XIII вв. и распространившимся в XVI в., считал мазурение С.Шобер.

С момента появления работы М.Рудницкого (1927) исследователи (Т.Браерский, Х.Гурнович и др.) начинают рассматривать мазурение, во-первых, как исконное явление, а во-вторых, как частный случай смешения рядов s, z, c, ʒ - ś, ź, ć, ʒ - ś, ź, ć, ʒ. При этом верхней границей мазурения считают середину XVI в., после которой мазурение не могло возникнуть, поскольку тогда произошло отверждение ś', ź', ć', ʒ', c', ʒ', что отдалило их от членов палатального ряда ś, ź, ć, ʒ, вследствие чего была утрачена основа для смешения рядов. Однако лингвистическим доказательством позднего происхождения мазурения противоречит один, но значительный факт экстралингвистического характера, который был установлен К.Ничем: совпадение границы мазурения со старыми границами двух групп племенных диалектов (с одной стороны, Великой Польшей, а с другой - Малой Польшей, Силезией и Мазовьем).

Пытаясь установить хронологию мазурения, С.Роспонд и В.Курашкевич исследовали памятники. При этом С.Роспонд выявил наличие двух типов в графике древнепольских текстов - оппозиционный, различающий ряды s-ś (великопольские памятники) и не различающий рядов s-ś (силезские, малопольские и мазовецкие документы). В.Курашкевич пришел к иным выводам: о невозможности филологическим путем установить наличие-отсутствие мазурения при неразличении рядов s-ś и z-ź и у великопольских авторов (например, в Гнезненских проповедях).

Таким образом, даже после многих лет дискуссии вопрос о генезисе и хронологии мазурения, по словам З.Клеменевича, "по-прежнему остается открытым"²². Тем более это явление не может служить аргументом в дискуссии о великопольской или малопольской основе литературного польского языка.

Тот факт, что присущее Малой Польше мазурение никогда не вошло в литературный польский язык, "малополяне", помимо позднего времени его происхождения, объясняли также влиянием чешского языка, которому было чуждо это явление. Роль великопольских старых

²² Kłemeniewicz Z. Op.cit. S.43.

норм "малопольяне" отрицали. К факторам, благоприятствующим тому, что мазурение никогда не характеризовало литературный польский язык, мог принадлежать и давний низкий статус мазовецкого диалекта, из которого, как предполагается, и распространилось мазурение на территорию Малой Польши.

Значение чешского языка в XIV-XVI вв. как "арбитра", определяющего возможность вхождения или невхождения того или иного диалектного явления в формирующийся литературный язык, особо подчеркивал в 50-е гг. З.Штибер.

Также неизвестна была хронология следующих явлений: переход конечного *h* в *k* ("малопольяне" утверждали, что это позднее явление, поскольку В.Ташицкий обнаружил его в памятниках XV в., поэтому и по причине отсутствия в чешском языке оно не вошло в литературный язык); оглушение *v* в *sv*, *kv*, *tv*; обобщение 'ow < 'ew, представленное, как показало изучение памятников, и до XVI в. — в Флорианской псалтыри, Пулавской псалтыри, в Шарошпатацкой библии и даже в великопольских документах; становление типа ринезма в литературном языке и говорах.

Древнепольские тексты XIV-XV вв. одинаково передают оба праславянских носовых знаками *ř*, *ǫ*, *ɨ* независимо от района возникновения памятника (и в созданных в Малой Польше Свентокшиских проповедях, Флорианской псалтыри, Шарошпатацкой библии, и в великопольских Гнезиевских проповедях). Это свидетельствует, по мнению З.Штибера, о господстве в то время на всей территории распространения польского языка вокалического типа произношения. Когда же возник консонантный тип произношения, неизвестно. В.Курашкевич в работе "Studia nad polskimi samogłoskami nosowymi" (1932) показал, что во второй половине XVI в. в Великой Польше в отличие от Малой Польши этот тип уже представлен, но он не дал ответа на вопрос о времени его возникновения, поскольку документы, созданные в Великой Польше во второй половине XV в., написаны на латыни с традиционным для нее способом передачи носовых — сочетанием гласного с носовым согласным, что вовсе не отражает характера ринезма. На наш взгляд, вряд ли даже в использовании специального знака (будь то древнепольский *ǫ* или позднейшие *ę* и *ą*) следует усматривать отражение такого фонетического явления, как характер ринезма, ибо польская орфография по преимуществу имела и имеет фонематический, а не фонетический характер.

Что же касается широкого произношения малопольских носовых и того — великопольских, то это современное состояние не соответствует, по справедливому утверждению "малопольян", средневековому, поскольку, как показывают исследования, с конца XIII в. на всей территории распространения польского языка был представлен широкий носовой на месте обоих праславянских носовых. Таким образом,

широкое произношение, сохраняющееся для континуанта древнепольского носового в некоторых малопольских и некоторых других говорах (см. § 21), является более древним, чем узкое.

Вообще история носовых гласных в польском литературном языке и диалектах стала, подобно мазурению, особой проблемой, которой занимались, в частности, В.Ташицкий, В.Курашкевич и некоторые другие. В связи с нетипичным обозначением носовых в Пулавской псалтыри с помощью знаков ϵ и α , которое, по мнению В.Ташицкого, отражало свойственный Малой Польше вокалический тип ринезма и тембр оральной артикуляции и с 1529 г. начинает использоваться краковскими печатниками, возник отдельный вопрос о времени и месте создания Пулавской псалтыри. В.Курашкевич относит ее к периоду после 1521 г., а З.Штибер пишет о неясном происхождении этого памятника.

Морфологический аргумент К.Нича (отсутствие флексии *-wa* в литературном польском языке и великопольских говорах), по справедливому мнению "малополян", также не являлся доказательством великопольского происхождения литературного языка, поскольку неизвестно время утраты флексии в великопольских говорах. О том, что окончание *-wa* было присуще и великопольскому диалекту, свидетельствует функционирование в великопольских говорах в императиве флексии *-ta*, являющейся контаминацией окончаний *-tu* и *-wa*.

Кроме опровержения великопольской аргументации "малополяне" приводили аргументы в защиту малопольского происхождения литературного польского языка: наличие в памятниках таких малопольских особенностей, как местоименные формы *mie, cie, sie* после глаголов и *mię, cię, się* после предлогов, окончание *-och*, псевдоористные формы типа *gobielech* и др. Большинство этих особенностей встречается в источниках только в конце XV или начале XVI в. Отсюда и необходимость для "малополян" тезиса о позднем формировании литературного польского языка.

Однако внимательное изучение древнепольских рукописных памятников XIV-XV вв. в сопоставлении с документами, отражающими региональные особенности живой средневековой польской речи (например, судебными записями), показало, что, в отличие от свидетельств живой речи, различия между памятниками незначительны и касаются отдельных маргинальных явлений, выдающих диалектную принадлежность того или иного писца. Так, и в малопольских памятниках - Свентокшиских проповедях, Флорианской псалтыри, Шарошпатацкой библии, и в великопольских Гнезненских проповедях представлены группы $\acute{s}rz, \acute{z}rz, chw$, преобладают стяженные формы в типе *sta ć* (хотя в Гнезненских проповедях в глаголе *ba ć się* встречаются и нестяженные формы), постоянны начальные *ga, ja* и формы *se* в типе *dompek*, используется один знак для носового, преобладают формы *iże,*

trzymać и др. Это позволяет говорить о том, что определенные нормы языка (на уровне тенденции, а не закономерности) уже существовали и в XIII-XIV вв., хотя и не такие строгие, как в XVI в. и тем более в позднейший период. В случае различия между малопольским и великопольским вариантами определенного языкового явления на то, какой из вариантов устанавливался в формирующемся письменном образце, оказывал влияние чешский язык, играющий, по словам Штибера, роль "арбитра".

Так, вхождение в литературный образец великопольских сочетаний *śgz, źgz*, представленных не только в древнепольских памятниках, но и в произведениях XVI в. (несмотря на появление в середине XV в. малопольских *śg, źg*), могло обуславливаться близкими чешскими *zř* и *zṛ̌*. Или поддержанное чешским образцом великопольское *chw* победило малопольское *f < chf < chw* (не выступающее в рукописных "малопольских" памятниках - Флорианская псалтырь, Шарошпатацкая библия). Не исключено, что установлению обобщенного *ow* и после мягких, и после твердых в XVI в. благоприятствовало наличие подобного обобщения в чешском.

Так, постепенно в ходе дискуссии первоначальная постановка вопроса "или - или" (ср. полемически заостренное название статьи В. Ташицкого и Т. Милевского "Польский литературный язык возник в Малой Польше") трансформировалась в проблему "и - и" (и великопольское, и малопольское). Главным становится выявление особенностей, вошедших в польский литературный язык из старой великопольской основы (например, *śgz, źgz, chw, iże, trzymać*) и из малопольского диалекта (начальные *ga, ja*, формы типа *domek* - эти явления, вероятно, были характерны и для гнезненско-познанского типа, в отличие от севера Великой Польши, стяженные *bać się, stać* и др.), что благоприятствовало становлению в качестве нормы великопольского или малопольского варианта. Такой "умеренно великопольский" взгляд, признающий постепенное участие в формировании литературного польского языка различных диалектов, на территории которых находился центр польской государственности и культурной жизни, представлен, например, в работах З. Клеменевича и З. Штибера. По мнению З. Клеменевича, в истории процесса формирования основ литературного польского языка следует выделить две фазы: устную, не оставившую памятников, - X-XIII вв. и отраженную в памятниках XIV-XV вв. Письменный литературный язык, формирующийся на основе разговорного койне, отражает в первую очередь особенности великопольской диалектной основы. В большинстве случаев эти особенности имеют общепольский характер, отличия от малопольского диалекта касаются частных элементов системы. Но и в этих частностях в языке древнепольских памятников проявляется тенденция к формированию нормы, направление которой мог определить и соответству-

ющий факт чешского языка. Роль малопольского диалекта возрастает в середине XVI в. Тем не менее при дальнейшем процессе формирования литературного польского языка в ряде случаев сохраняется старая великопольская традиция. С момента перемещения культурного и общественного центра польского государства на территорию Мазовшья возрастает и роль мазовецкого диалекта, вносящего свою лепту в литературный польский язык. Однако литературный язык XVII в. и его орфография обладают достаточно длительной традицией, относительно стабильны (ср. сохранение, например, *chw* при мазовецко-малопольском произношении $f < chw$, носовых ϵ , a). Мазовецкие говоры могли оказать влияние только на живые процессы, происходящие в живой польской речи (изменение произносительной нормы и т.п.) в направлении, совпадающем с фактами мазовецких говоров: оглушение v в *Tv*, утрата $\acute{a}$; появление отдельных формантов или лексем (ср. активность суффикса *-ak* и др.). В XVI-XVII вв. на польский литературный язык повлияла и еще одна региональная разновидность польского языка - восточный периферийный диалект (о результатах этого влияния см. § 30)²³.

§ 10. Характеристика памятников и других источников истории польского языка

1. Памятники древнепольского периода. Графика и орфография древнепольских памятников. Орфографические трактаты

Все памятники древнепольской письменности делятся на две группы.

I. Памятники, написанные на латинском языке, с отдельными польскими словами, так называемыми глоссами. Это, как правило, имена собственные, географические названия — топонимы, гидронимы; личные имена — этнонимы, антропонимы, а также названия некоторых сельскохозяйственных орудий и повинностей. Такого рода памятники могли дать сведения по фонетике, определенному лексическому слою и в некоторых случаях по словообразованию. Только в одном из этих памятников мы встречаем синтаксическую единицу: первое предложение на польском языке.

II. Памятники, написанные на польском языке. Изучая такой памятник, историк языка получает сведения о каждом языковом уровне.

И.А.Бодуэн де Куртенэ²⁴ выделяет три вида латинско-польских памятников: 1) грамоты - самый важный источник; 2) летописи и

²³ Подробнее о великопольской и малопольской точках зрения см.: *Pochodzenie polskiego języka literackiego*. Wrocław, 1956; Kłemesiewicz Z. *Op. cit.* S. 35-91.

хроники; 3) надгробные надписи (например, надгробная надпись Болеслава Храброго).

Среди этих памятников необходимо отличать подлинники от списков и документы, написанные поляками, от документов, написанных иностранцами. Например, в силезских грамотах и хрониках, авторами которых были немцы, отмечаются такие особенности, как неразличение глухих и звонких согласных, частое обозначение звука с орфограммами *z* или *tz* и некоторые другие, отсутствующие у писцов-поляков.

К памятникам с глоссами до буллы 1136 г. - самого ценного латинско-польского памятника - относятся следующие два наиболее часто используемых историками польского языка документа: хроника Геотрифа Баварского (IX в.), в которой приводятся названия польских племен (*Uislane* 'висляне', *Lendizi* 'лендзицы', *Dadosezani* 'дзядошане' и др.); хроника Титмара (X-XI вв.). В ней при описании немецко-польских столкновений (1000, 1010 и 1015 гг.) упоминаются названия некоторых польских племен: *Diedesisi* 'дзядошане' или 'дзядошицы', (*Ilensis* 'сленжане', а также названия некоторых польских городов и рек.

К 1136 г., которым многие историки польского языка датируют начало нового периода в истории польского языка, относится Гнезненская булла (*Bulla proteksyjna*) папы Иннокентия II ("*zlota bulla*" - так называл ее историк польского языка А. Брюкнер). В булле определяется территория, подвластная гнезненскому архиепископу. Материал 410 глосс (личные имена и географические названия) дает сведения о фонетике, лексике и словообразовании польского языка XII в. Памятник хранится в архиве Капитула г. Гнезно.

Следующий по времени памятник - это "Мешко судья" ("*Dagome Jurdex*"; *Dagome, Dago* - христианское имя Мешко I) - копия XI-XII вв. утраченного оригинала X в. Документ составлен в канцелярии Мешко I и представляет собой выражение верноподданнических чувств польского государства римскому папе. Даются географические польские названия и названия соседствующих с поляками племен (*Scassoa, Idere, Prusse, Russe*).

Вроцлавская булла 1155 г. (послание папы Андриана IV вроцлавскому архиепископству) содержит 80 личных имен и названий местностей Силезии.

К 1204 г. относится привилей князя Генрика Бородатого для монастыря в Тшебнице - Тшебницкий привилей ("*Przywilej trzebnicki*"). В нем представлен антропонимический материал: 231 личное имя и фамилия. Из этого привилея мы узнаем, что христианские имена (*Jan, Wacel, Stefan, Ludwik*) встречались в Польше в XII-XIII вв. относительно

См.: Бодуэзи де Куртеиз И.А. О древне-польском языке до XIV-го столетия. Париж, 1870. С. 2.

но редко. Иногда они отмечаются в полонизированной форме (Pawlik, Pietrzej). Преобладали имена славянского происхождения (Chociemir, Przybyrad, ср. уменьш.: Braciesz, Chwałęta; ср. образованные от нарицательных: Gęba, Kierz).

Ко второй половине XIII в. относится знаменитая Генрикова книга ("Księga Henrykowska"), в которой излагается история монастыря Богородицы в Генрикове в Нижней Силезии. В этой книге впервые под 1270 г. на польском языке записано предложение о чехе Богухвале и его жене, которой муж говорил, когда она молола в жерновах муку: "daj ać (= że) ja pobruszę (pobruczę - прочтение С.Слонского), а ты росzуwaj" - 'дай, я помелю (brukać - 'вращать камень'), а ты отдохни' (подлинная запись: day ut ia pobrusa a ti pozivay). Всего в этой книге 118 местных названий, в основном польских. Встречаются также и немецкие. Представленная антропонимическая лексика исключительно польского происхождения.

Отдельные глоссы отмечаются в хрониках Анонима Галла (XII в., список XIV в.) и Винцента Кадлубека (XII в., копия XIII-XIV вв.), в дипломатических кодексах Великой Польши, Мазовшья, Малой Польши, Силезии и Поморья.

Собственно польские памятники в зависимости от содержания можно разделить на две группы:

I. Религиозные (наиболее многочисленные) - это Библия и ее отдельные части, жития святых, а также самая древняя религиозная песня - первый национальный гимн поляков "Богородица" ("Bogurodzica");

II. Светские - поэтические произведения, переводы латинских документов и отдельных слов в них (так называемые "mamtotrekty" от лат. mamtotrept 'кормленный грудью'), словари, судебные записи, письма.

Оригиналов переводов Священного писания не сохранилось. Изучение языка первых польских религиозных памятников показывает, что язык этих произведений более архаичен, чем язык XIV в., которым датируются памятники. Поэтому исследователи предполагают, что эти древнепольские памятники являются копиями более древних оригиналов XIII в. или даже более раннего времени.

Слова и музыка первой религиозной песни поляков "Bogurodzica", которую, по сведениям историка Я.Длугоша, поляки пели, сражаясь в 1410 г. под Грюнвальдом, известны в нескольких списках, самый древний из которых относится к XV в. Всего от XV в. сохранились четыре ее списка. Впервые она напечатана в "Статусе Лаского" ("Statut Łaskiego") в 1506 г., где она называлась произведением святого Войцеха. Происхождение и автор этого произведения остаются загадкой для историков польского языка и литературы. Существуют предположения о византийском происхождении гимна, о старославянских мотивах

в нем (проникших из Великой Моравии). Ср. необычные и уникальные архаизмы: *dziela* "для", неперегласованные *slawiena*, *zwolena*. Некоторые исследователи считают эту песню по происхождению собственно западнославянской.

Самая древняя написанная по-польски часть Священного писания — это Свентокшиские проповеди ("*Kazania Świętokrzyskie*"). Памятник состоит из шести проповедей: одна сохранилась полностью (проповедь о св. Екатерине), а остальные пять — в отрывках (об ангелах в день св. Михаила, о св. Николае, на Рождество, на День Поклонения Волхвов и на праздник Очищения св. Девы Марии). Проповеди, представляющие собой 18 пергаментных полосок, переписаны в третьей четверти XIV в. с оригинала XIII в. На древность памятника указывают его графика и архаический язык (сохранение продуктивности форм простых прошедших времен — аориста и имперфекта). Интересна судьба этого памятника. В 1890 г. А. Брюкнер нашел его в Публичной библиотеке в Петербурге: полосками пергамента была оклеена обложка латинской рукописи, принадлежавшей ранее библиотеке монастыря бенедиктинцев в Свентокшиских горах (монастырь св. Креста на Лысой горе в Келцком воеводстве). Отсюда происходит название памятника. В 1925 г. рукопись возвращена в Польшу, где находилась до 1939 г. После войны памятник некоторое время был в Канаде. В настоящее время он является собственностью Национальной библиотеки в Варшаве.

Самый большой и прекрасно оформленный религиозный памятник конца XIV в. — Флорианская псалтырь ("*Psalterz Floriański*"). В ней три текста псалмов царя Давида: латинский, польский и немецкий. Название "флорианская" связано с тем, что рукопись обнаружена в библиотеке монастыря св. Флориана под г. Линцем в Австрии. Первое сообщение в печати о Флорианской псалтыри сделал в 1827 г. библиотекарь Краковского университета Е. Бандтке. В памятнике выделяют три части: наиболее древняя I часть до 101 псалма (предполагается, что это копия рукописи XIII в.) и более поздние II часть (с 19-й строки 101 псалма до 111 псалма) и III часть (со 112 псалма до конца). Рукопись находится в Национальной библиотеке в Варшаве.

Смешанным польско-латинским памятником являются Гнезненские проповеди ("*Kazania Gnieź nieńskie*"), созданные в конце XIV или начале XV в. Они представляют собой сборник, состоящий из 10 польских и 103 латинских проповедей, а также нескольких житий святых на латинском языке. Среди польских ученых не существует единого мнения относительно 10 проповедей. Так, С. Слойский, считая, что "*Kazania Gnieź nieńskie*" являются копией более старого оригинала, полагал, что польские проповеди есть не что иное, как перевод или переделка латинских, находящихся и среди сохранившихся 103, и не дошедших до нас. Язык польских проповедей живой, упорядочены, в

отличие от других древних памятников, синтаксис и орфография. С.Роспонд связывает это с происхождением рукописи из другого монастырского центра. Памятник хранится в библиотеке Гнезненского Капитула. Наличие в тексте большого количества ошибок, опусков, пропусков и вставок позволило автору первого научного издания памятника В.Нерингу (1896) сделать предположение о неоригинальном характере памятника. А.Брюкнер, С.Роспонд, напротив, утверждали, что Гнезненские проповеди - это не список или перевод, а авторский оригинал. Автор последнего по времени издания памятника С.Вртель-Верчинский (1953) склонен считать эту великопольскую рукопись также оригиналом.

К концу XV в. относится Пулавская псалтырь ("Psalterz Pulawski"). Предполагают, что это копия с того же утраченного оригинала, с которого списаны первые 101 псалм Флорианской псалтыри. Рукопись отличается последовательностью графики. В настоящее время находится в Музее Чарторыйских в Кракове.

Самым большим прозаическим религиозным памятником XV в. является Библия королевы Софьи ("Biblia Królowej Zofii"). Название памятник получил от имени жены Владислава Ягеллы, для которой Библия была переведена на польский язык. Другое название памятника "Biblia Szaroszpatacka" происходит от названия венгерского города Szagos Patak, в библиотеке кальвинистской коллегии которого хранилась Библия. Уцелело 185 страниц Ветхого завета. Вероятно, существовала и остальная часть Священного писания. С.Роспонд предполагает, что в памятнике было около 470 страниц. Отдельные страницы находили время от времени в различных библиотеках Польши. Во время второй мировой войны памятник погиб. Сохранились только фотокопии. Шарошпатацкая библия - единственный точно датированный и имеющий автора древнепольский памятник: переведен Анджеем из Яшовиц, а написал библию в 1455 г. Петр из Радошиц. Предполагается, что перевод осуществлялся не с латинского оригинала, а с чешской копии, так как в рукописи очень много богемизмов. С.Урбанчик считает, что памятник переписывали пять писцов малопольского происхождения.

К памятникам религиозного содержания также относится самый ранний памятник апокрифической литературы Пшемское размышление ("Rozmyślanie przemyśkie"). В памятнике 852 страницы. Он представляет собой список с неизвестного старого подлинника, сделанный около 1500 г. Название рукопись получила от г. Пшемсь, в котором располагается греко-католический капитул, которому принадлежал памятник. В настоящее время рукопись находится в Национальной библиотеке в Варшаве. Памятник содержит евангелические и апокрифические рассказы о жизни Христа и Богородицы, а также религиозные рассуждения, в конце прилагаются молитвы.

Концом XIV в. датируется Житие св. Блажея ("Żywot Świętego Błażeja"). Рукопись представляет собой одну пергаментную страницу, состоящую из двух полос. Это страница, как предполагает С.Слонский, является частью несохранившегося польского перевода жизнеописания святых на латинском языке. Жизнеописание святых ("pasjonal") и Флорианская псалтырь, по сведениям историка Я.Длугоша, находились в библиотеке королевы Ядвиги. В настоящее время памятник хранится в Библиотеке Оссолинских во Вроцлаве.

К религиозным памятникам относятся также молитвы: "Ojciec nasz", "Zdrowaś Maria", "Wierzę", "Dekalog". До XIX в. сохранялся целый сборник молитв, относящийся к концу XV в., - "Книжечка Навойки" ("Ksią żeczka Nawojki"). Название происходит от имени Навойка, несколько раз повторяющегося в тексте. Существует предположение, что это имя (или фамилия) принадлежало хозяйке молитвенника. Рукопись утеряна.

Известны и стихотворные произведения религиозного содержания: "Пасхальная песня" ("Pieśń wielkanocna"), представляющая собой механическое соединение I части "Богородицы" с фразами о муках и воскресении Христа; стихотворение "О муке Господней" ("O Męce Pańskiej"), относящееся к концу XV - началу XVI в. и состоящее из 16 четверостиший, каждое из которых начинается именем Jezus; песня "О рождении Господа" ("O narodzeniu Pańskim"), созданная в конце XV или начале XVI в.; стихотворное изложение "Легенды о св. Алексее" ("Legenda o św. Aleksym"), сохранившееся в рукописи конца XV в.; песня-легенда о св. Дороте ("Legenda o św. Dorocie"), найденная А.Брюкнером в латинской рукописи Национальной библиотеки в Варшаве и относящаяся к 1420 г., и др.

К произведениям светского содержания принадлежат следующие памятники XIV-XV вв. Самый богатый и ценный материал представлен в Судебных записях ("Rotach przysiąg sądowych") — показаниях свидетелей под присягой на судебных процессах. Эти показания на польском языке записывались посреди заполняемого на латыни протокола судебного разбирательства. Сохранилось много таких показаний XIV и особенно XV в. великопольского, малопольского и мазовецкого происхождения. Силезских и поморских записей не сохранилось. Подобные показания состоят часто из одного предложения или нескольких слов. Эти материалы особенно важны, поскольку отражают живую речь.

Судебным памятником является переведенный с латыни свод статутов под названием "Кодекс Свентослава". Над польским переводом трудились два автора. Законы Казимира Великого и Владислава Ягеллы ("Statut wiślicki") перевел в 1439 г. хранитель варшавского костела св. Яна Свентослав из Вочешина, а законы мазовецких князей ("Prawa ksią żąt mazowieckich") — в 1450 г. Мачей из Рожана, причем пере-

писывал эту часть варшавский каноник Болеслав Черский. Весь кодекс представляет собой перепись обеих частей, произведенную во второй половине XV в. vareцким бургомистром М. Суледой.

Существуют и другие кодексы XV - начала XVI в.: "Кодекс Дзялынских", "Кодекс Страдомского" и др.

К памятникам светского содержания относятся эпистолярные произведения, например любовные письма. Сохранились образцы этих писем, а не оригиналы. Самое древнее из писем относится к 1429 г. XV в. датируется первый образец письма от имени женщины в рукописной книге "Liber formularum et epistolarum".

Известны поэтические произведения светского содержания: стихотворение от 1449 г., направленное против духовенства (автором является А. Галка из Добчина), стихотворение Слоты о правилах поведения за столом, уважительном отношении к женщинам и т. д. ("O zachowaniu się przy stole"). К XV в. также относятся: "Сатира на ленивых крестьян" ("Satyra na leniwych chłopów"), "Жалоба умирающего" ("Skarga umierającego"), "Об убийстве Анджея Тенчинского" ("O zabiciu Andrzeja Tęczyńskiego").

В 1510 г. Леонард из Бунчи перевел с латыни на польский роман об Александре Великом ("Alexander de proeliis").

Богатый материал дают терминологические словари. Так, в 1472 г. вроцлавянин Я. Станко, краковский каноник и придворный врач Казимира Ягеллончика, составил первый польский ботанико-зоологический словарь, содержащий около 2000 польских названий животных и растений.

К ценным для изучения древнепольского словообразования и лексики относятся данные маммотректов, своего рода небольших словарей. Самый старый из них - маммотрект от 1426 г., содержащий 19 редких слов, встречающихся в Священном писании, например: wrzeczono (wrzecziono), czrzonowe ząbi (trzonowe zęby). Маммотректы, сохранившиеся от второй половины XV в., содержат до нескольких тысяч слов (например, в латинско-польском маммотректе к Библии 7000 слов)²⁵.

Охарактеризовав содержание древнепольских памятников, рассмотрим их графику и орфографию.

Как в польских глоссах, так и в позднейших памятниках, написанных на польском языке, использован латинский алфавит. Но знаков латиницы было недостаточно для передачи всех звуков польского языка: мягких согласных, шипящих, носовых гласных и др. По способам передачи звуков польского языка латинской азбукой историки польского языка выделяют три вида графики:

25 О других древнепольских словарях см.: K l e m e n s i e w i c z Z. Op.cit. S. 139-140.

1. Простая (niezłożona) - самый несовершенный вид графики, при котором для разных польских звуков употреблялся один латинский знак, например: d обозначает и d, и ź, и z или g может обозначать и g, и g'.

2. Сложная (złożona) заключается в использовании сочетаний букв (лигатур) для передачи звуков, отсутствующих в латинском языке, например: sz = [š], dz = [ž], rz = [ř], en / em = [ɛ].

3. Диакритическая (grafia diakrytyczna) использует особые надстрочные и подстрочные знаки для передачи звуков, отсутствующих в латинском языке, например: ó, ś (применение "крески"), ź (диакритика - точка), ę, ą (диакритика - хвостик).

Графика современного польского языка представляет собой соединение указанных трех способов.

В древнепольском языке представлены только два вида графики: простая и сложная. Латинские памятники XII-XIII вв. с польскими глоссами, а также Свентокшиские проповеди являются памятниками с простой графикой. В собственно польских памятниках XIV-XV вв. представлена сложная графика. Рассмотрим более подробно на примерах особенности простой и сложной графики.

1. Гнезенская булла (памятник простого типа графики). Особенности:

1. Смешение знаков i и y (Bitom = Bytom и Radlici = Radlicy). Иногда ŷ обозначало [i], а y = [y]. Но в то же время ŷ обозначает и [y] перед j (Sulistrŷ = Sulistryj) и [j] на конце слова (Domauŷ = Domawuj).

2. Смешение букв u и v (ср. Bogvmil || Bogumil, Drualewo = Drwalewo, Vnemisl = Uniemysl, Domaneuici = Domaniewicy). Звукосочетание [vu] могло обозначаться как u, v или удвоенное u (Domauŷ, Nesnavŷ = Nieznawuj).

3. Отсутствие обозначения мягкости (ср. Domaneuici, Balouezici = Białowieżycy).

4. Знак z использовался не только для передачи звуков [z], [ź], [ż], но и для [s] и [ś], [z] и [ź]: Mozuta = Mozuta, Jezor = Jezior (?), Balouezici, Neglos = Nieglos, Maruzc = Marusk, Dobrozodl = Dobrosiodl, Bezdeze = Biezdzieze. Кроме того, z может обозначать [c] (Lunciz = Łęczyca), только перед e и i для [c] используется знак c.

Знак s = [s] (передается через S), [z] (обычно через S в сочетаниях Sd, Sl, но иногда и вне этих условий), [š] (на конце слова), [ž] (S). Примеры: Smolzco = Smolsko; Sdanto = Zdzięta; Sdomir = Zdomir; Nesnavŷ = Nieznawuj; Rados = Radosz (при этом конечное z = [s] - Balouanz); Suc = Żuk.

5. Для передачи звуков [ś], [š] и [ž] кроме указанных знаков использовался также одиночный или удвоенный знак ſ: ſoftroch = ślostroch (ſ = s в группах ſl, ſt, ſc: Trzebemiſl = Trzebiemysl); Ruffota =

Rusota; Vfemir = Wszemir; Duiſen = Dźwiżen. В группе [ś] ſ может изображать [ś]: Vfſtech = Uściech.

6. Знак d = [d, ź] (Rados, Godes = Godziesz, Godina = Godzina).

7. Знак t = [t], [ć] (Goſtina = Gościna).

8. Знак c = [c] и [č] (c перед i и e), [k] (перед a, o, u, перед согласным и на конце слов). Примеры: Gorice = Gorzyce; Ciz = Czyż; Calis = Kalisz, Curaffek = Kuraszek.

9. Кроме c звук [č] изображается знаком ch (e): Cheſtoch = Częstoch. Таким образом, лигатура ch = [č] и [x].

10. Наличие одной буквы l.

11. Знак r = [r] и [r'] (Gorice, Rados).

12. Звук [j] обозначался разными знаками: i перед гласными, y на конце слова и только в начале слова j: Zandeieuici = Sądziewicy; Posaſy = Pokaj; Jezog = Jęzog. Однако и такое распределение не является последовательным, например Voibor (i не перед гласным).

13. Для звука [k] кроме c и k в сочетании с v используется знак qu (Quatec = Kwiatek).

14. Носовые передавались сочетанием гласных с п, м. Носовой переднего ряда: en (редко e): Dobrenta = Dobrzęta, Chomesa = Chomięza. Носовой заднего ряда: am, an, редко un или u: Candra, Gamba, Balouanz, Lunciz, Chrustov = Chrzastów.

15. Неоправданное удвоение согласных (пример: Pruffota).

К простому типу графики также относится памятник Свентокшиские проповеди. В отличие от буллы 1136 г. здесь употребляется один знак для иосового переднего и заднего ряда: ſ, ſ, реже o. Звук [j] обозначается не только знаками i, y, j, но и g (giſ = jiż), шире используется знак S для обозначения ряда [s - ś - ś] и z для обозначения ряда [z - ź - ź], с и ch = [ć, c, cz] и подобно d употребляется для обозначения [ʒ]. (pobucha = pobudza, po droce = po drodze) и реже [ǰ] (doraci = doradzi, bſchmy = bądź my). Кроме k и c звук [k] может передаваться лигатурой ck (peckle = piekle). Звук [ř] изображается знаком r и очень редко сочетанием rf (trſy). Для звука [x] обычно применяется знак h и крайне редко ch.

Итак, простой тип графики характеризуется, с одной стороны, полифункциональностью одного и того же буквенного знака (ср. z = [z, ź, ź, s, ś, ʒ] в булле или ch = [c, ć, č, ʒ, ź] в Свентокшиских проповедях), а с другой - употреблением для одного и того же звука разных знаков (ср.: ſ, ſſ, z, s для обозначения [s] в булле или ch и c, обозначающие одни и те же звуки в Свентокшиских проповедях).

В произведениях простого типа графики заимствуется не только инвентарь латинских графем, но и определенные графические правила. К таким правилам относятся: употребление знака c для передачи звука [k] перед гласным заднего ряда, согласным и на конце слова, а перед e, i для обозначения звука [c]; использование сочетания qu =

[kv]; употребление u = [v]; употребление i = [j]; редкое применение заимствованного из греческого знака у.

Однако и произведения с такой запутанной и усложненной графикой, как мы увидим далее, дают историку польского языка определенный материал. Например, факт наличия сочетаний разных гласных с согласными п, т на месте праславянских носовых (en, em, e для носового переднего ряда и an, am, un, u для носового заднего ряда) в булле 1136 г. и одного знака для обоих носовых в Свентокшиских проповедях свидетельствует о совпадении по качеству этих носовых в XIII в. и качественном различении их в 1136 г.

II. Флорианская псалтырь (памятник сложного типа графики). Особенности:

1. Сохранение смещения i и y. Чаще употребляется i, у преобладает в конце слова, в начальном [ji] (ym) и в союзе i (y). Только во II и III частях псалтыри чаще употребляется y, особенно для передачи звука [y].

2. Употребление знака w = [v]. V используется для передачи звука [u]. Очень редко в начале слова для [u] употребляется и старый знак v (vczini).

3. Для *ѣ и *ѡ употребляется один знак ѓ.

4. Мягкость не различается: п = [n, n̄] (ne = nie, w zacone = w zakonie), т = [m, m̄] (zeme = ziemie), w = [v, v̄] (blogoslawoni = blogoslawiony), z = [z, z̄] (zeme), s = [s, s̄] (sedzal = siedzial), dz = [ʒ, ʒ̄] (wsodze = w sadzie).

5. Для шипящих, аффрикат и [ř] используется лигатурное обозначение, вторым элементом которого, как правило, является знак z: [c] = cz (реже c + e, i): owocz, stolczu; [ʒ] = dz: powedzō; [c] = cz (реже c + e, i): czsokoli, oblicza; [č] = cz (реже c + e, i): mislicz = myślíč; [ʒ̄] = dz: wcdzal; [š] = sz: grzesznicy; [ř] = rz: drzewo.

6. Для звука [x] используется исключительно лигатура ch.

7. Для звука [k] сохраняются два знака: k и c (zacone, wszistco).

8. Наличие одного знака l.

9. Для [j] используются i и y, имеющие следующую дистрибуцию: i перед гласными (ien, iego), y перед согласными и на конце слова (swoy, gozumeyses).

Нередко в памятниках со сложной графикой отмечается удвоенное гласных, которое в некоторых случаях отражает долготу гласного (aa, ee, oo, uu, ii, uu), особенно часто удваиваются ѓ, а, о.

В качестве второго элемента лигатуры могут употребляться, наряду с z, s и ch. При этом в памятниках много "сверхправильных", избыточных случаев использования лигатур и примеров отсутствия их в оправданных случаях. Так, знак sch обозначал не только звуки [š], [ś], но и [s]: schuka, weschela = wiesiela и scham = sam, schobye = sobie. Ср. также ss = [š] и [s]: wcyessicz и sstokrocz. Одновременно знаки z и s

наряду с лигатурой *sz* обозначали звук [ʒ]: *ziuoth* = *żywot*, *calisdey* = *kalizdej*.

В некоторых памятниках непоследовательно отмечается мягкость согласного следующим за ним знаком у (*zyemya*, *swyata*).

Из памятников XV в. наиболее последовательной по графике является Пулавская псалтырь. В ней различаются [y] и [i] ([y] передается знаком у), обозначается мягкость согласных (при помощи у: *пуге*, *капуен*). Впервые после Свентокшиских проповедей в Пулавской псалтыри появляются два знака для передачи носовых гласных (ę для гласного переднего ряда и ą, ап, ат для носового заднего ряда). Во всех остальных памятниках XIV-XV вв. употреблялся один носовой, изображаемый обычно как ɔ. Указанные особенности псалтыри остаются загадкой для историков польского языка.

Таким образом, в большинстве образцов сложной графики XIV-XV вв. нет последовательности в обозначении рядов S (*s*, *z*, *c*, *z*) – Š (*š*, *ž*, *č*, *ž*) – Ś (*ś*, *ź*, *ć*, *ź*), мягкости согласных и долготы гласных.

В XV в. были предприняты две попытки преодолеть непоследовательности существующей графики. Первая из них относится к 1440 г. Этим годом датируется орфографический трактат, написанный краковским каноником и ректором Краковского университета Якубом сыном Паркоша из Журавицы. Трактат написан на латинском языке. В конце его имеется стихотворное резюме системы, предложенной Паркошовицем, на польском языке. Основу этой графической системы составляла диакритическая система Яна Гуса, который в 1411 г. предложил заменить в чешском языке лигатурный способ изображения диакритическим. В качестве диакритических знаков Гус использовал точки (*š* = [ʃ] и т.д.). Однако каноник Паркош шел непоследовательно за чешским реформатором. Некоторые историки польского языка (например, С.Слонский) объясняют это стремлением служителя католической церкви скрыть свое знакомство с трудами сожженного в 1415 г. еретика. Для отличия твердых согласных от палатализованных Паркош предлагал использовать два вида букв: с углами для обозначения твердых и округлые для обозначения мягких. Долгие гласные Паркош предлагал обозначать удвоением соответствующего по качеству краткого гласного. Непоследовательность Паркоша проявляется, например, в обозначении *sz* для [ʒ] (как в древнепольских памятниках) и *ssz* для [ś]. Кроме того, для [š] предлагается немецкий знак *sch*. Не решил Паркош вопрос и с обозначениями *i* - *u* и *ę* - *ą*.

Вторая попытка упорядочить орфографию относится уже к началу XVI в. Это орфографический трактат С.Заборовского, изданный на латинском языке в 1518 г. С.Заборовский более последовательно, чем Паркошовиц, опирается на диакритическую систему Гуса. В трактате предлагается введение таких диакритик, как точки (*š* = [š] и "крески", отвергается знак *sch* потому, что при произношении [š] отсутст-

вует артикуляция, дающая в эффекте *ch* [x]. Непоследовательно у С. Заборовского проведены различия носовых переднего и заднего ряда. Суженное (так называемое "pochylone", или "ścieśnione") а, возникшее на месте древнепольского а долгого (об истории долготных соотношений см. § 33.4), С. Заборовский предлагал передавать знаком а, чистое же а (старый краткий) — а с "креской" (á). Такое обозначение С. Заборовский мотивировал характером произношения суженного а: особый звук, близкий к о, поэтому его надлежит изображать без "крески".

Оба этих трактата не повлияли существенным образом на развитие польской графики и орфографии, первый по причине непоследовательности и практической неосуществимости некоторых его предложений, а второй по причине резкого разрыва с традиционным лигатурным обозначением. Только отдельные замечания (например, С. Заборовского об обозначении а и á) использовались впоследствии первыми польскими печатниками. Тем не менее эти два орфографических трактата являются лингвистическим источником для позднего древнепольского периода, так как по замечаниям нормализаторов можно делать выводы о фонетике XV - начала XVI в.

Выработка польской графики, которая не разрывала с традицией рукописных польских памятников и одновременно устраняла их непоследовательность, связана с началом следующего, среднепольского, этапа в истории польского языка. Этот период знаменуется появлением первых печатных произведений в типографиях Кракова, который с XIV в. становится не только формальной (формально столица была перенесена из Гнезна после народного восстания 1037 г., но княжеский двор часто менял место своего пребывания), но и фактической столицей объединенного после периода феодальной раздробленности польского государства.

Краковские печатники (Халлер, Ветор и др.) сохранили традиционный способ обозначения, но наряду с ним вводили и элементы диакритики, целью которой было избавиться от древнепольской полифункциональности одного и того же знака и разнообразия знаков для передачи одного и того же звука. В первых печатных памятниках (drukach krakowskich) различаются члены ряда *S* - *Š* - *Ś*: для *Š*-типа используются знаки *s*, *sz*, *cz* (иногда *cź*), *ż* (иногда *z*), *dz*, а в некоторых типографиях применяется и удвоение *ss* = [š]; для *Ś*-типа употребляются знаки с "креской" - *ś*, *ć*, *dź*, иногда *ź* может обозначать [ž] (*ź opa*, *ź í*). Устанавливаются знаки *rz* для [ř] и *l* для [l]. Иногда *l*-образный звук передается как *l* с "креской" (*karl'an*). Вводятся "крески" или точки над гласными *o*, *e*, *a*. При этом *a* без "крески" в "drukach" XVI-XVII и даже первой половины XVIII в. означало сужение гласного, возникшее на месте старой долготы, а наличие "крески" (точки) означало открытый чистый звук а. "Крески" над *o* и *e* ставились непоследо-

вагельно и, как правило, обозначали сужение. Перед гласными мягкость согласных передавалась с помощью *i*, а в остальных случаях - "креской", которая возникла из буквы *i*, стоящей над согласным (ср. $i_s^i > \acute{s}$). Краковские первопечатники различали *i* - *u*, но по традиции союз *i* изображался как *u*. Кроме того, в отличие от современного состояния *i* и *u* обозначали также звук [j]. Перед гласным [j] передавался как *i* (*iako, stoię*), перед согласным - как *u* (*dautu, ouca*), на конце слова - тоже как *u* (*kräu*). Спорадически употреблялся и *j*, как правило, в начале имени собственного - *J*. Упорядочено было изображение *ę* - *ą* и четко различались глухой *s* и звонкий *z* (ср. др.-польск. *sa = za* и *zam = sam*).

Краковские печатники, опираясь на графику древнепольских памятников, фактически выработали основы современной графики и орфографии. Только немногочисленные изменения в ней произошли в новопольский период.

Другие проекты, предлагаемые в XVI в. (Я.Секлюцьяна, С.Мужинковского, Я.Сандецкого-Малэцкого, Я.Янушовского, Л.Гурницкого, Я.Кохановского), не были реализованы.

2. Источники среднепольского периода. Первые грамматики польского языка

Первые произведения среднепольского периода - это издания краковских первопечатников (*druki krakowskie*), об орфографии и графике которых уже говорилось.

Первая постоянная краковская типография основана в 1503 г. в доме виноторговца Я.Халлера. В его типографии работали К.Хохфедер, В.Лерн и Ф.Унглер. Последний до заведования в 1516-1527 гг. типографией Халлера самостоятельно занимался книгопечатанием. Если в типографии Я.Халлера издавались книги в основном на латинском языке, то роль Ф.Унглера велика именно в издании книг на польском языке. В 1513 г. он издал первую польскую печатную книгу: польский перевод средневекового молитвенника "Hortus animae", сделанный Бернатом из Люблина и имеющий польское название "Raj duszny". Ф.Унглер издал также трактат С.Заборовского, а в 1521-1536 гг. из его типографии выходят в свет труды по ботанике и географии (например, книга С.Фалимижа "О лекарственных травах и их силе").

Известной в Кракове была и типография силезца И.Ветора, первоначально работавшего в Вене, а в 1518 г. переехавшего в Краков.

Ф.Унглер и И.Ветор пропагандировали польский язык не только путем издания книг на польском языке, но и в предисловиях к издаваемым ими книгам.

Всего в Кракове в начале XVI в., по данным польского исследователя М.Рожека²⁶, было 23 типографии.

Крупными, хотя и менее значительными, чем Краков, центрами книгопечатания на польском языке были Кенигсберг и Брест. В брестской типографии в 1563 г. был издан знаменитый лютеранский вариант Библии - "Biblia brzeska".

Краковские печатники, на практике выработав основы польской графики и орфографии, путем распространения печатных произведений вводили ее в жизнь. Однако до середины XVI в. функцию литературного языка выполнял латинский язык (так, М.Коперник свои произведения писал на латыни), и только с середины XVI в. благодаря литературному творчеству целой плеяды деятелей эпохи польского Ренессанса (М.Рея, Я.Кохановского, Л.Гурицкого, П.Скарги и др.) начинается история собственно литературного польского языка.

Конечно, польский язык не сразу завоевал положение полноправного и способного к выполнению всех функций литературного языка. Так, некоторые литераторы эпохи Возрождения остались верны латыни. Ср. известное двустишие М.Рея, демонстрирующее прямо противоположное отношение к родному языку:

A niechaj narodowie wżdy postronni znają,
Iż Polacy nie gęsi, iż swój język mają.

Материалом по начальному этапу среднепольского периода до середины XVI в. могут служить данные полемики протестантов и католического духовенства (например, трактат М.Кромера "Монах" 1551 г.).

Источниками, к которым обращается исследователь среднепольского периода, являются также высказывания о польском языке и грамматике польского языка, написанные в основном иностранцами.

Наиболее значительные грамматики среднепольского периода - это грамматики П.Статориус-Стоенского, М.Фолькмара, Ф.Менье-Менинского и Я.К.Войны.

1. Первая подлинная грамматика польского языка написана на латинском языке и издана в Кракове в 1568 г. Эта грамматика, созданная французом П.Статориус-Стоенским, называлась "Polonicae grammatices institutio".

Дать описание общенационального языка, который находился еще в состоянии формирования, было необычайно сложно. З.Клеменевич подчеркивает, что методологическая зрелость П.Стоенского проявилась в том, что основным источником его исследования были произведения лучших польских авторов того времени (М.Рея, Я.Кохановского), а также разговорный язык. П.Зволинский считал, что эта

²⁶ Rożek M. Topografia krakowskich drukarń od XV do XVIII wieku // Język Polski. 1971. № 3. S.184-194.

грамматика представляет собой описание особенностей произведения М. Рея "Зверинец". П. Статориус сумел выделить некоторые диалектизмы и регионализмы (замечания о мазурении, о переходе начального ja в je и др.). В фонетической части работы П. Стоенский исходил не из звучания, а из написания буквы. По латинскому образцу в склонении он выделил шесть падежей, включив в Ablativ все польские формы, отсутствующие в латинском языке. П. Стоенский различал три типа склонения по родам. Так как он исходил из буквы, а не из звука, то не смог выделить правильные окончания и нередко объединял в их составе последние буквы основы. В результате в имени получилось около 150 парадигм с большим количеством одинаковых флексий, а в глаголе семь типов спряжения.

2. В 1594 г. М. Фолькмаром была издана на латинском языке грамматика польского языка "Compendium linguae polonicae". Во вступительной части М. Фолькмар дает обзор польских букв и звуков. Находясь под влиянием письма, автор нередко делает неправильные выводы о произношении: так, например, он различает четыре вида с (с, ś, sz и ch). В склонении существительного выделяются три родовые парадигмы и восемь падежей (включая Ablativ). Польский глагол излагается по образцу латинского: так, в польском языке выделяется шесть наклонений и пять времен. Большое место в грамматике уделяется предлогам и наречиям.

3. В 1649 г. вышла в свет на латинском языке грамматика Ф. Менье-Менинского "Grammatica seu Institutio Polonicae linguae". Эта грамматика по сравнению с предыдущими является более ценной по фактическому материалу. В фонетике наблюдается то же смешение буквы и звука. В склонении существительных отмечаются те же три типа. В глаголе также выделяются три типа спряжения (типы спряжения устанавливаются по 1-му л. настоящего времени: -ę, -am и -em). Как и М. Фолькмар, Ф. Менинский различает пять времен и пять наклонений (у Ф. Менинского в грамматике, в отличие от М. Фолькмара, отсутствует *potentialis*). В грамматике Ф. Менинского говорится и о синтаксическом употреблении различных частей речи.

4. Грамматика первого польского автора написана также на латинском языке. Это "Compendiosa Linguae Polonicae Institutio" Я. К. Войны, изданная в 1690 г. В фонетике наблюдается прежнее смешение буквы и звука. В склонении существительных и прилагательных выделяются три родовых типа склонения, а в каждом из этих типов по семь падежей. Имеются замечания по словообразованию существительного и прилагательного. В изложении глагола уменьшено число наклонений, автор пытается иначе рассматривать временные формы, но нечеткое понимание роли вида мешает ему найти правильное решение. В сравнительном плане с латинским языком дан анализ синтаксических связей согласования и управления в различных частях речи.

Важнейшими словарями польского языка среднепольского периода являются:

1. Первый большой польский словарь Я.Мончинского "Lexicon latino-polonicum", изданный в Кенигсберге в 1565 г. Словарь отличается богатством фактического материала: автор дает польские соответствия латинским словам, используя и архаизмы, и неологизмы, и провинциализмы, и просторечия. При отсутствии соответствующего слова в польском языке предлагается описательная характеристика на польском языке или определение, отмечается немецкое или чешское происхождение слова.

2. Самый знаменитый словарь этого периода - словарь Г.Кнапского под названием "Thesaurus polonolatinograecus seu promtuarum linguae latinae et graecae Polonorum usui accomodatium". Словарь вышел в Кракове в 1621 г. Слова в нем расположены в алфавитном порядке, причем польская часть на первом месте, значения приводятся начиная от общих к частным. Очень редко даются определения значений, а не точные польские эквиваленты. В отличие от своих предшественников Г.Кнапский руководствовался определенными критериями при характеристике слов.

3. Клеменевич выделяет такие критерии, как: исконный или заимствованный характер слова (проявляется, в частности, в отказе от избыточных латинизмов при сохранении слов латинского происхождения, которым нет соответствия в польском); принадлежность слова письменному языку, языку образованных людей или диалектный, просторечный его характер (проявляется в употреблении соответствующих помет); исключение из словаря "неприличных", бранных слов и архаизмов²⁷.

Язык послеренессансного упадка периода победы католицизма над лютеранством отражают прозаические произведения середины XVII-XVIII в., изобилующие в условиях послереформаторского возрождения латыни макаронизмами. З.Клеменевич выделяет два вида макаронизмов: 1) вплетение в латинский текст слов родного языка с латинскими окончаниями; стилистический прием, вызывающий юмористический эффект. Создателем именно такого стиля был итальянец Тито Одаси в неоконченном произведении "Masaopoea" (1490). Примеры стилизации такого рода известны, например, у Я.Кохановского; 2) вплетение в польский текст латинских слов и целых фраз, так называемая "mieszanka polsko-lacińska". Макаронизмы второго вида особенно участились с середины XVII и в XVIII в. Эта манера была, как пишет З.Клеменевич, "производящим наиболее неприятное впечатление недостатком языка среднепольской эпохи"²⁸. Ярким образцом такой

27 О других менее значительных словарях и грамматиках этого периода см.: Klemensiewicz Z. Op.cit. S. 352-357.

28 Ibid. S. 404.

"польско-латинской смеси" являются отдельные страницы "Дневников" Я.Пасека.

Начиная со второй половины XVII и особенно в XVIII в. происходит усиление влияния французского языка, что также отражается в литературе. Центром распространения французского языка был королевский двор. При дворах двух польских королей французского происхождения (Марии Людвики Гонзага и Марии д'Аржэ, известной в истории как "Марысенька Собеская") фрейлины были в основном французского происхождения. Придворным языком был французский. Еще одним очагом распространения французского языка был варшавский монашеский орден визиток (с 1654 г. в Варшаве), где воспитывались 12 девушек самых знатных родов. В 1699 г. для монашеского ордена сакраменток в Варшаве была написана первая грамматика французского языка Душенбийо. Господство французского языка сохраняется и при немецко-французском дворе саксонской династии. Распространителем французского языка были и иезуиты. В 1736 г. в Краковском университете открывается кафедра французского языка.

3. Источники новопольского периода. Орфографические реформы

Как и для среднепольской, для новопольской эпохи источником является вся огромная литература данного периода. Это и произведения писателей эпохи Просвещения, пришедшей на смену упадку предшествующего периода (С.Трембецкий, И.Красицкий и др.). Это и произведения писателей эпохи варшавского классицизма (по словам С.Слонского, это был период "салонной правильности"²⁹), и поэтические произведения польских романтиков, сблизивших литературный (в частности, поэтический) язык с языком народа (С.Гоцинский, А.Мицкевич, Ю.Словацкий и др.). Это, наконец, и проза XIX в., как начала века (Ю.Кожневский, Ю.Крашевский), так и периода ее расцвета (Г.Сенкевич, Б.Прус, Э.Ожешко, В.Реймонт, К.Тетмайер, В.Оркан, С.Жеромский). Это и литература межвоенного двадцатилетия, и произведения современных писателей.

Как и для предшествующего периода, историк новопольской эпохи привлекает для исследования материалы словарей и грамматик. Останемся на трех наиболее значительных грамматиках новопольского периода: О.Копчинского, Ю.Мрозинского и А.Крынского³⁰.

Книга О.Копчинского "Gramatyka dla szkół narodowych" была подготовлена по поручению Комиссии по делам образования ("Komisja

²⁹ Słownik S. Op.cit. S. 133.

³⁰ Об остальных грамматиках XIX в. см., например: Kłemiesiewicz Z. Op.cit. Описание польских грамматик, вышедших после 1918 г., входит в курс "Грамматика современного польского литературного языка".

Edukacji Narodowej”), созданной в 1773 г., и содержала грамматику польского и латинского языков. В 1778-1783 гг. вышли в свет три части этой грамматики для I-III классов (I часть - 1778 г., II часть - 1780, III часть - 1783 г.).

Грамматика О.Копчинского является типичной донучной грамматикой нормализаторского толка: норму автор не выводит из языковой реальности, а навязывает ее языку путем имеющих нередко субъективный характер рекомендаций и искусственных правил (вроде рекомендаций для поляков XIX в. употреблять в глагольном спряжении формы дв. числа). Приводятся фантастические этимологии: *Sandomierz* происходит от выражения *San domierza (do Wisły)* и под. О.Копчинский ввел и искусственные орфографические правила: так, несмотря на утрату суженных гласных в польском языке конца XVIII в., он предлагает употреблять “крески” над а, о, е; предлагает “кресками” обозначать и мягкие губные *ń, ń, ń, ń* (утратившиеся к тому времени на конце слова, т.е. в позиции, где требовалось бы такое обозначение); вводит искусственное различие тв.-мест.п.ед.ч. прилагательных и местоимений м. и ср. р.: для м.р. в тв.-мест.п. -*um/-im*, а для ср.р. -*em*; предлагает сохранять на письме непроизносимое *ł* в деепричастиях типа *zjadłszy*; в инфинитиве предлагает писать *dz* и *dź* при произношении *с, ć* (*biedz, bydź, kładź*), а в иностранных словах писать не *j*, а *y* (*Gregya*) и *i* (*Tobiasz*).

Основной ценностью этой грамматики является терминотворчество ее автора. О.Копчинский создал многие употребляющиеся до сих пор грамматические термины: *imiesłów* ‘причастие’, *przyimek* ‘предлог’, *spójnik* ‘союз’, *cudzymów // cudzysłów* ‘кавычки’, *dwukropek* ‘двоеточие’, *przecinek* ‘запятая’, *iloczas* ‘долгота’, *pisownia* ‘орфография’, *niedokonały* ‘несовершенный’, *dokonały* ‘совершенный’, *czynny* ‘действительный’, *bierny* ‘страдательный’, *tryb bezokoliczny* ‘безличное наклонение’, *tryb oznajmujący* ‘изъявительное наклонение’, *tryb rozkazujący* ‘повелительное наклонение’, *słowo jednopłciwe* ‘однократный глагол’, *słowo częstotliwe* ‘многократный глагол’. От О.Копчинского идет и современная традиция употребления польских, а не латинских названий падежей.

З.Клеменевич называет первой научной грамматикой польского языка грамматику Ю.Мрозинского, изданную в 1822 г. под названием “*Pierwsze zasady gramatyki języka polskiego*”.

Ю.Мрозинский различает звук и букву и даже пользуется фонетической транскрипцией (“*ortografia gramatyczna*” в его терминологии). По словам З.Клеменевича, автор владеет методом описания языкового факта, но не владеет сравнительно-историческим методом и при попытках объяснить тот или иной факт терпит неудачу. В 1827 г. Ю.Мрозинского приглашают в состав комиссии (“*Deputacji ortograficznej*”), которая была создана Обществом друзей науки, не

принявшим орфографической реформы О.Копчинского. В 1830 г. вышел труд этой комиссии под названием "Rozprawy i wnioski o ortografię polskiej". Ю.Мрозинскому принадлежит половина этого произведения. Главные предложения комиссии: 1) отмена á; 2) введение j (jak, mój, wjazd); 3) сохранение в иностранных словах -ya, -ia (Marya, Julia); 4) сохранение, как у О.Копчинского, -ym / -im в ед.ч. тв.-мест.п. м.р., а в тв.-мест. п. ед.ч. ср.р. -em (у О.Копчинского -ém); в тв.п. мн.ч. для всех родов одно окончание -emi; 5) в инфинитиве писать с, ć и dz (buć, piec, módz).

Эти правила были шагом вперед по сравнению с правилами О.Копчинского, но отличались непоследовательностью (ср. пункты 4 и 5).

В 1881 г. в редакции "Варшавской библиотеки" состоялась конференция ученых, учителей и редакторов, которая поручила создание орфографических правил варшавскому профессору Адаму Крынскому. Однако Краковская академия наук (Krakowska Akademia Umiejętności) не приняла варшавский проект и в 1891 г. издала свои правила, мало чем отличающиеся от программы "Deputacji" (кроме указанных пунктов заслуживает внимания правило о написании иностранных слов с ge - geografia). Языковедов не удовлетворяла эта компромиссная орфография. Их взгляды выразил в своей грамматике А.Крынский.

"Gramatyka języka polskiego" А.Крынского в 1900 г. была награждена Академией наук и несколько раз переиздавалась.

А.Крынский, не удовлетворенный половинчатой реформой Академии, предлагает в грамматике свои орфографические правила, опирающиеся на реальное произношение: 1) во всех иностранных словах писать j (Marja, Julja); 2) на конце инфинитива писать с и ć (kłaść, móc, piec); 3) в иностранных словах сочетания задненёбных k, g с e писать как kie, gie (gieografia, kielner); 4) в тв.-мест.п. ед.ч. м. и ср.р. прилагательных и местоимений писать -ym / -im, а в тв.п. мн.ч. во всех родах -ymi / -imi.

Однако не все редакции безоговорочно приняли эту орфографию. Только после 1906 г., когда созданная на краковском историко-литературном съезде имени М.Рея специальная орфографическая комиссия приняла с небольшими изменениями орфографию А.Крынского, она стала господствующей. Однако издания Академии сохраняли верность правилам от 1891 г.

Орфографические правила еще дважды подвергались изменениям: в 1917-1918 и в 1936 гг.

Реформа 1918 г. является шагом назад по сравнению с правилами А.Крынского. Она разработана в Кракове на совместном заседании представителей Школьного совета академии наук и Варшавского научного общества с привлечением к участию делегатов Временного государственного совета и в несколько измененном виде принята в

1918 г. Академией. Эти правила были утверждены Министерством вероисповеданий и общественного просвещения и включали следующие пункты: 1) в иностранных словах предписывалось писать *j* (Marja), только в начальных слогах писалось *i* (dialekt, biolog); в род.п.ед.ч. иностранных слов на *-ja* пишется *-ji* (Marji, Julji), а в остальных случаях нигде не пишется *-ji* (szyi, nadziei); 2) в род.п. мн.ч. существительных на *-ja* следует писать *-yj/-ij* (linij, lekcuj); 3) в инфинитиве надо писать с *и́*; 4) в деепричастиях сохраняется *l*; 5) в иностранных словах пишутся сочетания *ge, ke*; 6) в окончаниях тв.-мест.п. ед.ч. следует различать м. и ср.р. *-ym / -im ~ ср.р. -em*, а в тв.п.мн.ч. - личную и неличную формы (л.-м. *-ymi / -imi ~ н.-м. -emi*).

Постановление 1936 г. содержит орфографические правила, разработанные специальным Орфографическим комитетом и действующие до настоящего времени: 1) в иностранных словах писать *ia, ja* пишется только после *s, z, s*; 2) в род.п. мн.ч. слов на *-ia/-ja* пишется соответственно *-ii/-ji* (lekcji, kwestii); 3) в инфинитиве пишется с *и́*; 4) *l* сохраняется в деепричастиях типа *zjadlszy*; 5) в иностранных словах писать *ke, ge*; 6) в тв.-мест.п. ед.ч. и тв.п. мн.ч. не различать м. и ср.р. и личные-неличные формы: тв.-мест.п. ед.ч. — *-ym/-im*, тв.п. мн.ч. — *-ymi/-imi*.

Различные этапы в развитии лексики и словообразования новопольского периода отражают следующие четыре словаря:

1) словарь С.Линде (L i n d e S.B. Słownik języka polskiego, t. I-VI; I том вышел в 1807 г., VI том - в 1814 г.);

2) так называемый "Варшавский словарь" А.Крынского, В.Недзвецкого и Я.Карловича (K r y ń s k i A., N i e d ź w i e d z k i W., K a r ł o w i c z J. Słownik języka polskiego, t. I-VIII; I том вышел в 1900 г., а VIII том - в 1927 г.);

3) так называемый "Виленский словарь" под ред. М.Оргельбранда (Słownik języka polskiego, t. 1-2. Wilno, 1861);

4) многотомный словарь польского языка по ред. В.Дорошевского (Słownik języka polskiego, том I вышел в 1958 г., том XI - в 1969 г.).

Язык последних десятилетий XX в. отражает трехтомный Словарь польского языка под ред. М.Шимчака (Słownik języka polskiego, t. I-III; I том вышел в 1978 г., II том - в 1979, III том - в 1981 г.).

ДИАЛЕКТОЛОГИЯ

§ 11. Предмет диалектологии

Предмет диалектологии составляют территориальные крестьянские диалекты¹ (от греч. *ἡ διάλεκτος* "язык, речь"), являющиеся как наследием древних племенных различий, так и возникшие в новое время в силу тех или иных исторических причин (например в результате языкового сдвига вследствие контактов с другим диалектом и т.п.). Для истории языка первостепенное значение имеют диалекты первого типа.

Границы понятия "крестьянский диалект" достаточно неопределены. Часто его употребляют наряду с термином "говор" по отношению к языку крестьян одного населенного пункта. Термин "диалект" может относиться и к целой группе говоров определенного ареала, имеющих ряд общих особенностей. В таком широком смысле слова употребляется понятие "диалект" в словосочетаниях *малопольский диалект*, *великопольский диалект* и т.п. Совокупность говоров, обладающих рядом общих диалектных особенностей, иногда называют также *наречием*.

§ 12. Краткая история польской диалектологии.

Краковская и Варшавская школы

В истории польской диалектологии можно выделить этапы, подобные тем трем, которые выделяются для истории русской диалектологии² и которые, по всей видимости, являются закономерными в истории любой славянской диалектологии, на каком бы из этих этапов развития она в данный момент ни находилась.

На первом (донаучном) этапе развития диалектология зарождается в недрах этнографии, где язык рассматривается наряду с другими проявлениями материальной и духовной жизни народа (фольклором, изобразительным искусством и т.д.). На втором этапе диалектология перестает быть частью этнографии и становится самостоятельным разделом лингвистики, в котором дается перечень определенных языковых черт (в первую очередь фонетических, а также морфологических). На их основе осуществляется классификация наречий и говоров.

1 Кроме территориальных диалектов лингвисты различают также социальные диалекты (профессиональные жаргоны, диалекты различных слоев городского населения, например, студенческий сленг и т.п.). Диалекты такого рода (*dialekty lub gwary socjalne, zawodowe, środowiskowe*) отличаются от литературного языка в первую очередь лексикой, которая в качестве стилистически маркированной является предметом стилистики.

2 Русская диалектология / Под ред. Р.И. Аванесова и В.Г. Орловой. М., 1964.

Третий этап связан с применением к диалекту идеи о системном характере языка. Эта идея может иметь различные формы и степень воплощения в национальных диалектологических школах.

Первый этап в истории польской диалектологии начинается с 70-х гг. XIX в. и представлен в первую очередь именами Л.Малиновского, исследовавшего польские диалекты Силезии, и Я.Карловича, редактора этнографического журнала "Висла" и автора до сих пор не превзойденного "Словаря польских говоров"³.

Второй этап в польской диалектологии - начало XX в. К этому этапу относится деятельность выдающегося польского диалектолога, ученика Л.Малиновского К.Нича (1874-1958), который, применяя метод лингвистической географии (нанесение на географическую карту ряда признаков польских диалектов, отличающих их от литературного языка), создал классификацию польских диалектов. Первая попытка классификации предпринята в работе "Mowa ludu polskiego" (1911), а в 1913 г. в III томе "Encyklopedii polskiej" появляется классический труд К.Нича "Dialekty języka polskiego".

К.Нич описывал современное ему состояние диалектов и от него шел к выяснению истории отдельных диалектных особенностей (в первую очередь фонетических), истории формирования диалектных групп. Созданную им польскую описательную диалектологию (или диалектографию по терминологии автора монографии "Dialekty polskie" К.Дейны) К.Нич считал основным источником и для исторической диалектологии (и тем самым и для истории языка) по сравнению с памятниками (филологическим методом реконструкции польских диалектов, называемым К.Ничем "филологической диалектологией"). Такой подход К.Нича к данным диалектов нашел яркое выражение в его роли в дискуссии о диалектной основе литературного польского языка, в результате которой расширились знания о современных диалектах и их прошлом (см. § 9).

К.Нич является основателем Краковской диалектологической школы, традиции которой продолжают развиваться в польской диалектологии до настоящего времени. Противопоставление двух польских диалектологических школ - Краковской и Варшавской - начинается с появления в 30-х гг. работ В.Дорошевского и других представителей варшавского направления⁴. Варшавская школа, возникнув позднее и с этого времени существующая наряду с классической Краковской школой, принадлежит тем не менее к новому этапу в развитии диалектологии — этапу, связанному с идеей о системном характере любого языка, в том числе и крестьянского говора.

³ Karłowicz J. Słownik gwar polskich. Kraków, 1900-1911. T. I-VI.

⁴ Doroszewski W. Mowa mieszkańców wsi Staroźreby // Prace Filologiczne. 1934. № XVI; Friedrich H. Studia nad nosowością w gwarach Mazowsza. Warszawa, 1937.

Краковская школа (К.Нич, М.Малэцкий и др.) ориентируется на изучение старых крестьянских диалектов с точки зрения их отличий от литературного языка и в связи с этим на описание регулярного, типичного в диалекте по установленной К.Ничем шкале дифференциальных признаков (разновидность дифференциального описания). Представители же Варшавской школы (В.Дорошевский, Х.Фридрих, Я.Токарский), исходя из сосюрковского постулата о системности языка, предлагали описывать в диалектном языке все: центральное и периферийное, регулярное и индивидуальное, частотное и малочастотное. Редкие, индивидуальные, периферийные явления фиксируются потому, что они свидетельствуют о "зарождении" или, наоборот, "угасании" какой-либо тенденции, о возникновении нормы. Для Варшавской школы, по словам ее создателя В.Дорошевского, важной является "диалектика говора". Таким образом, представители варшавского направления, изучая речевую реализацию той или иной языковой особенности (например, мазурения или ринезма гласных), по своему интересу к *la parole* сближаются с так называемым социолингвистическим направлением в лингвистике. При этом основным уровнем исследования для "варшавян" были фонетика и фонология ("крупные фонетические факты", по словам В.Дорошевского). Эти факты записывались методом непосредственного впечатления (*metoda impresjonistyczna*), который исключает какое-либо обобщение и последующее исправление записи, и подвергались статистической обработке. Материалом для таких исследований послужили говоры Мазовья, на территории которого расположена Варшава.

Споры между сторонниками краковского и варшавского направлений были актуальны в большей степени до второй мировой войны. После 1945 г. усилия всех польских диалектологов концентрируются на решении объединяющей все школы и методы задачи - сбор материалов для Малого атласа польских говоров и будущего сводного словаря польских говоров в условиях процесса нивелирования диалектных различий вследствие усиления влияния литературного языка на язык крестьянского населения в новых общественно-исторических условиях.

Подходу к диалекту в оппозиции его к литературному языку, характерному для первых двух этапов развития диалектологии, соответствует и первоначальный принцип составления диалектных словарей. Это словари дифференциального типа: в них приводится только лексика, отсутствующая в литературном языке, а слова, общие для диалекта и литературного языка, опускаются. К такого рода словарям относятся и диалектные словарики конца XIX в., и словари межвоенного двадцатилетия, являющиеся в большинстве случаев приложениями к монографиям (например: K l i c h E. *Narzędzie wsi Borki Nizińskie*, 1919; Ś w i d e r s k a H. *Dialekt Księstwa Łowickiego*, 1929;

Gwara ślemieńska, I. Słownik, 1930; T o m a s z e w s k i A. Gwara Łopienna i okolicy w północnej Wielkopolsce, 1930; и др.), и многие словари послевоенной поры (Z a r ę b a A. Słownictwo Niepołomic, 1954; Słownik Starych Siółkowiec w pow. opolskim, 1960; B ą k P. Słownictwo okolic Kramska na tle kultury ludowej, 1960 и мн.др.). Подобную структуру имеют и издаваемые с 1958 г. монографии цикла "Słownictwo Warmii i Mazur". "Słownik gwar polskich" Я.Карловича, до настоящего времени являющийся основным источником сведений о диалектной лексике польского языка, представляет собой также словарь дифференциального типа.

Для послевоенного периода развития польской диалектологии характерны две особенности: 1) появление сводного атласа польских говоров и большого количества региональных атласов (см. § 13); 2) выход в свет большого количества монографических описаний отдельных говоров или групп говоров, а также диалектных словарей. Эти труды подготавливают основу для осуществления мечты нескольких поколений польских диалектологов: создания Большого атласа польских говоров и Большого словаря польских говоров.

Однако до сих пор еще в недостаточной степени исследованы все уровни диалектной системы (особенно это касается лексики и синтаксиса), неравномерна степень изученности всех диалектных зон (в частности, слабо исследованы диалекты северных и западных земель, восточного пограничья, польские говоры за пределами этнографической Польши). При современном темпе трансформации говоров эти задачи требуют скорейшего решения.

В большинстве современных работ говоры описываются по шкале деленных К.Ничем диалектных признаков. Тем не менее в последнее время появляются и монографии, где предпринимается попытка выйти от атомистического анализа отдельных диалектных различий в сопоставлении с литературным эталоном и дать синхронное описание диалектной системы. Примером такой работы является монография Мазура, посвященная говорам окрестностей Билгорая, особенно ее I часть "Фонология"⁵.

Еще раньше, чем в монографических исследованиях, принцип полного описания одного из фрагментов системы проявился в диалектной лексикографии, когда на смену словарям дифференциального типа приходят полные диалектные словари определенного пункта или целой диалектной зоны, включающие как общее с литературным языком, так и отличное от него. Первым словарем подобного типа был словарь трех малопольских деревень М.Куцалы⁶. К словарям такого же

М а з у р J. Gwary okolic Bilgoraja. Cz. I. Fonologia. Warszawa etc., 1976; Cz. II. Fleksja. Wrocław etc., 1978. Подробный разбор монографии Я.Мазура см.: А н а н ь е в а Н.Е. Об изучении юго-восточной разновидности периферийного польского диалекта в ПНР (ранее 70-х годов) // ОЛА. Материалы и исследования 1979. М., 1981. С. 343-357.

рода относятся, например: "Słownik gwary Domaniewka w pow. Ięśczyckim" М.Шымчака, семантический "Słownik gwar kaszubskich na tle kultury ludowej" Б.Сыхты, "Słownik chełmińsko-dobrzyński (Siemogó, Dulsk)" Е.Мачеевского, словарь мальборского говора Х.Гурновича⁷ и др. Одной из главных задач польской диалектологии, как уже отмечалось, является создание Большого польского диалектного словаря полного типа, в котором бы отразился богатый материал, накопленный диалектной лексикологией в течение XX в. Работы над словарем такого типа были начаты К.Ничем, продолжены М.Карасем и осуществляются в настоящее время в секторе диалектологии Академии наук в Кракове. Из печати вышли первые три тома этого словаря⁸.

Одновременно необходимо продолжать сбор лексического материала, который позволит расширить и углубить сведения по диалектной морфологии и в особенности по диалектному словообразованию.

В условиях, по выражению Я.Токарского, "десинтеграции диалектных целостностей", когда диалекты становятся смешанными, при трансформации диалектов старого типа под влиянием литературного языка (особенно у молодого и среднего поколений) встает задача выяснить, какие особенности сохраняются дольше, а какие утрачиваются быстрее при контакте (или интеграции) с литературным языком. При этом большое значение приобретает методика исследований Варшавской диалектологической школы, дополненная социолингвистическим анализом⁹.

§ 13. Польская лингвистическая география

Лингвистическая география (ареальная лингвистика) изучает размещение на географической карте диалектных явлений. При использовании метода лингвистической географии устанавливается определенная сетка пунктов, которые надлежит обследовать по составленному заранее вопроснику. На основе собранного в этих пунктах материала составляются карты, на которых пункты с одним и тем же диалектным различием соединяются одной линией (изоглоссой) или помечаются одним и тем же знаком в атласах знакового типа. В легенде каждой карты дается перечень условных знаков - различных геометрических фигур, видов штриховки и т.д., которые нанесены на карту.

6 K u c a ł a М. Porównawczy słownik trzech wsi małopolskich. Wrocław, 1957.

7 G ó r n o w i c z Н. Dialekt malborski. Słownik. Gdańsk, 1973-1974. Т. 2. Zesz. 1-2.

8 Słownik gwar polskich. Zeszyt próbny. Wrocław, 1964; Słownik gwar polskich. Wrocław etc., 1979-1982. Т. I. Zesz. 1-3; Wrocław etc., 1983. Т. II. Zesz. 1-3; Wrocław etc., 1989. Т. III. Zesz. 1.

9 См. также следующие обзоры состояния польской диалектографии: Толстая С.М. Современное состояние польской диалектологии // Советское славяноведение. 1973. № 5; Плотникова А.А. Польская диалектная лексикография последних десятилетий // Вопр. языкознания. 1992. № 1.

Основоположником лингвистической географии является французский языковед Ж. Жильерон, автор первого в мире лингвистического атласа "Atlas linguistique de France", который он создал в соавторстве с Эдмоном. В Польше лингвистическая география имеет богатые традиции и находится на высоком уровне развития. Уже в начале XX в., применяя метод лингвистической географии (метод изоглосс) к некоторым особенностям польских диалектов, К. Нич, как уже отмечалось, создал классификацию польских диалектов. В результате последовательного картографирования языковых особенностей ряда диалектных зон в межвоенное двадцатилетие появляются первые польские региональные атласы.

В 1933 г. вышла в свет монография З. Штибера об изоглоссах на территории Ленчицкого и Серадского воеводств¹⁰. В 1934 г. появляется первый польский лингвистический атлас К. Нича и М. Малэцкого "Atlas Językowy polskiego Podkarpacka" - единственный из польских атласов, сделанный в традициях романской школы техникой надписей. Позднее вышла из печати работа Ю. Тарнацкого, посвященная лексическим изоглоссам на территории Полесья и Мазовшья¹¹.

Авторы первого польского регионального лингвистического атласа еще в 1939 г. выступили с проектом создания полного национального лингвистического атласа¹². В нем должны были быть представлены материалы не только на территории этнографической Польши, но и за ее пределами (в том числе и язык польской эмиграции), а также отражены региональные разновидности польского литературного языка. Предполагалось обследовать 600 пунктов при относительно густой сетке (1 пункт на 650 км²). Для сравнения: в атласе Жильерона 1 пункт приходится на 830 км². Планировалось, что на сборы материала потребуется шесть лет. Материал предполагалось собирать при помощи вопрошника, насчитывающего минимум 2000 вопросов. Начавшаяся вторая мировая война не позволила осуществить эти планы.

После окончания войны перед польскими диалектологами при усиливающемся процессе нивелирования старых диалектных различий встала задача в кратчайший срок собрать материал для сводного лингвистического атласа и в перспективе для Большого диалектного словаря польского языка. Публикуются не вышедшие до войны монографии по отдельным диалектам, ведутся новые исследования. Издание Большого диалектного атласа в 50-е гг. было невозможно по ряду причин: гибель многих ведущих польских диалектологов (М. Малэcko-

10 Stieber Z. Izoglosy gwarowe na obszarze województw Łęczyckiego i Sieradzkiego. Monografie polskich cech gwarowych, № 6. Kraków, 1933.

11 Tarnacki J. Studia nad geografją wyrazów (Polesie Mazowsze). Warszawa, 1939.

12 Malecki M., Nitsch K. Plan ogólnopolskiego atlasu językowego // Sprawozdania z Czynności i Posiedzeń PAU. 1939. XLIV. S.46-50; см. также: Nitsch K. Wybór pism filonistycznych, T.IV. Pisma dialektologiczne. Wrocław; Kraków, 1958. S.245-249.

го, Ю.Тарнацкого, А.Томашевского и др.), на смену которым еще не успело прийти следующее поколение; разная степень изученности отдельных районов; наконец, недостаточные финансовые возможности. Решено было ограничиться изданием Малого атласа. Количество пунктов в нем сократилось до 100, количество вопросов (в первую очередь лексического характера) - до 600. Этот атлас, как и последующие региональные атласы, относится к атласам знакового типа. В процессе работы над атласом менялась его концепция: если первые тома атласа имеют в основном лексико-семантический характер, то в последующих все большее значение приобретает фонетико-грамматический аспект. В атласе появляются специальные фонетические и грамматические карты. В 1970 г. этот фундаментальный труд был завершен выходом в свет 13-го тома¹³.

Одновременно с работой над сводным атласом продолжается публикация новых региональных диалектных атласов, картографирующих материал как пограничных и смешанных польских говоров, так и говоров этнографической Польши. К первым относится атлас польско-ляшского языкового пограничья К.Дейны¹⁴, атлас З.Соберайского, картографирующий особенности 49 польских и словацких спишских сел¹⁵. В 1968 г. завершилось издание семи томов атласа келецких говоров К.Дейны¹⁶. С 1969 г. А.Заремба издавал атлас диалектов Силезии¹⁷. На материале говоров Великой Польши создан неизвестный до сих пор полонистике тип этнографическо-лингвистического атласа¹⁸. Северные районы Великой Польши (Хелминско-Добжинской земли) предполагалось представить в атласе этой территории. Собраны были материалы и для атласа Люблинщины¹⁹. В 1971 г. появился первый том атласа мазовецких говоров²⁰. Наконец, в 1978 г. завершилась грандиозная работа над изданием 15- томного атласа кашубских говоров²¹.

13 Mały atlas gwar polskich. Kraków. 1957-1970. T.I-XIII (принятое сокращение MAGP).

14 De j n a K. Polsko-laskie pogranicze językowe na terenie Polski. Atlas. Łódź, 1951. Cz I

15 S o b i e r a j s k i Z. Atlas polskich gwar spiskich na terenie Polski i Czechosłowacji. Poznań, 1966-1977. T.I-IV.

16 De j n a K. Atlas językowy województwa kieleckiego. Łódź, 1962-1968. T.1-7.

17 Z a r ę b a A. Atlas językowy Śląska. Kraków, 1969-1976. T.1-5.

18 Atlas języka i kultury ludowej Wielkopolski / Red. Z.Sobierajski, J.Burszta. Wrocław et al. 1979-1990. T.I-VI

19 S m o c z y ń s k i P. Komunikat o Atlasie gwar Lubelszczyzny // Język Polski. 1951 XXXIII. S.78-80; S m o c z y ń s k i P. Kwestionariusz do Atlasu gwar Lubelszczyzny. Lublin, 1965.

20 Atlas gwar mazowieckich. Wrocław et., 1971-1978. T.1-4.

21 Atlas językowy kaszubszczyzny i dialektów sąsiednich (T.I-VI pod kierunkiem Z.Stieberg, T.VII-XV pod kierunkiem H.Popowskiej-Taborskiej). Wrocław, 1964-1978. T.I-XV (принятое сокращение - AJK).

Главной перспективой польской лингвистической географии является создание Большого атласа польских говоров. Конкретный план работы над таким атласом намечен в статье К. Дейны "Główne problemy dialektologii polskiej". Автор предлагает использовать вопросник из 2500 вопросов дополнительно к материалам, имеющимся в региональных атласах и других источниках, обследовать 700 заранее намеченных пунктов, равномерно расположенных на территории всей Польши. Всю территорию предполагается разделить на десять секторов, за каждый из которых отвечал бы коллектив определенного вуза или научного учреждения, находящегося на этой территории. По каждому из вопросов для каждого из секторов предлагается составить рабочие карты, которые впоследствии будут объединены в одну карту будущего атласа.

§ 14. Основные понятия диалектологии

Раздел "Диалектология" в нашем учебнике опирается на достижения Краковской школы в виде ничевской классификации диалектов по шкале определенных признаков. Понятие диалектный признак, диалектная особенность, или диалектное различие (а с учетом нанесения того признака на географическую карту - изоглосса), является основным в диалектологии.

С момента зарождения диалектологии под диалектным признаком подразумеваются только те особенности, которые отличают язык крестьянского населения от языка книги, языка образованных слоев. Понятие диалектный признак с развитием представления о диалекте как о языковой системе, равноправной по своим лингвистическим (но не социально-функциональным!) особенностям с литературным языком, приобретает новое содержание и включает в себя не только отличное, но и общее, свойственное диалекту и литературному языку. Подобно различию в фонеме конститутивных и дифференциальных (дистинктивных) признаков, среди диалектных признаков, т.е. элементов диалектной системы, также можно выделить дифференциальные и конститутивные. Конститутивные признаки - это неизменяемая по диалектам часть системы национального языка, в которую входят как элементы, присущие только диалектам (полидиалектные признаки), так и общее для диалектов и литературного языка. Дифференциальные признаки - это варьирующаяся по диалектам часть системы национального языка. При этом вариант, представленный в литературном языке, совпадает с каким-либо диалектным вариантом. Например, одним из дифференциальных признаков польских диалектов является наличие-отсутствие мазурения. В литературном языке представлено отсутствие мазурения, совпадающее с великопольско-южносилезско-шувбским вариантами.

Дифференциальные диалектные признаки (диалектные различия) могут быть противопоставленными (например, в одних польских говорах в 1-м л.мн.ч. наст.вр. представлена флексия -*va*, в других — -*ta*, а в третьих — -*tu* или -*m*) и непротивопоставленными. Последние встречаются реже, чаще всего в лексике, когда какая-либо реалья есть только у носителей данного диалекта. Диалектные различия образуют так называемое соответственное явление, понимаемое как "соотносительность между различительными элементами единой системы языка или между элементами, занимающими в разных системах одно и то же место"²².

Классификация К.Нича учитывает, естественно, только дифференциальные признаки польских диалектов, причем рассматривает их в оппозиции к литературному языку.

Оппозицию "литературный язык - диалекты" имеет в виду и М.Карась, говоря об исторической изменчивости содержания понятия "диалектная особенность"²³. В период до формирования норм литературного языка (по терминологии М.Карася, период наличия парадналектов) в одном и том же памятнике встречаются, например, такие формы, как начальные *ja* и *je* (*jablko* и *jeblko*). Форму *jeblko*, по мнению М.Карася, для XIV-XV вв. нельзя считать диалектной особенностью, поскольку обе формы были возможны в языке письменности. Только когда сформировались нормы литературного языка в отношении того или иного признака, запрещающие употребление его в литературном языке (оппозиция "монодиалект - субдиалект"), начальное *je* или *f < chv* получает статус диалектной особенности. С появлением оппозиции "монодиалект - субдиалект" возможно использование диалектных элементов в целях диалектной стилизации (возможность существования оппозиции "субдиалект - субдиалект текста"). Иначе говоря, М.Карась говорит не о лингвистическом содержании понятия диалект, а о функциональном аспекте проблемы.

При лингвистическом подходе к диалекту понятие исторической изменяемости диалектной особенности аналогично понятию исторической изменяемости языковых особенностей литературного языка и не зависит от оппозиции диалекта к литературному языку (например, процесс утраты в польских диалектах сложного прошедшего времени). Хотя в ряде случаев на утрату того или иного диалектного явления может оказать его социальный статус (например, при исчезновении такой характерной особенности, как мазурение).

Диалектные различия, нанесенные на карту (изоглоссы), дифференцируются в зависимости от их типа: изофоны, изоморфы, изолексы

²² Аванесов Р.И., Бернштейн С.Б. Лингвистическая география и структура языка. М., 1958, С. 10.

²³ K a r a ś M. O hierarchii gwarowych środków stylizacyjnych (uwagi i propozycje) // zagadnień języka artystycznego. Warszawa-Kraków, 1977. S. 39-49.

и т. д. В классификации К. Нича чаще всего мы имеем дело с изофонами, в меньшей степени — с изоморфами. Характеристика польских диалектов по К. Ничу дополняется сведениями о лексической дифференциации польского диалектного языка, почерпнутыми из многочисленных диалектологических описаний и лексикографических работ. Недостаточный уровень исследования диалектных словообразования и синтаксиса не позволяет на данном этапе развития диалектологии представить дифференциацию польских диалектов в этом отношении.

§ 15. Классификация польских диалектов

Классификация польских говоров К. Нича исходит из двух изофон: наличия или отсутствия мазурения и звонкого или глухого типа межсловной фонетики (внешнего сандхи). При этом тип сандхи (произнесение звонкого или глухого согласного на конце слова перед начальным гласным или сонорным следующего слова) является более существенным классифицирующим признаком, так как границы звонкого и глухого сандхи совпадают с границами других диалектных различий. На основе указанных изофон и ограниченного числа сопровождающих их признаков К. Нич выделил в диалектном польском языке следующие собственно польские массивы: 1) великопольский; 2) некашубское Поморье и Вармия (новые немазуракающие диалекты), Хелминско-Добжинская земля; 3) силезский и малопольский (к малопольскому относятся исторически Серадское и Ленчицкое воеводства); 4) мазовецкий. Отдельно рассматриваются кашубские говоры, представляющие собой некогда самостоятельный славянский язык и только вследствие экстралингвистических причин ставшие диалектом польского языка.

Для отдельных зон некоторых из этнически польских диалектных массивов не исключается влияние иноязычного элемента, причем не только вследствие контактов полноязычного населения с носителями других языковых систем, но и как результат поглощения носителями определенной польской диалектной зоны непольского элемента. Так, для диалекта западного района Великой Польши (около Нижнего и Верхнего Крамск) предполагается участие лужицкого субстрата, а для района Вармии — прусского.

В составе крупных диалектных массивов различаются отдельные ареалы (диалектные группы, группы говоров, наречия), которые характеризуются наличием специфического набора диалектных признаков, отличающего определенную диалектную группу от других групп говоров данной диалектной территории. Великопольский диалектный массив образуют собственно великопольская, куявская, боровяцко-крайняцкая и хелминско-добжинская группы говоров. В свою очередь в собственно великопольской группе выделяются более мелкие диалектные зоны: центральновеликопольская, западновеликопольская, юж-

новеликопольская. Или в состав новых немазуракающих говоров входят кочевская, вармийско-острудская и мальборо-любавская группы говоров. Минимальной территориальной единицей диалектологического обследования является говор определенного населенного пункта. При этом существуют различные способы изучения говора одного населенного пункта. Одни исследователи считают, что объективную картину дает наибольшее число обследованных информантов, другие полагают, что надо изучать язык только старшего поколения, и, наконец, есть сторонники изучения языка отдельных (трех-четырех) представителей разных поколений, делающие на основании такого сбора материала выводы о направленности динамики диалектной системы (см. выше о Варшавской школе).

Кроме этнически польских массивов (хотя в отдельных их зонах, как было отмечено, возможно влияние иноязычного субстрата) выделяются смешанные и переходные говоры, возникающие на пограничье двух или более языковых систем. Четкого отличия переходного говора от смешанного в польской диалектологии не проводится. Отмечается, что как переходные, так и смешанные говоры имеют особенности обеих (или более) контактирующих систем. Единственным отличием смешанных говоров от переходных является меньшая последовательность первых в употреблении тех или иных особенностей: в одинаковых грамматических категориях в некоторых случаях могут употребляться формы одного из контактирующих языков, а в иных условиях - другого языка. Примером переходных говоров являются говоры, возникшие на чешско-словацко-польском пограничье (ляшские говоры). В случае переходных говоров трудно определить принадлежность говора к одной из контактирующих систем²⁴. О смешанных говорах говорят, когда обращаются к не исследованным в достаточной мере диалектам на землях, вновь заселенных поляками после второй мировой войны²⁵. Об отсутствии в польской диалектологии четкой дифференциации понятия "переходный" говор и "смешанный" свидетельствует, в частности, применение к диалектам вновь присоединенных к Польше земель и термина "переходные" говоры (К. Дейна). Учитывая это обстоятельство, а также то, что нет языков без элементов смешения и речь может идти только о различной степени смешения, следовало бы отказаться от термина "смешанный" говор²⁶.

24 О смешанных и переходных говорах см.: Stieber Z. Sposoby powstania słówiańskich gwar przejściowych // Prace Kom. Jęz. PAU. Kraków, 1938. № 27.

25 В последнее время появились работы, посвященные проблематике этих говоров: Zagórski Z. O badaniach integracji w zakresie świadomości językowej w kilku województwach zachodnich. Wrocław etc., 1982; Wyderka B. Język mówców mieszkających w Baborowa na Śląsku Opolskim. Fonologia. Wrocław etc., 1984.

26 В последнее время предприняты попытки более четко разграничить понятия "смешанный" и "переходный" говоры. Так, в докладе Э. Смулковой на Международной славистической конференции, посвященной смешанным и переходным диалектам на славянском пограничье, см. выше.

Результатом языковых контактов различного типа, возникших вследствие проникновения польского элемента на территорию Галицко-Волынской Руси и Великого Литовского княжества, является формирование периферийного польского диалекта, различные подтипы которого характеризуются разной степенью соотношения в нем восточнославянских, польских и литовских особенностей.

§ 16. Противопоставленные диалектные различия польских говоров

Кроме типов межсловной фонетики (сандхи) и отсутствия-наличия мазурения (или шире — различной судьбы рядов *s, z, c, ʒ; ʃ, ʒ, ʥ, ʒ; ś, ʒ, ʥ, ʒ* — см. § 9) в шкалу ничевских признаков входят также следующие основные фонетические признаки.

В области вокализма - это дифференциация в произношении:

1) континуантов др.-польск. *a, o, e* и *ö*; 2) континуантов др.-польск. носовых гласных (причем различия касаются как оральной артикуляции, так и характера ринезма) и аналогичных изменению носовых в большинстве диалектов континуантов др.-польск. *ę, ą* в группах *ęN* и *ąN*; 3) гласного *u* (наличие-отсутствие оппозиции *i-u*); 4) различный тип ударения.

В области консонантизма - это кроме двух основных указанных типов различия в произношении: 1) континуантов др.-польск. *v* в группах *kv, sv, tv*; 2) ряда мягких губных (синхронный-асинхронный характер мягкости) и связанной с этим твердости-мягкости губного в континуанте *s v* (типы *ś v i ń a - ś v y ń a - ś f y ń a*); 3) континуанта др.-польск. *x* на конце слова (сохранение его или переход в *k* или в *f*); 4) континуанта др.-польск. *ř*; 5) континуантов групп *s ř, z ř* (с вставкой, перестановкой и др.); 6) континуанта др.-польск. *ł*; 7) континуантов др.-польск. *k* и *g*. К явлениям, относящимся и к вокализму и к консонантизму, относятся различия в произношении начальных *vo-, ga-, ja-*.

В морфологии это такие изоморфы, как: 1) флексии индикатива и императива в 1-м и 2-м л.мн.ч.; 2) наличие-отсутствие оппозиции *'ev* и *ov* в дат.п.ед.ч. существительных м.р., прилагательных и в топонимах; 3) различная широта представленности морфонологического типа на *eli* в формах прошедшего времени (типы *ś al'i - ś el'i, lapal'i - lapel'i* и др.); 4) наличие - отсутствие традиционных чередований *e ~ o* и *e ~ a* в существительных и глаголах; 5) наличие-отсутствие оппозиции *y/i* в е в род.п.ед.ч. существительных ж.р. на *-a* (*ul'ice - baby*); 6) различия в направлении обобщения окончаний в им.-вин.п. ср.р. (по этимологии

в восточнославянских территориях (Люблин-Замостье, 1989), был выделен ряд критериев, отличающих переходные говоры от смешанных в качестве различных типов языковых контактов (например, обязательность близкой степени родства контактирующих языков в случае переходных говоров и отсутствие этого признака в смешанных и др.).

ческому краткому типу *role* или по этимологически долготу *żuśé < *żutyje*); 7) различия в направлении обобщения окончаний в местоименном типе склонения прилагательных и местоимениях *-ého* и *-ego* (по типу местоимений с континуантом краткого *-ego*, по типу прилагательных с континуантом долгого *-ého*); 8) наличие-отсутствие оппозиции *dva - dŵe* и характер распределения ее членов по родам; 9) отсутствие-наличие категории мужского лица в качестве лексико-грамматической в существительных и как категории синтаксического типа в остальных частях речи, связанных с существительным соответствующими синтаксическими связями; 10) словообразовательные типы *ćelę* и *ćelak*²⁷.

Некоторые перечисленные соотносительные явления имеют разнообразное воплощение в польских диалектах (ср. изменения в трех рядах, носовые, континуанты *ā, ǫ, ē, k, ġ*, групп *s ĩ, z ĩ*, мягкого ряда губных и др.). Другие имеют ограниченное число вариантов (самое минимальное - два). Диалектные признаки различаются характером противопоставленности одних диалектных групп другим и числом противопоставленных групп. Так, по наличию-отсутствию мазурения противопоставлены друг другу большие диалектные массивы: *восток* (т.е. мазуракающие Мазовье, северная Силезия, Малая Польша, кроме юго-восточного пояса к югу и востоку от Жешова) *западу* (т.е. немазуракающим Великой Польше, кроме западных районов с предполагаемым иноязычным субстратом, Куявии, Хелминско-Добжинской земле, Поморью, Мальборкскому воеводству, Вармии и южной Силезии). Западной особенностью, но более узкой сферы распространения, чем отсутствие мазурения, является также дифтонгизация континуантов долгих *ā, ǫ*. Отсутствуя на Куявах, в хелминско-добжинском диалекте, в Вармии, эта особенность характерна для собственно Великой Польши, в которой тенденция к дифтонгизации настолько сильна, что охватывает и конечный *-y*. Собственно великопольской особенностью является и сохранение древней оппозиции *'ev - ov*.

Ряд особенностей иначе группирует польские диалекты, противопоставляя северю югу (точнее, юго-западу). Кроме межсловного сандхи, сопровождаемого соответствующим типом сандхи губным в группах *kv, gv* (глухой тип и группы *kf, ĩf* на севере - звонкий тип и группы *kv, gv* на юге), сюда относятся такие особенности, как *северные* *re, je*, сохранение неметатезированного *lorĭ*, смешение *i* и *y*, асинхронный характер мягкого губного ряда и связанное с этим отверждение губного в группе *śf*, разнообразные нарушения оппозиции *ke, ġe - ke, ge* (вплоть до изменений *k ġ > ć ź* в северновеликопольских и кашубских говорах), морфонологические типы *śel'i, lel'i* или *lapel'i*, словообразо-

²⁷ О других более частных польских диалектных различиях см.: D e j n a K. *Dialekty polskie*. Wrocław etc., 1973. S.82-232.

вательный тип $\acute{c}$ elak / $\acute{c}$ elok, отсутствие $x > k$, обобщение dva для всех родов, противопоставляемые южным ga, ja, отсутствию нарушения в метатезе и смешения i - y, синхронному типу произношения мягких губных и типу $\acute{s}$ ví ňa, оппозиции ke - $\acute{k}$ e и ge - $\acute{g}$ e, формам $\acute{s}$ al'i и $\acute{l}$ aral'i, словообразовательному типу на e ($\acute{c}$ elę, lo $\acute{s}$ ę) или -ontko, наличию $x > k$ или $x > f$, различению dva и d $\acute{v}$ e.

Такие же явления, как сохранение вибрации в ģ или инициального (и тем более подвижного) типа ударения, относящиеся к архаическим чертам польских диалектов, сохраняются только в периферийных районах распространения польского языка: в Силезии и Кашубии, у малопольских горцев (см. § 21), противопоставляясь $\acute{z}$ / $\acute{s}$ < $\acute{r}$ и парокситоническому ударению большинства польских говоров и литературного языка.

Специфические особенности кашубских говоров (см. § 6) требуют их особого рассмотрения. Также отдельно рассматриваются польские говоры, возникшие на восточнославянском субстрате (§ 30), и те особенности польских говоров, которые обусловлены участием иноязычного субстрата (например, говоры на крайнем западе великопольского диалектного массива).

§ 17. Лексические особенности польских говоров

Наряду с общепольскими (т.е. общими для литературного языка и диалектов) и общедиалектными (общими для всех диалектов) словами для определенных районов Польши можно выделить специфическую, характерную только для этого ареала, группу лексем. Лексическая дифференциация может быть обусловлена различиями в географических и природных условиях и связанными с ними различиями в образе жизни и трудовой деятельности носителей тех или иных диалектов (ср., например, морской пейзаж и такие отрасли хозяйственно-культурной жизни, как рыболовство и обработка янтаря в северных районах Польши или горный ландшафт и пастушеско-скотоводческая терминология малопольских "гуралей"), различиями в исторических связях и контактах населения (ср., например, большое число германизмов в великопольских говорах и говорах Силезии или романизмов и унгаризмов у "гуралей"). Различаться могут и названия, реалии которых идентичны на всей территории диалектного языка. Это связано или с разной техникой изготовления того или иного предмета (ср. названия частей дома, телеги, гумна и т.д.) или обусловлено (как, например, в случае названий частей тела) отсутствием связей между старыми племенными диалектами.

Говоря о лексическом своеобразии тех или иных диалектных зон, следует помнить о подвижном характере лексического слоя языка и вытекающем из этого условном характере границ той или иной диалектной лексемы. Так, например, многие мазовизмы вследствие экспан-

сии мазовецкого диалекта выходят за пределы собственно мазовецких говоров. Констатируя великопольский, малопольский и т.д. характер той или иной лексемы, мы имеем в виду предполагаемую территорию ее первоначального распространения. Обычно это территория, для которой данная лексема является единственным или наиболее репрезентативным названием той или иной реалии.

При отсутствии Большого словаря польских говоров представить полный список дифференцирующихся по диалектным группам лексем невозможно. Однако и по имеющимся данным, например, Малого атласа польских говоров, можно выделить определенное число лексем, специфичных для основных пяти диалектных массивов польского языка.

СТАРЫЕ ПЛЕМЕННЫЕ ДИАЛЕКТЫ

§ 18. Великопольская группа говоров

Данная диалектная группа занимает историческую территорию Великой Польши (собственно Великая Польша), Крайны и Боров Тухольских. Центральной частью этой территории является область в бассейне средней Варты в районе Гнезна и Познани, где в IX в. жило племя полян (см. § 9).

1. Особенности собственно великопольской группы говоров (без Крайны и Боров Тухольских)

Центральная часть великопольского диалекта характеризуется следующими особенностями.

Вокализм

1. Дифтонгическое произношение континуантов $\bar{a}$, $\bar{o}$, $\bar{ɔ}$, а также y . Континуант $\bar{a}$ произносится по отдельным говорам как $o\check{c}$, o^u , o^u , $\bar{a}^u$. $ptɔk$ 'ptak', $d^u obro^u$ 'dobra', $do^u \check{c}$ 'dal'. $\bar{O}$ представлено как $\check{c}y$, $\check{c}y$, иногда $\check{u}$: $g\check{c}y^e ga$ 'góra', $v\check{c}y s$ 'wóz', $za \check{n}\check{z}$ 'zaniósł'. Таким образом, в центральных великопольских говорах o и u не совпадают: $g\check{c}y^e ga$, $g\check{c}oga$, но $kura$. y на конце слова произносится как yj : $fledy\check{c}$, tyj .

На месте др.-польск. $\bar{e}$ фиксируется монофтонг y , e : $d^u obrygo$ 'dobrego'. При этом $y < \bar{e}$ представлено как после твердого, так и после мягкого согласного: $b'yda$ 'bieda' и $b\check{z}yk$ 'brzeg'.

Континуант $\bar{o}$ произносится как $\check{c}o$, $^u o$, $^u e$: $k\check{c}osa$ 'kosa', $\check{c}ok\check{c}o$ 'oko', $\check{c}e$ 'o'.

2. Узкое произношение континуантов др.-польск. носовых гласных при консонантном типе ринезма перед смычным или аффрикатой и вокалическом перед фрикативным (далее знаки Т, С и S обозначают соответственно смычный, аффрикату и фрикативный).

Носовой заднего ряда произносится перед S как ũ, ɔ, ɥ (kś ũ ŝ ka, gŭś), перед T или C как uN, oN, ũN (puntek 'piątek', pińonze 'pieniądze', zump 'ząb', żũdoŭ 'żądał'). На конце слова — как сочетания um, om: бегом 'biorą', ногум 'noga'. Носовой переднего ряда перед S произносится как у, у^е (gŭśi, 'gęsi'), перед T или C как уN (dymbovuj 'dębowy', гунка 'ręka'), на конце слова как у или е (ćely 'cielę', źime 'zimę').

Гласные, совпадающие с носовым заднего ряда по качеству, представлены в сочетании āN: sum 'sam', боцun 'bocian'. В сочетании ēN соответственно гласный совпадает с качеством носового переднего ряда: ćу^етно 'ciemno', niesуmŭ 'niesiemy'.

3. Различаются у и i.

4. Парокситонический тип ударения, как и в большинстве польских диалектов.

Центральным говорам Великой Польши присуща такая великопольская инновация, как переход el > al и соответственно изменения e перед ɥ < l, аналогичные судьбе a: воцна 'welna', vídoŭ 'widel', роцне 'peine'. Это явление распространилось и в говоры северной Силезии.

Консонантизм

1. Отсутствие мазурения и вообще каких-либо разновидностей нарушения в оппозиции трех рядов s, z, c, ʒ; ś, ź, ć, ź; ś, ź, ć, ź.

2. Звонкий тип межсловного сандхи: brzeg rŭvny, kod i pes. То же явление наблюдается в генетических формах перфекта перед превратившимся в личное окончание глаголом-связкой, а также в других формах, воспринимаемых как сложные (например, императива): zańozem 'zanosłem', nieź myj 'nieśmy', byl'iz myj 'byliśmy'.

3. Произношение звонкого v в группах tv, kv, sv, сопутствующее, как правило, историческому типу звонкого сандхи.

4. Наличие оппозиции k̄, ġ ~ k, g перед гласным переднего ряда (ta k̄e dro ġe, na droge).

5. Длительно сохранявшиеся в Великой Польше группы śr̄, źr̄ < s r̄, z r̄ (см. в § 9 об использовании этого факта как аргумента в пользу великопольской теории происхождения литературного языка) подверглись диссимилиации (śr̄, źr̄: śr̄^ueda 'środa', źr̄^udoŭ 'źródło') или эпентезе смычных t, d (zdźr̄^udoŭ, stŝybnŭj 'srebrny').

6. Переход, как и в большинстве польских диалектов, l > ɥ.

7. Наличие, как и в большинстве польских диалектов, ś/ź < f.

Из противопоставленных фонетических явлений для собственно Великой Польши характерно следующее произношение начального во: ɥо или ɥе (ɥoda, ɥeda 'woda'). Таким образом, на территории Великой Польши совпадают начальные во, о и ю: ɥokn^uo 'okno', ɥopata 'lopata', ɥoda 'woda'. Для данного ареала характерна также тенденция к упрощению групп согласных (типа tŝ 'tchórz', ŝur 'szczur', lā 'dla').

В отличие от северной части (Боры Тухольские и Крайна) в центральном великопольском диалекте отсутствуют такие северные особенности, как асинхронный тип произношения мягких губных (и соответственно тип *śvu ŋa*), переход начальных *ga, ja* в *ge, je*, нематагезированный результат в *tort*. Всей великопольской группе чужд также малопольско-силезский переход конечного *x* в *k* или в *f*.

Морфологические особенности

1. Наличие в 1-м л.мн.ч. индикатива флексии *-my* (*ńesemy¹, ńesemyj, pogemy¹*), а в 1-м л.мн.ч. императива окончания *-ta* — контаминации флексии 1-го л.мн.ч. *-my* и утраченной в великопольских говорах флексии 1-го л.дв.ч. *-va*.

2. Наличие в дат.п. ед.ч. сущ. м.р., прилагательных, производных от них аппеллятивах и топонимах оппозиции *'ev ~ ov*: *ev* после палатализованных и исконно палатальных согласных, отвердевших в XVI в. (см. § 34.6), *ov* после твердых, например: *k^uovoŋle ví, g^uosp^uodouže ví; víš ńevu¹, gra^bes kⁱ, p^uok^uoju^efka, Ůolšy^efka, L'y^ekaže více*.

3. Отсутствие традиционного чередования *e ~ o* в большинстве лексем (тип *bera, ńetca*) при редком нарушении результатов процесса **ěT > aT*.

4. Обобщение типа на *-y/-i* в род.п.ед.ч. существительных на *-a* (*ul'icy¹, babu*).

5. Результаты влияния в существительных ср.р. типа с этимологически долгим гласным в им.-внн.п. ед.ч. на тип с этимологически кратким (тип *polu^e* как *žučé*).

6. В некоторых говорах наблюдается обобщение флексии местоименного типа склонения прилагательных *-ého* для род.п. местоимений (*tygo*).

7. Морфологические типы *vížel'i, šal'i, ćapal'i*, соответствующие литературным.

8. Наличие, в отличие от северной части, оппозиции *dva* м. и ср.р. *~ d^{ve} ж.р.*

9. Различение лично-мужских форм и женско-вещных в существительных и других частях речи.

Кроме центральной группы говоров в собственно великопольском диалекте выделяются: западная, южная, юго-восточная и район Жнина и Шубина (Палуки). Для каждой из этих частей (кроме юго-восточной) характерны свои специфические особенности. Так, для западного ареала показательны: понижение артикуляции и либо во всех позициях, либо только после переднеязычных (*lo^uže, 'ludzie', ko^ura 'kura'*); наличие *i < e* после мягких согласных (тип *śvíca*) (отмечалось К.Ничем в дер. Домбрувка под г.Бабимост; здесь же фиксировалось неразличение *i* и *o*: *kura, gura* и *šur, piš*); проявление мазурения, обусловленного либо старой принадлежностью говора к северносилезскому диалекту

(деревни на юго-западе под г.Равич и дер. Хвалим на западе), либо предполагаемым иноязычным (лужицким) субстратом (деревни на северо-западе под Веленем, так называемые "велеские мазуры"). Лужицкий субстрат помимо веленских мазуров предполагается еще для одного района западной части Великой Польши (Нижнее Крамско и Верхнее Крамско под Бабимостом), который отличают от остальных западновеликопольских говоров такие специфические особенности, как отсутствие следов "суженного" $\acute{a} < \grave{a}$ в дифтонгическом или монофтонгическом виде (ptak, studńa), наличие в род.п. ед.ч. м. и ср.п. прилагательных и родовых местоимений g (mojig dobryg ojca), уникальные лексемы (ср. dũmboki 'glęboki').

Для южновеликопольских говоров характерны: отсутствие перехода vo > цо; утрата ринезма перед S (gyśi 'gęsi', wuzać 'wiązać'), известная, впрочем, и другим районам Польши; палатализирующее воздействие i/u на последующие смычные переднеязычные, особенно последовательно на n (drabińa, syń), реже на d, t (żyto 'żyto', żyda 'Żyda'). В литературном языке результат этого процесса отражен в топониме Zbařyń - пункте, расположенном на территории этих говоров.

На Палуках фиксируются следующие особенности: отсутствие ец > оц; отсутствие четкой дифференциации у - і (вместо і встречается у^і типа d^иobry^і). Последняя особенность наряду с такими изморфами, как наличие окончания -m в 1-м л.мн.ч. индикатива (śeżym, śeżełim) и -ta во 2-м л.мн.ч., сближает Палуки с северной частью Великой Польши (Борами и Крайной), а также с Куявами, противопоставляя остальной части собственно великопольских диалектов.

2. Особенности боровяцкого и крайняцкого диалектов

К.Нич определял язык этого района как переходный тип от великопольского к кашубскому и выделял для центрального крайняцкого диалекта (выжиского) соответственно северопольские и западнопольские изофоны. К северопольским чертам боровяцко-крайняцкого диалекта относятся следующие: 1) широкое произношение континуанта носового переднего ряда (a) и соответственно переход $\acute{e}N > aN$: bado 'będa', v droga 'w drogę' и jedan 'jeden', za lasam 'za lasem'; 2) совпадение в одном звуке і и у: gdi, višet; 3) отсутствие m в континуанте носового заднего ряда на конце слова; 4) переход начального ga в ge (rek 'rak', redco 'radło'); 5) при глухом типе сандхи отсутствие глухости в "сложных" формах, что свидетельствует об исконности звонкого типа сандхи (pозem 'nioslem', jezdem 'jestem'); 6) сближающая этот диалект с кашубским особенность развития kę, ki, ge, gi, перешедших в ce, ci, ze, zi (dци ze 'dlugie', zipci 'gipki').

К западнопольским признакам этого диалекта принадлежат следующие: 1) дифтонгическое произношение $\bar{a}, \bar{o}, \bar{ö}$: ptak, ptok 'ptak';

koē za 'koza'; gūy^εra 'góra'; 2) произношение континуанта ē̄ как монофтонга у^ε (pɛvny^εg^ho 'pɛwnego'); 3) переход начального vo в цо (цōē da); 4) отсутствие мазурения; 5) сохранение мягкости в ś́v (ś́vat в отличие от мазовецко-малопольского śfat или śvat). Другие районы Крайны несколько отличаются от центрального. Например, в западной Крайне отсутствует ризезм континуантов др.-польск. иосовых перед S, а "сверхправильные" формы eN на месте этимологического aN (koléno), несмотря на отсутствие в современных говорах широкого а и aN < ěN, свидетельствуют о том, что территория расширенного произношения континуанта др.-польск. носового переднего ряда и aN < ěN была некогда обширнее.

Особенностью Боров Тухольских являются отсутствие дифтонгических континуантов для ъ, о (цо изредка отмечается только на месте vo) и асинхронное произношение палатализованных губных: с превращением йотовой дополнительной артикуляции в самостоятельную (bjaɥu 'biały', mjaŝto 'miaŝto'). После m возможно выделение не только j, но и í: m íaŝto. Произношение сочетаний "губной + j" на месте древнего палатализованного ряда губных широко известно другим славянским языкам и их диалектам (например, чешскому языку, говорам украинского языка и др.).

§ 19. Особенности куявской группы говоров и хелминско-добжинского диалекта

Куявский диалект занимает территорию исторической Куявии (центр - Иновроцлав), а хелминско-добжинский диалект - территорию исторической Хелминско-Добжинской земли (центры Хелмио, Добжинь). Куявский диалект имеет много общего с собственно великопольскими говорами. Не случайно С.Урбанчик называет его "диалектом великопольского типа".

От говоров собственно Великой Польши куявские отличаются такими особенностями вокализма.

1. Отсутствие дифтонгов на месте долгих ā, ō и у; при этом монофтонги на месте исторически долгих отличаются узким образованием: o > u (gura 'góra', ku í 'ko í'), a > o (jo 'ja', ptok 'ptak'). Таким образом, на Куявах не различаются континуанты o и u, совпавшие в одном звуке u.

2. Наличие после палатализованных i < ē̄ (ś́nik 'ś́nieg'), а после твердых и отвердевших y (żyka 'rzeka', tyś 'też').

Куявские говоры объединяют с великопольскими следующие особенности в области вокализма.

1. Дифтонгическое произношение начального ъ: цоś́утоцѐт 'otrzymałem'.

2. Узкий характер континуантов праславянских носовых. Примеры: др.-польск. $\bar{a}S > \bar{i}$ ($m\bar{u}\bar{s}$, 'maż', $v\bar{f}sy$ 'waży'); др.-польск. $\bar{a}T > un$, um ($\bar{r}unty$ 'piąty'); др.-польск. $\bar{a}\#^{28} > \bar{u}m$, um ($nogum$ 'noga', sum 'sa'); др.-польск. $\bar{a}S > i$, y ($\bar{r}i\bar{s}\bar{c}$ 'pięść'); др.-польск. $\bar{a}T > im$, ym , in , yn ($bymb\bar{n}i\bar{c}$ 'bębnic'); др.-польск. $\bar{a}\# > e$ ($\bar{v}ize$ 'widzę', $\bar{s}e$ 'się').

Аналогична континуантам праславянских носовых заднего и переднего ряда судьба $\bar{a}$ в $\bar{a}N$ и e в $\bar{e}N$: mum 'mam', $za\ \bar{m}iastym$ 'za miastem'.

3. Различение u и i (syn - $\bar{s}iny$). Особенность, объединяющая куявские говоры с центральновеликопольскими и отличающая от боровячко-крайняцкого диалекта.

В районе Иновроцлава К.Нич отмечал гиперкоррективы типа $\bar{s}c\ y^e\ na\ c\ y^e\ N < \bar{a}N$, свидетельствующие о наличии в прошлом на этой территории широкого произношения гласного в группе $\bar{e}N$ и соответственно континуанта древнепольского носового переднего ряда (ср. то же на западе Крайны).

Основные признаки консонантизма куявских говоров совпадают с центральновеликопольскими: отсутствие мазурения, звонкий тип сандхи (в том числе и перед личными показателями глагольных форм: $\bar{j}agem\ ku\ \bar{r}i\ \bar{u}$); сохранение звонкости v в группах tv , sv , kv ; синхронный тип мягкости губных; $\bar{u} < l$ и $\bar{z}/\bar{s} < \bar{r}$ и др.

Из морфологических особенностей выделяются следующие признаки:

1. Наличие в 1-м л.мн.ч. индикатива флексии $-m$ (в том числе в формах прошедшего времени: $vo\bar{z}\ il'im$).

2. Фиксация в 1-м л.мн.ч. императива окончания $-ma$.

3. Наличие во 2-м л.мн.ч. индикатива и императива флексии $-ta$ ($x\ \bar{u}\ \bar{z}i\ ta$, $x\ \bar{u}\ \bar{c}\ ta$).

4. Последовательная дифференциация личных и неличных форм в прошедшем времени глагола и менее последовательная в склоняемых частях речи.

Диалект Хелминско-Добжинской земли в отличие от куявского имеет следующие особенности.

1. Отсутствие дифтонгизации краткого o ($po\bar{le}$).

2. Более узкое произношение континуанта носового заднего ряда ($\bar{u}S$ и uNT , как в великопольских говорах: $zump$ 'zaqb', $sofni\ \bar{n}i\bar{c}$ 'sofnać').

3. Отсутствие m в континуанте носового заднего ряда на конце слова: $\bar{s}ezu$ 'siedza', $smo\bar{u}$ 'smoła'.

4. Широкое произношение континуанта носового переднего ряда и соответственно e в группе $\bar{e}N$: $ta\ smo\bar{u}\ a$ 'te smołę', $\bar{s}idam$ 'siedem', tan 'ten'. Эта особенность отличает хелминско-добжинский диалект не только от куявского, но и от всей великопольской группы говоров.

28 # — знак паузы.

5. Смещение у и і в одном варианте у¹/і (na biku 'na byku').

6. Смещение ke и Ке в одном варианте ke (kedy¹ 'kiedy').

7. Глухой тип сандхи и глухость губного в группе sv, kv, tv (Šfydy¹ 'Szwedy').

8. Асинхронное произношение мягких губных (m̃jel'i 'miel'i', tu ṽjil'i 'tówili') и отсутствие мягкости в группе śv (ńe żvy^{eć}).

9. Морфонологический тип śel'i, возникший вследствие аналогического воздействия форм типа m̃el' i (с закономерным изменением *ѣ > е см. § 31.2). В типе śel'i группа еја закономерно должна была бы дать â не только в ед.ч. (ś â ц), но и во мн.ч., что и представлено во многих польских диалектах.

Одни из перечисленных особенностей объединяют хелминско-добжинский диалект с говорами Мазовшья, а другие - с северной частью Польши (например, смещение у и і, ke и Ке).

Как и в куявском диалекте, в хелминско-добжинском отсутствует мазурение, доведено до предела сужение исторически долгих (a > o, o > u), континуант е после палатализованных совпадает с і, но при смещении у и і возможны наряду с формами типа ś ñik варианты типа ś ñyk.

§ 20. Лексические особенности великопольской группы говоров

Территорию великопольской группы говоров характеризуют следующие изолексы²⁹.

1. Названия представителей животного мира: skorzec 'скворец', boguwola и zofija 'иволга', petronelka 'божья коровка', szczypak 'щука', wąsion(k)a 'гусеница' (ср. западновеликопольское waka), bź dziagwa 'клоп', kokot 'петух', gula, gulárz 'индюк', gąszczák 'гусь', proszczák 'поросенок'.

2. Названия, связанные с растительным миром: modrák 'василек', macoszki 'анютины глазки', strzémcha и strzémпка 'черемуха', kociupki 'плоды терновника', hućki 'бузина', koszczki 'хвощ', bedki 'грибы'; названия возделываемых культур и растений: pérki 'картофель', świętojańki 'смородина', roganka 'гречиха', korbał 'тыква'.

3. Названия продуктов, приправ и т.п. и слова, связанные с ощущением вкуса: młodzie 'дрожжи', okrasa 'жир', smaka 'вкус', drętki 'терпкий, вяжущий', czérstwy 'свежий'.

4. Названия частей тела: czolo и lysina 'лоб', śpiki 'виски', gęzica 'копчиковая кость', półrzytek 'ягодица', ikro и brzuszc 'лодыжка', głoźno / głoźna 'щиколотка ноги', dydki 'грудь, сосцы' и однокоренное dydkać 'сосать'.

²⁹ Основной набор изолекс здесь и далее взят из кн.: U r b a ñ c z y k S. Zarys dialektologii polskiej. Wydanie trzecie. Warszawa, 1968. S. 67-70.

5. Названия родственников: *rosiot* 'муж тетки', *wujca* 'дядя; пожилой мужчина'.

6. Реалии хозяйственной жизни: *węborek* 'ведро', *skład* 'магазин', *wklep* 'подвал, погреб', *szkudly* 'гонт', *posoba* и *posowa* 'потолок', *wołajewica* 'ток', *patyk* 'место в конюшне для телят', *tytka* 'сумка из бумаги', *szczeblik* и *stręblówka* 'сбор колосков на стерне', *spukać* и *wpiwać* 'штопать чулки'.

7. Реалии общественной и культурной жизни: *ciota* 'колдунья, волшебница, знахарка', *platinierz* 'старьевщик', *wydbańek* 'пожизненное заключение', *gościnięc* 'корчма' и *gościnnie* 'корчмарь', *klęty* 'сплетни', *obski* 'чужой'.

8. Психические и физические свойства, состояния и т.д. человека: *dąda* и *dądek* 'толстяк', *pierdolić* 'болтать' и *pierdola* 'болтун', *gzub* и *wczup* 'сопляк', *niepoty* 'негодяй, плут', *rojber* 'сорванец, озорник', *onioguja* 'крикунья', *czwójda* 'неуклюжая женщина', *chogobny* 'плохой', *głuzyc* 'гулить (о ребенке)', *lelać (się)* 'ласкаться(ся)', *lobuz* и *kozák* 'подросток, мальчик; слуга', *padrować się* 'противоречить', *wpiwuzgować* 'бездельничать'.

Ср. также наречия: *szaga* 'наискось', *zdziebko* 'немного', *dość* 'мно-сам, sa 'здесь'.

Нередко диалектная лексика отличается от литературного эквивалента только словообразовательной структурой, например наличием морфанта при отсутствии такового в лексеме литературного языка или, наоборот, непроеизводности основы диалектной лексемы в отличие от производности основы литературного слова: ср. *smark* - лит. *smarkacz* и *gąszczák* - лит. *gęś*. Однако чаще всего различия проявляются в употреблении разных аффиксов или иного способа словообразования. Ср. *ogrodowy* - лит. *ogrodnik*, *drogość* - лит. *drożyzna*, *padrować się* - лит. *wymądrzać się*.

Одни из специфических великопольских форм являются результатом старых племенных и административных границ, которые способствовали сохранению архаизма. Ср.: *głoźna* из др.-польск. *głoźn*, *głopa*, восходящего к *glezъnъ, или *bedka*, соотносящегося с др.-польск. *bedka* и восходящего к западнославянскому *bьdьla. Другие - следствие влияния немецкого языка. Ср. *rojber* - нем. *Räuber* 'грабитель, разбойник', *korbal* - нем. *Kürbis* 'тыква', *klęty* - нем. *Klatsch* 'сплетня, сплетни' и *klatschen* 'сплетничать', *szaga* - *schräg* 'вкось', *purka* - нем. *Purper* 'пурпурный цвет'. Многие диалектные лексемы ономотопеического происхождения (ср.: *gula*, *gulárz* 'индюк').

Отдельным районам великопольского ареала присущи свои изолекты. Например, *zrachok* в центральной части (около Познани) называется *ż gęńca*, на юге та же лексема отличается фонетической расовкой (*ż dźuńca*, *dźuńca*) или словообразовательным вариантом (*dźuńca*), на севере Великой Польши - *pańunka*, на западе (Вольш-

тын, Велень, Мендзыхуд) - lalka или lalko, а на Куявах и Палуках - pařšydeŋk^uo.

Специфически западными изолексами являются слова: vaka (ср. луж. vaka 'червяк'), при этом чаще со вторичным значением 'собака-самка, сука'; d^uumboki / dumboki 'глубокий' (н.-луж. dlumoki, серб.-хорв. dubok); veřšusa, veřšox 'кошмар, призрак', jeřes 'решето'.

В последнее время появился лексикографический труд, позволяющий установить лексические особенности крайняцкого диалекта³⁰.

§ 21. Особенности малопольской группы говоров

Малопольская диалектная группа занимает большую территорию, охватывающую Краковское, Жешовское, Келецкое и Люблинское воеводства. Центр этой территории — в бассейне нижней Вислы между предгорьями Карпат, Свентокшискими горами и Сандомерской пущей — населяли в IX в. племена вислян (см. § 9). Отсюда малопольское население мигрировало в другие районы, относящиеся в настоящее время к территории малопольского диалекта (в Карпаты, Люблинщину, Серадское - в последнем, в частности, малополяне соседствовали с заселившим ранее эти районы племенем полян).

В языковом отношении малопольские говоры не представляют единства. К.Нич выделил пять зон на этой территории, исходя из двух, присущих только говорам Малой Польши, особенностей: перехода конечного х в k или f и утраты ринезма у континуантов др.-польск. носовых во всех позициях (а не только на конце слова или перед S). Это следующие ареалы: 1) юго-западный, охватывающий Прикарпатье и Краковское воеводство; 2) северо-западный, в состав которого входят бывшие Серадское и Ленчицкое воеводства (территориально в настоящее время примыкают к Великой Польше, но язык указывает на давнюю принадлежность к малопольской диалектной группе); 3) центрально-северный (келецко-сандомерские говоры); 4) восточный "старый" район (охватывает говоры на правом берегу Вислы в среднем ее течении); 5) восточный "новый" район (немазуракающие говоры на пограничье с восточнославянскими говорами). Пятый ареал относится к окраинным (или периферийным) польским говорам, возникшим вследствие экспансии польского языка на территории с восточнославянским населением (в данном случае - украинским). Особенности таких говоров рассматриваются в § 30.

В юго-западном ареале в свою очередь выделяются северо-западная и восточная части, Прикарпатье, Татры с Подгальем. Наибольшую специфику представляет язык жителей Татры и Подгалья - "гуральские" говоры.

30 Brzeziński W. Słownictwo Krajnickie. Słownik gwary wsi Podrózna w Złotowskim Wrocław, 1982-1987. Т. I-II.

Малопольские говоры (за исключением пятого ареала) отличаются следующими основными признаками.

Вокализм

1. Монофонги на месте этимологически долгих гласных. На месте континуанта краткого о в некоторых районах отмечается дифтонг цо (в частности, в сандомерских говорах или в сондецком регионе: k^uosula 'koszula'). $\bar{A} > \bar{a}$, o: u nã s 'u nas', хцорок, рогноц. $\bar{O} > u$, ù: mùj 'mój', на ку ну 'na koniu'. $\bar{E} > u$, é, после мягких i: żyka 'rzeka', tés 'też', vízba 'wierzba'.

В равнинной части Малой Польши нередко отсутствует суженный результат на месте е (например, в районе Кельц, где суженный вариант на месте е представлен только перед палатализованным носовым: kamí ñ 'kamień', но ś ñek 'śnieg', zeby 'zęby', żeka 'rzeka'). В других районах (например, между Меховым и Щекочицеми) сужение отсутствует после твердых и отвердевших, но представлено после мягких согласных: żeka 'rzeka', tes 'też', но do руго 'dopiero'.

Исчезновение $\bar{e}$ в северо-западных районах К.Нич объяснял воздействием соседних мазовецких говоров, в которых континуант $\bar{e}$ слабо сужен и никогда не сливается с i и y (см. § 25), а наличие меховской оппозиции - влиянием южносилезского типа tego, dobrego - ta kigo, gcu rigo (см. § 23).

2. Континуанты др.-польск. носовых. По мнению К.Нича, первоначально всей территории исконной Малой Польши был присущ вокальный (niegozszcieriony) тип произношения рефлексов др.-польск. носовых, причем континуант носового переднего ряда произносился широко (a). Ср. аргументы К.Нича и Т.Лер-Сплавинского в защиту великопольской основы литературного польского языка (§ 9). Впоследствии великопольский тип произношения (суженный носовой переднего ряда, консонантный характер ринезма) начал распространяться и на территорию малопольского диалекта. Широкое a^e сохранилось только в двух зонах. Первая территория начинается от границы малопольских говоров с силезскими под Пшчиной и идет по линии, отделяющей равнинную Малую Польшу от ее горной части (Хшанув - Вадонице - Лиманова - Сонч). На этой территории $a^e <$ др.-польск. $\dot{a}$, однако, не сохранилось до настоящего времени, а изменилось, как и группа $a^e N < eN$, в $\dot{a}/o$ и $\dot{a} N/oN$, причем произошла утрата ринезма: гоś 'gęś', роś 'ręć'. Таким образом, на указанной территории представлен один континуант двух др.-польск. носовых - o (ср.: роtka 'piątka', goska 'czaska' и гоś 'gęś').

Вторая зона, на которой до сих пор сохранилось расширенное произношение континуанта др.-польск. носового переднего ряда, - это территория, начинающаяся от среднего течения Вислы на ее правом берегу и далее от Кольбушовой до северной части Люблинщины. Эта

повисленская территория соприкасается с территорией мазовецких говоров с аналогичным произношением континуанта др.-польск. носового переднего ряда, что, вероятно, и способствовало сохранению a^e в данной части малопольского ареала. В отличие от первой зоны на этой территории континуант носового переднего ряда и е в $\dot{e}N$ не совпал с континуантом др.-польск. носового заднего ряда. Зато смешались континуант носового переднего ряда и группа $a^eN < \dot{e}N$ с группой $\dot{a}N$, поскольку на месте последней фиксируется носовая а: $\dot{r}a^e \dot{n} \acute{c}$ 'zić', $z\dot{a}^e mby$ 'zęby', $z\ brata^e m$ 'z bratem' и $t\dot{a}^e m$ 'tam', $po\dot{g}a^e m\acute{i}$ 'pogami'. Тип $po\dot{g}a^e m\acute{i}$ сохраняется и в районе между Вислой и Саном, где, однако, под влиянием левобережных келецко-сандомерских говоров континуанты этимологических носовых подверглись деназализации: $z\dot{e}by$ 'zęby', $z\dot{a}^e p$ 'ząb'.

На остальной территории Малой Польши представлено узкое произношение континуанта др.-польск. носового переднего ряда и распадение рефлексов носовых на чистый гласный и носовой согласный перед Т,С (по мнению К.Нича, результат экспансии великопольского типа). При этом, как считал К.Нич, юг и север Малой Польши по-разному воспринимали малопольский образец. На юге (Краковское воеводство) носители малопольского диалекта заимствовали великопольский тип без изменений: $z\dot{e}mby$ 'zęby', $z\dot{o}mp$ 'ząb', $g\acute{e}\acute{s}$, $g\dot{o}ska$ 'gąska', $\acute{v}ize$ 'widzę', $\acute{v}izo$ / $\acute{v}izom$ 'widzą'. Нередко отмечается более высокая степень сужения носовых (ц и у). Выходцы из равнинной Малой Польши перенесли этот тип произношения континуантов праславянских носовых и в горные районы, которые были ими заселены в XIV-XV вв.

На севере (келецко-сандомерские говоры) великопольский носовой переднего ряда воспринимался с элиминацией ринезма и произносился как е ($g\acute{e}\acute{s}$ 'gęś', $z\dot{e}by$ 'zęby', $\dot{r}e\acute{t}a$ 'pięta'). Затем деназализация произошла и в континуанте др.-польск. а: $z\dot{a}^e bek$ 'ząbek', $\dot{r}\acute{a}ty$ 'piątą' (т.е. а изменялось здесь как а). Так, в отличие от С.Б.Бернштейна, объясняют историки польского языка отсутствие носовых гласных в северных говорах Малой Польши (ср. § 6).

3. Наличие в южной части Малой Польши на Подгалье особого произношения у/i после s, z, c (исконных или появившихся в результате мазурения). После этих звуков фиксируется i (kozi, vozi, sito, sić и т.п.). Так как после *š, *ž, *c, *č при этом представлен звук, аналогичный искоинному (*š'i, *ž'i, *c'i, *č'i), то явление получило название "подгальского архаизма"³¹.

4. Инициальный тип ударения сохранился в гуральских говорах, в отличие от остальной части малопольского ареала с пароксигониче-

³¹ Małecki M. Archaizm podhalański. Monografie polskich cech gwarowych. № 4. Kraków, 1928.

ским ударением. Поскольку население Подгалья пришло в горы из окрестностей Кракова в XV в., предполагается, что в это время, по крайней мере в районе Кракова, господствовал инициальный тип ударения. То, что данная особенность подгальских говоров является архаизмом, а не результатом влияния соседних словацких говоров, доказывается наличием парокситонического ударения в наиболее подверженных словацкому влиянию говорах Спиша и Оравы.

Консонантизм

1. Наличие мазурения во всех четырех районах.

2. Звонкий тип сандхи. Только в северо-восточной части представлен в настоящее время вторичный глухой тип сандхи - результат влияния мазовецких говоров. О его вторичности свидетельствуют формы типа *zańózeń* (со звонкостью согласного перед личным окончанием).

3. Группы *kf*, *sf*, *tf*. С произношением глухого *f* в этих группах связана ранняя стабилизация на малопольской территории, как и на мазовецкой, *f* из *xf* < *xv*: *Falimir* (XIII в.). Формы *fala* 'chwala', *fila* 'chwila' отражают и древнепольские памятники, например трактат Я. Паркоша.

4. Переход конечного *x* в *k* или в *f*. Изменение исконного *x* в *k* на конце слова; по мнению К. Нича, было некогда присуще всей Малой Польше. В XX в. представлено в южной части горного массива (в им. п. сд. ч. м. р. *grok* 'groch', *dak* 'dach', в род. п. мн. ч. *tyk nuk* 'tych nóg'). Для восточной части горных районов (Спиш, деревни на восток от Нового Тарга) характерно изменение *x* > *f*: *grof*, *daf*, *tyf puf*. М. Малэцкий считал, что изофона *x* > *f* возникла позднее, чем малопольская *x* > *k*: представляет собой спишскую инновацию, появившуюся после заселения поляками этих районов (XIII в.)³².

Переход *x* > *k* чаще отмечается в последнем согласном элементе флексии, чем в конечном согласном основы. Ср.: превдоорист *byćek*, мест. п. мн. ч. существительных *pa bogak*, род.-мест. п. прилагательных и местоимений (*dońik*, *staryk*). Это связано с чередованием конечного согласного основы *k* в им.-вин. п. ед. ч. неодушевленных существительных с *x* в других падежных формах (*dak* - *daćem* и т. д.).

О том, что переход *x* в *k* был известен не только народной речи, но языку образованных слоев Малой Польши, свидетельствует наличие в литературном языке гиперкорректизмов *subuch* (тюрк. *sibuk*), *niierzch* (др.-польск. *zmierz*), *Mniszech* (ранее *Mniszek*), из которых последние появились в середине XVII в. Вероятно, к этому периоду относится и несколько более раннее и активная элиминация форм *x* < *x* из языковой практики образованных людей. С XVII в. польский

Małeckі M. Spiskie X. // Symbolae grammaticae in honorem I. Rozwadowski. Kraków, 1928. Т. II. S. 443-449.

язык развивается в иных культурно-общественных условиях, центр польской культурной и общественной жизни перемещается с малопольского ареала на Мазовье, в говорах которого отсутствуют переходы $x > k$ и $x > f$.

В современных малопольских говорах имеются параллели к указанным фактам литературного языка: гиперкорректизмы *borgsuka* - *borgsux* / *borg* *ux* (со сверхправильным x), *tfór* (со сверхправильным f - лит. *tchórz* 'хорек'). С переходом $x > k$ К.Нич связывал и возникновение метатез в формах *tko* 'kto', *tkóry* 'który', *nitko* 'nikt'.

5. Наличие на месте **s'r*', **z'r*' метатез *rs*', *rz*' (*rsoda* 'środa', *rzód* *o* 'źródło'), появившихся через стадию *śr*, *źr*. Явление отмечается на большой территории между Вислой и Пилицей. Начало этого изменения относится к XVI в.

6. Наличие оппозиции *ke* - *ke*.

7. Синхронный тип произношения мягкого ряда губных и тип *śf*'.

8. Наличие $\zeta < l$ и $\zeta/\tilde{\zeta} < r$, как в большинстве польских говоров.

Морфологические особенности

1. Наличие в I-м л.мн.ч. флексии *-va* во всех временах индикатива и императиве. Наряду с этой флексией, восходящей к показателю дуалиса, в малопольских говорах известны также окончания I-го л.мн.ч. с элементом *-m*: *-шу*, *-та*, *-те* (последняя - результат влияния словацких говоров). Значение двойственности для форм с *-va* отмечалось в говоре "лясовяков" под Тариобжегом.

2. Во 2-м л.мн.ч. в индикативе и императиве представлено окончание *-ta*.

3. Морфонологический тип *śâl'i*, *lâl'i*.

4. Наличие оппозиции *e* - *y/i* в род.п. ед.ч. ж.р. (ср.: *od grańce baby*, *drogi*).

5. Сохранение традиционного чередования *e* : *a* (< *ě*) (ср.: *ść ana* - *na ść eńe* и т.п.) и отсутствие результата перегласовки *'e > o* (*pletę*, *ńetę*). При этом разные лексемы с отсутствием перегласовки *'e > o* дифференцируются областью распространения (см. МАГР, т. II, cz. I, 1959, карты № 92, 94, 95).

6. Обобщение местоименного *ego* на род.п. ед.ч. прилагательных *d^uobreg^o* и *teg^o*.

7. Обобщение окончания *-e* - континуанта краткого гласного - на тип *żucé*.

8. Словообразовательный тип *śełę*.

9. Наличие оппозиции *dva* м. и ср.р. и *d'ę* ж.р.

10. В большей части говоров неразличение личных и неличных форм как в имени, так и в глаголе.

В юго-западной Малой Польше кроме указанных особенностей отмечаются формы I-го л.ед.ч. прош.вр. *bylek* и I-го л.мн.ч. *byliхmu* и

byłity, возникшие под влиянием аористного показателя -ch (x). Эти формы в литературе часто называют "аористными".

До XVI в. в малопольских говорах было известно окончание мест.п. мн.ч. -ох, которое возникло, по мнению К.Дейны, как параллель к -ех в результате ранней на территории Малой Польши замены -e *vi* на -o *vi*. () привлечении этой флексии в качестве аргумента в дискуссии о происхождении литературного языка см. в § 9.

§ 22. Лексические особенности малопольских говоров

Малопольские говоры не представляют единства и по своим лексическим особенностям. Наиболее своеобразна лексика гуральских говоров, что обусловлено специфическими природными и социально-историческими условиями жизни местного населения, своеобразием их древнего быта, связанного в первую очередь с горным пастушеством и скотоводством. Ср. ю.-малопольск. *siklawa* 'водопад', *regó* 'горная тропинка', *wanta* 'скалистая стена', этнографизмы *kiegpcse* 'род кожаной обуви', *siuraga* 'короткий топорик', *gupia* 'вид одежды' и мн. др.

У горцев Подгалья, живущих на пограничной территории, отмечаются элементы из контактирующих с польским славянских языков, а также большое число элементов, находящихся соответствие в венгерском и румынском языках. Последнее связано, в частности, с проходящей через территорию Карпат в XIV-XVI вв. пастушеской колонизацией. Ядро ее составлял румынский элемент (валахи), но она вобрала в себя и другие элементы (украинский, словацкий, польский). Со словенским языком соотносятся, например, такие южномалопольские слова, как *hala* 'горное пастбище', *skorusa* 'рябина', с румынским - *jafury* / *jafuny* 'черника', лексема *kornuta* 'рогатая овца', с венгерским - *gazda* 'хозяин', *hug* 'слава', *fatat* 'кусочек' и др.

Ряд терминов, в первую очередь связанных с общностью хозяйственно-экономической жизни карпатских племен и природных условий, в частности особенностей рельефа, представлен во всех говорах карпатской зоны: у польских горцев, в восточнословацких говорах, в юго-западных украинских говорах (в частности, в бойковских и лемковских закарпатских говорах). К таким карпатизмам относятся, например: *basa* 'старший пастух', *juhas* 'пастух овец', *sogek* 'огороженное место для телят', *groń* 'гора', *spudza* 'пепел в печи', *watra* 'костер; огонь в печи' и мн. др.

Из изолексов, характерных для большей части малопольского ареала, С.Урбанчик вслед за К.Ничем выделяет следующие.

1. Названия продуктов, овощей, фруктов и злаков, а также блюд из них и времени приема пищи: *omasia* 'жир', *jużyna* 'ужин', *wodzianka* 'постный суп на воде', *kárgpiele* 'брюква', *drysiki* 'мелкие сливы'.

2. Названия представителей фауны (в том числе и сельскохозяйственных животных): *gadzina* 'птица' и 'крупный рогатый скот', *сар*

'козел' (вошло в литературный язык), *gašienica / gąska* 'гусеница', *wilga* 'иволга', *kogut* 'петух', *płoszczycza* 'клоп'.

3. Названия, связанные с флорой: *dusza* 'сердцевина дерева', *chabina* 'веточка', *rapiek* 'почка', *koszka* 'зернышко в плоде', *tárki* 'плоды терновника', *kociérpka / korciérpka* 'черемуха', *blawatek / głowacz* 'василек'.

4. Названия частей тела: *letkie / lokie* 'легкие', *suski* 'грудь, сосцы', *giczále* 'ноги'.

5. Реалии хозяйственной жизни: *guczán / kołowrot* 'часть телеги', *zápole* 'сусек', *brodło* 'куча соломы', *rogórdka* 'лавка из глины при доме, завалинка', *posiásek* 'орудие для выгребания горячих углей (жара) из хлебной печи', *fajerka* 'цветочный горшок', *szabaśnik* 'духовка для выпечки хлеба', *skrabaka* 'старая метла', *chochła* 'суповая ложка', *ducka* 'большая круглая корзина', *lasa / láska* 'решетка для сушки плодов', *przeźrádko* 'зеркало', *patyczki* 'спички', *dęga* 'клёпка', *zbiory / zbiérki* 'складки', *kárpać* 'латать', *pitwać / pitolić* 'резать тупым ножом', *źgaleć* 'зреть', *ściubać* 'кропотливо шивать что-нибудь', *stragarz* 'потолочная балка', *powala* 'потолок', *wystawa* 'навес'.

6. Атмосферные и природные явления: *psota* 'плохая погода', *osędzielizna* 'иней', *śżeżoga* 'слабый туман', *polednie* 'юг'.

7. Явления общественной и культурной жизни; физические и психические свойства, состояния, действия и т.п. человека: *garus* 'беспорядок', *rárgu* 'перхоть', *gizd* 'негодяй', *cuson* 'ласковый человек', *kusiurek* 'незрелое существо', *bołączka* 'опухоль, язва, припухлость', *podziubaný* 'соспинами', *chechłać / kikać* 'путать, осложнять', *dokazować* 'шутить, проказничать', *bażyć się* 'хотеть', *kolcząć* 'застыть, окостенеть', *markocić się* 'огорчаться', *umurdzać* и *ściągać* 'испачкаться', *tárpać* 'точить', *tęsić* 'гасить', *darzyć się* 'хорошо удаваться', *porópnić się* 'не удасться, испортиться', *furgać* 'летать, порхать', *tarasić* 'топтать'.

Неизменяемые части речи: *ka, kaj, kany* 'где', *kie, kiej* 'когда', *rokiela* 'прежде чем', *nieřeć* 'беда', *kađek* 'немного', *paże* 'ну же', *rgędej* 'раньше, вначале', *haw* 'здесь, сюда', *hań* 'там', *okęs* 'без малого', *na pole / na polu* 'во двор, во дворе', *moli* 'быстрей', *jasy* 'только'.

Региональные словари (словарь дер. Доманевек в Ленчицком воеводстве М.Шимчака или словарь трех малопольских пунктов М.Куцалы - см. § 12) расширяют сведения о лексике тех или иных районов Малой Польши.

§ 23. Особенности силезской группы говоров

Силезские говоры занимают в настоящее время территорию в основном двух воеводств: Опольского и Катовицкого. В течение длительного периода эти говоры сохранялись в условиях усиленной германи-

ации. Центральную часть исторической Силезии занимали племена сленжан (см. § 7). Из всех старых польских племенных диалектов силезский наименее своеобразен: от малопольских и великопольских говоров его отличает главным образом не наличие каких-либо специфических вариантов соответственного явления, а отсутствие типичных великопольских или малопольских признаков. Так, например, в силезских говорах отсутствует малопольское изменение конечного $x > k$ (и в этом они сближаются с великопольскими). Наличие же широкого континуанта др.-польск. носового переднего ряда, с одной стороны, отличает Силезию от собственно Великой Польши, а с другой - сближает с Малой Польшей. Количество специфически силезских инноваций незначительно и охватывает отдельные лексико-фонетические или лексические изогlossы (переход начального $j\dot{y}$ в je в лексеме $je\dot{g}\dot{u}$ 'igła', тип $\dot{c}$ eska 'łyżka', $\dot{z}$ o\dot{c}xa 'dziewczyna' и некоторые др.). Особенности лексики обусловлены также влиянием немецкого языка: Силезия с 1526 г. входила вместе с другими землями, подвластными чешскому королю, в состав Австрии, а после силезских войн с 1763 г. - в состав Пруссии.

В языковом отношении ареал силезских говоров неоднороден. Выделяются центральная, северная и южная части.

Основными особенностями силезских говоров являются следующие.

Вокализм

1. На месте исторически долгих гласных фиксируются и дифтонги и монофтонги. Например, дифтонгизация характерна для северной (Силезии: $a > o\dot{u}$, $\dot{a}\dot{u}$ (koevo\dot{u}l 'kował', $j\dot{a}$ 'ja'); $o > \dot{y}u$ (dr\dot{y}uga 'droga'); $o > \dot{u}o$, $\dot{o}\dot{e}$ (tue 'to'). На территории же Чешинской Силезии (в южной части Силезии) представлены монофтонги: $\dot{a} > \dot{a}$ (t\dot{a}rk 'targ'); $\dot{o} > \dot{u}$ (k\dot{u}ń 'koń'); $\dot{o} > o$, $\dot{u}o$ (opa, k $\dot{u}$ oby\dot{y} 'kobyły'); $e > y^e$: $\dot{z}y^e\dot{k}\dot{a}$ 'rzeka' (район Ополья), iy^e 'jedz' (Чешинская Силезия).

2. Континуанты древнепольских носовых. Характерной особенностью силезских говоров (за исключением Чешинской Силезии) является широкий континуант древнепольского носового переднего ряда (а). При этом, кроме говоров на крайнем западе, а представлено не во всех позициях, а только после твердых. Оппозиция y^e после мягких (r\dot{y}ść) ~ а после твердых (gaśi) наблюдается лишь в силезских говорах. В западной части а отмечается во всех позициях: g\dot{a}sty 'gęsty', r\dot{a}ta 'rięta'. В Чешинской Силезии представлен великопольский тип: $y^e\dot{s}ko$ 'ciężko', gymba 'gęba' и r\dot{u}nty 'piąty', zump 'zab'.

В отличие от других исконно польских диалектов в силезском судьба е в группе $\dot{e}N$ отличается от судьбы др.-польск. $\dot{a}$: на месте $\dot{e}N$ представлено не aN , а yN : z z\dot{a}by $\dot{e}m$ 'z zębem', ty^en 'ten'. В западных говорах (немазуракающие деревни на левом берегу Одера к северу от

Рацибожа), в которых др.-польск. $\dot{a} > a$ во всех позициях, конечное сочетание *em* переходит в *a*: $\acute{v}a$ 'wiem', *s ta ćicka* 'z tacićkiem' (ср.: аналогичное явление отмечалось и в малопольских говорах не только для *em*, но и для *am*). Вообще для силезских говоров характерно, с одной стороны, появление неэтимологических носовых на конце слова на месте сочетания любого гласного с носовым согласным: $\acute{s}ede\dot{c}$, 'śedem', i 'im', z $\acute{p}im > \acute{s}$ $\acute{p}i$ с последующей деназализацией. С другой стороны, в Чешинской Силезии отмечается противоположная тенденция: выделение конечного *m* не только в континуанте др.-польск. $\dot{a}$ (как, например, в великопольских говорах), но и др.-польск. $\dot{a}$: z *babūm* 'z baba', *wyrą pūm* 'wyrąpa' и *na cestum* 'na cestę', *mīsium* 'misę'.

На конце слова представлены следующие континуанты древнепольских носовых: $\dot{a} > \acute{c}$, $\dot{c}$, $\dot{q}$, $\dot{q}$, $\acute{o}m$, $\acute{u}m$, *u*, $\acute{u}$, $\acute{o}$; $\dot{a} > a$, *a*, *e*, *um*.

Перед *S* обычен ринезм, перед *T* и *C* - сочетание чистого или назализованного гласного с носовым согласным (*kandy* 'dokađ' - Опольская Силезия, *do gupkova* 'do gękawa' - Чешинская Силезия). Иногда перед *S* ринезм может выделяться в самостоятельную артикуляцию типа *kūjsek* 'kašek'. Но этот тип произношения не имеет здесь такого повсеместного характера, как, например, в новых "немазуракающих" говорах (см. § 29).

3. Почти всю территорию Силезии характеризует наличие *i* после отвердевшего или сохранившего исконную мягкость континуанта $\acute{r}$, представленного с сохранением вибрации или (реже) с ее утратой: *gĩby*.

4. Как и в великопольских говорах, наблюдается переход группы *ец* в *оц*: *wuroc* $\acute{p}i\dot{c}o$ 'wupelnilo'.

5. Парокситонический тип ударения, присущий большинству польских говоров, за исключением граничащих со словацкими говорами на юге Силезии (пояс, тянущийся от окрестностей Чешина и Яблонкова до оравских говоров на территории Польши).

Консонантизм

1. Мазуренне.

а) Собственно мазурение (т.е. совпадение в одном ряду *s*, *z*, *c*, *z* двух рядов *s*, *z*, *c*, *z* и $\acute{s}$, $\acute{z}$, $\acute{c}$, $\acute{z}$) характерно для северной Силезии (ср. также островки с мазурением на западе Великой Польши, обусловленные генетической принадлежностью этих говоров к диалекту северносилезского типа).

б) Другие типы сдвига в произношении шипящих. На небольшом отрезке Чешинской Силезии в районе Яблонкова наблюдается совпадение в одном ряду $\acute{s}$, $\acute{z}$, $\acute{c}$, $\acute{z}$ двух рядов $\acute{s}$, $\acute{z}$, $\acute{c}$, $\acute{z}$ и $\acute{s}$, $\acute{z}$, $\acute{c}$, $\acute{z}$. По реализации сдвига "яблонкование" (*jablonkowanie*) совпадает с явлениями, наблюдающимися в мальборском и восточновармийском диалектах (см. § 29). В последнее время оно рассматривается не как ре-

зультат смешения словацкой и польской консонантных систем (точка зрения К.Нича), а в свете истории становления в польском языке трех рядов: s, z, c, ʒ; ś, ź, ć, ʒ и ś, ź, ć, ʒ (см. § 9). Сдвиг в произношении рядов ś, ź, ć, ʒ и ś, ź, ć, ʒ отмечается и в подвергшихся сильному влиянию словацкого языка говорах в районе Чадцы. Здесь это смешение безусловно следствие воздействия словацкого элемента.

2. Звонкий тип сандхи при одновременной глухости губно-зубного в группах sf, tf, kf.

3. Синхронный тип произношения мягких губных и тип śf'.

4. Отсутствие перехода конечного x > k.

5. Сохранение архаической вибрации в континуанте f (обычно с отверждением фрикативного элемента). Не исключено, что на сохранение архаизма повлияла близость к чешским говорам.

6. В ряде силезских говоров на месте l и l представлен один звук типа среднеевропейского l, который мог возникнуть под влиянием немецко- или чешского языков.

7. Наличие оппозиции ke ~ ke, ġe ~ ge.

8. Расширение эпентетическими элементами групп *s'r', *z'r': *střoda* 'środa', *zdźe nica* 'żenica'. Вообще различного рода вставочные элементы характерны для силезских говоров: ср. *ǰ* в *šejść* 'sześć', *teǰa* 'tyle' и т.п.

Морфологические особенности

1. В 1-м л.мн.ч. индикатива и императива представлен аналог литературного варианта -my.

2. Во 2-м л.мн.ч. всех наклонений распространена флексия -će.

3. Юго-западный тип śâl'i, l'âl'i.

4. Юго-западный тип plete, pletca.

5. Распространение на юго-западе Силезии типа на -é в им.-вин.п. ед.ч. ср.р., повлиявшего на тип с исконно кратким гласным в им.-вин.п.ед.ч. (poly^e как *żyćé*).

6. Обобщение флексии местоимений -ego для прилагательных только после твердых при сохранении континуантов -égo после мягких: *dobrego, tego* ~ *g^urygo, takigo*.

7. Сохранение в некоторых районах (например, в Чешинской Силезии) оппозиции e ~ y, i в род.п. ед.ч. ж.р.: *coł košule 'od koszuli* ~ *baby, drogi*.

8. Сохранение старого распределения *dva* м.р. ~ *d vé* ж.р. и ср.р.: *d vé kury, d vé okna, d vé ćeląta*.

9. Словообразовательный тип ćele.

10. Наличие форм псевдоаориста 1-го л. ед.ч. *byłex* и 1-го л. мн.ч. *byłixmy*. Последняя форма активно заменяется в настоящее время формами типа *my był'i*.

На территорию Силезии в XIV-XVI вв. проникало из малопольского диалекта и окончание -ох.

§ 24. Лексические особенности силезских говоров

На лексику говоров Силезии повлияли: длительный отрыв от остальной части польской языковой территории, что способствовало сохранению ряда архаизмов, утратившихся в большинстве польских диалектов; влияние других языков (немецкого, чешского и словацкого).

Так, с чешским и словацким влиянием связано сохранение следующих лексем: *dobyték* и *chudoba* 'домашний скот', *gáwiédź* 'домашняя птица' (ср. чеш. прост. *havět* 'с тем же значением), *sega* 'дочь', *žák* 'учитель', *podzim* 'осень', *rozimek* 'весна', *maras* 'грязь, беспорядок' (ср. чеш. прост. *marast* 'слякоть, грязь'), *moc* 'много', *lémiéc* 'воротник', (ср. чеш. *límeč*), *farářz* 'приходской священник' (ср. чеш. *farář*), *gazém* наряду с *gazy* 'вдуг' (ср. чеш. *gázem* 'разом, сразу'), *smyka ć się* 'волочиться', *maształnia* 'конюшня', *kolnia* 'сарай для телег' (ср. чеш. *kolna*, *kůlna* 'сарай, дровяник'), *swaczyna* 'ужин', *kwáki* 'брюква', *strom* 'дерево' и мн.др. Слова типа *wuscug* 'пожизненное тюремное заключение', *obartel* 'часть телеги' и другие относятся к германизмам.

Из названий реалий, дифференцирующихся на территории старых племенных диалектов, для Силезии, в частности, характерны такие лексические варианты, как *roganka* 'гречиха' (ср. малопольск. *tatarka* и мазов. *gryka*), *boguwola* 'иволга' (отмечается и в Великой Польше наряду с *zofija*, в отличие от мазов. *vy'vélga*, *vy'vólga* и малопольск. *víl'ga*), *gumno* 'ток' (противопоставляемое мазов. *klepisko* и великопольско-малопольск. *boisko*), совпадающее с мазов. *chaber* 'василек' (ср. великопольск. *podgrák*, малопольск. *blawatek*), совпадающее с великопольск. *kokot* 'петух' (ср. малопольск. *kogut*, мазов. *pieják*) и др.

§ 25. Особенности мазовецкой группы говоров

Мазовецкий диалект занимает значительную часть центральной и северной Польши: территорию Варшавского воеводства, прилегающие к нему районы Лодзинского, Келецкого и Люблинского воеводств, западную часть Белостоцкого, южную часть Ольштынского и восточную часть Гданьского воеводств. Юго-западная часть этой территории (центр Мазовецкой низменности) была заселена в IX в. племенем мазовшан (см. § 9). Отсюда мазовецкое население активно мигрировало в другие районы Польши: в район Радомской пуши, на Подлясье, Мазурское Поозерье, вниз по Висле. Об исторической изменчивости социального статуса мазовецкого диалекта см. § 9.

После кашубского диалекта (самостоятельного в прошлом славянского языка) мазовецкий диалект - второй среди польских диалектов по своему своеобразию. Так, специфической мазовецкой древней осо-

бенностью было сохранение мягкости губного перед $\uparrow$ 'Т (см. § 31.3): $\uparrow$ ell'i, $\uparrow$ ell'i (по аналогии в $\uparrow$ ella). Ср. *mell, pell* большинства польских говоров и литературного языка. Это *el* затем могло измениться в *ol* (вследствие перехода $e > o$): $\uparrow$ oll, $\uparrow$ oll, *vy'ólga*. К. Дейна предполагает, что для мазовецких форм был иной путь развития: переход $\uparrow' > \downarrow > ol$ (а не в *el*) после губных перед твердым переднеязычным зубным, а затем вторичное появление мягкости перед ol ³³.

Мазовецким говорам присущи многие признаки, характерные для северной части диалектного польского ареала.

Вокализм

1. Отсутствие дифтонгических гласных на месте континуанта др.-польск. *a, o*. В отличие от других древних польских областей монофтонгические гласные на месте исторически долгих сужены слабо. $\bar{a}$ редко сливается с этимологическим *o*, обычно на месте $\bar{a}$ отмечается $\bar{a}$, нередко континуанты долгого и короткого *a* совпадают в звуке: *koval, gravidá*. Повсеместно $a < \bar{a}$ представлено на той части территории, которая относится к так называемым "кресам" (окраинным восточным районам), граничащим с восточнославянскими говорами. $\bar{O} > u, \bar{u}, \bar{o}$: *bug, búg, bóг*. При этом в юго-западной части преобладает тенденция произношения $o > u$, а в северо-восточной — $\bar{o}$.

Начальный краткий *o* подвергался дифтонгизации: $\downarrow okno$ 'окно'. Континуант $\bar{e}$ представлен как y^e , никогда не совпадающее с *i/y*: $g\check{z}y^e x$, 'grzech', $\acute{s} \acute{n} y^e k$ 'śnieg'.

2. Континуанты древнепольских носовых. Для континуанта носового переднего ряда на юге представлено расширенное произношение: $a\check{S}$ ($\acute{m}a\check{s}o$ 'mieśo'); $aNT, \check{a}NT$ ($d\check{a}mbi$ 'dęby'); на конце слова a, a^e . На севере континуант носового переднего ряда суженный: $\check{y}^eS$ ($\acute{m}y^e\check{s}o$); $y^eNT, \check{y}^eNT$ ($dy^e\check{m}bi$); $e\#, e\#, y^e\#$. Носовой заднего ряда суженный, но в меньшей степени, чем на Куявах: $\check{o}S, \check{u}S$ ($v\check{o}s, v\check{u}s$ 'wąs'); $\check{u}NT$ ($z\check{u}mp$ 'ząb'). На конце слова произносятся $o, u, \bar{o}, \bar{u}, \check{u}m$: $\acute{v}i\check{z}\bar{u}, \acute{v}i\check{z}\bar{u}m, \acute{v}i\check{z}o, \acute{v}i\check{z}u$ 'widzą'. E в $\check{e}N$ и a в $\check{a}N$ изменяются как континуанты соответствующих носовых.

3. Смещение *i* и *y* в y^i или i : $gry^i p, gu^i ba, grip, riba, 'grzyb, guba'$.

4. Парокситонический, как в большинстве польских говоров, тип ударения.

Консонантизм

1. Наличие мазурения. Собственно говоря, по этой области и получило название данное фонетическое явление. Во всех мазуракающих говорах, если эти говоры не относятся к переходным от мазуракающих к немазуракающим, никогда не подвергается мазурению $\check{z}/\check{s}$ из

ѓ. Этот факт свидетельствует о том, что мазурение уже не действовало в то время, когда ǰ утратило вибрацию. О различных точках зрения о происхождении мазурения см. § 9.

2. Глухой тип сандхи и произношение f в группах sf, kf, tf.

3. Асинхронное произношение мягких губных с выделением дополнительной артикуляции в самостоятельную, причем реализующуюся не только звуком j (j), но и другими фрикативными согласными (ś, ź, ʃ, ǰ): p̄jivo, p̄śivo 'piwo', b̄ ʃaɥuⁱ, b̄ ǰaɥuⁱ 'biały'. Губной при этом может быть и твердым и мягким. Возможны даже утрата губного и сохранение только бывшей дополнительной артикуляции: śipo 'wino', śivo 'piwo'. Мягкий носовой губной в качестве призвука выделяет j (j) и ń. ń может превратиться в самостоятельную артикуляцию: m̄ n̄asto, m̄ n̄asto 'miasto'. Вследствие такого превращения возможно смешение m̄ и исконного ń: m̄ n̄isko 'nisko', ś m̄ n̄ik 'śnieg'.

Связанное с асинхронным произношением мягкого губного ряда произношение типа śfat, śfy ńa. К.Нич считал источником такого произношения те говоры с асинхронной реализацией мягких губных, в которых в качестве дополнительного призвука выделяется ʃ или ǰ: śv ʃat, śf ǰat (причем v или f были твердыми). Затем дополнительный призвук исчез, и в результате возникли современные формы типа śfat. Из мазовецких говоров изоглоссы типа śfat, śfy ńa вследствие экспансии мазовецкого элемента распространились на территорию других диалектов.

4. Нарушение оппозиции ke ~ ke, ġe ~ ge либо в направлении обобщения варианта ke, ge, либо в направлении обобщения смягченного варианта: kedi 'kiedy', moġe 'moġe', ġy^eś 'ġeś' или kedi, mo ġe, ġy^eś. В северо-восточной части мазовецкого ареала фиксируются мягкие k, ġ, ǰ перед этимологическим a (matka, dro ġa, so ġa), что свидетельствует о старом произношении a как a^e.

5. Отвердение r в группах *s'r', *z'r': środa, śrėbɥo 'srebro', uź ġa ɥ 'ujrzał'.

6. Переход ʃ в ź/ś, как и в большинстве польских диалектов.

7. Переход l в ɥ, как и в большинстве польских говоров. В отличие от большинства польских диалектов в мазовецких говорах, подобно кашубским, отмечается отвердение l перед i: lis, lipa.

Особенностью мазовецких говоров является суженный характер континуанта др.-польск. a, что в настоящее время отражают мягкость северномазовецких k, ġ, ǰ перед a (и даже местами сохранившимся a^e) и наличие начальных re, je и eg в середине слова на месте этимологических ga, ja и ar: rek 'rak', reno 'rano', ġepko 'jablko' uɥa^eɥa 'umarła'. В древности область распространения a^e на месте a была шире, о чем свидетельствуют др.-польск. записи с e после мягкого согласного в род.п. ед.ч. существительных м.р. типа pue sbyl Mykodayowa kmyecze³⁴.

Морфологические особенности

1. Наличие в 1-м л. мн.ч. индикатива и императива генетической флексии дуалиса -va: po¹iva, po²va. В императиве также отмечаются окончания -¹tu¹ и -²ta.

2. Во 2-м л. мн.ч. индикатива и императива представлен также двойственный показатель двойственного числа -ta. Флексия -³ce употребляется в формах вежливости (pluralis maiestaticus): со ³pe³ce, bab³ci.

3. В дат.п.ед.ч. существительных м.р. отмечается флексия -o⁴vi — интаминация окончаний -u и -o⁴vi (фонетическая реализация: -o⁴ju, -o⁴vi, -o⁴vi - vo⁴ju, brato⁴u и др.). На пограничье с малопольскими говорами отмечается сверхправильное обобщение -e⁴vi в позиции после твердых согласных: syne⁴vi, zyde⁴vi.

4. Юго-западному типу ⁵sal'i, ⁵lal'i соответствует в мазовецких говорах морфонологический тип ⁵šel'i, ⁵lel'i.

5. Отсутствие результатов перегласовки $\text{ĕT} > \text{aT}$: za⁶metać, ko⁶vędać, vētr⁶ãk, чему, вероятно, способствовал передний характер артикуляции а в мазовецких говорах.

6. Отсутствие оппозиции e ~ i в род.п. ед.ч. существительных ж.р.: c⁷m⁷i и bab⁷y.

7. Обобщение в им.-вин.п. ед.ч. существительных ср.р. континуанта краткого e: zboze как pole.

8. Обобщение этимологического окончания местоименных прилагательных -ęgo на род.п. ед.ч. местоимений: tęgo, jęgo как dobręgo.

9. Наличие форм dva для всех родов: dva kozi, dva okna, dva vozi.

10. Словообразовательный тип ⁸celãk / ⁸celak.

11. Отсутствие категории мужского лица в имени и глаголе. При этом в прошедшем времени в одних говорах представлены формы на li, в других - на ly.

12. Активность глагольного типа на -iva/-yva (doka⁹zywać при малопольском dakazovać).

На территории мазовецкого диалекта К.Нич выделял три района: Ближнее (или Повисленское) Мазовье, Дальнее Мазовье и Подлясье с районом Сувалок. Каждый из этих районов имеет свои особенности. Так, часть говоров третьего ареала возникла на восточнославянском субстрате и относится к северо-восточной разновидности периферийного польского диалекта. В ней отсутствуют такие яркие мазовизмы, как широкое произношение континуанта др.-польск. носового переднего ряда и ĕ в группе ĕN (представлен тип g¹⁰č¹⁰ś, ź¹⁰u¹⁰ń), самостоятельная фрнкативная артикуляция губных (представлен тип ¹¹vi¹¹zi¹¹ m¹¹asto), группы śf (представлен тип ś¹²v¹²at). Отсутствует на этой территории ã, смещение i - y (тип gu¹³ba). В районе Сейн нет мазурения.

Об особенностях северо-восточной разновидности периферийных говоров, обусловленных свойствами языка-субстрата, см. в § 30.

§ 26. Лексические особенности мазовецких говоров

Для мазовецких говоров характерны следующие лексемы, некоторые из которых имеются и в других районах Польши.

1. Названия представителей животного мира: *liszka* 'гусеница', *kasoregz / mętorégz* 'летучая мышь', *pieják* 'петух', *wywiełga* и *zofija* 'иволга'.

2. Названия реальных растительного мира, включая сельскохозяйственные растения: *sokoга* 'черный тополь', *jodła* 'ель', *galák* 'сосна', *kaгpa* 'пень', *kaгpina* 'древесина из пня', *skołojrzák* 'ранний овес', *loboda* и *komosa* 'лебеда', *гpyka* 'гречиха', *łędzian* 'сорняк в хлебе', *lorucha* 'вид сорняка', *pestka* 'косточка'.

3. Названия частей тела человека и животных: *łysina* 'лоб', *wąpnie* 'внутренности', *rodgoby* 'съедобная часть внутренностей'.

4. Реалии хозяйственной жизни: *klepisko* 'ток', *tok* 'ясли', *kierownik* 'часть телеги', *zasiek* 'сусек, загром', *jętka* 'поперечная балка между стропилами', *rodwalina* 'нижняя балка в стене', *pułar* 'потолок', *strop* 'перекрытие' (строит.), *rodolić się* и *plózować się* 'хорошо расти (о животном)', *korсаć* 'копать', *krszuć* 'размельчать, дробить', *oюknać* 'прополоскать, ополоснуть', *plęгнаć się* 'вылупляться', *рудy* и *szońdy* 'коромысло', *kubel* 'ведро', *wąklica* 'старый горшок, кастрюля', *kosior* 'приспособление для выгребания углей из печи', *łácha n* 'миска', *kierzунka* и *tluczka* 'маслобойка'.

5. Физиографические признаки и атмосферные явления: *pluta* 'непогода, слякоть', *szadz* 'иней', *skáłka* 'щель, расщелина', *pszczyć się* 'сверкать (о молнии)', *zdrój* 'источник', *stecka* 'тропинка', *snátki* 'мелький'.

6. Психические и физические качества и состояния человека: *mogus* 'грязнуля' и производное *mogusać się*, *gardy* 'привередливый, разборчивый', *pałozny* 'привычный', *ropny* 'средний', *paбzdyczyć się* 'надуться', *oschariać się* 'припомянуть', *patlać* 'плохо делать что-либо', *ligęzić się* 'ласкаться, стараться понравиться кому-либо', *kosоłować* 'не спать и присматриваться'.

7. Явления общественно-культурной жизни: *łachmytek* 'ремесленник'.

Неизменяемые части речи: *grzyboś* 'на босу ногу', *pa poklep / poklepet* 'по очереди', *jednogaz* 'вдруг', *zapaqwszy* 'часто, через каждую минуту', *tylo* 'только'.

Этот список, безусловно, расширится при привлечении материала МАГР и монографий из серии "Słownictwo Warmii i Mazur".

Особенности мазовецкого диалекта привели К.Нича к предположению о возможном участии в его формировании иноязычного элемента

(доисторическая колонизация не только этнически не польского, но даже и не славянского населения).

§ 27. Особенности кашубских говоров

В настоящее время территория кашубских говоров охватывает северо-западные районы Гданьского воеводства, начиная от условной линии Хойнице-Гданьск, и соседние части Хойницкого и Бытовского воеводств. До конца XIX в. кашубские племена (словинцы) населяли также северный приморский пояс бывших Лемборгского и Слупского повятов в районе озер Лебско и Гардно. Диалект словинцев в начале XX в. был описан Ф.Лоренцем и М.Рудницким.

Кашубские говоры наиболее своеобразны по своим особенностям. Это обусловлено следующими факторами: 1) наличием в них специфических западнолехитских признаков, отсутствующих у восточнолехитских (польских) племен (см. § 6); 2) географической удаленностью от центральных польских диалектов и спецификой поморского быта; 3) влиянием немецкого языка, характерного, впрочем, как уже отмечалось, и для диалектов Силезии и Великой Польши.

В кашубском диалекте выделяются два основных ареала: южный (переходный от северновеликопольских говоров к собственно кашубским), в котором отмечаются общие признаки с северновеликопольскими говорами и нередко отсутствуют типичные "кашубизмы", и северный, более специфический по сравнению с южным.

Западнолехитские особенности (отсутствие метатезы в *tärt, переход *j' и *j в oi, сохранение мягкости согласного перед *f) относятся к современным кашубским говорам к лексикализованным явлениям.

Так, отсутствие метатезы в *tärt, широко представленное в кашубской топонимике (Karwia, Kartoszyno, Białogard и др.), характеризует в настоящее время в основном северную часть кашубского ареала: сев.-зап. кашуб. вагла при сев.-вост. кашуб. вгопа, сев.-кашуб. starnev 'камбала' при фиксации в остальной части Кашубии stroпа 'сторона', сев.-кашуб. kárvinc 'коровий навоз' при кашуб. krova. Наибольшее число неметатезированных форм сохранилось в специальной лексике (ср. kozá bagda 'название растения' и broda 'борода'). Доказательством позднейшей экспансии в Кашубии восточнолехитских форм с trot являются кашубские гиперкорректизмы gròsc вместо garść (лит. garść) и gròpk вместо garpk (лит. garpek).

Сочетание oi из *j, *j' в кашубских говорах перешло в ai, которое сохранилось в отдельных лексемах: máińa (лит. blyskawica), máiknac, váik. Ср. древние топонимы: Połtowsk (совр. Pułtusk), Cholmień (совр. Chelmo).

Сохранение мягкости перед *f (типа márznoc, s'ardi) находит соответствие в сохранении мягкости *fT в общепольских dziarski и ślarno.

Рассмотрим позднейшие кашубские инновации, которые являются более системными, чем лексикализованные древние западнолехитские черты.

Вокализм

1. Исследователи конца XIX в. (Ф.Лоренц, К.Нич и др.) отмечали в северных кашубских говорах сохранение различий по долготе-краткости, в том числе и для гласных $\bar{i}$, $\bar{u}$. Гласная $\bar{i}$ при этом могла возникнуть и из * ϵ (c $\bar{i}$ gnoc, но c $\bar{e}$ gni, $\acute{c}$ el $\bar{e}$ ca).

Исследования, проведенные в 60-70-х гг. XX в. в связи с работой над атласом (АЖК), показали, что этот архаизм уже утрачен и на севере Кашубии. Еще раньше исчезли интонационные различия (отмечались Ф.Лоренцем), остатки которых сохранялись в конце XIX в. в Ястарне (на Хельском полуострове).

2. Наличие особой фонемы, появившейся вследствие понижения артикуляции гласных * $\bar{i}$, * $\bar{u}$, * $\bar{y}$ в определенных позициях. Фонетическая реализация этой фонемы различна в зависимости от ударности-безударности позиции и от говора. Обычно ее обозначают знаком $\bar{e}$.

Так, * $\bar{i}$ > $\bar{e}$: l $\bar{e}$ s - l $\bar{e}$ sa 'lis, lisa', z $\bar{e}$ ma 'zima', s $\bar{e}$ cho 'cicho'; * $\bar{y}$ > $\bar{e}$: r $\bar{e}$ ba 'ryba'. Но в позиции после кашубских палатальных * $\bar{i}$ > i: n $\bar{i}$ wa 'niwa', b $\bar{i}$ c 'bi $\acute{c}$ '. * $\bar{u}$ > $\bar{e}$ только после переднеязычных: s $\bar{e}$ xi 'suchy', $\acute{s}$ $\bar{e}$ m $\bar{e}$ c 'szumie $\acute{c}$ ', l $\bar{e}$ ze 'ludzie', c $\bar{e}$ zi 'cudzy'. После губных и задненёбных * $\bar{u}$ > u: buk, pu $\acute{s}$ $\bar{e}$ c.

3. Континуанты носовых. На месте континуанта праславянского ϵ в позиции не перед Т представлен $\bar{i}$ или $\bar{e}$ (в зависимости от долготы ϵ): c $\bar{i}$ gnoc 'ciagna $\acute{c}$ ', но cel $\bar{e}$ ca 'ciel $\acute{e}$ cia', p $\bar{y}$ c 'pi $\acute{e}$ $\acute{c}$ ', z $\bar{e}$ c 'zi $\acute{e}$ $\acute{c}$ ', krov $\bar{e}$ 'krow $\acute{e}$ '.

Континуант носового заднего ряда (как и * ϵ перед Т) должен быть представлен как $\bar{a}$ на месте краткого и $\bar{o}$ на месте долгого: m $\bar{i}$ ja $\bar{s}$ o 'mi $\acute{e}$ so', k $\bar{o}$ ^unt 'ka $\acute{t}$ '. Однако этимологическое соотношение в ряде случаев нарушено процессами морфологического выравнивания: ср. t $\bar{r}$ asa, t $\bar{r}$ ase $\bar{s}$ и т.д.

4. Особенностью северного поддиалекта является сохранение подвижного (разноместного) ударения, причем исконное место его часто изменено. Южным кашубским говорам присущ уже фиксированный тип ударения, совпадающий с инициальным, отмечаемым у "гуралей".

Северно- и южнокашубские говоры различаются также силой ударения: севернокашубское ударение ярко выраженного динамического характера, что вызывает отличие ударных гласных от безударных: последние подвергаются редукции.

Консонантизм

1. Сдвиг в произношении континуантов трех рядов: совпадение $\acute{s}$, $\acute{z}$, $\acute{c}$, $\acute{z}$ и s, z, c, z в одном ряду s, z, c, z (так называемое "кашубение"):

отвердение этимологически мягкого ряда $\acute{s}$, $\acute{z}$, $\acute{c}$, $\acute{z}$): $i\acute{z}e\acute{s}e$ 'idziecie', $z\acute{c}ma$ 'zima', $s\acute{e}vi$ 'siwy'.

2. Переход k , g > $\acute{c}$, $\acute{z}$ (фонетические реализации: h , η , $\check{c}$, $\check{z}$). Традиционно считалось, что центром иррадиации этой особенности являются кашубские говоры. К.Нич полагал, что наличие $\acute{c}$, $\acute{z}$ < k , g в Борах Тухольских и Западной Крайне связано с тем, что кашубы были автохтонным населением этих районов, которое позднее ассимилировалось восточнолехитскими племенами. В настоящее время преобладает точка зрения о позднем происхождении данной особенности и независимом ее развитии в северновеликопольских и кашубских говорах (П.Смочинский и др.).

Наличие указанных двух особенностей, а также севернопольский асинхронный тип произношения континуантов мягких губных свидетельствуют о доведенной до предела в кашубском языке тенденции к палатальности (отвердение ряда $\acute{s}$, $\acute{z}$, $\acute{c}$, $\acute{z}$ считается "сверхмягкостью", поскольку предполагает предшествующую отвердению высокую степень мягкости членов ряда). Именно поэтому И.А.Бодуэн де Куртенэ называл кашубский язык "более польским", чем какой-либо другой польский диалект.

3. Отсутствие смычки в континуанте * dj и * g . Данная черта характерна в особенности для словинского диалекта: $saza$ 'sadza', $pa\acute{z}a$ 'pędza', $na\acute{p}oze$ 'na podze'. В современных кашубских говорах представлены реликты этого явления.

4. Сохранение архаической вибрации в $\check{r}$, аналогичное архаизму силезских говоров.

5. Наличие в некоторых говорах (северо-восточных, в словинском) перехода $l > l$. Носители соседних говоров называют кашубов, в языке которых представлена данная особенность, "быляками" (bylak).

Фонетические особенности, совпадающие с особенностями польских говоров.

Вокализм

1. Аналогичная великопольской склонность к дифтонгизации исторически долгих гласных, в большей степени для континуантов $\bar{o}$, $\bar{ö}$, в меньшей – для континуанта $\bar{a}$. $\bar{O} > \text{чу}$ ($ch\bar{u}g\bar{i}$ 'chory', $tr\bar{u}g\bar{a}$ 'traga'); $\bar{ö} > \text{бе}$, $\bar{u}$ в начальной позиции, а также после губных и задненёбных ($teg\bar{o}\bar{e}$ 'tego'). $\bar{A} > \text{ау}$: $pt\bar{a}\bar{u}x$ 'ptak', $tr\bar{a}\bar{u}va$ 'trawa'. На месте $\bar{a}$ возможен и монофтонг: w , $\bar{o}$, $\bar{ö}$ и даже $\bar{e}$: $pt\bar{o}x$, $tr\bar{ö}va$, $pt\bar{e}x$, $g\bar{e}de$ 'gada'. Таким образом, * u и * $\bar{o}$ в кашубских говорах не совпадают: $kura$, $l\bar{e}ze$ и $g\bar{u}ga$ или $g\bar{u}ga$. $\bar{E} > y$, $\acute{e}$.

2. Северное смещение y и i : $s\bar{u}\bar{a}b\bar{i}$ 'slaby', $ch\bar{u}g\bar{i}$ 'chory'.

3. Лексикализованные случаи перехода начальных ga , ja в ge , je : $rep\bar{o}$ 'rapo', $je\bar{t}mo$ 'jarzmo' и * $j\bar{y} > je$: $jeg\bar{u}a$ 'igla'.

4. В некоторых кашубских говорах отмечается аналогичное великопольскому смешение vo и ѓ: *lédџe* 'ledwo', *tégџe* 'tego'.

Консонантизм

1. Северный асинхронный характер произношения мягких губных при выделении в качестве призвука любого фрикативного (в том числе и отвердевшего): *zńjág*, *řxǫgvu*. Ср. типичное для Ястарни *řǔ < rǔ < ř*: *řřivo* 'riwo'. Аналогичное явление отмечается в новых немазуракающих диалектах (см. § 29). Тип *svat*, *svińa*.

2. Смешанный тип сандхи: перед носовым сонорным и гласным глухой тип, а перед *ř*, *v*, *џ* - звонкий (*řed v las*, *brad řek*). Появление такого типа сандхи, вероятно, связано с воздействием на исконно глухой тип звонкого великопольского.

3. Вставка *t*, *d* в группах **s'g*', **z'g'*', аналогичная силезским и южновеликопольским говорам: *střuǫda* 'środa', *střebro* 'srebro', *zdřodlo* 'źródło'.

4. Севернопольское отверждение *l'* перед *i*: *lės* 'lis'.

5. Переход *l* > *џ* характерен только для южнокашубских говоров.

Морфологические особенности, специфичные для кашубских говоров

1. Отсутствие стяженных форм *am-* и *em-*спряжений, характерное для севернокашубских говоров: тип *řitaję*.

2. Архаическое сохранение суффикса императива *i* > *ě*: *ńesě*, *ńesěta*.

3. Окончание род.п. ед.ч. прилагательных м. и ср.р. -*ěvo*.

4. Падежный синкретизм в типе существительных ср.р. на *ъje (им.-род.-дат.-мест.п. ед.ч. *zboři*, *kazańi*) или изменение лексем такого типа по образцу прилагательных: *podџořęco* 'podwórze', *podџořętu* и т.д.

5. Наличие в центральных и севернокашубских говорах в тв.п. ед.ч. существительных м. и ср.р. окончания -*ę* < -*em* (*bratę*, *psę*).

6. Формы причастия прош. вр. ж.р. типа *opa zna* в связи с контракцией *aǫ* > *a*, обусловленной утратой интервокального *џ*.

7. Сохранение на севере Кашубии остатков живой категории дв.ч. в местоимениях (им.п. *pa*, род.п. *paǫ*, *paǫi*, дат.-тв.п. *paма*).

Морфологические особенности, известные другим польским говорам

1. Морфонологический тип *lelě* и *řiselě*, аналогичный севернопольскому.

2. Наличие флексии -*ta* во 2-м л.мн.ч. индикатива и императива при употреблении -*se* в формах *pluralis maiestaticus*. Ср. то же в мазовецких говорах. В 1-м л.мн.ч. представлены -*me*, -*ma*, -*mo*.

3. Аналогичные мазовецким словообразовательные типы *cełãk 'cɛlɛç'* и глаголы на *-ywać (řisěvac 'řisywać', grivac 'grywać')*.

4. Распространение контаминационного окончания *-oũ* в дат.п. м.ч. существительных м.р.

5. Наличие формы *dva* для трех родов.

6. В некоторых говорах флексия *-oũe* специализировалась как показатель им.п. мн.ч. одушевленных существительных или существительных с семантикой мужского лица. На синтаксическом уровне обычно отсутствует выражение категории мужского лица.

В кашубских говорах представлено и такое явление, как отсутствие "беглого" *e* в ряде словоформ: им.п.ед.ч. м.р. *rogenk 'rogalek', sink 'лупек'*, род.п. мн.ч. ж.р. *matk 'matek'*. При этом могла развиваться заместительная долгота в слове с гласным, предшествующим слогу с редуцированным: *mãtk > mãtk*. О том, что это явление было известно уже в древности севернопольским говорам, свидетельствуют формы типа *Domc* в булле 1136 г.

§ 28. Лексические особенности кашубских говоров

Те же факторы, которые обусловили специфику фонетических и грамматических особенностей кашубских говоров, повлияли и на своеобразие кашубской лексики, в частности на сохранение в кашубских говорах большого количества не только польских, но и общеславянских архаизмов, утратившихся в других зонах славянского ареала.

Интенсивное изучение кашубских говоров в послевоенное время, ознаменовавшееся выходом в свет таких фундаментальных трудов, как семитомный словарь кашубских говоров и пятнадцатитомный атлас, показало, что на территории кашубских говоров (в первую очередь северных) выявляется ряд изолексов, характерных для других славянских языков³⁵.

Наиболее архаична лексика, как фонетические и грамматические особенности, северной и северо-западной частей Кашубии. Здесь сохраняются такие лексемы, которые отмечены в полабском языке (например, *řesogã 'рыбьи кости'*) и лужицких языках (например, *rotgaw řisce 'земляника; клубника', paçože ři 'жених'*). Отмечаются одинаковые структуры номинаций, объединяющие полабский язык, лужицкие языки и кашубские говоры: ср. кашуб. *stari tatk 'дедушка'*, полаб. *stõre ř'õlã*, н.-луж. *stary pap*.

Из общеславянских архаизмов, сохранившихся на периферии славянского языкового мира, исследователи отмечают, например, кашубско-лужицко-южнославянскую изолексу *kãłp, kałp 'морской лебедь'* (и.-луж. *kołp*), кашубско-полабско-южнославянскую изолексу *ħagpa*

³⁵ Материал по кашубской лексике взят из работы: P o r o w s k a - T a b o r s k a H. *Kaszubszczyzna. Zarys dziejów*. Warszawa, 1980. S.37-42.

'плохой корм' (у словинцев и полабян в значении 'корм, еда') и др. Причем некоторые из этих изоглоссы относятся к глубокой древности (в частности, *koŕp*, подтверждаемая балтийским материалом и существовавшая, таким образом, в период балто-славянской общности).

К общеславянским архаизмам, сохранившимся в кашубских говорах и у восточных славян, относятся, например, кашуб. *šermešļa* (ср. рус. *коромысло*), словин. *řabīna* (ср. рус. *рябина*), кашуб. *radiska* (ср. рус. *редиска*), кашуб. *toŕk* 'крот' (ср. полес. *toŕka*). Последняя лексема известна и в полабском языке (*tosajka*).

К архаизмам, отмечаемым не только у восточных славян, но и в других славянских языках, принадлежат, например, кашуб. *máŕ pá* 'молния без грома', кашуб. *uŕasnaŕ* 'испугаться'.

О контактах с другими языками свидетельствуют балтизмы и термины, связанные с кочевым пастушеством. К балтизмам в кашубских говорах относятся лексема *kadik* 'можжевелик' (отмечаемая и в других севернопольских говорах), словин. *kupa*, северокашубское *iopsc* 'барсук', соотносящееся, по мнению некоторых исследователей, с прус. *obsdis*.

Терминология, обусловленная проникновением на территорию Поморья населения, занимающегося кочевым скотоводством, сохранилась в пейоративном слое лексики. Ср. кашуб. *baŕa* - пренебрежительное название коровы (малопольск. *basa*, словац. *baŕa*, рум. *băci*, венг. *bacsa* 'овчар, пастух'); кашуб. *šuga* - пренебрежительное название лошади (караим. *šoga* 'мальчик при лошадях', укр. *šuga*), кашуб. *šá toga*, *šá tera* 'старая тряпка' (венг. *sà log* 'палатка', тюркизм *шатер* в русском).

Примеры германизмов: *brutka* 'невеста' (нем. *Braut*), *kaŕor*, *kaŕornica* 'жаба' (ср. ст.-нем. *Kulter*, *Kunder*; *Konter* = 'чудовище, дьявол'), *daŕa* 'сосна' (нем. *Tanne*), *gbug* 'хозяин' и др. Заимствования из нижненемецких говоров, как и общеславянские архаизмы, характерны для северной и западной частей кашубского ареала. Они относятся к названиям орудий труда (и области их применения), которые выходят в настоящее время из употребления: ср. *draszowaŕ* 'молотить цепами' (ср. нем. *dreschen*), *кyра* 'ясли' (нем. *Krippe*) и др. На остальной части кашубских говоров наблюдалось в течение длительного периода влияние литературного немецкого языка, которое отразилось в первую очередь на реалиях, связанных с административным устройством, общественно-культурной жизнью и т.п. Этот слой лексики в последнее время интенсивно заменяется литературными названиями.

К архаизмам, которые были известны польскому языку, но впоследствии утратились везде, кроме Кашубии, относятся, например, кашуб. *koŕ kev* 'большая деревянная ложка', *boŕa* 'силач', *dlugoŕ* 'дылда, человек высокого роста' и др. Нередко кашубский апеллатив дает возможность уяснить происхождение др.-польск. имени собственного: ср

др.-польск. *Długosz* и кашуб. *długoś*, др.-польск. *Worek*, *Woguta* и кашуб. *woğa*.

К кашубским локализмам, не известным на других территориях, относятся, например, *mokłazna / zmokłazna* 'пот', *sąpóve* 'зять', *přadacã* 'приданое' и др.

Лексические особенности обусловлены часто и более широкими словообразовательными связями, в которые способны вступать отдельные непроеизводные основы в кашубских говорах. Ср. многочисленность формаций с корнем *moj-* (лит. *mój*): *mojk*, *mojëck*, *mojink*, *mojka*, *mojëcka* и др. Нередко широта словообразовательных связей объясняется спецификой кашубского быта. Так, многообразие формаций, производных от лексемы *moře* 'море', обусловлено важностью той функции, которая принадлежала морю и рыбному промыслу в жизни кашубов. Ср. некоторые из формаций: *morstwo* 'рыбаки', *mořészce* 'песчаная территория, некогда занятая морем', *mórka* 'ветер с моря', *mořasa* 'морская русалка', *mořawa*, *mořa víca* 'сильный ветер с моря', *mórko*, *mořko*, *mořecko*, *mořuško* и другие многочисленные деминутивы от *moře*.

НОВЫЕ ПОЛЬСКИЕ ДИАЛЕКТЫ

§ 29. Новые немазуракающие диалекты

Эти диалекты появились вследствие экспансии польского (мазовецкого или кашубского) элемента на территорию, занятую некогда иными племенами (в частности, прусскими). По своим особенностям они близки к мазовецким говорам. В новых немазуракающих говорах представлены типичные северные особенности польского ареала говоров.

К.Нич выделял три группы говоров, относящихся к этой зоне: кочевскую, мальборско-любовскую и острудско-вармийскую.

1. Кочевский диалект

Вокализм

1. На месте исторически долгих $\bar{o}$, $\bar{a}$ и, как правило, $\bar{ö}$ представлены монофтонги. $\bar{ö}$ только в начале слова может выделять $\underline{u}$: *po uobje źe* 'po obiedzie'. Континуанты $\bar{a}$ и $\bar{ä}$ совпали в *a*: *pravda*, *raz*; *e > y*: *tyś* 'teź', *śluzóncygo* 'śluzącego'.

2. Смешение *u* и *i*: *źebi*, *krovi*. Однако звук *u* существует в вокалических системах говоров на месте *e*.

3. Широкое произношение континуанта др.-польск. носового переднего ряда и ξ в группе ξN : *bando* 'będa', *zapřangać* 'zaprzęgać' и *kańjań* 'kamień'. Узкое произношение континуанта носового заднего

ряда и $\bar{a}$ в группе $\bar{a}N$. Носовой перед S может в некоторых районах Кочевья исчезать: ср. $vjuza\acute{c}$ 'wiązać'.

Консонантизм

1. Отсутствие мазурения и какого бы то ни было сдв. в трех рядах.
2. Глухой тип сандхи.
3. Асинхронный тип произношения мягких губных ($wjele$, $pjurszi$, $m\acute{h}eli$) и твердость v в $*s'v'$.
4. Смешение ke , ke и ge , ge (чаще в типе ke/ge : $kedi$, $ke\acute{s}a\acute{n}$).

Морфологические особенности

1. Наличие в I-м л. мн.ч. индикатива окончания $-m$: $\acute{s}e\acute{z}im$.
2. Морфологический тип $lel'i$, $\acute{s}el'i$ и аналогичный кашубскому $jexel'i$.
3. Словообразовательный тип $\acute{c}elak$.
4. Употребление формы dva для всех родов.

Кочевье делится на три части: 1) южная между реками Брдой и Вислой, где сохранялась носовость перед S : $ga\acute{s}i$, $v\acute{u}za\acute{c}$; 2) центральная на реке Вежица, где исчезла носовость перед S : $ga\acute{s}i$, $v\acute{u}za\acute{c}$; 3) северная между Тчевом и Скаршевами (скаршевско-тчевский поддиалект), где утрачена носовость перед S , но, в отличие от остальной части Кочевья, представлено узкое произношение континуанта др.-польск. носового переднего ряда и соответственно $\acute{e}$ в группе $\acute{e}N$: $zy^e\acute{m}bi$, $gy^e\acute{s}i$, $\acute{c}y^e\acute{m}po$; кроме того, в нескольких деревнях под Тчевом представлено типичное для мальборского диалекта смешение $\acute{s}$, $\acute{z}$, $\acute{c}$, $\acute{z}$ с $\acute{s}$, $\acute{z}$, $\acute{c}$, $\acute{z}$ (так называемое "сяканье").

II. Мальборско-любавский диалект

Вокализм

1. Отсутствие дифтонгов: $\bar{a} > a$; o , в том числе и краткое, - монофтонг. Только в Любавском и западных его районах начальное o сливается с начальным $\bar{u}o < lo$: $\bar{u}okpo$. $\bar{O} > \acute{u}$. Таким образом, $\bar{o}$ отличается от u : $kuga$, но $g\acute{u}ga$. $\bar{E} > y^e$, y : $pju^e\acute{r}\acute{s}'o$.

2. Совпадение y и i : $bid\bar{u}o$ 'bydło'.

3. Узкое произношение континуантов носовых. Так же произносятся гласные в группах $\acute{e}N$ и $\bar{a}N$: y^eN и $\acute{u}N$. Перед S отмечается исчезновение носовости, причем в районе Мальборка происходит замена носовости средненёбной артикуляцией ($gy\acute{s}$, $k\acute{s}\acute{u}\acute{z}\acute{s}ka$), а в любавском поддиалекте носовость утрачивается без ее компенсации ($gy\acute{s}$, $k\acute{s}\acute{u}\acute{z}\acute{s}ka$). На конце слова произносятся гласные без ринезма: y , e ; $\acute{u}$.

4. Наличие лексем с начальным ge на месте ga : $red\bar{u}o$ 'radło'.

Консонантизм

1. При отсутствии мазурения в узком смысле слова представлен тип в произношении трех рядов в виде "сыканья": смешения рядов $\acute{s}$, $\acute{z}$, $\acute{z}$ и $\acute{s}$, $\acute{z}$, $\acute{z}$ в один ряд, имеющий обычно вид $\acute{s}$, $\acute{z}$, $\acute{c}$, $\acute{z}$ или $\acute{s}'$, $\acute{z}'$, $\acute{z}'$ (второй ряд типичен для любавского поддиалекта). Ср. $\acute{s}'apo$, v $\acute{z}'e$, $\acute{s}vi\acute{n}a$, $za\acute{c}op$ 'zaszał', $be\acute{c}ka$.

2. Глухой тип сандхи, причем в группах sv , tv , kv наблюдаются лебания в глухости-звонкости v : tf и tv .

3. Асинхронный тип произношения мягких губных. При этом в любавском поддиалекте нет призвуков $\acute{s}$, $\acute{z}$, $\acute{n}$, а представлен только $j(\acute{c})$. Сопутствующий асинхронному типу произношения губных тип $\acute{s}vat$ / $\acute{s}fat$.

4. Смешение ke - $\acute{k}e$ и ge - $\acute{g}e$ в варианте ke , ge .

Морфологические особенности

1. В любавском поддиалекте представлено в 1-м л. мн.ч. индикатива и императива окончание $-va$. В мальборском поддиалекте фиксируются все варианты с $-m$: $-m$, $-mi$, $-ma$.

2. Во 2-м л. мн.ч. представлены флексии $-ta$ и $-\acute{c}e$.

3. Морфонологический тип $\acute{s}el'i$, $lel'i$ и $jexel'i$.

4. Словообразовательный тип $\acute{c}elak$.

5. Употребление dva для всех родов.

6. Отсутствие грамматической категории мужского лица в именах и глаголах. Ср. мальб. $jexel'i$ курсу, $vil'ki$ p $\acute{y}\acute{s}l'i$.

III. Острудско-вармийский диалект

Вокализм

1. Отсутствие дифтонгов на месте континуантов $\bar{o}$ и $\bar{a}$. Однако на месте $\bar{a}$ сохраняется суженный гласный: в районе Оструды $\bar{a} > o$ ($kovol$ 'kowal'), в Вармии $\bar{a} > \acute{a}$ ($kov\acute{a}l$). $\bar{o} > \acute{u}$, $e > y$.

2. Смешение y и i : $virva\acute{c}$, $vodi$.

3. Континуанты носовых.

Если в острудском поддиалекте, как и в любавском, представлены узкие континуанты носовых с утратой носовости перед S без замены ее средненёбной артикуляцией, то в Вармии выделяются четыре района по типам произношения континуантов носовых. Западная и южная Вармия характеризуются узким произношением носового заднего ряда и широким — переднего ряда ($\acute{u}$, $\acute{a}$). Восточная и северная Вармия отличаются узким произношением континуантов обоих носовых ($\acute{u}$ и y , $\acute{e}$). В позиции перед S : западная и восточная Вармия характеризуются компенсацией утраченной носовости в виде j (зап. $gaj\acute{s}$, $k\acute{u}j\acute{s}$ - вост. $guy\acute{s}$, $k\acute{u}j\acute{s}$, причем на северо-востоке восточной Вармии отмечается

перед S сочетание чистого гласного с носовым согласным: *gy^cnši*); южная и северная Вармия отличаются полной утратой носовости без ее компенсации (южн. *kūs, gaś*, сев. *geśi, kśūška*). На конце слова произносятся ртовые гласные: зап. и южн. *ũ, a* (*banda z matkũ*), вост. *ũ, e, y* (*bynde z matkũ*), сев. *ũ, e* (*bende z matkũ*).

4. Лексикализованные случаи перехода начального *ja* в *je*: *jek 'jak'*.

Консоантизм

1. При отсутствии мазурения в узком смысле слова на всей территории Вармии, кроме западной, представлено "сяканье". На западе Вармии, как и в литературном языке, фиксируются все три ряда. В острудском поддиалекте двум рядам *ś, ź, ć, ź, ś, ź, ć, ź* соответствует один ряд *š, ž, č, ž*. В восточной Вармии этот ряд, подобно мальборско-любавскому поддиалекту, реализуется в виде *š, ž, ć, ź*. Ср. *ćelãk, ćãgni, šapo, žita*.

2. Глухой тип сандхи и *f* в группах *tv, sv, kv*.

3. Асинхронное произношение мягких губных с призвуками *ś, ź, ń* (*pśã sek 'piasek', kam ńe ń 'kamie ń' и ńasto 'miasto', ź ara 'wiara'*).

4. Смешение *ke-ke, ge-ge* в варианте *ke, ge*: *pśã skem, kedi*.

Морфологические особенности

1. Наличие в 1-м л.мн.ч. флексии *-va*, во 2-м л.мн.ч. *-ta* (в острудском поддиалекте фиксируются *-ta* и *-će*).

2. Морфонологический тип *śeli*.

3. Словообразовательный тип *ćelãk* или *ćelok*.

4. Употребление *dva* для всех родов.

5. Отсутствие грамматической категории мужского лица в имени и глаголе (ср. варм. *źyfcini gvali*).

К.Нич относил вармийско-острудско-любавское наречие к смешанному типу диалектов и считал, что оно возникло в историческое время на иноязычной основе (а именно на прусской). Это, по мнению К.Нича, подтверждает смешение рядов *Ś ...* и *Š ...*. Полонизирующиеся пруссы, по мнению К.Нича, соприкасаясь с двумя языковыми типами поляков (мазуракающими и немазуракающими), упрощали эти отношения. Следует отметить, что и мазурение К.Нич также относил к иноязычному влиянию, не исключая самый древний, праславянский период его проявления. О трактовке "сяканья" как одной из разновидностей смешения трех нечетко различающихся рядов согласных см. § 9.

Лексические особенности говоров Кочевья, Вармии, Оструды, районов Мальборка и Любавы отражены в материалах периодического издания "Słownictwo Warmii i Mazur", на картах атласа (MAGP). В последнее время новые немазуракающие говоры стали объектом многих лексикографических описаний³⁶.

§ 30. Периферийный польский диалект (polszczyzna kresowa)

Термин "периферийные" польские говоры (или "окраинные" - kresowe) обозначает ту разновидность польского языка, которая формировалась на протяжении XV-XX вв. вследствие экспансии польского элемента на территорию бывшего Великого Литовского княжества и Украины с этническим украинским, белорусским, литовским (и в меньшей степени латышским) населением. Название "периферийные" ("окраинные") связано с периферийным географическим положением этих районов по отношению к центральным областям Польши (прежней Речи Посполитой). В настоящее время основная часть польских периферийных говоров находится на территории Беларуси, Литвы и Украины и незначительная в Польше (на северо-востоке Малой Польши, а также в районе Белостока, Сувалок и Августова). Кроме того, часть носителей периферийного польского диалекта, переехавшая в Польшу, поселилась на воссоединенных западных и северных землях (ziemie odzyskane), где, по предположениям ряда польских диалектологов (например, К. Дейны), в результате языковых контактов носителей разных польских диалектов должны появиться новые переходные говоры. Однако некоторые современные исследователи констатируют, что на этих вновь заселенных землях происходит процесс интеграции, и в общении между собой носители генетически разных диалектов (особенно представители молодого поколения) переходят на усвоенный в различной степени литературный польский язык.

Периферийные польские говоры (или периферийный польский диалект) неоднородны по своим особенностям. Различают северо-восточную и юго-восточную разновидности периферийного диалекта. Северо-восточная разновидность - это польские говоры, возникшие на белорусском, белорусско-литовском или литовском субстрате вследствие языкового контакта на территории бывшего Великого Литовского княжества. Юго-восточная разновидность - польские говоры, образовавшиеся вследствие языкового контакта на территории Юго-Западной (Воынь, Подолье) и Западной Украины (бывшая восточная Галиция). При этом формирование региональной разновидности польского

36 Sychta B. Słownictwo kociewskie na tle kultury ludowej. Wrocław etc., 1980-1985. Т. I-III; Steffen W. Słownik warmiński. Wrocław, 1984; Słownik gwar Ostródzkiego, Warmii i Mazur. Wrocław etc., 1987. Т. 1 и др.

языка на Украине началось раньше, чем в Великом Литовском княжестве (уже в XV-XVI вв.), а также отличалось от полонизации на территории последнего большим наплывом на плодородные земли Украины полоноязычного населения из районов этнической Польши.

Неоднородность периферийного диалекта обусловлена неоднородным социальным составом его носителей. Польский язык, на котором говорили высшие и средние слои указанных районов, можно рассматривать в качестве региональной (местной) разновидности культурного диалекта польского языка (т.е. разговорного языка образованных людей) наряду с такими его разновидностями, как познанская, краковская, варшавская. Именно из устной формы разговорного регионального "кресового" варианта, а не из произведений писателей-кресовцев XVI-XVII вв. (доказано С.Грабцем³⁷) в литературный польский язык вошли: утрата *á*, формы с *cz* (*depczę, szepczę*), *cz* в патронимических формантах *-ewicz, -owicz*, суффиксы *-iszcz(e), -ajł(o), -eńk(o)*, префикс суперлативной семантики *prze-*, большое число украинизмов и ориентализмов в лексике. Вероятно, значением "немазуракающих" "кресов" в общественно-политической и культурной жизни XVI-XVII вв. (выходцами с "кресов" были Чарторыйские, Собеские, Вишневецкие и мн. др.) наряду с давней эмоционально-отрицательной окраской этой особенности в языковом сознании поляков (ср. высмеивание мазуров и их языка в комедиях XVI в.) в определенной степени объясняется и отсутствие в литературном языке такой репрезентативной для польских диалектов особенности, как мазурение.

Крестьянские говоры на "кресах" возникают вследствие распространения региональной культурной разновидности польского языка среди местного населения. Наиболее изучена история возникновения таких говоров на территории северо-восточных "кресов" (работы К.Мошинского, Г.Турской, К.Нича и др.). Предполагается, что эти говоры появляются со второй половины XIX в. в результате распространения региональной культурной разновидности польского языка среди белорусского или литовского крестьянства. Модификация, которую претерпевает в процессе усвоения польский язык, заключается в большем количестве белорусизмов и литуанизмов в крестьянских местных говорах по сравнению с региональной культурной разновидностью. Таким образом, по мнению польской исследовательницы Г.Турской, возникли три массива польских крестьянских говоров на территории Литвы: виленский (вокруг современного Вильнюса), смолвенский (между Зарасаем и Видзами, название образовано от пункта Смолвы - совр. Смалвос) и ковненский (вокруг Каунаса)³⁸.

37 H r a b e c S. Elementy kresowe w języku niektórych pisarzy polskich XVI i XVII w. Toruń, 1949.

38 T u r s k a H. O powstaniu polskich obszarów językowych na Wileńszczyźnie // Studia nad polszczyzną kresową. Wrocław etc., 1982. T. I. S.21.

Мало исследован, несмотря на более давнее распространение польского языка на этой территории по сравнению с Беларусью и Литвой, процесс формирования польских говоров на Украине. До последнего времени даже особенности этой региональной разновидности польского языка были недостаточно изучены и ограничивались перечнем десяти фонетических и морфологических признаков, а также указанием отдельных специфических лексем в работе Т. Лер-Сплавинского 1938 г.³⁹ С середины 70-х гг. появляются исследования, посвященные более подробному описанию признаков юго-восточной разновидности, обобщенно называемой "львовским" диалектом: работы З. Курцовой⁴⁰, статьи в периодическом издании "Studia nad polszczyzną kresową", разделы в монографиях Я. Мазура (см. § 12) и др. Однако уровень знания об этой периферийной разновидности польского языка пока еще уступает степени изученности виленского диалекта.

Во всяком случае, известно, что на территории Украины большую роль в образовании крестьянских говоров, в отличие от Великого Литовского княжества, играло "пришрое" полноязычное население. Таким образом, для крестьянских польских говоров Украины существенным является такой вид неоднородности, как типичный периферийный польский диалект (т.е. говор на иноязычном субстрате) - переселенческий говор, в котором наряду с украинскими элементами, вошедшими в него вследствие его "второй жизни" в контакте с украинским языком, представлены и диалектизмы, типичные для этнически польских говоров. К этим говорам, в частности, относится польский язык некоторых сел Хмельницкого района Хмельницкой области (с. Шаровечка, с. Матьковцы), в которых отмечаются лексикализованные следы мазурения (суł'і, іпасуј), морфологизованный реликт звонкого типа саидхи (jażem paru bīla), морфологизованные и лексикализованные рефлексы а как о перед носовым согласным (tom, ċyтом 1-е л. ед.ч. наст.вр., тома, ċyтома 1-е л.мн.ч. наст.вр., som 'sam' и др.), упрощение групп согласных "г + последующие š, ž, s', z'" (bašč, pšygašn'a) и некоторых других (l'a 'dla'), переход s' > š перед l' (na kšēš'і, š'іoza), лексикализованные случаи ассимиляции носового согласного по месту образования (tanty 'tamty', ontaš 'ohtarz'), отдельные лексико-фонетические факты (kvardy 'twardy'), наличие флексий -ma, -ta в 1-м и 2-м л.мн.ч. при -ćе в формах pluralis maiestaticus, род.-дат.-предл. ty для местоимения ta, остатки сложного прошедшего времени (mus'al byl зроб'it'), формы неопределенного местоимения типа s'tems't'ik 'z kimś', отдельные лексемы (например, pšes'c'eradlo 'зеркало', соотносящиеся с малопольским przez radko, synzyl'ina 'иней' и др.).

39 Le h r-S p i a w i ń s k i Т. Wzajemne wpływy polsko-ruskie w dziedzinie językowej // Szkice z dziejów rozwoju i kultury języka polskiego. Lwów; Warszawa, 1938.

40 См., например: K u r c o w a Z. Polszczyzna Lwowa i kresów południowo-wschodnich do 1939 roku. Warszawa; Kraków, 1983.

Многие особенности северо-восточной и юго-восточной разновидностей периферийного польского диалекта совпадают вследствие близкого родства языков-субстратов - украинского и белорусского. Перечислим наиболее яркие признаки, присущие обоим его региональным разновидностям.

1. Отсутствие носовых гласных фонем вследствие их деназализации в сильной для признака назальность-неназальность позиций конца слова.

2. Различное число гласных фонем в ударной и безударной позициях. Как правило, в безударной позиции представлен редуцированный по сравнению с ударной вариант системы вследствие качественно-количественной редукции гласных неверхнего подъема (e, o). При этом если общепольскому безударному o в обеих разновидностях соответствует суженный вариант (o^o, u) - причем в говорах Литвы⁴¹ o^u/u < лит. o может быть представлено и в ударной позиции, - то эквиваленты безударному лит. e различны в ГЛ и ГУ. В ГЛ - это расширенный по сравнению с e звук (a^e, a), за исключением позиции после k ġ, где наряду с a^e/a отмечается и суженный вариант (i, i^e), а в ГУ - это всегда суженный вариант (eⁱ, e^y, i, y). Такие же звуки отмечаются в качестве безударных соответствий общепольским носовым: 1-е л. ед. ч. *pujdu* ГУ ~ *pujda* ГЛ при 3-м л. мн. ч. *pujdo* / *pujdu* ГЛ, ГУ. Только лексически ограничено представлено в настоящее время расширение безударного o в ГЛ (*skawronak* - лит. *skowronek*, *pańchoxa* - лит. *pańszocha*) при сверхправильном *ogenda*, *opteka*, *rom'entac'* и некоторых других, свидетельствующих, вероятно, о воздействии белорусского языкового элемента в процессе формирования особенностей северо-восточной разновидности периферийного польского диалекта.

3. Отсутствие средненёбной артикуляции в ряду s', z', c', ʒ', соответствующем лит. *ś, ź, ć, ʒ*.

4. Наличие звонкого звука и фонемы h - γ (ср. *hebel'*).

5. Сохранение зубного качества l и наличие его мягкого коррелята l'.

6. Наличие мягкого x не только перед суффиксом -iwa или в иноязычной лексике (*tux'i*, *x'iba*).

7. Наличие ц < v в конце слова и перед согласным и связзное с этим (отмечаемое обычно в ГЛ) смешение v и u.

8. Наличие на месте лит. *sj, zj, cj* мягких s', z', c' (тип *l'ekc'a* - лит. *lekca*, *pas'a* - лит. *pasja*).

9. Сохранение архаической вибрации ġ/ġ'. Этот периферийный архаизм отмечался до второй мировой войны. В настоящее время, по крайней мере в ГЛ, не фиксируется, хотя выявляется исследователями в языке писателей-кресовцев XIX в.

41 Говоры Литвы в дальнейшем обозначаются ГЛ, а говоры Украины - ГУ.

10. Нарушение обычного парокситонического ударения в определенных морфологических категориях и группах лексем (ср. в императиве: *šukáj*).

11. Йотированное произношение эквивалентов литературным мягким губным перед всеми гласными, кроме *i* и *u*, а в ГУ часто и *m*' на месте лит. *m̃* (*m̃n'al*).

12. Отсутствие категории мужского лица (*te xloru pošl'i*, *te baby pošl'i*).

13. Наличие аналитических форм прошедшего времени типа *ja kup'il*, *tu kup'il'i*.

14. Полифункциональность *jest*, употребляемого и во мн.ч. (*on'i jest*).

15. Изменение существительных с суффиксом *-ist-* по типу прилагательных: *organ'isty*, *organ'istego*.

16. Наличие флексии *-am* в дат.п. мн.ч. у существительных.

17. Выражение категории одушевленности у существительных м. и ж.р. во мн.ч.: *v'ize.tyx bar*, *psuf*.

18. Наличие некоторых общих суффиксов: *-uk*, *-ajl(o)* и др.

При этом некоторые внешне одинаковые признаки ГЛ и ГУ могут генетически различаться. Так, наличие асинхронного произношения эквивалента литературному ряду *b*, *ř*, *m̃*, *f* (особенно часто в ГЛ перед *a*, *o*, *u*) восходит в ГУ и ГЛ к разным источникам: в ГЛ — к особенностям литовского субстрата, а в ГУ — украинского. Ср. наличие идентичного ряда в некоторых генетически польских говорах. Или суффикс *-uk* в ГЛ относится к литовским "родимым пятнам" (ср. *pařs' ùk*, *Stas' ùk* и т.д.), а в ГУ считается украинизмом.

Безусловно, есть и различия между двумя региональными разновидностями, проявляющиеся на всех уровнях. Например, в ГЛ в фонетике отмечается наличие и под ударением рядов *e^a/a* и *o^u/u*, соответствующих литературным *e* и *o*, что исследователи соотносят с особенностями литовского субстрата. Или неэтимологическая твердость *n* перед *s*, с и мягкость перед *s*, *ř*, *k*, *g* (тип *slonce*, *pařs k'i*, *guřo řsu*, *řtvi řka*), источники которой разные исследователи объясняют по-разному, и белорусским языком, и литовскими говорами. К литовским признакам ГЛ относят и такие черты, как *g'* перед *i*, *u*, изредка отмечаемое в настоящее время, и наличие полумягкого ряда *ř' ž' ř' ž'*. В морфонологии ГЛ типичным является отсутствие чередований *u - o* в парадигме односложных лексем (лит. *dwõr*, *sõl* ~ в ГЛ *dvor*, *sol'*), существительных ж.р. на *-a* (лит. *droga - drõg -* в ГЛ *droga - drok*), при образовании существительных ж.р. с суффиксом *-k(a)* (лит. *krowa - křõwka -* в ГЛ *krova - křõfka*), форм императива (лит. *stoi - stõj -* в ГЛ *stoi - stoj*) при наличии чередований *o-u* при образовании форм компаратива типа *zdrowy - zdřufřy*, *młody - młutřy* (лит. *młodszy*) или наличие консонантного чередования *x ~ s'* у существительных на *-a* (типа *тиха*

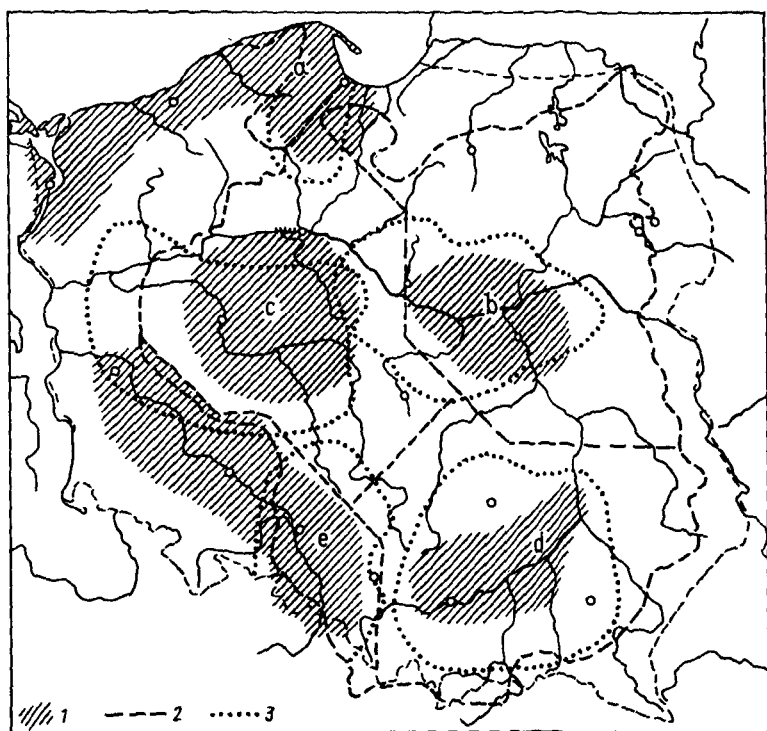
- га mus'e), что обусловлено влиянием белорусского языка. Ср. также частое обобщение континуанта этимологического носового в парадигме (menš, demp - лит. maž, dab). В морфологии ГЛ выделяются такие специфические признаки, как наличие в дат.-мест.п. ед.ч. существительных ж.р. на -а флексий -aj/-ej (влияние литовского субстрата), в тв.п.ед.ч. существительных ж.р. наряду с -о варианта -oj (влияние белорусского языка), в предл.п. ед.ч. существительных м. и ж.р. твердой разновидности склонения соответственно окончаний -и (času) и -у (v погу), также под влиянием белорусского субстрата, отсутствие категории ср.р. (влияние литовского языка - ср. тип ta p'iva, ta gam'a // ta gam'ona // теп gam'en') и др.

В ГУ представлены, в частности, следующие особенности, отсутствующие в ГЛ: звуки t' d', соответствующие лит. K, ġ, расширенное произношение i, y перед l, l̄ (kobela, bel'i), окончания предл.п. ед.ч. м.р. -ov'i и тв.п. мн.ч. -уша, флексия -ох в числительных, суффиксы -en'k(o) и др. Имеются отличия и в области синтаксиса: ср. в ГЛ gadat' op co ~ в ГУ gadat' za kogo, co, в ГЛ davat' (karm) dl'a kogo ~ в ГУ komu, возможный в некоторых ГУ тип dv'e, tšy n'ez'el' и только им.л.мн.ч. исчисляемого слова при числительных два, три, четыре в ГЛ. Вообще ГЛ характеризует большее число аналогических обобщений, отсутствие старых архаизмов, относительная близость тех элементов системы, которые не обусловлены субстратным характером диалекта, средствам литературного языка.

Наиболее явственны различия в области лексики. Ср., например, названия некоторых частей тела: 'щека' - в ГЛ pol'iška ж.р. и ščoka в ГУ, 'волосы' - vlōsy в ГЛ и kosy в ГУ, 'пах' - раха в ГЛ и рах // рахv'ina в ГУ, 'ресницы' - žensy в ГЛ и kl'ipy, v'ije в ГУ, 'щиколотка, лодыжка' - kostka в ГЛ и gul'ka в ГУ, 'зрачок' - l'al'ka, ran'enka в ГЛ и člov'eček в ГУ, 'горб' и производное 'горбатый' - kupra, kupraty в ГЛ и yop // yarbaty в ГУ. Большинство указанных лексем в ГУ - следы украинского влияния (ср. ščoka, kosy, kl'ipy, v'ije, gul'ka). Форма kupra, kupraty восходит к литов. kuprà, kuprótas. Характерны для ГЛ также и другие литуанизмы и белорусизмы. Так, с белорусским языком, например, связаны слова jeblen'a 'яблоня', рас // рас'uk 'крыса', ргууon 'барщина', vtagoda 'черная смородина', ranadvorak; с литовским - šaš'ok // šeška 'хорек', styrt'a 'стор сена', tkajl'a 'ткачиха', osv'a 'оса', kump'ak 'бедро', v'iksva 'осока', rojsty 'поросшее зарослями болото' и мн. др. Ср. также пары: ГЛ kvašen'ina ~ ГУ draul'i 'студень', ГЛ suf'it ~ ГУ s't'el'a // s't'el'ina 'потолок', ГЛ p'etr'uk наряду с boža krofka ~ ГУ zezul'ka 'божья коровка', ГЛ žyv'joła ~ ГУ х'udoba 'домашний скот'.

Более полно выявить различия между двумя региональными разновидностями периферийного польского диалекта позволят подробные описания юго-восточного диалекта.

Сведения о прошлом культурного периферийного диалекта пополняются в результате изучения диалектизмов в рукописях и печатных трудах литераторов - уроженцев "кресов", материалов, в разное время издаваемых на этой территории, например в Вильно и Львове. С юго-восточными "кресами" были связаны М.Рей, С.Ожеховский, Ш.Шимонич, братья Б. и Ш.Зиморовичи, В.Потоцкий, И.Красицкий, А.Фредро, школа "украинских романтиков" (А.Мальчевский, С.Гоцинский, Б.Залеский), В.Поль, Т.-Т.Еж, Ю.Словацкий, Ю.-И.Крашевский, Г.Запольская и др. Особенности северо-восточной разновидности периферийного польского диалекта отражают рукописи, а в ряде случаев и печатные издания произведений А.Мицкевича и других членов обществ филоматов и филаретов, И.Ходзьки, В.Сырокомли (Л.Кондратовича), Э.Ожешко и др.

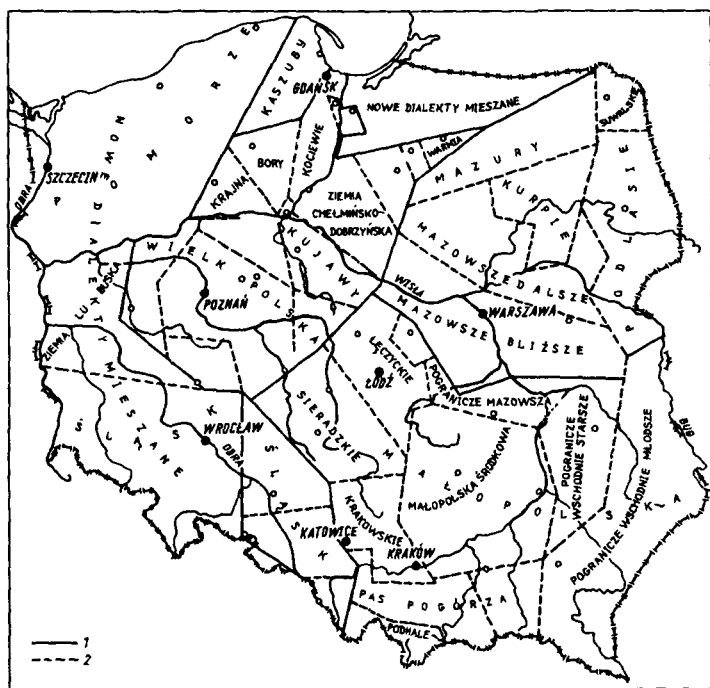

Схематическое расположение польских диалектов (публ. по книге Д е j n а К. *Dialekty polskie*. Wrocław, 1973, s.86, mapa XVI):

1 — размещение племен в допястовскую эпоху: а — поморяне, б — мазовшане, с — поляне, d — висляне, е — сленжане;

2 — границы диалектов: а — кашубского, б — мазовецкого, с — великопольского, d — малопольского, е — силезского. За пределами их: новые говоры или смешанные говоры различного происхождения;

3 — важнейшие культурные центры: а — кашубско-боровяцкие, б — мазовецкие, с — великопольские, d — малопольские, е — силезские

Границы польских диалектов (публ. по кн.: *U r b a Ń c z y k S.*
Zarys dialektologii polskiej. Wydanie trzecie. Warszawa, 1968):

- 1 — границы основных диалектных групп;
- 2 — границы поддиалектов

ФОНЕТИКА

§ 31. Фонетический строй и фонологическая система древнепольского языка дописьменного периода (условно до 1136 г.)

1. Состав гласных фонем польского языка VIII-IX вв.

Для самого раннего периода самостоятельного развития польского языка (VIII-IX вв.) мы реконструируем систему гласных фонем, совпадающую с праславянской системой позднего периода и состоящую из 20 фонем:

ǎ	ě	ě̇	ǒ	ǐ	ǔ	ǔ̇		ę	ę̇	
ā	ē	ē̇	ō	ī	ū	ū̇	ь	ь	ę̄	ę̄̇

Ср. в праславянском:

ǎ	ě	ě̇	ǒ	ǐ	ǔ	ǔ̇		ę	ę̇	
ā	ē	ē̇	ō	ī	ū	ū̇	ь	ь	ę̄	ę̄̇

Вопрос о выделении-невыделении в польском языке самого раннего периода фонемы *y* связан с проблемой становления категории твердости-мягкости, которая развилась в качестве фонематической после падения сверхкратких в слабой позиции (этот процесс истории польского языка относят к XI в.). Только после того, как твердость-мягкость начала выполнять смыслообразительную функцию в слове и утратились целостные фонологические единицы - синлабемы, *i* и *y* можно считать вариантом одной и той же фонемы *i*. Основным вариантом этой фонемы мы считаем *i*, поскольку *i* выступал (и выступает) в позиции наименьшей позиционной обусловленности (в начале слова).

Прапольский язык унаследовал из праславянского долготу гласных под новым акцентом (ср. *młócisz* - рус. *молотишь*) и в предударных слогах двусложных слов (*gręka* - диал. *žeka*, *młeko* - диал. *młeko*). В остальных случаях долгота гласных - результат более поздних процессов (см. далее).

Таким образом, в дописьменную эпоху основным противопоставлением гласных фонем было противопоставление по признаку долготы-краткости. Только для кратких по происхождению еров отсутствовала

эта фонетическая оппозиция. В отличие от других соотносительных пар, долгота и краткость еров были обусловлены позиционно: в сильной позиции (перед слогом с редуцированным) еры произносились с нормальной краткостью, а в слабой (на конце слова, перед слогом с гласным полного образования или с редуцированным в сильной позиции) - короче нормально кратких. Впоследствии эти количественные соотношения преобразовались в качественные.

Я.Розвадовский предполагал, что качественно еры относились к смешанным (mixed) а: ъ колебался в произношении от звука, обозначаемого и в англ. but до а, ь же реализовывался рядом звуков от і до а¹.

В дописьменную эпоху произошли процессы, которые не изменили основного противопоставления вокализма, но вызвали изменения в фонемном инвентаре, а также в частотности употребления тех или иных фонем. Один из процессов (судьба редуцированных) привел даже к усилению противопоставления системы по долготе-краткости.

К доисторическим процессам относятся следующие: "перегласовки", утрата слоговости сонантами [ɣ, ʃ и ʒ, ʃ], утрата "слабых" и вокализация "сильных" еров, контракция в именах (за исключением местоимений) и развитие компенсационной долготы в новых закрытых слогах. С.Б.Бернштейн к этим процессам, по-видимому, относит появление в польском языке "новых" носовых, поскольку по его гипотезе праславянские носовые у лехитов подверглись ранней деназализации (см. § 6).

2. Перегласовки 'e > 'o, 'ě > 'a, 'ę > 'a⁰

Историки польского языка считают, что три явления в области гласных относятся к самым древнейшим общелехитским процессам, которые произошли почти одновременно. Это так называемый "przegłos polski", а именно переход гласных переднего ряда 'e, 'ä (< ě) и ę перед твердыми переднеязычными t, d, s, z, p, r, l (обозначаемыми далее символом Т) в гласные заднего ряда и сохранение переднего варианта в других случаях. Например:

а) 'eТ > 'oТ: *sestra > польск. siostra, *žena > польск. żona, но *ženiti > польск. żenić, *berę (1-е л. ед.ч. наст.вр.) > польск. biorę, но bierzesz (2-е л. ед.ч. наст.вр.);

б) 'äТ > 'aТ: lěto > польск. lato, но мест.п.ед.ч. *въ lěiě - польск. w lecie, běľ > польск. biały, но *běliti > польск. bielić;

в) ęТ > a⁰Т

Немногочисленность примеров из памятников и непоследовательность в передаче однотипных примеров (в частности, с суффиксом *-ęТ) вызывают у некоторых исследователей сомнения в реальности

¹ R o z w a d o w s k i J. Historyczna fonetyka, czyli głosownia języka polskiego // Rozwadowski J. M. Wybór pism. T.I. Pisma polonistyczne. Warszawa, 1959. S.127.

этого процесса. Так, в булле 1136 г. отмечено девять примеров с написанием ап в суффиксе *-ęt при четырех примерах с сохранением еп и два примера с диспалатализацией в корне: Boranta, Chaianta, Louanta, Miranta, Redanta, Zedlanta, Sobanta, Tessanta, Vilchanta (совр. Borzęta, Czajęta или Chajęta, Łowięta, Mierzęta, Redęta или Redzięta, Siedlęta, Sobęta или Sobięta, Ciszęta, Wilczęta) при Dobrenta = Dobrzęta, Modlenta = Modlęta, Radenta // Radeta = Radzięta; Landa (совр. Łąd), Chruftov = Chrzastów. Ср. написание и под влиянием чешской графики для этимологического носового заднего ряда: Lunciz (совр. Łęczysca). Семь примеров с ап на месте е при восьми с еп // е отмечено в тшебницких документах от 1203, 1204 и 1208 гг. Отдельные примеры встречаются в малопольских документах от 1275 и 1284 гг., например Kriwosandonis.

Перед иными согласными на месте е представлено сочетание еп (ср. в булле 1136 г.: Mislentino, Deuentliz = Dziewiętlic).

Непоследовательную передачу гласного элемента в суффиксе -ęt Я. Розвадовский объяснял влиянием типа Slawęta и наличием для имен типа Borzęta двух вариантов основы: Borzãta, -ty, -tę, -ta при Borzęcie, Borzęcip и т.д.²

Во всяком случае, последующая судьба носовых (совпадение носовых переднего и заднего ряда в а-образном носовом гласном) делает вполне вероятной гипотезу о первоначальном совпадении переднего и заднего носовых в некоторых определенных позициях. Затем этот процесс распространился и на другие случаи.

О том, что указанная перегласовка 'е > 'о и 'ě > 'а наверняка произошла до XII в., свидетельствует наличие ее результатов уже в первых памятниках с польскими глоссами. Ср. в булле 1136 г.: 'е > 'о: Dobrozodl = Dobrosiodl (ср. *sedъlo, польск. siodło), Klonowa (*kleпъ, польск. klon), Sostroch, Sostros = Siostroch, Siostrosz (*sestra, польск. siostra); 'ě > 'а: Balouanz, Balouezici = Białowas, Białowieżycy, Balossa = Białosza (но Belina = Bielina, *běľь), Sulidad = Sulidziad (*děďь).

По записи силезского племени "дядошане" с 'ě > 'а в двух самых старых польско-латинских памятниках: хронике Географа Баварского - IX в. и хронике Титмара - X в. (ХБ - Dadoffseffani, ХТ - под 1015 г. Diadesizi) - авторы "Исторической грамматики польского языка" предполагают, что переход 'ě > 'а начался раньше, чем перегласовка 'е > 'о, а на основании латинского заимствования с а ofiaga (непосредственно заимствовано из чеш. ofěra, ср. нем. Opfer, лат. offero, offertorium) заключают, что еще во второй половине X в. процесс был актуальным³.

Я. Розвадовский считал переход 'ě > 'а даже пралехитской особенностью, как по происхождению, так и по результатам, а переход 'е > 'о

2 Rozwadowski J. Op.cit. S.144.

3 Klemensiewicz Z., Lehr-Splawinski T., Urbanczyk S. Gramatyka historyczna języka polskiego Warszawa, 1964. S.81

— пралехитской по происхождению, но по результатам польско-поморским явлением, поскольку в полабском представлен иной результат: $e - i^4$.

Время действия перегласовки $'e > 'o$ современные исследователи польского языка относят к X-XI вв. Как и переход $'ě > 'a$, этот процесс был еще актуальным во второй половине X в. На это указывает заимствованная из латинского (через посредство чешского языка) религиозная терминология: *Costol*, *Potr* (BG), *angiol* (лат. *angelus*). Варианты *angiol* / *angiel* подтверждают мнение о действии перехода $'e > 'o$ к моменту заимствования лексемы, т.е. во время принятия христианства. Начало действия этого процесса С.Слонский относит ко времени, не намного предшествующему принятию христианства.

Большинство польских исследователей указанные три процесса связывают с фонетической тенденцией диспалатализации (*odpodniebienie*) гласных $e, ě, ę$ перед последующими твердыми, которая действовала еще в эпоху лехитского единства. К проявлениям этой диспалатализации они относят также переход сонанта переднего ряда $*ř$ в тех же условиях (т.е. перед переднеязычными зубными твердыми) в $*r$ и переход сонанта $*j$ в $*i$ в определенных условиях (не идентичных с условиями перегласовки и перехода $*ř$ в $*r$). При этом указанные процессы относятся к периоду до падения сверхкратких в слабой позиции.

Иной точки зрения на эти перегласовки придерживается С.Б.Бернштейн, который считает, что поскольку суть этих (по его мнению, не пралехитских, а общелехитских) перегласовок в переходе гласных переднего ряда в гласные заднего ряда перед твердыми согласными, то эти перегласовки не могли произойти до падения сверхкратких (а этот процесс истории польского языка относят к XI в.), ибо только после падения редуцированных в слабой позиции в славянских языках развилась фонематическая категория твердости-мягкости. Таким образом, отдельные примеры IX и X вв. (типа *Dadosesani*) здесь не учитываются.

Во всяком случае, на основании памятников мы наверняка можем утверждать, что перегласовки $'e > 'o$ и $'ě > 'a$ к XII в. уже завершились (в булле 1136 г. последовательно представлены эти результаты), а первые следы их (по крайней мере для $'ě > 'a$) зафиксированы уже в IX в. На основании же данных относительной хронологии мы можем определить, что эти переходы произошли до вокализации еров в сильной позиции. Ср. $e < ř, ę$ сохранилось в *pies, sep, lep* (т.е. к моменту вокализации еров процесс уже не действовал).

Фонетические законы, как считали младограмматики, действуют без исключений или с небольшими исключениями. Однако в современ-

4 Rozwadowski J. Op.cit. S.158-159.

ном языке, с одной стороны, мы очень часто обнаруживаем отсутствие перегласовок там, где они, казалось бы, должны были произойти, а с другой - наличие перехода, не обусловленного этимологически. Факты такого рода не противоречат тем не менее положению об императивном характере фонетических закономерностей. Эти факты либо не относятся к фонетике, либо являются лишь "внешним" отступлением от фонетической закономерности.

Примеры внешнего, мнимого отступления от закономерности перехода 'aT > 'aT и 'eT > 'oT: совр. польск. plotę, но pletnia, biorę, но biegnę, wiaga, но więpnę, siano, но siepiak. Отсутствие перегласовки во вторых членах приведенных пар объясняется наличием в них ɣ (*plet'ɣja, *be'ɣny, *wé'ɣny, *sę'ɣnikɣ). Польские исследователи считают, что переход 'e > 'o и 'ě > 'a осуществился до падения сверхкратких, т.е. во время этого перехода существовал еще ɣ, перед которым согласный был смягченным, а не твердым. Если принять гипотезу С.Б.Бернштейна о том, что перегласовки могли произойти только после падения сверхкратких в слабой позиции, то надо считать, что во время перехода 'e > 'o и 'ě > 'a согласные, следующие за е и ё, сохраняли старую позиционную мягкость (хотя сама позиция, вызвавшая смягчение, уже утратилась).

Примеры нефонетического происхождения - это неэтимологическое наличие результата перехода или неэтимологическое отсутствие его. Как правило, оба этих явления связаны с процессом аналогического выравнивания основы. Наличие результата перехода свидетельствует об одной направленности процесса выравнивания (обобщение форм с а или с о), отсутствие результатов перехода - о другой (обобщение форм с е). Ср. примеры первого рода: совр. wiośńie, żonie, pa zole, żopin, па dziale, где древнепольское е было вытеснено о или а большинства словоформ; пример второго рода: под влиянием форм krzeszę, krzeszesz, krzesze появилось е в др.-польск. krzosać 'тесать, высекать', совр. krzesać, то же в czesać < czosać. Третий случай наличия неэтимологического состояния связан с аналогическим распространением морфологизированного результата перегласовки на формы, совпадающие по значению с формами, где эта перегласовка является фонетически закономерной. Так, чередование о ~ е, возникшее в прошедшем времени глаголов типа pieść, pleść, mieść как результат перегласовки 'e > 'o, распространилось и на глаголы типа wlec (wlokly ~ wlekli), в которых не было условий для перехода е в о. Или poziomka, poziomka.

3. Судьба сонантов ɣ, ɣ', ɣ'', ɣ'''

К тому же времени, что и перегласовка гласных, польские исследователи относят утрату слоговости сонантами ɣ, ɣ' и ɣ'', ɣ''' и развитие на их месте сочетаний с гласными. Во всяком случае, наверняка это

процесс осуществился до 1136 г., так как в булле 1136 г. представлены же его результаты.

Результаты *tʃt и *tʃt

*ʃ > ar: *tʃgъ > польск. targ, *kʃmiti > польск. karmić, *gʃstъ > польск. garść.

Для *ʃ результат зависит от качества последующего согласного:

а) перед t, d, s, z, n, r, l *ʃ > ar, так как в этих позициях ʃ > ʒ. Ср. *vʃt- > польск. Warta, wartki, *tvʃdъ > польск. twardy;

б) перед мягкими переднеязычными *ʃ > др.-польск. 'ir (впоследствии 'er). Ср. *tvʃditi > др.-польск. twirdzić (совр. twierdzić), *vʃtiti > др.-польск. wirćić (совр. wiercić);

в) перед губными и заднеязычными *ʃ > irz (впоследствии erz или иногда er). Примеры: *tʃpēti > др.-польск. cirzpieć (совр. cierpieć), *sʃpъ > др.-польск. sirzр (совр. sierp), *vʃba > др.-польск. wirzba (совр. wierzba).

Примеры из буллы 1136 г.:

*ʃ: Carna = Karna, Carnes = Karniesz (< *kʃn-), Scarbinici = Skarbinicy (< *skʃb-), Targossa = Targosza (< *tʃg-);

*ʃT: Marlec = Marlek (< *mʃlʃkʃ), Darsc = Darsk (< *dʃskʃ), Sarnota, Sarnov = Żarnota, Żarnow (< *zʃnota, *zʃnovʃ);

*ʃ в других случаях: Curnela = Czirzniela (< *čʃnēlja), Sirdnici = Żyrdnicy (< *žʃdʃnici), Tyrpis = Cirzpisz (< *tʃpišʃ).

Современные merdać, sterczeć, terkotać и некоторые другие с твердым перед er являются вторичными образованиями: в памятниках отмечаются формы с ar (mardać, tarpać, starczyć, stark, tarkotać)⁵. Переход ar > er мог быть отражением северной диалектной особенности (см. § 16, 25). Для южных районов Польши З. Штибер считал возможным влияние экспрессивного момента⁶, поскольку отражение перехода ar > er здесь исключено. По-видимому, если учитывать фактор экспрессивности, то логично было бы его предполагать для всей зоны распространения указанных лексем.

Польскому языку известны и отдельные примеры с ur, ru и or на месте *ʃ. Из них наиболее "прозрачна" этимология слов с or: часть лексем этой группы представляет собой заимствования из восточнославянских языков (morda, borsuk, poriki), в части слов or вторичного происхождения (storczyk 'орхидея, ятрышник', Orchis L. - от др.-польск. storzyk, storzysz, storzy 'поднимает'). Большинство примеров с ur и ru трудно объяснить вследствие невыясненной этимологии этих слов: kurcz, mrugać, mruczeć.

5 Rozwadowski J. Op.cit. S.168.

6 Stieber Z. Rozwój fonologiczny języka polskiego. Warszawa, 1952. S.53.

Результаты *t|t и *t|'t

Сонанты *| и *|' подверглись изменению, аналогичному по своей сути процессу утраты слоговости *f и *f', но отличающемуся как по условиям, в зависимости от которых развивался тот или иной гласный, так и по качеству этих гласных. Иными были и условия совпадения сонантов переднего и заднего ряда, а также, в отличие от *f, сонант *| дал не единообразный результат:

1) после твердых переднеязычных зубных t, d, s *| и *|' совпали и дали один результат lu. Ср. для *|: *st|pъ > др.-польск. stłup (совр. słup), *s|pъce > др.-польск. słuńce (совр. słońce с XV в.), *t|macъ > польск. tłumacz (// tłumacz); для *|': t|'stъjъ > польск. tłusty, *d|'gъjъ > польск. długi;

2) после заднеязычных *| > el. Ср. *x|stъ > польск. chęst 'шум воды' и производные chęstać, chęścić, *x|bati > др.-польск. chębać = совр. chłupać (ср. совр. производное chębia 'медуза'), *g|kъ > польск. (z)giełk, *x|mъ > др.-польск. chęlm 'холм' (сохранилось до сих пор в географических названиях: Chęlm, Chęlmino);

3) после č, ž *|' > el, ōl (> ó). Еще в праславянском *č|'t, *ž|'t > čęlt и žęlt, которые после перегласовки дали čolt и žolt. Ср. *č|'nъ > польск. czółno, *č|'gati > польск. czółgać, *ž|'na > польск. żołna, *ž|'vъ > польск. żółw, *ž|'t- > польск. żółty, *ž|'tъ > польск. żółć;

4) после губных возможны были *| и *|':

а) | дало разные результаты: ol, ul, редко el. Ср. *m|v- > др.-польск. и совр. силез. mołwa, mołwić (совр. лит. mowa, mówić); *p|kъ > др.-польск. polk > pół > совр. pułk, ср. Połk - фамилия (// pelk, например Świętopełk); Pułtusk;

б) |' перед зубным твердым дало el. Ср. *p|'n- > польск. pelny, *v|'na > польск. węna, *m|'lъ (причастие прош.вр.) > польск. męł, *p|'tъ (причастие прош.вр.) > польск. pęł, *p|'zati > польск. pelzać.

Особое развитие |' перед зубным твердым было на севере Польши. Губной согласный, предшествующий |', сохранил в этом регионе мягкость и после утраты слоговости и развития сочетания гласного е с l (pęł, męł). Так как е оказался перед твердым переднеязычным зубным, то е > o (pół, mół). Условия 'e > 'o здесь были даже шире (ср. совр. диал. мазов. wu'ouga, кашуб. wolk с последующим отвердением v). Иначе объяснял мазовизмы типа pół К. Дейна (см. § 25);

в) *|' перед другими согласными дало il. Ср. *v|'kъ > польск. wilk, *m|'čęti > польск. miłczeć, *v|'ga > польск. wilga.

О том, что развитие гласных на месте *|' и *| происходило в всяком случае не позднее, а или раньше, или по крайней мере одновременно с перегласовкой 'e > 'o, свидетельствуют данные относительной хронологии: указанная перегласовка охватила и е из *č|'t, *ž|'t. Развитие сочетаний с гласными на месте *|' и *|, как и утрата слоговости сонан-

тами *ґ, *г, закончилось до 1136 г., о чем свидетельствуют следующие формы буллы 1136 г.: Polc = Połk, chol'n // Cholm = Cholm, Chelzt = Chelst.

4. Судьба ґ, ґ и ґ, ґ

Общеславянским процессом, происходящим уже в период формирования самостоятельных славянских языков, явился процесс утраты еров в слабой позиции и вокализации их в сильной.

Утрата слабых редуцированных началась раньше, чем вокализация сильных. Запись Sleenpane 'Śleżanie' (греч. Σλιγγαι) у Географа Барварского показывает, что части польской территории (а именно юго-западу) процесс утраты слабых еров известен до 900 г.⁷

Я. Розвадовский предполагал, что в польско-поморской группе процессам утраты и вокализации еров предшествовало качественное сближение ь и ъ, в первую очередь в слабой позиции. Свое предположение Я. Розвадовский обосновывал анализом судьбы германизма *disk* < лат. *discus* в польском языке. Др.-польск. *dśka* (> ска с последующей ассимиляцией), в котором представлено твердое *d*, свидетельствует о праформе *dъska, т.е. герм. *i* передается не близким ему ь, а ъ, что доказывает утрату в конце праславянского периода качественных различий между ь и ь. Однако сам автор гипотезы не исключал возможности и другого объяснения указанного факта: передача непалатального герм. *d* как *d* и обусловленную этим передачу *i* как ь.⁸

Современные историки польского языка датируют вокализацию сильных еров и окончательное падение слабых XI в. К началу XII в. вокализация сильных еров уже завершилась, на что указывает наличие ее результатов в булле 1136 г. В слабой позиции ґ и ґ сократились до нуля (ср. *lěsґ* > польск. *las*, *květґ > польск. *kwiat*), а в сильной оба гласных совпали в одном звуке е (*sґnґ > польск. *sen*, *domґkґ > польск. *domek*; *pґsґ > польск. *pies*, *lґpґ > польск. *lep*).

Данные относительной хронологии показывают, что процесс вокализации происходил после прекращения действия перегласовки 'е' > 'о', так как е, возникшее из ґ, ґ, не подвергалось передвижке перед *t*, *d*, *s*, *z*, *n*, *r*, *l*. Ср. *pies*, *sen*, *lep*, *orz* и т.д.

Примеры из буллы 1136 г.: ґ, ґ > е: *Cosussec* = *Kożuszek*, *Marlec* = *Marlek*, *Mogilec* = *Mogilek*, *Sulec* = *Sulek*, *Quatec* = *Kwiat*, *Milachec* = *Milaczek*, *Crostauez* = *Krostawiec*.

Во всех этих словах на конце были слабые ґ или ґ (после палатальных), которые редуцировались до нуля. Ср. *kożuґґkґ = *kożuszek*, *korstavґсґ > *krostawiec*, а также некоторые другие примеры с ґ и ґ из

7 Rozwadowski J. Op.cit. S.125.

8 Ibid. S.123.

буллы 1136 г.: Glouca = Głōwka (совр. Głōwka) < *golvŭka, Suc = Żuk < žukъ, Calis = Kalisz < *kališŭ, Tesin = Cieszyn < *tešinpŭ

В современном языке мы отнюдь не на месте каждого ʔ и ʕ, а также ʒ и ʒ̣ находим фонетически закономерные результаты. Вместе с тем в позициях, в которых не было праславянских редуцированных, наблюдаются их "континуанты". Это объясняется, подобно случаям с перегласовками, в основном влиянием аналогии: как аналогическим воздействием многочисленной группы слов с грамматическим чередованием *o* ~ *e* на месте старого фонетического $\frac{y}{j} \sim \frac{y}{j} / \frac{y}{j}$ на словах похожей фонетической структуры, так и воздействием одних форм одного и того же слова на другие. Обычно воздействию подвергается одиночная форма, отличающаяся от большинства словоформ. Если тенденция к унификации фонетического облика слова во всех его словоформах ведет к утрате фонетически закономерных результатов вокализации и падения сверхкратких, то аналогическое воздействие групп слов с чередованием приводит к появлению этимологически незакономерных чередований.

Примеры:

а) им.п.ед.ч. *šŭvŭsŭ > szwiec, род.п.ед.ч. *šŭvŭca > szewca и т.д. Такие различные по звуковой форме виду основы и были в древнепольском языке. Со временем произошло аналогическое выравнивание основы в им.п.ед.ч. по формам остальных падежей (им.п.ед.ч. szewc). В русском языке, например, представлен обратный процесс обобщения: "И швец, и жнец...". Ср. также sejm, sejmu < др.-польск. sjejm, sejmu и т.д.; piesek, pieska < др.-польск. psek // psiek, pieska и т.д.; piekło, piekła < др.-польск. pkiel, piekła и т.д.

К этому же типу принадлежат формы им.п.ед.ч. без *e* < ʔ, ʕ в булле 1136 г.: Datk, Domk, Polk и другие, относящиеся к региональным северновеликопольским особенностям этого памятника. Ср. также встречающийся в памятниках оборот matk od otc.

б) под влиянием односложных (реже двусложных) слов типа len (ср. lnu ...), sen (snu ...), pies (psa ...), orzeł (orła ...) и т.п. появилось в им.п. слов типа ogień, węzeł, в которых никогда не было редуцированных. Ср. *ognŭ, *oźlŭ. То же в род.п. мн.ч. некоторых слов ж.р. на -a и ср.р. Ср. род.мн.ч. sosen < *sosnpŭ, desek < *dŭskŭ под влиянием типа *golvŭkŭ > główek. Этимологические формы desk, biodr, gardł, dzierzadł, которые позднее были вытеснены формами с "беглым" *e*, встречаются в древнепольских памятниках (в частности, в Шарошпатацкой библии).

К типу, в котором представлены оба явления - и воздействие на форму им.п.ед.ч. большинства форм, и аналогическое влияние группы слов, относятся слова на ek, ec, в которых в трех последних слогах им.п.ед.ч. были редуцированные. Под влиянием основы косвенных падежей bochenka, Łokietka, domeczka, topielca (при им.п.ед.ч. bochnek, Łoktek, domczek, topiec) и при воздействии слов с ерами в последних двух

словах им.п.ед.ч. (тип *kwiatek - kwiatka, głupiec - głupca*) появились современные неэтимологические *bochenek, Łokietek, domeczek, topielec* и т.п.

5. Носовые гласные в польском языке XII в.

По гипотезе С.Б.Бернштейна, как мы уже отмечали, в какой-то период дописьменной истории польского языка не было носовых. Они утратились еще в период лехитского единства на всей территории пралехитского диалекта, кроме крайнего юго-востока (современные келецко-сандомерские говоры, в которых позднее произошел общеславянский процесс деназализации, результаты которого сохранились до настоящего времени). Таким образом, польские носовые, по мнению С.Б.Бернштейна, не сохранились от праславянского языка, а являются новообразованием, которое появилось на дописьменном этапе развития польского языка до падения редуцированных, т.е. до XI в. (подробнее см. § 6).

В любом случае носовые (праславянского или нового происхождения - этот вопрос мы оставляем открытым) были в польском языке в XII в., о чем свидетельствуют данные буллы 1136 г. Материал памятника позволяет утверждать, что в польском языке в XII в. существовали два качественно различающихся носовых: заднего ряда и переднего. При этом изображение носового заднего ряда через орфограммы *ap, am* указывает на а-образный характер его произношения. Носовой переднего ряда передается в булле 1136 г. через орфограммы *ep, em*, редко как *e*.

Примеры из этого памятника: [ǫ]: *Dambnica (=Dąbnica, совр. Dębica), Bałouanz = Białoważ, Chomantovo = Chomątowo, Gamba (совр. Gęba)*.

Примеры обозначения носового в суффиксе *-ęт см. § 31.2. [ę]: *Chestoch = Częstoch, Jezor = Jęzor (?)*, *Chomesa = Chomięża, Deuentiliz = Dziewiętlic*.

Очень редко носовой заднего ряда передается через *u* и *up*. Примеры обозначения ǫ посредством знаков *u* и *up* см. в § 31.2.

6. Контракция *с j* в существительных и прилагательных

В дописьменную эпоху развития польского языка после утраты сверхкратких произошла контракция в некоторых морфологических категориях и отдельных лексемах. На то, что этот процесс происходил в дописьменную эпоху, указывает отсутствие нестяженных форм в этих случаях как в древнепольских памятниках, так и в современных говорах. Авторы "Исторической грамматики польского языка" выделяют следующие семь случаев стяжения гласных в существительных и прилагательных (*ściągnięcie starsze*):

1. В существительных с суффиксом *ъје: *pityѣ > прапольск. pitije > совр. диал. *říć é*, род.п. ед.ч. *říć á* и т.д., *pisanъје > прапольск. pisanije > совр. диал. *řisań é*, род.п. ед.ч. *řisań á* и т.д. Ср. в др.-польск.: им.п. ед.ч. *y wolane moie, pene psalmowe (=pienie psalmowe), miloserdze* (PF); род.п. ед.ч. *nasego neumena, nasego ust(ra)sena, nasego sòmna* (KŠ, K1); дат.п. ед.ч. *umenu twemu* (PF); вин.п. ед.ч. *w oblicze, od pocolena w pocolene* (PF); тв.п. ед.ч. с закономерным -im (*penim, wòglim, drzenim, oblicytm, penasrzenim* — PF), которое позднее (после XV в.) вследствие причин морфологического характера - влияния типа *pole* - изменилось в -em; мест.п. ед.ч. *we zbawenu, w obezrzenu, v miloserdzu* (PF).

2. В существительных с суффиксом *ъја: *bratsъја > прапольск. bratija > совр. диал. *brać á*, *orlъја > прапольск. rolija > совр. диал. *rolá*. Ср. *Bracia moia* (PF).

3. В форме тв.п. ед.ч. существительных на -а: совр. *gęką, nogą, duszą* < *gokojo, *dušejo, *nogojo. Ср. др.-польск. *ubogo deuciq porodonego = uboga dziewica porodzonego* (KŠ, K5).

4. В форме тв.п. ед.ч. существительных женского рода на -ь (древние i-основы): *kostъjo > прапольск. kostijo > совр. *kością*, *noktъjo > прапольск. *posijó* > совр. *posą*.

5. В форме род.п. ед.ч. существительных на -ь: *kostъjъ > прапольск. *kostiji* > совр. *kości*, *noktъjъ > прапольск. *posiji* > совр. *posu*.

6. В формах сложных прилагательных: им.п. ед.ч. *dobrъ-jъ, *dobra-ja, *dobro-je, род.п. ед.ч. *dobra-jego, *dobry-jě, дат.п. ед.ч. *dobru-jemu, *dobrě-ji, вин.п. ед.ч. ж.р. *dobro-jo и т.д. > совр. диал. *dobry, dobrá, dobré*, род.п. ед.ч. *dobrégo, dobrěj* (др.-польск. *dobrè*), дат.п. ед.ч. *dobrèmu*, вин.п. ед.ч. *dobro*. Ср. др.-польск. *Any vczinil blisznemu swemu zlego (bliźniemu, zlego), na vbogego (ubogiego), Tobe iest zostawon vbogy (ubogi), Bolescy pkelne (pkielne), bolesci smertne (śmirtne), sidla smertna (śmirtna), S swòtim* (PF).

7. Отдельные слова: *rojasъ > совр. диал. *pás*.

7. Заместительная долгота

Одновременно с утратой слабых редуцированных или вскоре после нее произошло, по мнению польских исследователей, развитие заместительной долготы (*wzdłużenie zastępcze*). При утрате *ъ* и *ь* слово сокращалось на один слог. Как пишет С.Слонский, сохранившееся "артикуляционное усилие"⁹, необходимое для произнесения двух слогов, вызвало удлинение предшествующего слога путем продления его гласного элемента. Ярче всего это продление проявилось в польском языке перед звонкими и сонорными согласными: в формах им.п. ед.ч. существительных м. и ж.р., в форме прош.вр. м.р. глагола. Примеры: *rogъ > др.-польск. *rog* (совр. *róg* - результат изменения долгого о),

9 Słóński S. Historia języka polskiego w zarysie. Warszawa, 1953. S.56.

*voz̥ > др.-польск. wōz (совр. wóz), совр. диал. xlēb (др.-польск. chlēb) - род.п.ед.ч. xleba, совр.диал. ź ă d (др.-польск. dziąd); przyjął < *prijęł̥ но ж.р. przyjęła, *veził̥ > др.-польск. wiōzl (совр. wiózl). Это процесс общелехитский. В кашубском языке он охватил не только а, о, е, но также u и i (польск. i и y). Ср. кашуб. lud ~ lēdu.

Существует несколько объяснений того факта, почему перед глухими согласными отсутствовал результат заместительной долготы. Так, И.А.Бодуэн де Куртенэ считал, что заместительная долгота (ersatzdehnung) развивалась перед любым согласным, и перед звонким, и перед глухим: *voz̥ = voz и *nos̥ = nos, *kręg̥ > kręg и *ręk̥ = ręk. Отсутствие результата заместительной долготы в им.п. ед.ч. перед глухим связано с последующим аналогическим уподоблением основе остальных падежных форм, в которых не было условий для развития заместительной долготы. Аналогия действовала только в позиции перед глухими, так как в этом случае им.п. ед.ч. отличался от остальных падежей лишь наличием долгого гласного, что облегчало воздействие морфологической аналогии. Перед звонкими или сонорными согласными различия между им.п. ед.ч. и остальными падежными формами были более значительными: не только долгота гласного, но и глухость согласного в им.п. ед.ч., противостоящая звонкости согласного в остальных падежах¹⁰.

Другие исследователи полагали, что с самого начала долгота развивалась только перед звонкими и сонорными, предлагая различные объяснения тому, почему долгота не развивалась перед глухими (А.Потебня, В.Дорошевский, С.Шобер).

Примеры из памятников свидетельствуют скорее о правильности гипотезы И.А.Бодуэна де Куртенэ, так как в памятниках обоснованное удвоение букв встречается и перед звонкими, и перед глухими согласными: chleeb (PF), plood (BSz), graad, posrzoood (BSz), saad, wooz (RPK), Moyszeesz (PF), prooch, cziist, potook (BSz), lyaasz, czaas (RPK). О том, что морфологическая аналогия могла иметь место, свидетельствует такой факт, как распространение в род.п. мн.ч. существительных ж.р. на -а и перед глухим "суженых" континуантов долгих: не только ksiąg, obóg, но и spót.

Гипотеза Бодуэна подтверждается экспериментальными исследованиями Г.Конечной, которая установила, что в славянских языках глухие, звонкие и сонорные произносятся с разной длительностью: глухие являются самими долгими, сонорные - самыми краткими, а звонкие занимают среднее положение: короче глухих и длительнее сонорных. Длительность предшествующих гласных зависит от длительности последующих согласных: перед глухими гласные произно-

¹⁰ См.: Бодуэн де Куртенэ И. А. О древне-польском языке до XIV-го столетия. Лейпциг, 1870. С.78-79.

сятся наиболее кратко, перед сонорными - наиболее длительно, а перед звонкими - длилнее, чем перед глухими, и короче, чем перед сонорными. Таким образом, заместительная долгота не случайно наиболее явственно развилась перед звонкими и сонорными согласными, а перед глухими долгие гласные, появившиеся вследствие развития заместительной долготы, были, вероятно, "полудолгими" (póldługie) и не намного отличались от соответствующего краткого остальных словоформ данного слова. Это позволило такому "полудолгому" легко утратиться вследствие морфологического выравнивания основы, в то время как явственно произносимый долгий перед звонким и сонорным сохранялся¹¹.

8. Состав гласных фонем к XII в.

Таким образом, к XII в. все гласные польского языка противопоставлялись по фонематическому признаку долгий - краткий, хотя памятники не отражают этого противопоставления до XIII в. Из 20 фонем раннего дописьменного периода сохранились 14 вследствие утраты ъ и ѣ, вокализации ѣ и ѣ, развития фонологической категории твердости - мягкости (§ 31.9), что привело к совпадению в одной фонеме i ранее различавшихся фонем u и i, и изменений ě ('ăT > 'a, 'ă не перед T > 'e). Система гласных фонем имела абсолютно симметричный характер: семи долгим фонем соответствовали семь кратких:

ā	ō	ē	ī	ū	ā	ē
ǎ	ǒ	ĕ	ĭ	ŭ	ǎ	ĕ

Кроме того, возросла частотность употребления долгих гласных фонем. Изменилась частотность употребления отдельных фонем: возросла употребимость u < *I, *T, *P; o < *eT, *čI', *P; a < 'ăT, *r, *řT; a < eI (предположительно); уменьшение случаев с e (> o перед T) с избытком компенсировалось результатами процессов 'ă > e (не перед T), ѣ ѣ > e, K | > e, P | > e, I' T > eI.

9. Консонантизм до XII в.

По сравнению с исходным праславянским состоянием в польском языке до XII в. произошли следующие изменения.

1. Исчезли r, ř, l'.

2. После утраты сверхкратких в слабой позиции в польском языке, как и в других славянских языках, развилась фонематическая категория твердости - мягкости.

11 Klemensiewicz Z., Lehr-Splawiński T., Urbanczyk S. Op.cit. S.54-55.

3. По мнению большинства исследователей польского языка, до XII в. произошло непереходное смягчение *k, g* перед *i < *y*, т.е. сочетания **ky, *gy > ki, gi*. Непосредственных данных для отнесения этого процесса к дописьменному периоду или к письменному нет, ибо в древнепольском отличить *i* и *y* не представляется возможным. К несколько более позднему времени историки языка относят смягчение *k, g* перед *e < *ę* и *e*, возникшим из стяжения **oje, *je*. Так, авторы "Исторической грамматики польского языка" относят смягчение заднеязычных в группах *ke, ge* к XV в.¹²

Некоторые исследователи, например С. Роспонд, считают, что процесс смягчения групп **ky, *gy* произошел в XV-XVI вв. Причины изменения *k, g* перед гласными переднего ряда (польский *y* является более передним по сравнению с праславянским *y*) С. Роспонд усматривает в особой подверженности заднеязычных палатализационным процессам (ср. три праславянских палатализации)¹³. В отличие от праславянских палатализационных процессов польская палатализация заднеязычных охватила только взрывные. Группы *chy* и *che* сохранились. Звук *χ* появился в новопольскую эпоху в определенной морфологической группе: в глаголах на *-iwać - wumachiwać < wumachywać* и т.п. (см. § 35.2).

10. Состав согласных фонем к XII в.

Система согласных к XII в. (1136) состояла из 32 фонем:

p b m v r n l s z t d
k g x č ž š ž' c' z'. j
p' b' m' v' r' n' l' s' z' t' d'

Вариантами фонем были *k* и *g* (если предположить, что сочетания *ky, gy* изменились в *ki, gi* до XII в.).

Некоторые исследователи (например, С. Слонский) считают, что уже в 1136 г. были *š* и *ž*, и, следовательно, орфограммы *z, S* (в группе, соответствующей совр. *ś ś*) в булле 1136 г. следует читать как *š* и *ž*. Начало процесса *s' > š, z' > ž* он относит к концу XI в. Вопрос остается открытым вследствие невозможности воспользоваться данными письменности из-за несовершенства простой орфографии. Во всяком случае, вряд ли во временном плане изменения *s'/z' > š/ž* намного отстоят от переходов *t' в ś и d' в ź*, начало действия которых исследователи относят к XII в. Первая запись Bartožege в 1153 г. свидетельствует по крайней мере о переходной ступени с *z'-призвучком (d' > d' > dź)*. Но большинство историков языка относят процесс перехода взрывных

¹² Ibid. S.125.

¹³ Rospond S. Gramatyka historyczna języka polskiego. Warszawa, 1973. S.91.

мягких в аффрикаты к более позднему периоду (XII-XIII вв.), и подробнее мы остановимся на этом процессе при характеристике консонантизма того времени.

§ 32. Фонетический строй и фонологическая система древнепольского языка в XII-XIII вв. (первый письменный период)

1. Вокализм XII-XIII вв.

В области вокализма в XII-XIII вв. происходит одно изменение, которое вызвало уменьшение числа фонем в древнепольском языке, а именно: в XIII в. (вероятно, во второй его половине) носовой заднего ряда и носовой переднего ряда совпали в одной фонеме, качественно близкой а. Об этом свидетельствует употребление для обоих праславянских носовых одного знака (ʳ), впервые используемого в Свентокшиских проповедях. Примеры: *ydehʳ = idziecha*, *sʳ = si ę*, *pamodlituʳ = pa modlitw ę*.

Других существенных изменений в системе гласных фонем не происходит. По-прежнему основным фонематическим противопоставлением является противопоставление по долготе-краткости, которое sporadически отражается в памятниках в виде обозначения долготы удвоением буквы: *staap 1254 г.*, *paagok 1260 г.* - самые первые обозначения долготы. Правда, И.А.Бодуэн де Куртенэ считал, что *Naagoch 1260* неясное слово, которое не может служить аргументом для доказательств обозначения долготы¹⁴.

Таким образом, 14-фонемная система начала XII в. преобразовалась в XIII в. в 12-фонемную, а именно шести долгим фонемам соответствовали шесть кратких:

ā	ō	ē	ī	ū	ą
a	o	e	i	u	ę

К XII в. относится также начало процесса, который не повлиял на состав фонем, но вызвал изменения в частотности фонем *i* и *e*. А именно: XII в. датируются первые примеры изменения древнепольских групп *ir/ur* (как из *ř*, так и исконных) в *er*.

Первые единичные примеры с *er* отмечаются еще в булле 1136 г.: *Zuersov = Zwierszow*, *Zeraz // Ziraz = Sieradz*. В большинстве примеров в булле представлены закономерные *ir*: *Cirtech = Czurniech*, *Cyrnela = Czurniela*, *Sirac = Sirak (?)*, *Ziroch = Siroch*, *Sirozlau = Siroslaw*, *Suirsc = Świrszcz*, *Zandomir = совр. Sandomierz*.

¹⁴ См.: Бодуэн де Куртенэ И.А. Указ.соч. С.99.

Следующий процесс в области вокализма, который историки польского языка относят к XIII в., это стабилизация места ударения.

В праславянском языке ударение было свободным и подвижным (сохраняется в северокашубских говорах). Таким было ударение и в польском языке в XI-XII вв.

На основании замеченных впервые Я.Розвадовским в памятниках XIV-XV вв. фактов связи между сохранением / отсутствием старого *i* во 2-м л. ед.ч. повелительного наклонения и ударностью / безударностью этого суффикса в праславянском историки польского языка предполагают, что различие в ударении между такими формами 2-го л. ед.ч. (ср. *uczę, puści, pokaży, milczy, chwali, cierzpi, poidzi*, рус. *учи, пусти, покажи, молчи, хвали... ~ staw, czyść, płacz*, рус. *ставь, чисти, плач*) исчезло незадолго до XIV в. В XIII в., по предположению польских исследователей, устанавливается инициальный тип постоянного ударения (т.е. ударение закрепляется за первым слогом). На это указывают два факта. Первый факт - частое слитное написание в древнепольских и древнечешских текстах XIV и XV вв. групп слов типа *atogodla, anybyl, arowyedamcy, borzekl, yesuskrystus*. Считается, что данные группы произносились с одним ударением, которое падало на первый слог, так как и в польских и в чешских текстах эти явления совпадают, а для чешского языка существование инициального ударения в то время является несомненным. З.Клеменевич, Т.Лер-Сплавинский и С.Урбанчик не без основания полагают, что слитное написание указывает только на то, что для данной группы слов было одно главное ударение, но место ударения могло быть различным: в чешском ударение могло быть инициальным, а в польском, как и в современном языке, на предпоследнем слоге.

Более убедительным является второй факт: наличие инициального ударения в говорах Подгалья. Инициальное ударение в этих говорах не является результатом словацкого влияния, а относится к архаизмам, поскольку в соседних словацких говорах ударение парокситоническое. Этот архаизм историки польского языка датируют временем сплошной колонизации Подгалья выходцами из южной Малой Польши, а именно второй половиной XIV в. (ср. § 21).

2. Консонантизм XII-XIII вв.

В области консонантизма в XII-XIII вв. происходят следующие процессы.

1. Мягкие *t'*, *d'* переходят в аффрикаты *ć*, *ź*. Как уже отмечалось, первая запись, отражающая аффрикатизированное произношение, относится к 1153 г.: *Bartozege = Bartodzieje*. Попытки увидеть аффрикаты уже в булле 1136 г. неубедительны. Единственный пример *Seseg* может читаться и как *с с*, и как *с ć*, а ие только как *с ć*. В остальных случаях на месте современных *ć*, *ź* представлено *t, d* (*Godes, Spitimir, Vrotis*),

что свидетельствует о неаффрикатизированном произношении t' , d' . Процесс перехода t' , d' в $ć$, $ź$ большинство историков языка относят к XII в., а его завершение — к XIII в. Примеры Тшебницкого привилея (1204): *Braces = Braciesz*, *Cessata = Cieszęta*, *Cehost = Ciechost*, *Cih = Cich*.

Несомненно, в XIII в. на месте $*t'$, $*d'$ уже существовали $ć$, $ź$. То, что в Свентокшиских проповедях, памятнике с простой графикой, на месте $*t'$ постоянно отмечаются с *ich*, а на месте $*d'$ — только *d* (ср. *udehy*, *sedese*, *poudy*), не является показателем того, что для $*t'$ аффрикатизация осуществилась в XIII в., а для $*d'$ нет. Для обозначения аффрикаты $ź$ в латинском алфавите не было знаков. В первых же памятниках со сложной графикой $*d'$ обозначается как *dz* (ср. Флорианскую псалтырь). Польский фонолог З.Штибер предполагает, что на протяжении целого века, а может быть и более, t' и $ć$, d' и $ź$ сосуществовали как факультативные (т.е. находящиеся в отношении свободного варьирования) варианты фонем t' и d' .

Своеобразно развивались t' , d' в группах $*st'ys$, $*zd'ys$. Возникшие после падения $ŕ$ группы $*st's$, $*zd's$ пережили следующий процесс: $s't's > śćs > śc > jss > js$. Ср. совр. *miejski < mieśćski*, совр. *zamojski < zamośćski*, *Ujejski < ujeźdźski*.

S' , z' перешли в $ś$, $ź$ одновременно или несколько раньше изменения t' , d' в $ć$, $ź$.

2. Одновременно с развитием свистящего призвука s , z у t' и d' развивается шипящий призвук у $*r'$: $*r' > r^{s'}$ или $r^{z'}$ ($ř$). Самый ранний пример в памятниках, отражающий такое произношение, относится к XIII в. В мазовецком документе 1231 г. записано *pargaz*. В Свентокшиских проповедях $[ř]$ передается только как *r*. Ср. примеры с лигатурным обозначением из других документов: *Przetpelkope*, *Zacsevo*, *Prsevod*, *Modrze*¹⁵. Вибрант $ř$ сохраняет мягкость до XVI в., а твердое $ř$ сохраняется до XVIII в.

$*R'$ изменилось в $ř$ и в группах $*sr'$, $*zr'$: ср. др.-польск. *śrzoda*, *śrzodek*, *źrzenia*, *weźrzenie*. Совр. лит. *środa*, *wejrzenie* связаны с диалектными инновациями (§ 33.6, 35.2).

$*T'$ d' , s' , z' , r' не везде соответствуют $ć$, $ź$, $ś$, $ź$, rz ($ř$). Последовательно на месте $*t'$, d' , s' , z' , r' встречаются $ć$, $ź$, $ś$, $ź$, rz перед гласными и на конце слова. Ср. $*d'ny > dzień$, $*t'elo > ciało$, $*or'ly > orzeł$.

В середине слова последовательно $ć$, $ź$, $ś$, $ź$, $ř$ представлены перед губными и заднеязычными (p , b , m , v , k , g): $*t'yma > ćma$, $*groźba > groźba$, $*gor'ky >$ др.-польск. *gořki > gorzki*.

Перед переднеязычными указанные звуки могли как сохранять свою мягкость, так и отвердевать.

¹⁵ Примеры из кн.: *Stieber Z. Op.cit.*

а) *T', *d' отвердели не только перед твердыми г, п, но и перед мягкими г' > rz, п'. Ср. *t'ъно > польск. tpe, *t'ъп'cъ > польск. tpiesz, *d'ъго > польск. dre, *d'ъretъ > др.-польск. dře > совр. drze. Происходило отверждение и перед s, с которым предшествующие t и d образовывали аффрикату c': *bratъsivo > bractwo, *sъsědъsivo > польск. sąsiedztwo.

Перед с после утраты ъ t' и d' сохраняли мягкость. Ср. *oтѣса > др.-польск. ośca (ср. им.п.ед.ч. др.-польск. ośiec), *wіnоvаtѣса > др.-польск. winowaśca, *radѣса > др.-польск. radźca. Ср. памятники: ochce(m) = ośce(m) (KŚ), oczca, oczzowe, oczzow, oczcziszni (PF), oczcza, oczzowy, oczcziszni, myeszczca = mieśca, myeszcu (< *městъce - совр. miejsce) (BSz).

В древнепольских памятниках встречаются и формы с отверждением t: oтса, oтczyпа, которые авторы "Исторической грамматики польского языка" считают либо влиянием чешской письменности, либо узкорегинальным диалектизмом.

б) *S' и *z' перед п могли и отвердевать и сохранять мягкость. Так, перед суффиксом *ъп типа *gоls'ъп-, *kvas'ъп- происходило смягчение: gоsъпу, kvasъпу. В прилагательных же, обр. дванных с помощью суффикса -ъп от существительных с формантом! *ostъ, смягчение не сохранилось: *mіlostъ > mіlosny, *radostъ > radosny (*ostъп > ostп > osp). Однако под влиянием наречий типа mіlośnie, radośnie, żalośnie в речи некоторых поляков встречаются и формы mіlośпу, radośпу.

Таким образом, в польском языке существуют прилагательные на -спу и -śпу. -Спу имеет также группа прилагательных с *ъп (*jasъп- t'ěsъп- > jasпу, cіasпу).

в) *R' перед переднеязычными l, l, c, s, п, п', как правило, отвердевало. Ср.: *orъla > orla, *orъlě > (w)orle, *starъca > starca, *cesarъstivo > cesarstwo, *wěrъnъъ > wierny, *pъrъgnіkъ > pierńik.

Иногда не происходило отверждение перед п: Jaworzno, др.-польск. szrebrzne, kпąbrzny, kпąbrznie. Обычно сохранялась мягкость в группе *trъ (po)wіetrzny, opatrność, jutrznia.

В им.п. мн.ч. лично-муж. страдательных причастий и в отглагольных существительных, образованных от глаголов I спряжения с исходом основы на t, d, вместо ć, ź представлены с, z, возникшие в результате диссимилиации: gnіeceni, gnіecenie, uwiedzeni, uwiedzenie.

В ряде случаев закономерные мягкость или отверждение ć, ź, ś, ź, ǫ утрачивались в результате аналогического воздействия родственных слов или влияния заимствований. Так, перед l обычно г отвердевало (gorliwy, żarliwy), но под влиянием других форм слова или однокоренных слов ǫ могло оказаться и в позиции перед l (burzliwy ~ burza). В словах obywatel, śmіrtelny, skazitelny, wierzytelny и родственных им польское *ć < *t' заменилось чешским t (ср. § 105), хотя в большинстве слов такого типа сохранилось закономерное польское ć: zbawiciel, odkupiciel, przyjacielski и т.п. В древнепольском повсеместно употреб-

лялись *sierce, wiesiele*. Современное *s* в этих словах, так же как и суффикс *-tel*, - результат влияния чешского языка.

3. В праславянском языке не было фонем *f, f'*. Они возникли в польском языке в период его самостоятельного развития: как в результате проникновения заимствований из немецкого языка и латыни (обычно через посредничество чешского языка - §109), так и вследствие оглушения *v, v'* на конце слова, перед глухим или после глухого согласного. Если в заимствованиях *f, f'* широко употребляются в XIV в. (*offeramy, w oferze, offary, offaro* - PF), хотя до XV в. встречается и старое написание *p* вместо латинского *f* (*lucyper, Krzysztopor, Rapalowic, Szczepan* - ср. *Stephanus, Ożer = Józef, Pabian, Pabir* - ср. *Faber*), то *f* из **v* в результате оглушения возникло самое позднее в XII в. На это косвенно указывает тот факт, что на месте **chv* в малопольских и мазовецких памятниках уже в XIII в. в личных именах употребляется *f* (т.е. оглушение *v* должно предшествовать утрате *ch*). Самая старая запись с [f] на месте **chv* относится к 1206 г.: *Boguphalus*. Ср. другие примеры: *Falimir < Chwalimir, Fałęta < Chwałęta, Falisław < Chwalisław*.

Таким образом, к XII-XIII вв. относится появление *f, f'* собственно польского происхождения. К концу XIII в. система фонем польского языка имела не 32, как в 1136 г., а 34 члена:

p b m v f r n l s z t d
k g x j č' ž' š' ž' c' z'
p' b' m' v' f' ř' n' l ś ź ć ź

По сравнению с началом XII в. качественно изменились фонемы - континуанты праславянских **t', *d', *s', *z', *r'*.

§ 33. Фонетический строй и фонологическая система древнепольского языка XIV - начала XVI в. (второй письменный период)

1. О характере древнепольского ударения

Как уже отмечалось, на протяжении XIII в. происходит стабилизация места ударения в польском языке: устанавливается инициальный тип ударения, который, несомненно, существовал во второй половине XIV в., о чем свидетельствуют данные говоров Подгалья. Такой же тип ударения отмечается в современных кашубских говорах (см. § 27).

Вопрос о хронологии преобразования инициального ударения в парокситоническое и механизме этого преобразования является сложным и до сих пор не до конца выясненным.

Так, С. Роспонд считает, что инициальное ударение существовало еще в XIV в. На это, по его мнению, указывают формы *wieliki* > *wielki*, *wszeliki* > *wszelki*, *kalizdy* > *kalzdy*, в которых *i* исчезло вследствие его безударности, сокращение такого же типа произошло в *gospodzina* > *gospodpa*, а также при исчезновении *e* в единой акцентологической группе *'eže tu*, *'iže tu*, *'eže go* > *'ež tu*, *'ež go*, *'iz tu*¹⁶.

По мнению других исследователей (например, авторов "Исторической грамматики польского языка"), с XV в. начинается длительный процесс превращения инициального ударения в парокситоническое.

Механизм превращения инициального ударения в парокситоническое, по всей вероятности, связан с возникновением в многосложных словах при главном ударении на первом слоге побочного ударения на предпоследнем слоге, которое со временем стало основным. Такое превращение побочного ударения в главное поддерживалось тем, что в двусложных и односложных словах ударение на предпоследнем слоге было основным.

2. Контракция в глаголе и местоимении

В XIV-XV вв. происходит начавшийся еще в XIII в. процесс стяжения в ряде грамматических категорий. Контракция в этих категориях относится к историческому этапу развития польского языка (*ściągnięcie powsze*), о чем свидетельствует наличие в древнепольских памятниках наряду со стяженными формами нестяженных, а также фиксация соответствующих нестяженных форм в современных говорах. Контракция в позднее средневековье (XIII-XV вв.) происходила в следующих категориях.

1. Притяжательные местоимения *mój*, *twój*, *swój*. Род.п. ед.ч. др.-польск. и диал. *męgo*, *twęgo*, *swęgo*, дат.п. ед.ч. *męmu*, *twęmu*, *swęmu*, им.п. ед.ч. ж.р. *mą*, *twą*, *swą*, род.п. ед.ч. ж.р. *měj*, *twěj*, *swěj* и т.д. из старых и употребляющихся параллельно и до настоящего времени форм *mojego*, *twojego*, *swojego*, *mojemu* ..., *moja* ..., *mojej*.

К.Нич считал стяженные формы результатом влияния чешского языка¹⁷, другие исследователи (например, Т.Браерский) полагают, что контракция в этих формах собственно польского происхождения.

Современная стилистическая окраска стяженных форм как книжных установилась после XVIII в., в течение которого эти формы, напротив, считались просторечными.

2. 2-е, 3-е л. ед.ч. и 1-е, 2-е л. мн.ч. наст.вр. глаголов со старой основой на *-aje*, *-eje*. Ср. совр. диал. и др.-польск. *działasz*, *działą*, *działamy*, *działacie*, *umięsz*, *umię*, *umiemy*, *umięcie* < *działajesz*, *działaje*, *umięjesz* и т.д. (сохранились в некоторых говорах). Ср. в лит.

¹⁶ Rospond S. Op.cit. S.89.

¹⁷ Nitsch K. Wybór pism polonistycznych. Wrocław, 1954. T.I. S.200.

рус. *делаешь, умеешь* и т.д. В 3-м л. мн.ч. стяжения не происходило: *działają, umieją, rozumieją* и т.д.

Примеры нестяженных форм из памятников XIV-XV вв.: *prziznawaie, pożegnaie, podnaszaie, znaie* (PF).

3. Инфинитив и формы прош. вр. глаголов со старыми группами *oja, *ēja: *xvějati > *chwiác* (диал.совр. и др.-польск. *chwiãć, chwiãł*), *sėjati > *siać* (диал.совр. и др.-польск. *siãć, siãł*), *bojati se > *bać się* (др.-польск. и совр. диал. *bãć się, biał się*), *stojati > *stać* (др.-польск. и совр. диал. *stãć, stãł*), *smėjati se > *śmiać się* (др.-польск. и совр. диал. *śmiãć się, śmiãł się*) и т.д. Нестяженные формы длительное время сохранялись в Великой Польше, о чем свидетельствуют Гнезненские проповеди (см. § 9), и до сих пор известны великопольским и мазовецким говорам.

Примеры стяженных и нестяженных форм из памятников XIV-XV вв.: *przistaiali sō, staal (=stał), rosposirzaal* (PF); *szaacz = siać, staacz = stać*.

4. Не вошедшие в литературный язык диалектные формы *róde, ródziesz* ~ общепольск. *rójde, rójdziesz* < **pojdo, pojdeš*.

3. Переход *ir, irz* в *er, erz*

В XIV-XV вв. продолжается начавшийся ранее процесс перехода старых групп *ir, irz* в *er, erz*. В одном и том же памятнике иногда даже в одном и том же слове встречаются новые *er / erz* и более старые *ir / irz*. Ср.: *sczwirdzene, szerokosc, wirzch, czyrzwoone / roserdzeuyum* (PF).

Если рассмотренные нами до сих пор явления в области вокализма не повлияли на структуру системы польских гласных фонем, а вызвали изменения только в частотности того или иного типа фонем (долгих) или отдельных фонем (увеличение частотности фонемы *e* и уменьшение таковой у фонемы *i*), то следующие два процесса коренным образом преобразовали систему гласных фонем польского языка.

4. Судьба долгих гласных

На протяжении XIV и первой половины XV в. основным фонематическим противопоставлением гласных являлось противопоставление по долготе-краткости. В памятниках XIV в. в отличие от предшествующего периода долгота, как исконно долгих, так и развившихся в польском языке вследствие заместительной долготы и контракции, нередко обозначается на письме в виде удвоения гласного. Ср.: *chleeb, paasz, Moyszeesz, staal, meem, grzesznee, trzōsenyee, mlowenyee, rosposirzaal, welikee, czyrzwoone, lesnaa, weselee, roserdzeuyum* (PF). Особенно последовательно долгота обозначается в Шарошпатацкой библии. Широко обозначалась долгота также в Житии св. Блажея.

О том, что в первой половине XV в. различались долгие и краткие гласные, свидетельствует и трактат Паркоша (1440), в котором автор выделяет гласные а, е, о, і, u, ђ и пишет, что "все гласные произносятся или долго, или кратко". При этом Паркош отмечает смысловоразличительную функцию долготы-краткости (!). Так, $\bar{a}$ и $\bar{a}$ различают сложное слово *wiercimak* (писать aa) и сочетание двух слов *wierci tak* (писать a). В орфографии Паркоша - *wercimaak* или *werci tak*.

Долгий гласный отличался от краткого и качественно: он был более узким и высоким (*rochyłony, ścieżniopy*). $\bar{o}$ произносилось как $\bar{o}$ (высокое, близкое к u), а - как $\bar{a}$ (близкий к o звук), $\bar{e}$ - как e^i или e^y (в зависимости от качества предшествующего согласного близкое к і или у). О характере такого произношения мы можем судить как по памятникам, так и по современным говорам, где сохранились суженные континуанты долгих. В одном случае - для $\bar{o}$ - материал дает и современный литературный язык, в котором буква $\bar{o}$ указывает на место и в какой-то степени на качество старого $\bar{o}$.

Долгие і и u не подвергались качественным изменениям.

До второй половины XV в., т.е. до того, как суженные гласные утрачивают долготу и сокращаются, это сужение (*rochylenie, ścieżnie*) не было фонематически существенным признаком. Ср. написания, отражающие характер произношения древнепольских суженных долгих: *scuga* (1399), *Gnyfkov = Gniwków* (1343), *gnywacz se = gniéwać się* (PF), *voluw* (1440), *mliwo = mléwo* (1449), *ubustwa* (1459), *gvusch* (1500), *pyurko* (1527), *lepi* (конец XV в.), *zlób* (BSz), *zwirze* (первая половина XVI в.), *chliw* (первая половина XVI в.).

Во второй половине XV в. утрачивается долгота гласных, долгие и краткие становятся одинаковыми по длительности и происходит перестройка всей системы гласных фонем. Как она выглядела к началу XVI в., мы установим, рассмотрев предварительно историю носовых гласных на протяжении XIV - начала XVI в.

Косвенным свидетельством отсутствия в начале XVI в. различия в долготе-краткости гласного является замечание С. Заборовского (1518) о том, что раньше поляки долгие гласные удваивали, а для кратких использовали одиночные знаки.

5. Судьба $\bar{a}$ и $\bar{a}$. Состав гласных фонем к XVI в.

В конце XIII в., как мы уже отмечали, в польском языке носовой заднего ряда и носовой переднего ряда слились в один носовой $\bar{a}$, который в соответствии с основным противопоставлением системы мог быть долгим и кратким. Носовой одного качества сохранялся до второй половины XV в. Так, один знак для праславянских носового заднего и носового переднего ряда употребляется не только в Свентокшиских проповедях, но и во Флорианской псалтыри (исключительно $\bar{o}$ до 101 псалма), в Житии св. Блажея, Гнезненских проповедях, Шарошпатац-

кой библии. Паркош в своем трактате также дает один знак для носового ϕ .

Во второй половине XV в. долгое a , как и другие долгие, утрачивает долготу и его "суженность" становится фонематической ($\bar{a} > \acute{a}$). Однако $\acute{a}$ произносилось все же ближе к a , чем к o . На это указывает современное написание a , которое унаследовано от краковских первопечатников начала XVI в. Краткое a в XV в. переходит в ϵ .

Первым памятником, в котором после длительного перерыва снова появляются два знака для обозначения носовых, является Пулавская псалтырь (вторая половина XV в.). В этом памятнике носовой переднего ряда последовательно обозначается через ϵ , а для носового заднего ряда используются знак a и старый знак ϕ , употреблявшийся в памятниках XIV - первой половины XV в. для обоих праславянских носовых.

Таким образом, к началу XVI в., когда появляются первые печатные польские произведения, закладываются основы современной орфографии и на базе культурного диалекта памятников XIV-XV вв. начинает формироваться общенациональный литературный польский язык, система гласных фонем значительно отличается от системы фонем XII-XIII вв. Основное фонематическое противопоставление древнепольской системы XII-XIV вв. по долготе-краткости в конце XV в. утрачено и преобразовано в некоторых случаях в противопоставление "чистый - суженный" ($jasny \sim rochylopy, \acute{s}cie\acute{s}nioy$). Симметрия системы была нарушена, так как для i и u нет соответствующих более высоких и узких "коррелятов". Количество фонем еще более сократилось по сравнению с 12 фонемами в конце XIII в. и достигло 10:

a	o	e	ε		i	u
á	ó	e ⁱ	á			

6. Консонантизм XIV - начала XVI в. Состав согласных фонем к XVI в.

В области консонантизма до начала XVI в. по сравнению с концом XIII в. произошли незначительные изменения, которые не затронули системных отношений.

1. Во второй половине XV в. происходит диссимиляция в группе $\acute{s}c$ ($< *t\acute{s}c >$) $> j\acute{s}$. В Пулавской псалтыри мы читаем: $oyszca = oj\acute{s}a$, $oyszcu$, $oyszwoye$, $oyszow$, $oyszce$ (вин.п.мн.ч.), $oyszcu$ (тв.п.мн.ч.), $m\acute{o}droszcz$ $oyszowa$, $slovo oyszowo$. В этом же памятнике, однако, встречаются примеры без диссимиляции в $*st\acute{s}c$: $mie\acute{s}ce =$ совр. $miej\acute{s}ce$; $myeszce$, $myeszczu$.

Из косвенных падежей $oj\acute{s}a$, $koj\acute{s}a$ $j\acute{s}$ впоследствии по аналогии проникает и в им.п.ед.ч., где нет условий для расподобления (им.п.ед.ч.

kocięc, osięc). Совр. ojciec - результат контаминации старой основы им.п.ед.ч. osięc и новой основы косвенных падежей ojс-.

2. В XV в. появляется незакономерное фонетически s (чешского происхождения) в словах sierce, wesiele.

3. До середины XV в. в древнепольском языке сохраняются группы śrz < *s r̥ и źrz < *z r̥. С середины XV в. на территории Малой Польши и Мазовшья появляются новообразования śr, źr, в то время как в Великой Польше сохраняются старые śrz, źrz. Однако в краковских первопечатных книгах XVI в. удерживается старая великопольская традиция.

4. В памятниках XIV-XV вв. возрастает за счет заимствований частотность согласных f, f': folwark // forwark, flak, facelet, farba // старое barwa, forszt, fryjować, frywołt, fig(a), fiolek, firletka и др. F, f' из *chv, *chv' часто встречаются в памятниках, написанных на востоке или в центральной части Польши (Шарошпатацкая библия), но отсутствуют в памятниках великопольской редакции (Гнезненские проповеди, великопольские судебные записи). Малополянин Паркош в своем трактате приводит как правильные формы с f на месте *chv, *chv': fał, f'al, fyta, fast, f'ist. Ряд слов с f из *chv (fała, fila) в XVI в. характеризуют и литературный язык, но позднее эти формы выходят из употребления и в настоящее время являются исключительно диалектной особенностью (в первую очередь особенностью малопольского диалекта). Подробнее см. § 21.

Итак, фонемный инвентарь с конца XIII до начала XVI в. не подвергся изменениям и насчитывал по-прежнему 34 фонемы.

§ 34. Фонетический строй и фонологическая система польского языка среднепольского периода (с начала XVI в. до 80-х гг. XVIII в.)

Смена общественно-культурного расцвета упадком времен Контрреформации почти не отразилась на фонетическом строе польского языка, поэтому мы рассматриваем все явления в вокализме и консонантизме, наблюдавшиеся в целом на протяжении периода с начала XVI в. до 80-х гг. XVIII в., не выделяя отдельные подэтапы в среднепольском периоде.

1. Судьба суженных гласных в польском языке

Возникшие из долгих суженные краткие фонемы сохранялись на протяжении всего XVI в.

Об оппозиции а : а⁰ в XVI-XVII вв. свидетельствуют:

а) сохранение в краковских печатных произведениях четкого отличия á от а: á = *ǎ, а = *ā;

б) высказывания грамматистов: например С. Стоенский (1568) общает, что а^о является каким-то средним звуком между а и о, Ф. Менинский (1649) учит, что $\dot{a}$ следует произносить как о или франц. ау; и даже в 1734 г. силезец Е. Шляг определяет $\dot{a}$ как звук средний между а и о.

Однако данные грамматик, как правило, отстают от живого реального произношения.

Уже в XVII в. графическое различие $\dot{a}$ - а становится менее последовательным, чем в XVI в., а в XVIII в. все чаще отсутствует "креска" над а. Таким образом, с XVII в. $\dot{a}$ начинает в литературном языке утрачиваться и сливаться с "чистым" а, а во второй половине XVIII в. $\dot{a}$ окончательно утрачено. И несмотря на то, что О. Копчинский в 1778 г. предлагает возродить обычай ставить "креску" над а, как и над суженными о и е, "креска" над а не входит в употребление, в отличие от $\acute{e}$ и $\acute{o}$.

Во многих говорах (в том числе в великопольских и малопольских, на базе которых главным образом формировался литературный польский язык) старое $\dot{a}$ отличается от $\dot{\dot{a}}$. Каковы же причины утраты $\dot{a}$ и, таким образом, различия между старыми $\dot{a}$ и $\dot{\dot{a}}$ в литературном языке?

Историки польского языка называют ряд причин, как внутриязыковых, так и экстралингвистических. С. Роспонд, например, указывает четыре фактора, которые способствовали утрате $\dot{a}$ в литературном языке.

1. Недостаточная выразительность фонологической оппозиции а - $\dot{a}$. При переходе $e^1 > i$, у и $\acute{o} > u$ $\dot{a}$ осталось вне системы. Небольшое артикуляционно-акустическое различие между а и $\dot{a}$ вызвало слияние обеих фонем в одну а.

Этот аргумент, на наш взгляд, неубедителен. Во-первых, он предполагает предшествующее утрате $\dot{a}$ изменение $\acute{e}$ и $\acute{o}$ соответственно в i / у и u , что не соответствует языковым фактам. Во-вторых, он не объясняет, почему $\dot{a}$ в литературном языке не дало о, как в говорах, что также является восстановлением симметрии в системе е - i /у, о - u , а - $\dot{a}$.

Таким образом, внутриязыковые факторы не могут убедительно объяснить утрату $\dot{a}$ в литературном языке. И более убедительными у С. Роспонда являются следующие экстралингвистические факторы.

2. Влияние произношения "окраинных" поляков (polszczyzna kresowa - см. § 30), в речи которых, возникшей на восточнославянско-литовском субстрате, не было суженных континуантов долгих. Впервые на этот фактор указал К. Нич.

3. Влияние письменности, поскольку а стало читаться как а, а не как $\dot{a}$.

4. Влияние произношения а в латинском языке.

Авторы "Исторической грамматики польского языка" выделяют только две экстралингвистические причины: влияние "кресовцев" и наличие только а "чистого" в северомазовецких крестьянских говорах, соседствующих с новой с конца XVI в. столицей польского государства Варшавой (окончательно столица из Кракова в Варшаву была перенесена в 1611 г. Сигизмундом III).

О том, что *ó* в XVI в. сохранялось и произносилось ближе к *o*, чем к *u*, свидетельствуют рифмы Я.Кохановского: *dobroci - ukroci, ubiogu - sogu*. Только в определенной позиции - перед *г* - уже в конце XVI - начале XVII в. *o* подвергалось сужению. Ср. рифмы типа *piugu - ktogu - gogu, dziugę - skorę - wzgore, chpiugu - gogu - piogu* (примеры из перевода поэмы "Освобожденный Иерусалим" Т.Тассо, 1618). Вместе с тем в этой же позиции (перед *г*) мы находим и противоположные рифмы (*o рифмуется с *o*): *soza - Nektora, gory - Terpsychory* (примеры из произведений XVII в.).

О том, что еще в XVII в. ощущалось отличие *ó* от *o* и *u*, свидетельствует замечание Г.Кнапского (1621) о произношении дифтонга в словах *Bóg, róg, wóz* (Buog, ruog, wuoz).

На указания грамматистов XVII-XVIII вв., не различавших букв и звуков, полагаться в определении хронологии процесса утраты *ó* нельзя.

Историки польского языка предполагают, что фонологическая и фонетическая самостоятельность *ó* стала ослабевать уже в XVI в., в XVII в. *o* произносилось ближе к *u*, чем к *o* (по крайней мере, в некоторых районах распространения польского языка). Такое произношение польские исследователи объясняют влиянием поляков с юго-восточных "кресов", польский язык которых развивался на украинском субстрате и при постоянном контакте с украинским языком, в котором *o*, развившееся в результате заместительной долготы, произносилось в XVI в. как *ю*.

В XVIII в. процесс *ó* > *u* усиливается, поддерживаясь аналогичным явлением в малопольских и мазовецких диалектах. Повсеместное распространение *u* < *ó* относится уже к новопольскому периоду (XIX в.).

В XVI в., подобно *á* и *ó*, сохраняется и особая фонема *é*, хотя ее частотность сокращается. Нередко в определенных позициях *é* > *e* или *é* > *y*. Так, *é* перед *j* > *y*. *É* могло утрачиваться и под влиянием морфологических факторов: например, по типу *pole, tego* происходит аналогическое выравнивание в *ziale* < *zielé* и *dobrego* < *dobrègo* в литературном польском языке. Как уже отмечалось, в ряде польских говоров процесс имел другое направление.

Исследование рифм польских поэтов XVI в. показывает, что в исконной Польше в это время *é* произносилось ближе к *e* (поэты рифмуют *é* с *é* или с *e*). Ш.Зиморович, М.Шажинский, Ш.Шимонович, выходцы из польской шляхты восточных "кресов", в языке которой существова-

ло только "чистое" е, рифмуют $\acute{e}$ с i/y , поскольку воспринимают его как y, i . В XVII в. $\acute{e}$ рифмуется с y/i в некоторых словах и у поэтов исконной Польши (В.Потоцкий).

Так как графически е и $\acute{e}$ отличались непоследовательно (в рукописях почти никогда не обозначалось "rochylene"), то судить по памятникам о произношении $\acute{e}$ или его отсутствии очень трудно. Некоторые заключения можно сделать из замечаний нормализаторов-грамматистов. Об артикуляционном ослаблении различия е - $\acute{e}$ в XVII в. свидетельствует высказывание Ф.Менинского, который, различая е (открытый звук) и $\acute{e}$ (произносится ближе к y), отмечает тем не менее, что употребление $\acute{e}$ не поддается правилам. Грамматики XVIII в. указывают на произношение $\acute{e}$ как y . Первый польский фонетист Ю.Мрозинский (1824) констатирует, что $\acute{e}$ иногда сближается с i и почти не отличается от него, но вообще звук $\acute{e}$ уже значительно приблизился к е.

Таким образом, к концу среднепольского периода $\acute{e}$ утрачивается: оно произносится либо как е, либо как y/i . Первый тип более распространен, в чем, вероятно, проявилось влияние "кресов".

2. Изменения качества гласных в сочетании с сонорными

В XVI-XVII вв. окончательно на месте древнепольских $ir/irz, yg/ygz$ устанавливаются группы $er/\acute{e}r, erz/\acute{e}rz$. Ср. у Я.Кохановского: $c\acute{e}rkiew, doci\acute{e}ra, ci\acute{e}rpie\acute{c}, wycz\acute{e}rpa\acute{c}, cz\acute{e}rwony, umi\acute{e}ra, pi\acute{e}rwszy, sz\acute{e}roki, ci\acute{e}rnie, zami\acute{e}rzkna\acute{c}, pi\acute{e}rzhliwy, si\acute{e}rpy, twi\acute{e}rdza, wi\acute{e}rzb\acute{a}, wi\acute{e}rzh$; у Г.Кнапского: $ci\acute{e}rnie, czerpam, czerw, czerwony, wierzch, pi\acute{e}rwszy, sierp, pier\acute{s}cie\acute{n}, wier\acute{c}\acute{e}, \acute{s}mier\acute{c}, mierzch, czerni\acute{c}, twierdz\acute{e}$ (с $\acute{e}$); $dzi\acute{e}r\acute{z}\acute{e}, s\acute{e}rce$ (с e).

К XVII в. относится активизация процесса, следы которого отмечались еще в XIV в., а именно замены y/i на е в древнепольских группах $il, yl, i\acute{l}, y\acute{l}$. Ср. $si\acute{e}la, mi\acute{e}ly, telko, z telu, uszkodzi\acute{e}l$ и т.д. Это явление имело спорадический характер и с самого начала считалось нарушением нормы.

В XVI-XVII вв. усиливается воздействие носовых согласных на качество предшествующего гласного: $\acute{a}N > oN, aN > \acute{a}N, oN > \acute{o}N/uN, uN > oN, eN > iN/yN, eN > \acute{e}N, iN/yN > eN$. Примеры: $szlachcionka, wionek; m\acute{a}ny, m\acute{a}m$ (XVIII в., Малая Польша); $d\acute{o}m, gr\acute{o}m, srum, prum, s\acute{l}\acute{o}\acute{n}ce, Donaj, groncie, ro\acute{n}czo\acute{c}ha; nasinie, nima; obuczaj\acute{e}m, t\acute{e}n, s\acute{l}ysz\acute{e}my$ (XVIII в., продуктивное явление в Малой Польше) и др. Некоторые слова сохранились в литературном языке ($s\acute{l}\acute{o}\acute{n}ce, ro\acute{n}czo\acute{c}ha$), другие утратились и сохраняются в настоящее время только в диалектах.

3. Стабилизация места ударения

К XVI в. относится установление парокситонического ударения (ударения на предпоследнем слове), первые проявления которого наблюдались еще в XV в. и которое, по мнению ряда польских исследователей (Т.Лер-Сплавинского, Г.Турской и др.), развилось из инициального (§ 33.1).

Самое раннее свидетельство о парокситоническом ударении находим в "Словаре" Г.Кнапского (1621), где автор сообщает, что не только польские слова, но и заимствования имеют ударение на предпоследнем слоге.

При этом парокситоническое ударение устанавливается не только в отдельных словах, но и в группе слов, одно из которых было самостоятельным с точки зрения ударения (проклитика или энклитика). Польские лингвисты употребляют для характеристики такого ударения термин "zestrojowy". Ср. Wielkà nos, dobrà nos, Pàn Bóg, Kochàł cię, boję się, chciał byu и т.д. В XVIII в. (а может быть, и в XVII в.), судя по свидетельствам грамматик, эта тенденция устанавливается в литературном языке. Утрата ее относится уже к новопольскому периоду.

4. Деназализация ϵ на конце слова

К XVII в. относится распространение произношения конечного ϵ без назального призвучия ("powszechniejsze odnosowienie końcowego ϵ "¹⁸). Этот процесс повлиял на фонемный инвентарь литературного польского языка, поскольку утрата носового в сильной позиции (не связанной с качеством последующего согласного) вызвала сокращение количества гласных фонем на носовую фонему переднего ряда. Носовой перед фрикативным (варшавское произношение) представляет собой бифонемное сочетание гласной и согласной фонем, так же как и реально произносимое перед взрывным сочетание e с последующей носовой согласной. В связи с тем что естественная тенденция к утрате носовости ϵ сдерживается традиционализмом письма и ϵ под влиянием орфографии сохраняется в произношении некоторых носителей литературного языка, З.Штибер предлагает назвать эту фонему "факультативной" и при определении фонемного состава польского языка приводит ее в скобках.

5. Состав гласных фонем к 80-м гг. XVIII в.

Таким образом, к концу среднепольского периода вследствие утраты фонем $\acute{a}$, $\acute{o}$, $\acute{e}$ и утраты назального характера конечного ϵ формиру-

¹⁸ Stieber Z. Op. cit. S.69.

ется современная система гласных фонем, состоящая из шести постоянных фонем (fonem stały) и одной факультативной (fonem fakultatywny): a - o - e - i - u - ɔ (письм. a) - (e).

Отличия от современной системы фонем заключаются в отношениях между отдельными фонемами и в количестве вариантов отдельных фонем. Так, в одних и тех же условиях в литературном языке были возможны фонемы e и i (основной вариант i или ее аллофон u) и o - u. В настоящее время такая взаимозаменяемость является лексически ограниченной (ср. doktor - doktóɔ) и один из вариантов относится, как правило, к эмоционально окрашенным (ср. прост. с i/y: bida, świca, kobita, rzyka, żołnirz, papir). Кроме того, в определенных позициях (например, перед j или в закрытом слоге перед звонким) у фонемы e в среднепольском периоде был вариант è (lepièj, tèj, chlèb, sèr).

6. Консонантизм в XVI-XVIII вв. Состав согласных фонем XVIII в.

Большинство изменений, происходящих в области собственно согласных, относится к реализации тех или иных фонем или изменениям их частотности, и только одно из явлений повлияло на фонемный инвентарь согласных. Рассмотрим эти явления:

1. К середине XVI в. относится отверждение ряда š', ž', č', ž', c', z' и вибранта ř'. В результате отверждения шипящих и свистящих аффрикат звук i, употреблявшийся ранее после них, переходит в y.

2. В вибранте ř призвук превращается в основную артикуляцию, а артикуляция вибранта - в побочную (ř) и, наконец, вообще редуцируется до нуля. Отдельные случаи с ř встречаются в XV, XVI (у М. Рея), XVII вв. (например, в 1612 г. в "Странствии Мачека" ("Peregrynacja Maćkowa")) передается мазурение типа zec = rzecz, bzuch = brzuch, dobrze = dobrze, что свидетельствует о произношении ř как ž). Окончательное же повсеместное установление ž < ř относится только к XVIII в.

В результате совпадения *g' и *ž' в польск. ż (ż, rz) число согласных фонем сократилось на одну фонему (др.-польск. g').

3. С начала XVII в. грамматисты отмечают, что мягкие губные на конце слова редко произносятся мягко. В течение среднепольского периода усиливается тенденция к отверждению конечных губных, которая в XVIII в. окончательно устанавливается в литературном языке.

4. На рубеже XVI-XVII вв. в произношении переднеязычного l происходят изменения, а именно устранение зубной смычки и переход звука в разряд губно-губных (ɥ). Самые древние следы этого явления (walczenie) А. Брюкнер обнаружил в произведении конца XVI в. Я. Кохановский в проекте "Польская орфография" отмечает произношение l-barbarum. В XVII в. примеры ɥ < l встречаются в "Странствии Маче-

ка": okoо = około, psezegnai, poutory. Окончательная победа *ɥ* относится к новопольскому периоду.

На изменение фонемного инвентаря согласных опосредованное влияние оказало уже рассмотренное нами явление из области вокализма: утрата назального характера конечного *ɛ̃*. Вследствие возникновения оппозиций типа dro *ǰe* - droge, słod *ke* - matke звуки *k̄*, *ǰ* получили фонематический статус. В связи с орфографическим произношением *ɛ̃* фонемы *k̄*, *ǰ*, как и *ɛ̃*, З.Штибер называет "факультативными".

Итак, с XVIII в. система согласных фонем польского литературного языка приобретает современный вид. Она состоит из 33 постоянных фонем и двух факультативных:

p b m v f n ɥ / l s z t d k g
r x j ǰ ǰ̄ ǰ̄̄ ǰ̄̄̄ ǰ̄̄̄̄ ǰ̄̄̄̄̄ .
p̄ b̄ m̄ v̄ f̄ n̄ l̄ ś ź ć ǰ̄ (k̄) (ǰ̄)

§ 35. Фонетический строй и фонологическая система польского языка новопольского периода (с 80-х гг. XVIII в. до настоящего времени)

В новопольский период окончательно стабилизируются немногочисленные явления, начало развития которых наблюдалось в среднепольский период.

1. Вокализм новопольского периода

1. Окончательная победа *u* < *ó* и *e* < *é*, *á* исчезло раньше и на переломе XVIII-XIX вв. не употреблялось. Дольше всех сохранялось *è*, правда, в качестве варианта фонеме *i* (перед *j*, в закрытом слове перед звонким, где *é*, в частности в существительных, выполняло функцию дополнительного морфологического различителя формы им.п. ед.ч.: chłéb ~ chleba и т.д.). З.Клеменевич полагает, что вариант *é* сохранялся еще во время правления Станислава Августа, т.е. до 1794 г. О.Копчинскому в 1778 г. удалось ввести буквы *ó* и *é* (*ó* сохранилась до настоящего времени). *È* сохранялось в течение почти всего XIX в., и ее наличие способствовало тому, что грамматисты конца XIX в. "слышали" этот звук и пропагандировали его.

Однако во второй половине XIX в. и грамматики были вынуждены признать утрату *é*, свидетельством чего является отмена *é* Правилами Академии от 1891 г. В современном литературном языке во всех позициях, кроме позиции перед конечным *j*, *é* > *e*. Перед *j*, оказывающим на предшествующий гласный звук суживающее воздействие, выступают варианты фонемы *e* / *y* (*jednyj, lepij*).

К.Нич¹⁹ считал, что причиной победы е на месте среднепольского ё явилось столкновение около 1800 г. в новой столице польского государства и центре формирования польского языка двух систем: старой малопольско-великопольской с $\acute{e} > y/i$ и новой мазовецкой с $\acute{e} = y^e$. Мазовецкое совпадение y^e с е в течение XIX в. распространилось в литературном языке.

2. С конца XVIII в. начинается утрата ударения типа *rowi' m_ci*, *byl' i by*. Старое ударение сохраняется в отдельных словах как архаизм: *Wielk' a nos*, *dobr' a nos*, *P' a n_Bóg*, *Bial' ystok*.

Если грамматисты до середины XVIII в. рекомендуют ударение на конечном слого перед энклитикой, то О.Копчинский (начало ново-польской эпохи) характеризует этот тип ударения как неправильный и прицает его.

2. Консонантизм новопольского периода

Наряду с окончательной победой тенденций, выявившихся еще в среднепольский период (распространение ψ , полное вытеснение редких уже в XIX в. конечных мягких губных)²⁰, при характеристике изменений в области согласных, происходящих в новопольский период, следует отметить два явления.

1. В начальный период новопольской эпохи писатели параллельно употребляют старые великопольские группы $\acute{s}gz$, $\acute{z}gz$ и более новые малопольско-мазовецкие $\acute{s}g$, $\acute{z}g$. С третьего же десятилетия XIX в. в литературном языке распространяются и побеждают группы $\acute{s}r$, $\acute{z}r$ (а также jrz , совпадающие на Мазовье и в Великой Польше и отличающиеся от малопольск. $\acute{z}r/g\acute{z}$). В победе групп $\acute{s}g$ и $\acute{z}g$ польские историки языка усматривают влияние мазовецкого говора на речь нового культурного центра Польши.

2. В новопольский период появляется звук $\acute{x}$ в глаголах с суффиксом $-ywa/-iwa$ (*wymachiwać*, *wydmuchiwać* и т.д.), который не является самостоятельной фонемой, а представляет собой комбинаторный вариант фонемы $\acute{x}$.

19 N i t s c h K. Zagadka zaniku w polszczyźnie literackiej "pochylonego" e // Sprawozdania Polskiej Akademii Umiejętności. 1937. T. 42. S. 283-288.

20 Вероятно, более длительное время сохранялись мягкие губные на конце слова в "кресовой" региональной разновидности польского языка. Об этом свидетельствует, в частности, проставление "крески" над конечными губными в автографах поэтов-"кресовцев", а также некоторые грамматикн, издаваемые на "кресах". Так, в грамматике, изданной в 30-х гг. XIX в. в Вильно, приводятся буквы $\acute{B}$, $\acute{W}$, $\acute{M}$, $\acute{P}$ (Gramatyka języka polskiego Wilno, Drukiem T. Glücksberga. S. 1.)

§ 36. Основные тенденции исторического развития фонологической системы польского языка

Рассмотрев историю развития звукового строя и фонологической системы польского языка, мы видим, что на протяжении всей его истории развития происходило постепенное упрощение системы вокализма и постепенное подчинение его все усложняющейся системе консонантизма. Упрощение системы гласных и усложнение системы согласных заключается не только и не столько в уменьшении числа гласных фонем (с 20 раннего дописьменного периода до 7-6 современного языка²¹ и появлении новых согласных фонем и их вариантов (f, f', k, g, варианта x), а состоит в первую очередь в перестройке структуры систем вокализма и консонантизма: в развитии фонематических категорий твердости-мягкости и глухости-звонкости у согласных, в устранении фонематического противопоставления по долготе-краткости, а затем по "суженности"- "чистоте" у гласных. Изменения структуры фонологической системы вызывают в свою очередь изменения в фонемном составе (ср. трактовку у в связи с развитием категории твердость-мягкость или уменьшение количества гласных фонем вследствие утраты фонематических корреляций долгий-краткий, а затем суженный-чистый). Вместе с тем изменения в фонемном инвентаре одной системы могут вызвать изменения в количестве фонем другой системы (ср. судьбу ę и согласных фонем k, g).

В польском языке простой является не только система гласных фонем, но и сопровождающих гласные фонемы супraseгментных признаков: отсутствие интонационных различий, постоянное и не вызывающее качественных изменений безударного гласного ударение.

Таким образом, современный польский язык - это язык ярко выраженного *консонантного типа* или, по определению А.В.Исаченко, "монотонического без просодической нагрузки на гласные фонемы"²².

21 В настоящее время наблюдается тенденция к утрате в позиции конца слова н носового видного ряда, превращающегося в речи молодого поколения в бифонемное сочетание ou. Таким образом, в языковой подсистеме некоторой части польского населения носовые фонемы отсутствуют вообще и система вокализма сокращается до пяти фонем.

22 Ис а ч е н к о А.В. Опыт типологического анализа славянских языков // Новое в лингвистике. М., 1963. Вып. III. С.106-121.

МОРФОЛОГИЯ

ИМЯ СУЩЕСТВИТЕЛЬНОЕ

§ 37. Грамматические категории имени существительного

Древнепольское имя существительное унаследовало от праславянского такие морфологические категории, как классификационную категорию рода, категорию числа и категорию падежа.

В праславянском языке категория числа была представлена тремя числами: единственным (обозначение одного предмета), двойственным (обозначение двух предметов), множественным (обозначение более двух предметов). В древнепольском языке категория двойственного числа представлена уже в рудиментарном виде (§ 101). Категории единственного и множественного числа сохранялись на протяжении исторического развития польского языка и представлены в современном польском языке.

Морфологическая по формам выражения, но синтаксическая по значениям, выражаемым этими формами, категория падежа располагала в древнепольском, как и в современном польском языке, семипадежной системой: именительный, родительный, дательный, винительный, творительный, местный, звательный. Учитывая функцию обращения звательного падежа (или вокатива) и отсутствие синтаксической связи его с другими членами предложения, этот падеж обычно называют звательной формой. Наличие в древнепольском языке форм шестого падежа без предлога (типа *zimie*, *lecie* 'зимой', 'летом') делает предпочтительным по отношению к нему употребление термина "местный", а не предложный.

1. Категория рода

Каждое существительное в древнепольском языке, как и в современном, принадлежало к одному из трех родов: мужскому, среднему или женскому. Эта принадлежность проявлялась на морфологическом уровне (в наличии определенных флексий в определенных падежах, свойственных существительным только определенного рода или родов, например флексии им.-вин.п. ед. и мн.ч. существительных ср.р. -о, -с и -а, флексия существительных ж.р. в тв.п. ед.ч. -о, флексия тв.п. ед.ч. м. и ср.р. -em < *ъть); на словообразовательном уровне (в наличии определенных словообразовательных показателей, присущих только

определенному родовому типу, например суффиксов -*ńik*, -*erz* и -*arz*, -*es* в м.р., др.-польск. -*ą < *ę*, -*stw-o*, -*eń-e*, -*ań-e* в ср.р. или -*b-a*, -*ost-ъ* и ж.р.); на синтаксическом уровне (в сочетании с определенными формами согласуемых частей речи: прилагательных, родовых местоимений, причастий). Обязательным всегда являлось согласование с родом определяемого существительного. Из числа словообразовательных показателей наряду с суффиксами, присущими только существительным определенного рода, известны и не имеющие родовой дистрибуции (ср. полифункциональный суффикс -*ǫk*¹, оформляющий слова всех трех родов, и др.).

Так же отнюдь не во всех падежных формах флексия зависела от родовой принадлежности существительного. Тем не менее уже в праславянском языке начался, а в польском усилился длительный процесс разрушения древних словоизменятельных типов, определявшихся исключительно типом древней основы, смещения этих основ и формирования новых деклинационных типов, флексии которых были обусловлены совокупностью формальных и семантических факторов: 1) родовой принадлежностью; 2) качеством финали (конечного согласного основы); 3) континуантами показателей древних основ, унаследованных или появившихся в данном типе вторично из других основ; 4) выражаемостью определенных лексико-грамматических категорий, развившихся в польском языке в историческое время в склонении существительных м.р., а именно категории одушевленности-неодушевленности (§ 43) и категории мужского лица (§ 44).

Родовая принадлежность отдельных существительных могла изменяться на протяжении исторического развития польского языка. Этому в ряде случаев благоприятствовала омонимия некоторых флексий им.п. ед.ч. для существительных разных родов, например, наличие нулевой флексии у существительных ж. (континуант древних *ī-основ) и м.р., флексия им.п. ед.ч. -*a* у существительных ж. и м.р., обозначающих лицо. Разные родовые варианты нередко сосуществовали и конкурировали между собой уже в древнепольском языке: др.-польск. *utoka* и *utok* 'прибежище', *padra* и *padro* 'пазуха'. Например: *vczinil se iest gospodzin utoka vbogemu* (PF, 9, 9); *polosyl yes utok tvoju* (PP, 90, 9) наряду с *utoka*: *opoka*, *utoka yeszom* (PP, 103, 19). Впоследствии, если лексема сохранялась, один из родовых вариантов обычно вытеснял другой. Хотя в некоторых случаях возможна и двуродовая принадлежность, иногда при некотором различии в семантике (ср. совр. *ciud* и *ciudo*, из которых второй вариант употребляется исключительно как стилистически маркированный).

Смеили, например, м.р. на ж.р. др.-польск. существительные *rych* (совр. *rycha*) и *blach* (совр. *blacha*). Существительными м.р. стали

¹ Знак *ǫ* обозначает беглый гласный.

др.-польск. слова ж.р. *smaka* (совр. *smak*), *tobola* (совр. *toból*), некоторые существительные ср.р. на *-um*. В класс существительных ср.р. перешло др.-польск. *pkieł* (совр. *piekło*).

Обычными были колебания уже в пределах одного родового типа существительных ж.р. - в показателях им.п.ед.ч. Более "феминативный" показатель *-a* конкурировал с нулевой флексией: др.-польск. *woniá* и совр. *woń*, др.-польск. *szerz* и *szerza* (ср. оба в BSz: на *ssygz* и *pasyzgŏ*) - Exod. XXXVII), др.-польск. и ср.-польск. *tarcz* и совр. *tarcza* и мн.др.

Иной род существительного мог сохраниться в качестве регионального архаизма или появиться как специфическая инновация в определенном ареале распространения польского языка. В частности, на "креках" в XIX в. часто представлены варианты, отличающиеся от нормативных. Например: ср.р. *poręcze* вместо ж.р. *poręcz* (ср. *I do poręcza rzędem powiązane* P.Mohort), ж.р. *rawa* вместо м.р. *raw* и др. Особенно часто это наблюдается (как и в диалектном языке) у существительных с нулевой флексией в им.п.ед.ч. (ср. лит. м.р. *piės*, *piėsa* и крес. ж.р. *piės*, *piėsu*, лит. ж.р. *kieszeń*, *kieszeni* и крес. м.р. *kieszeń*, *kieszenia* и др.) и у существительных на *-ę* (лит. ср.р. *gamię* и крес. ж.р. *gamiņa* или м.р. *gamiń*). Как и в истории языка, в диалектных и региональных вариантах польского языка представлены колебания в им.п.ед.ч. ж.р. между флексиями *-a* и *-ø*: ср. лит. *jabłoń* и крес. *jeblėnia*.

2. Общие замечания о тенденциях в системе склонения польских существительных. Классификация именных флексий

Основная тенденция в формировании словоизменительных типов в древнепольском языке - это тенденция взаимодействия и смешения континуантов древних типов основ, относящихся как к одному родовому типу, так и в ряде случаев к разным, и формирования деклинационных типов и подтипов по новым формальным и семантическим основаниям.

На протяжении исторического развития польского языка в склонении имен существительных происходят также и более частные процессы: преобразование словоизменительных типов некоторых групп существительных и отдельных лексем (и как следствие этого возникновение смешанных типов склонения), изменения в отдельных типах склонения и падежных словоформах (утрата некоторых этимологических флексий, появление новых, утрата некоторых словоизменительных показателей аналогического происхождения и др.).

Все именные флексии по отношению к источнику их происхождения делятся на следующие группы.

I. Утратившиеся в дописьменный период (не зафиксированные польскими памятниками): например, -у в им.п. ед.ч. существительных типа *kańc eń* или *-oń в тв.п. ед.ч. в континуантах древних *ō-основ.

II. Фонетически закономерные результаты развития показателей древних основ (например, в тв.п. ед.ч. *supiń — -eń < **ъ*шь).

III. Флексии, распространившиеся по аналогии:

1) из иных форм той же числовой парадигмы (например, старый вин.п. мн.ч. в функции им.п. мн.ч. у существительных м.р.);

2) из иных числовых парадигм (например, флексия дат.-тв.п. дв.ч. *opa* в тв.п. мн.ч. существительных и.р.);

3) из иных словоизменительных типов:

А) того же именного класса:

а) того же родового типа (флексии континуантов *ŷ-основ -o^{vi}, -o^{ve} и другие в континуантах древних *ō-основ);

б) иного родового типа (флексии мн.ч. -aⁿⁱ, -aх в тв. и мест.п. мн.ч. существительных м. и ср.р. или флексия -и в зват.ф. ед.ч. существительных ж.р.);

Б) иного именного класса (например, флексия -e^{ji} в род., дат., мест.п. существительных ж.р., проникшая из склонения местоименных прилагательных);

IV. Инновации:

1) собственно польские:

А) неконтаминационного происхождения:

а) самостоятельные флексии (например, -oх в мест.п. мн.ч.);

б) фонетические варианты (например, регионализм -e в род.п. ед.ч. существительных м.р., отмечаемый только после мягких согласных);

Б) контаминационного происхождения (например, днал. -o^{vi}, -e^{ji} в дат.п. ед.ч., предполагается для некоторых падежных форм местоимений и числительных — см. ниже);

2) заимствованные (например, флексия -a в им.п. мн.ч. м.р.).

Флексии всех групп (кроме I) могут быть устойчивыми (сохраняющимися на протяжении всего исторического развития польского языка или в течение длительного периода) и неустойчивыми, а также сохраняющими свое значение или приобретающими новое грамматическое значение. Устойчивыми в целом оказались флексии, восходящие к словоизменительным показателям древних вокалических основ, в то время как большинство флексий древних консонантных основ, а у существительных ж.р. и *u-основ утратились, причем большая часть из них относится к I группе (исчезнувших в дописьменный период).

Число	Падеж	ОСНОВЫ			
		ВОКАЛИЧЕСКИЕ			
		*-ǫ	*-jǫ	*-ǔ	*-ǚ
Ед.	И.	м.р. -ъ (*vozъ) ср.р. -о (*selo)	м.р. -ь (*kopъ) ср.р. -е (*pole)	-ъ	-ь
	Р.	-а	-а	-u	-i
	Д.	-u	-u	-ovi	-i
	В.	м.р. -ъ ср.р. -о	м.р. -ь ср.р. -е	-ъ	-ь
	Т.	-омъ	-емъ	-ъмъ	м.р. -ьмъ ж.р. -ьjǫ > ǫ
	М.	-ě	-i	-u	-i
	З.	-е	-u	-u	-i
Мн.	И.-З.	-i	м.р. -i (*mǫž'i) -е (*čěsa ře) ср.р. -а	-ove	-ьje
	Р.	-ъ	-ь	-ovъ	-ьjъ
	Д.	-омъ	-емъ	-ъмъ	-ьмъ
	В.	м.р. -у ср.р. -а	м.р. -ě ср.р. -а	-у	-i
	Т.	-у	-i	-ъmi	-ьmi
М.	-ěchъ	-ichъ	-ъchъ	-ьchъ	
РОД	МУЖСКОЙ				
	СРЕДНИЙ			ЖЕНСКИЙ	

Таблица 1. Реконструируемые показатели субстантивных индоевропейских основ в единственном и множественном числе

ОСНОВЫ						
ВОКАЛИЧЕСКИЕ			КОНСОНАНТНЫЕ			
*-ā	*-jā	*-ū	*-r	*-n	*-nt	*-s
-a	-a (* <i>đuša</i>) -i (* <i>bogyni</i>)	-y (* <i>kry</i>)	-i (* <i>mati</i>)	м.р. -y (* <i>kamy</i>) ср.р. -ę (* <i>imę</i>)	-ę	-o' (по * <i>ō</i> - основам)
-y	-ě	-e (* <i>kryve</i>)	-e (* <i>matere</i>)	-e (* <i>kame- ne</i>)	-e (* <i>tele- nte</i>)	-e (* <i>slo- vese</i>)
-ě	-i	-i	-i	-i	-i	-i
-ǫ	-ǫ	-ь	-ь	м.р. -ь ср.р. -ę	-ę	-o
-oǫ > ǫ	-eǫ > ǫ	-ǫ	-ǫ	-ьть	-ьть	-ьть
-ě	-i	-e	-e	-e	-e	-e
-o	-ě	-i	-i	м.р. -i ср.р. -ę	-ę	-o (по * <i>ō</i> - основам)
-y	-ě	По основам на * <i>ā</i>	-e	м.р. -e ср.р. -a	-a	-a
-ь	-ь		-ь	-ь	-ь	-ь
-апъ	-апъ		-ьпъ	-ьпъ	-ьпъ	-ьпъ
-y	-ě		-e	м.р. -e ср.р. -a	-a	-a
-амі	-амі		-ьмі	-ьмі	-ьмі	-ьмі, -y (по * <i>ō</i> - основам)
-ачъ	-ачъ		-ьчъ	-ьчъ	-ьчъ	-ьчъ
ЖЕНСКИЙ				МУЖСКОЙ		
				СРЕДНИЙ		

Новое грамматическое значение с развитием категории одушевленности – неодушевленности получили флексии древних *ō-основ у существительных м.р.: -а в вин.п. ед.ч. (в большинстве случаев и в род.п. ед.ч.) и -і в им.п. мн.ч., ставшие показателями одушевленных существительных. С развитием категории мужского лица флексии им.п. мн.ч. -і и -о *ŏ*e (континуант древних *ŷ-основ) приобретают значение показателей существительных с семантикой мужского лица, в то время как флексия старого вин.п. -у становится показателем неличной формы.

§ 38. Основные тенденции развития склонения существительных мужского рода

В истории изменения существительных мужского рода проявляются следующие основные тенденции:

- 1) ранняя утрата большинства флексий *ī- и *p-основ при возрастании активности *ō- и *ŷ-основ и конкуренции их флексий;
- 2) формирование твердого и мягкого подтипов склонения;
- 3) сближение в определенных формах мягких основ и основ на задненёбный;
- 4) унификация флексий в дат., тв. и мест.п. мн.ч., проявляющаяся и в других родовых типах;
- 5) формальное обособление существительных со значением мужского лица и существительных, обозначающих живые существа, которое проявилось в развитии в данном родовом типе грамматических категорий одушевленности–неодушевленности и мужского лица.

§ 39. Тенденция утраты флексий *ī- и *p-основ и активности окончаний *ō- и *ŷ-основ

Конкуренция падежных флексий *ō- и *ŷ-основ с древних времен до настоящего времени сохраняется, например, в таких падежах, как род.п. ед.ч. (-а и -u), им.п. мн.ч. (-і и -*ow*ię в лично-мужских формах). Конкуренция окончаний *ō- и *ŷ-основ, при условии различия их континуантов, наблюдалась на различных этапах исторического развития польского языка во всех формах, кроме тв.п. ед.ч., где с древнейших времен для всех типов, изменявшихся по *ō-основам, обобщился показатель -em < **ъ*ть *ŷ-основ, о чем свидетельствует твердость согласного перед e. Если активность *ō-основ обусловлена количественной стороной (большим числом лексем, относящихся к *ō-основам), то активность окончаний *ŷ-основ объясняется их качественной особенностью. Немногочисленный класс существительных, для которых реконструируется древняя *ŷ-основа (**sup*ь, **ro*ль, **dom*ь, **vol*ь, **v*гъхь, **med*ь и предположительно некоторые другие), имел наиболее выразительные, не повторяющиеся ни в каком другом деklinационном типе флексии, спецификой которых являлось наличие в их составе

сегмента -ov-. Флексии, содержащие именно этот сегмент, проявляют высокую степень активности, подчас вытесняя "конкурент" *ѡ-основ из парадигмы. Так произошло в дат.п. ед.ч., где первоначально частотная флексия -u (от *ѡ-основ) оказалась низведена до уровня лексически ограниченной (§ 43).

Вместе с тем немногочисленность *п-основ и невыразительный характер встречающихся во многих типах склонения и многих формах флексий *п- и *ї-основ (в частности, окончания -i), возможно, привели к замене большинства флексий этих типов окончаниями *ѡ- и *й-основ. В польских памятниках не отмечены такие флексии *п- и *ї-основ, как: им.п. ед.ч. *п-основ -у (тип *капу), флексии-омонимы -i дат.п. ед.ч., зват.ф. ед.ч. и им.-вин.-зват. дв.ч. обоих основ, а также род. и мест.п. ед.ч. *ї-основ (типы *kameni, *gosti); род. и мест.п. ед.ч. *п-основ -e (кроме слова *дѣпь)²-тип *kamene, а также дат.-тв.п. дв.ч. обоих основ -та < *ѣта (типы *капельта, *гостѣта).

§ 40. Формирование твердого и мягкого подтипов склонения

После падения слабых ѣ и ѡ в им.-вин.п. ед.ч. оппозиция еров преобразовалась в оппозицию твердый (предшествующий ѣ) и мягкий (предшествующий ѡ) согласный основы. Происходит сближение, с одной стороны, древних основ, в которых представлен мягкий исход основы (*jѡ, *ї и *п), а с другой, — основ, в которых представлен твердый исход (*ѡ и *й). Формируются мягкий (с исконно мягким и смягченным перед флексией) и твердый подтипы склонения, различия между которыми в древнепольском и современном языке проявляются в мест.п. и зват.ф. ед.ч., им.-вин.п. мн.ч., отчасти в род.п. мн.ч. При этом показателем мягкого типа в этих формах могли стать как флексии одного из исконных типов, сформировавших мягкий подтип склонения (род.п. мн.ч. -i/у, им.п. мн.ч. -e), так и заимствованные из других типов (мест.п. ед.ч. -u из *й-основ).

Рассмотрим, как же происходило формирование оппозиции мягкий - твердый подтип в мест.п., зват.ф. ед.ч. и род.п. мн.ч.³, а также в тех формах, которые не сохранили до настоящего времени дифференциацию флексий в зависимости от качества основы. При этом в мест.п. и зват.ф. ед.ч. с XVI в. на указанный процесс накладывается и несколько его "затемняет" еще одна историческая тенденция: сближение мягких основ и основ на задненёбный.

Мест.п. ед.ч. До XVI в. в *ѡ- и *й-основах сохраняется исконное состояние, в то время как в утративших свои этимологические флексии

2 Флексия сохраняется до сих пор в выражении *we dnie i w posu*.

3 История флексий им. и вин.п. мн.ч., связанная с формированием категорий одушевленности - неодушевленности и мужского лица, рассматривается в § 43, 44.

основах на *jǫ, *п и *j- основы повсеместно распространилось -и из *j-основ. Только в древнейших польских памятниках в единичных лексемах отмечена архаическая флексия *jǫ-основ -i: w gąsi, na stolcu, na gąsiu, w Izraeli. Ср. в KS: *gy uidal ezechiel nauisokem stolcy sedącego* (K6); а в PF уже у *na stolczu naglego spadnena* (1, 1).

С XVI в.⁴ -и активно проникает и в *ǫ-основы, в первую очередь на задненёбный, где, вытеснив исконное -е, сохраняется до настоящего времени.

Предполагают, что закрепление -и в основах на задненёбный связано со стремлением избежать чередований $k \sim c$, $g \sim z$, $x \sim \check{s}$ перед -с < -ě (ср. *w przebitcze twoiem* - PF, 30, 26; 6, 4; *Sluszcze bogu w strasze* - Ibid. 2, 11; *kochacz będę w bodze* - PP, 103, 35).

Отдельные примеры с -и в других твердых основах (типа *w czasie* - PF, 103, 20) не приобретают статуса нормы, кроме лексемы *rap*, в которой -и вытесняет этимологическое -е в результате аналогического выравнивания в выражении: др.-польск. *Panie Boże*⁵ > *Panie Bogu* > *Rapu Bogu*.

Одновременно у существительных, относящихся к *j-основам (за исключением *syn* и *dom*), под влиянием других основ с твердым, кроме задненёбного, исходом основы устанавливается -е (*wole*, *ledzie* > *lodzie*).

Зват.ф. ед.ч. Окончание -и⁶ с древних времен распространилось в *п- и *j-основах (*kamieniu*, *gościu*). Как и в мест.п. ед.ч., здесь проявляется тенденция сближения с мягким подтипом древних *ǫ-основ на задненёбный. Это выражается в аналогическом проникновении -и в древние *ǫ-основы с задненёбным исходом. Вместо древнепольского типа *duże* устанавливается среднепольский и современный тип *duchu*.

Как факты лексики сохраняются архаизмы *Boże*, *człowiecze*⁷. В основах на *j (кроме *syn* и *dom*) под воздействием слов с твердым (кроме задненёбного) исходом основы устанавливается -е⁸. Под влиянием сохраняющихся этимологических *ojcze*, *starcze*, (*otęke, *staręke) флексия -е встречается у существительных на -ic / -icz: тип *panicze*. Однако позднее в них побеждает окончание мягких основ -и.

4 Отдельные примеры встречаются и в XV в.: PP (II половина XV в.) - *w gęziku swoym* (14, 3), в то время как в PF (XIV в.) там же - *w iózice swoiem*.

5 Например: *pape bosze* (KG, K2).

6 В отличие от мест.п. ед.ч. флексия -и зват.ф. ед.ч. является этимологической не только в *j-основах, но и в *jǫ-основах.

7 Форма *człowiecze* является стилистически отмеченной: исключительная принадлежность высокого стиля. Обычный нейтральный морфологический вариант - более новая форма *słowieku*.

8 Противоположное явление с XVI в. представлено в лексеме *dziad*, где закономерно окончание -е сменилось, вероятно, под влиянием новой формы *dziadku* флексией -и (*dziadu*).

Род.п. мн.ч. В род.п. мн.ч. происходит редукция омонимичного с флексией им. и виш.п. ед.ч. окончания $-o^9 < \text{ъ, ѣ} >$ в * $\dot{o}$ -, * $\dot{j}\dot{o}$ - и * $\dot{n}$ -основах за счет возрастания частотности флексий $-ow > -\dot{ow}$ (из * $\dot{u}$ -основ) и $-i$ (-у) (из * $\dot{I}$ -основ), аналогически распространившихся на другие типы.

При этом если флексия $-\dot{ow}$ уже в первых памятниках широко представлена как в твердых, так и в мягких основах (* $\dot{j}\dot{o}$, * $\dot{n}$), то $-i/-y$ конкурирует с ней только в мягких основах, проникая по аналогии из $\dot{I}$ -основ в * $\dot{n}$ - и * $\dot{j}\dot{o}$ -основы: *dni, koni, kamieni, przyjaciele*. Эта конкуренция наиболее ярко проявилась в новопольский период у существительных на $-arz, -a\dot{z}, -erz, -\acute{e}rz, -orz, -acz, -ocz$, в которых $-i/-y$ в настоящее время вытесняет более раннее $-\dot{ow}$. Ср: если у авторов XVI-VII вв. в подобных случаях представлено исключительно окончание $-\dot{ow}^{10}$, в "Словаре польского языка" под ред. В.Дорошевского, например, формы *bogaczy - bogaczów, pisarzy - pisarzów, towarzyszy - towarzyszów, gospodarzy - gospodarzów* и многие другие указываются как дублетные (" $-y \sim -\dot{ow}$ "), то в "Словаре правильного польского языка" под ред. В.Дорошевского, Г.Курковской и в "Словаре польского языка" под ред. М.Шимчака отмечается редкость форм с $-\dot{ow}$: помета *rad.* в "Словаре правильного польского языка" под ред. В.Дорошевского, Г.Курковской и скобки в "Словаре польского языка" под ред. М.Шимчака. В некоторых словах и в настоящее время возможны дублетные формы: *węży // węzów, rokojów // rokoj* и др.

Таким образом, наличие флексии $-i/-y$ только в мягкой разновидности позволяет говорить о проявлении различий между твердым и мягким подтипами склонения и в род.п. мн.ч.

В древнепольских памятниках особенности мягкого подтипа проявлялись и в других формах. Так, в дат.п. мн.ч. до начала XVII в. только в мягких основах изредка отмечается флексия $-em < *-\text{еть}, *-\text{ьть}$: *gusczem, gośćiem, ludzkiem, dzieckiem*. Особенно часто $-em$ представлено в двух последних лексемах. Ср. в KŚ: *ciutoraki(m) lude(m)*¹¹ (K2).

9 С древнепольского периода до XVIII в. встречаются отдельные примеры с нулевой флексией как фонетически закономерного, так и аналогического происхождения: др.-польск. *kamion, lokiet, kmiot, wóz* (XIV в.); *włos, gaz* (XVI в.); *sąsiad* (XVIII в.). Ср. у С.Мужиновского: *skrzytanie żab* (Т., s. 46); у М.Бельского: *o czterdzieści tyjać* (Т., s. 54). Нулевая флексия сохраняется в некоторых лексико-семантических группах слов и в отдельных лексемах: 1) в ойконимах, образованных от названий народов, племен, родов и определенных занятий: *do Włoch, do Niemiec, do Węgier, do Racławic, do Mydlnik, do Owczar*; 2) у существительных с суффиксом $-anin$: *dworzan, Rzymian*, но в более новых отмечается $-\dot{ow}$: *Amerykanów*; 3) в выражении *dotychczas* и в словах *przyjaciel, nieprzyjaciel*.

10 Например, у М.Рей: *trębaczów* (Zwierc.); у Л.Гурницкого: *Kronikarzów* (Dworz.); у Я.Кохановского: *mężów* (Sat), *ohtarzów* (OPG); у Я.Пасека: *towarzyszów, berdyszów, burmistrzów* (Pam.).

11 При этом $-em$ фиксировалось в древних * $\dot{j}\dot{o}$ - и * $\dot{I}$ -основах, а в * $\dot{u}$ - и * $\dot{n}$ -основах, в которых генетически также должно быть представлено $-em$, с первых польских памятников употребляется аналогическое $-om$ из * $\dot{o}$ -основ.

В род.п. ед.ч. в великопольско-мазовецких источниках в мягкой разновидности фиксируется -e (Macieje, konie, Jakusze), представляющее собой фонетический вариант флексии -a¹².

Преимущественно в памятниках той же великопольско-мазовецкой зоны до XVI в. отмечается морфологический архаизм, связанный с закономерностями более древнего периода: употребление в мягкой разновидности в дат.п. ед.ч., им. и род.п. мн.ч. флексий -ewi, -ewie и -ew. Эта особенность - отражение закономерностей сочетаемости гласных с предшествующими согласными, возникших в праславянском языке в результате перехода о в е после мягких согласных, следствием которого было образование оппозиций типа: им.п. ед.ч. lěto - morje, тв.п. ед.ч. wozomy - kopety, зват.ф. ед.ч. žepo - duše, род.п. ед.ч. togo - jego. Обязательность оппозиции -ov- после твердых ~ -ev- после мягких (кроме указанных морфем представленная также в глагольном суффиксе -owa ~ -ewa, притяжательном -ow ~ -ew и патронимическом -owic ~ -ewic) в польском языке начала утрачиваться в результате перегласовки е > о, когда появилась возможность сочетания о с предшествующим мягким согласным (тип jodła, piosę)¹³.

Обобщение -ov- как после твердых, так и после мягких ранее всего охватило силезские говоры, затем малопольские¹⁴. Поэтому в древнепольских источниках, возникших на территории Силезии и Малой Польши, отмечаются только единичные примеры с -ev- при преобладании -ov-. Ср. в малопольских КŚ: род.п. мн.ч. trsy s(r)olew (K4). В великопольских же и мазовецких говорах оппозиция -ov- ~ -'ev- сохраняется в течение всего древнепольского периода, что находит отражение в памятниках, созданных на этой территории¹⁵. Ср. примеры из KG: дат.п. ед.ч. kthoremv krolevy (K1), gzimskemv czesarzevy, gistemv czesarzevy (K2), naprzecif ognemv (K6), им.п. мн.ч. trzy kroleue, gakocz szōwōszeue mōdrzy (K2)¹⁶; примеры из RPP: дат.п. ед.ч. Iacuszewi (1388), Andrzegeui, Weczenczeui (1389), Maczeyewi (1391), Maczeiewi kmezczeui (1397) при Potrkowi, Michaloui (1387), Czestkoui (1390), Petrowi (1396), Dobrogostowi (1397) и мн.др. Отмечены только единичные случаи нарушения оппозиции: Weczenczowi (1393). Об использовании данной особенности древнепольских памятников великопольской редакции в качестве аргумента в дискуссии о происхождении литературного польского языка см. § 9.

12 Морфологическое следствие фонетического процесса: перехода а > е после j и исконно мягких согласных.

13 Dejna K. Dialekty polskie. Wrocław etc., 1973. S.202.

14 К. Дейна считает, что процесс обобщения -ov- в силезских говорах осуществился до 1300 г., а в течение последующего столетия распространился и на малопольский диалект (Dejna K. Op. cit. S.202).

15 Об оппозиции -ov- ~ -'ev- в части великопольских говоров см. § 18.1.

16 Ср. в этом же памятнике примеры с -ev- в составе других морфем: в глагольном суффиксе - kroleuacz (K9), в суффиксе "принадлежности" - przyrodzene ... wōszeve (K6)

Тенденция к дифференциации флексий одного падежа в зависимости от мягкости-твердости исхода основы проявлялась в различные периоды истории польского языка. Так, активная до XVI в. флексия *тв.п. мн.ч.* -*mi* как этимологическая (**ī-*, **л-*, **й-*основы) широко представлена у существительных с мягким исходом основы и гораздо реже у твердых, что объясняется конкуренцией с -у в **ō-*основах, в которые аналогически проникло окончание -*mi*, и небольшим количеством слов, относящихся к **й-*основам (причем последние сблизились с **ō-*основами)¹⁷.

§ 41. Сближение мягких основ и основ на задненёбный

Эта тенденция проявилась в тех падежных формах, где чередования *с, х ~ ś, г ~ з, к ~ ć, г ~ ż*, не подкрепленные семантикой¹⁸, в результате тенденции к обобщению звукового вида основы стремятся упроститься и формы приобретают соответствующие флексии мягкого падежа или флексии, которые преимущественно употребляются в мягком падеже. Как уже отмечалось, такой процесс произошел в *мест.п.* и *тв.п. ф. ед.ч.* (установление флексии -*u*). Тенденция сближения мягких основ и основ на задненёбный проявилась и в *мест.п. мн.ч.* Здесь она выражалась в наиболее частом (но не исключительном) употреблении в этих основах по сравнению с твердыми основами в древнепольских памятниках (предположительно малопольского происхождения) наряду с этимологическим окончанием -*ech* новообразования -*och*. Окончание -*och* во второй половине XVI в. было вытеснено флексией *тв.п. ф. ед.ч.* -*ach* (см. § 42). Ср. в PF: *w bogoch, w wczynkoch, w ludzoch, w zrybitkoch* наряду с *w obloczech, w przebitczech, skutczyech* и единичными типа *w daro(ch)*; у М.Пея: *Vpadkoch, w smutkoch* (Post.), *po dardkoch, po ogrodkoch, w postronnych kráioch, w konioch* (Zwierc.), *w tych potomkoch, w ich domkoch* (Zwierc.), но *po káciech* (Wizer.), *w rozmáithych vbierzach* (Post.), *w poież dziech* (Zwierc.).

§ 42. Унификация флексий в дательном, творительном и местном падежах множественного числа

Тенденция унификации флексий ряда падежных форм множественного числа является общей для всех словоизменяемых типов

17 Примеры аналогического -*mi*: 1) в мягких основах: *męźmi, dziedźmi* (XIV в.); *końmi, złodziejmi, wieprzmi, noźmi* (XVI в.); ср. у М.Пея: *obyczáymi [wemi, z dziwnemi kołnierzmi* (Zwierc.) или у М.Бельского: *pásterzmi* (Т., s. 51), *s towáfzyszmí* (Ibid., s. 54); 2) в твердых основах: *językmi, głosmi* (XIV в.), *żydmi* (XVI в.); ср. у С.Ожеховского: *Apostołmi* (Т., s. 56).

18 Иначе произошло в им.п. мн.ч., где указанные чередования стали принадлежностью парадигмы сначала одушевленных существительных, а позднее только существительных со значением мужского лица (подробнее см. § 43, 44).

польского языка. В качестве унифицированных флексий тв. и мест.п. мн.ч. установились генетические показатели форм женского типа склонения (основ на *-а). По поводу окончания дат.п. мн.ч. -ом существуют две точки зрения: 1) -ом - старая флексия * $\bar{o}$ -основ, которая вытеснила распространившееся здесь в определенный период окончание * $\bar{a}$ -основ -ам; 2) -ом - результат фонетического изменения -ам: -ам > $\bar{a}$ м > -ом. Если принять гипотезу о сохранении в литературном языке в единственном, обусловленном морфологической позицией, случае $\bar{a}$ > о, то можно говорить о победе в качестве унифицированных во всех трех формах мн.ч. флексий древних * $\bar{a}$ -основ.

Рассмотрим, как и когда: данная тенденция проявлялась в каждой из этих форм.

Дат.п. мн.ч. В дат.п. мн.ч. аналогическое -ам (kapłanam, koniam, rabótkam) появляется с начала XV в. при господстве -ом¹⁹, распространившимся из * $\bar{o}$ -основ и в другие типы²⁰. Вероятно, "проводником" флексии -ам в парадигму мн.ч. существительных м.р. явились слова, обозначающие лиц мужского пола (типа sluga), которые в древнепольском языке изменялись по типу существительных ж.р. на -а и в ед. и во мн.ч. (см. § 52). Количество примеров с -ам несколько возрастает с XVI в., но в меньшей степени, чем в существительных ср.р. Как единственно возможная в XVII в. устанавливается флексия -ом.

Тв.п. мн.ч. В тв.п. мн.ч. до XVI в. сохраняются этимологические окончания: -у (от * $\bar{o}$ -основ), -i (от *j $\bar{o}$ -основ), -mi (от *i-, *п- и * $\bar{y}$ -основ), хотя наличие их в ряде форм может быть аналогического происхождения (ср. наряду с этимологическими obloku, woli s cozli (PF), также aostala sama ssini BSz (Ruth, I) или у М.Рей: między synu niewieściemi (Post.)²¹).

В XVI в., являющимся переходным в истории флексий тв.п. мн.ч., появляются неэтимологические окончания, которые используются наряду со старыми исконными. Это флексия из парадигмы дв.ч. -ома (trzema dnioma, trzema zamkoma), употреблявшаяся в основном с числительными в функции определения, и окончание из парадигмы существительных ж.р. -ami, которое постепенно начинает вытеснять другие окончания. Например, если в книге Ruth BSz (1455) представлена обычная для этого слова аналогическая форма ssini, в этом же месте BL (1561) этимологическая z Jупni, то в BW (1599) уже zJупami. Однако еще в 1568 г. П.Статориус-Стоенский называет флексию -ami "вульга-

19 Наряду с флексией -ом отмечаются и ее фонетические варианты -óm, -um, в которых отражена древняя фонетическая тенденция сужения о перед носовым согласным (bluń, Szumil и ku wrotom - XV в.). Ср. у М.Рей: Bogim wszystko poruczył (Zwierz.) и особенно часто у Я.Кохаиовского: zdroióm (Ps.D.), konióm, brzegóm (Fr.).

20 Об отдельных случаях с -em в мягких основах см. с. 153.

21 См. также на с. 155 примеры с -mi в *j $\bar{o}$ -основах и примеры с редким -mi в твердых * $\bar{o}$ -основах. Постоянно наряду с -у флексия -mi представлена в лексемах (nie)przyjacieł przyjacielmi // przyjacielómi // przyjacielu. Все три формы известны, например PF.

ризмом", и лишь в XVII в. -ami вытесняет -mi в разряд лексически ограниченных флексий²², а окончание -y - в область стилистических средств языка. Не случайно, например, в "Дневниках" Я.Пасека при описании событий употребляется только аналогическая флексия -ami: *dwieita palcami* (1661), *zasłużonemi synami* (1661), *dwieita dniami* - (1660) и т.д., а в стихах для создания особой торжественности используется стилистически маркированная форма с -y: *pod stołem ze psy zbierać kości* (1660)²³.

Мест.п. мн.ч. Из закономерных фонетически этимологических флексий в древнепольских памятниках представлено только одно окончание -ech (< *-ěхъ, *-ьхъ, *-ьхъ). Этимологическая флексия *jō-основ -ich < *-ixъ в памятниках не зафиксирована. Ср. в KS: *uczlich kłutecz, ug(re)seh* (*ō-основы) и с(r) *oleh poganski* (K6) (*jō-основы).

Наряду с -ech в древнепольских памятниках, как уже отмечалось, встречается польская инновация -och²⁴. Со второй половины XVI в. оба этих окончания уступают появившемуся уже в средние века окончанию -ach²⁵. Флексия -och исчезает из литературного языка полностью, а -ech переходит в разряд морфологических архаизмов (лексически ограниченных флексий)²⁶.

В печатных произведениях XV-XVI вв. малопольского происхождения а в окончании -ach отмечается с сужением (т.е. без "крески"), не исключено, что под влиянием суженного в форме дат.п. мн.ч. (-am). Существует предположение, что при формировании норм литературного языка во второй половине XVI в., когда в ж.р. побеждает -ach и выходит из употребления региональная флексия -ách, процесс ее утраты вследствие близости артикуляции á и o вызвал исчезновение и флексии -och.

Во всяком случае, в основе процесса установления одной флексии мест.п. мн.ч., как тв. и дат.п. мн.ч., лежит тенденция к нивелированию

22 Флексия -mi в современном языке представлена в нескольких лексемах: *kości mi, łóźmi*.

23 Часто употребляется тв.п. мн.ч. с -y как средство архаизации и у поэтов XIX в., по крайней мере на "кресках". Ср. у С.Гошницкого в "Каневском замке": *z dziwniejszemi huki, rękutnemi tonu, wupu ślanemi sposoby, ciemnymi szlaki, drugimi chłopaki, lotnemi obłoki* наряду со стилистически нейтральными *rozmitnemi rodzajami, smutnemi świadkami, wókrnemi łapanami, kłębami brudnemi* и т.д. То же у В.Сырокомли в "Урожденном Яне Дембороге": *z wie śniaki, z konfederaty, złożonemi gumy, przed ojcy naszemi*.

24 Иначе считал А.Граппен, возводя -och к праславянскому варианту *jō-основ *-охъ, сохранившемуся в малопольском регионе и активизировавшемуся в XVI в.

25 Если в "Постилле" М.Рея (1566) отмечаются все три флексии, причем соотношение -ech : -och : -ach составляет 61 : 51 : 33, то Я.Кохановский, П.Скарга в "Житиях святых" и Я.Вуек в "Библии" не употребляют -och вообще, а соотношение -ech : -ach у Я.Кохановского 47 : 20, у П.Скарги (1603) 16 : 40 и у Я.Вуека (1599) 9 : 24. Данные приводятся по кн.: R o s p o n d S. Gramatyka historyczna języka polskiego. Warszawa, 1973. S. 249.

26 Флексия -ech сохранилась в названиях некоторых стран, где в род.п. мн.ч. представлена нулевая флексия (см. с. 153): на Węgrzech, w Niemczech, we Włoszech, но уже в Czechach, w Prusach вместо более ранних w Czeszech, w Prusiech.

во мн.ч. различий в склонении существительных разных грамматических родов. Та же тенденция, но в более древний период проявилась у прилагательных и местоимений.

§ 43. Формирование категории одушевленности-неодушевленности

Эта категория начинает формироваться, когда существительные, обозначающие живые существа, приобретают в ряде форм иные показатели, нежели существительные, обозначающие предметы. Такими формами в современном польском языке являются вин. и род.п. ед.ч., причем формальные показатели одушевленных и неодушевленных существительных в вин.п. ед.ч. начинают различаться значительно раньше, чем в род.п. ед.ч., и эта их противопоставленность имеет, в отличие от дифференциации флексий род.п., облигаторный характер. В процессе формирования категории одушевленности-неодушевленности в ее орбиту вовлекаются также формы им. и вин.п. мн.ч. и в определенной степени дат.п. ед.ч.

В вин.п. ед.ч. одушевленных существительных (причем в первую очередь со значением лица) с первых памятников отмечается употребление форм этимологического род.п. Эта тенденция, наблюдаемая уже в памятниках старославянского языка, как предполагают исследователи, имеет синтаксическое основание: стремление избежать двусмысленностей, отличить живые субъект и объект действия в случае их формального совпадения (ср. *Brat widzi ojciec*). Так как при сочетании объекта с предлогом такой двусмысленности не возникало, сочетания вин.п. с предлогами сохранялись дольше и до сих пор представлены в устойчивых словосочетаниях: *wyjsć za mał.*, *być za rap brat*, *siąść pa kóń*, *pa miły Bóg*, *pa święty Mikołaj*²⁷.

Примеры из памятников XIV-XVI вв. с сохранением старого вин.п. в одушевленных существительных встречаются преимущественно для названий животных и в сочетании с предлогом. Особенно долго сохранялись примеры такого типа на Мазовье. Ср. у мазовшанина Я.Пасека: *brać po 10 bitych talerów co miesiąc na kóń z plugu* (1659, Рам.)²⁸.

О формировании категории одушевленности - неодушевленности можно говорить, когда употребление род.п. в функции вин.п. становится нормой для всех одушевленных, а не только для существительных со значением лица. Это происходит в XVI - начале XVII в.

27 Ср. то же в русском: *выйти замуж*, сохранявшееся еще в XIX в. *сесть на конь* (например, у Дениса Давыдова).

28 О синтаксической причине замены старого вин.п. одушевленных существительных род.п. пишут и историки русского языка (см.: Горшкова К.В., Хабургаев Г.А. Историческая грамматика русского языка. М., 1981. С.217-218).

Более поздняя, начавшаяся со второй половины XVI в. замена старого вин.п. родительным во мн.ч. (совпадение которых в современном польском языке является одним из проявлений категории мужского лица - см. § 44), а до утраты остатков форм дв.ч. (до конца XVI в.) и в мн.ч. (в сочетании с числительными *dwa, oba*) охватывает со второй половины XVII в. названия животных мужского пола (*męskozwierzęca*). До этого замена происходила в основном в названиях лиц мужского пола.

Таким образом, со второй половины XVII в., когда возрастает число форм род.-вин.п. мн.ч. для названий животных, формируется оппозиция одушевленные существительные - неодушевленные существительные и в парадигме мн.ч. Однако этот процесс не был завершен, и в мн.ч. сформировалась, в отличие, например, от восточнославянских языков, не категория одушевленности - неодушевленности, а новая грамматическая категория мужского лица, содержанием которой является формальное противопоставление существительных со значением 'мужское лицо' существительным со значением 'женское лицо и предметы'.

В классе одушевленных существительных до конца XVII в. преимущественно употреблялась и особая флексия им.п. мн.ч. *-i*, менее последовательно *-owie*, а в существительных на *-anin* - *-e* (все по семантике 'бозначали лиц')²⁹, противопоставляясь неодушевленным с *-u* в твердой разновидности (этимологический вин.п. мн.ч., который проникает в им.п. мн.ч. по аналогии с ед.ч., где вин.п. неодушевленных существительных равен им.п.) и с этимологическим или аналогическим *-e* в мягкой разновидности (подробнее см. § 44). Ср. у М.Резя:

Wilcy wyją zá gumnem, á cielętá ryczą,

Pśi szczekáją pod okny, świnie w chlewie kwiczą (Wizer.),

ptaszkwie niebiescy (Post.); у Я. Кохановского: frodzy wielorybi (Ps.D.),
Tu slowicy, tu szpacy wdź ięcznie nárzékáią (Fr.).

Предполагают, что утрата в им.п. мн.ч. особых показателей для так называемого "животно-мужского" рода (т.е. закрепление флексий *-i*, *-owie* только за названиями лиц мужского пола и появление вместо старых этимологических *ptacy, wilcy* и *ptaszkwie* форм старого вин.п. *ptaki, wilki*) затормозила и развитие оппозиции одушевленный-неодушевленный в вин.п. мн.ч.

Уже в конце XVII в. формы *wilcy, krucy*, как и *orłowie, ptaszkwie*, встречаются только в поэтических произведениях. Ср. в стихотворном произведении В. Хростинского (1693): *Naiego znakach nie Orli, lecz Sępi (Chr.Ph)*. О "тормозящем" воздействии им.п. мн.ч. на оппозицию оду-

²⁹ Эта стадия отражена в литературном чешском языке, возрожденном в конце XVIII в. начале XIX в. на базе языка памятников XVI в., в котором эти три флексии встречаются только у одушевленных существительных.

шевленный-неодушевленный в вин.п. мн.ч. косвенно свидетельствуют восточнославянские языки, в которых флексии им.п. мн.ч. не зависят от одушевленности-неодушевленности или лица денотата и в которых указанная оппозиция охватила все существительные мужского (и даже женского) рода.

Анализ замены исконого вин.п. мн.ч. формами род.п. в печати. источниках XVII в. показал, что в некоторых районах, в частности на северо-восточных "кресах", эта замена началась раньше и происходила интенсивнее. Влияние восточнославянских языков в XVIII-XIX вв. привело к появлению в региональном языке "кресов" той же оппозиции, что и в восточнославянских языках (различие одушевленный-неодушевленный в вин.п. мн.ч. и отсутствие категории мужского лица)³⁰.

Е.Курилович объяснял замену исконого вин.п. формами род.п. во мн.ч. реализацией тенденции к симметрии функционирования форм в ед. и мн.ч.³¹ Анализ языкового материала (работы В.Курашкевича, А.Граппена, М.Куцалы, В.Ржепки) показывает, что этой замене способствовал ряд синтаксических, семантических и стилистических факторов.

Как установлено из материалов XVI-XVII вв., тенденция замены старого вин.п. родительным наиболее рано проявилась в дв.ч. Это вызвано, по всей видимости, той же причиной, что и в ед.ч.: стремлением избежать двусмысленности (при омонимии им. и вин.п. дв.ч.) в случаях, когда субъект и объект действия обозначают живые существа. Вместо старых *Dwa syna* (обычно вместо этимологического *syny*) *widzą dwa brata, dwa barana* и т.п. появляются *Dwa syna widzą dwu bratu, dwu baranu* и т.д. Сочетания форм дв.ч. со словами *trzy, cztery*, которые были возможны в эпоху разложения дв.ч., явились, по выражению Я.Лося, своего рода "помостом", по которому формы аналогического род.п. проникают в ви.п. и в парадигме мн.ч.

На развитие новых форм вин.п. повлиял и такой синтаксический фактор, как изменение управления ряда глаголов, при которых вместо род.п. стал употребляться вин.п.

Изучение этапов замены старого вин.п. родительным показало, что отнюдь не существительные, а числительные два-четыре в силу роли род.-ви.п. дв.ч. и местоимения (под влиянием доисторического совпадения род. и ви.п. *pas - was* вместо *пу, *ву) являлись центрами распространения нового вин.п. Статистическое исследование В.Ржепки выявило, что у существительных без сочетания с определением или числительными два — четыре флексии старого вин. и род.п. мн.ч. и

30 R z e p k a Wojciech Ryszard. *Dopelniacz w funkcji Biernika męskich form osobowych w liczbie mnogiej w polszczyźnie XVII w.* Warszawa etc., 1975. S.12.

31 Kuryłowicz J. *Męski Acc.-Gen., Nom.-Acc. w języku polskim // Esquisses linguistiques.* Warszawa; Kraków, 1960. S.155-159.

функции вин.п. мн.ч. достигают так называемой "средней развития"³² в рукописных источниках (близких к разговорному языку того времени) только во второй четверти XVII в. (около 1635 г.), а в печатных произведениях (более нормированных и отражающих особенности языка официальных документов или художественной литературы) даже позднее: во второй половине XVII в. (около 1660 г.).

Процесс распространения род.п. в функции вин.п. мн.ч. существительных со значением лица, а со второй половины XVII до начала XVIII в. всех одушевленных существительных, сдерживали, кроме судьбы флексий им.п. мн.ч., такие факторы, как постпредложная позиция существительного³³ и обусловленный жанром стиль произведения. В стилистически маркированном языке поэзии дольше сохраняются формы старого вин.п., которыми удобнее оперировать при версификации и которые могут использоваться в качестве стилистического средства архаизации. Так, в поэме В.Хростинского мы читаем: *A pobudzaiąc Mężę u Kobiety, Dla bezpieczeństwa Szermirze Sprowadź ił, Slać do Antona u Lepida Woyska ktore wżął od Was powierzone Na buntowniki* (Chr.Ph.).

Нетрудно заметить, что в рассматриваемых формах, в которых формировалась оппозиция одушевленные-неодушевленные, первоначально выделялась группа существительных со значением 'мужское лицо'. Таким образом, для польского языка, как и для русского³⁴, категория одушевленности - неодушевленности развивалась на базе имен со значением лица, семантика которых с древних времен стремится выразиться в особых формальных показателях (ср. далее дат.п.ед.ч.). Установившаяся в XVI - начале XVII в. в ед.ч. оппозиция "вин.п. = род.п. в одушевленных - вин.п. = им.п. в неодушевленных" проникает в дв. и мн.ч. В конце XVII в. в польском языке могла развиться категория одушевленности - неодушевленности, аналогичная соответствующей категории в восточнославянских языках. Но если в ед.ч. пересилила тенденция обособления одушевленных существительных внутри класса наименований м.р., то во мн.ч. побеждает древняя тенденция к выделению более узкой группы существительных. В первую очередь она затрагивает им.п. мн.ч., в котором утрачиваются специфические флексии для названий живых существ (формы типа *kręsu, ogłowie*), а обособление в им.п. мн.ч. названий лиц мужского

32 Под "средней развития" (*średnia rozwójowa*) понимается такой момент в конкуренции старого и нового окончаний, когда количество примеров с этими окончаниями одинаково (К е m p f Z. *Problem częstotliwości językowej // Zeszyty Naukowe Wyższej Szkoły Pedagogicznej w Opolu. Filologia Rosyjska. 1960. VI. S.45-59*).

33 Аналогично фразеологизмам с вин.п. ед.ч. в польском языке сохранились устойчивые обороты с вин.п. мн.ч. типа *rójść w goście, zejść na dziady* 'обеднеть' и др.

34 "Как омонимия форм В., Р. категория одушевленности развилась на базе древнерусской категории лица..." (Горшкова К.В., Хабургаев Г.А. Указ. соч. С.215).

пола приводит к сохранению вин.п. мн.ч. = род.п. только для этой группы существительных³⁵.

Вторичным формальным различителем одушевленных и неодушевленных явилось формирующееся с XVI в. разграничение флексий род.п.ед.ч. -а (от *ǫ-основ) и -и (от *i-основ) в зависимости от семантики существительного.

Уже в первых памятниках отмечается тенденция к нераспространению -и у существительных, обозначающих живые существа и лица³⁶. Возможно, и с этой тенденцией, а не только с выравниванием по аналогии в выражении *w imię ośca, syna i ducha świętego* связано вытеснение этимологического род.п. *synu*. Ср. только *syna* в PF, ŻВ при сохранении *domu* (PF, 44, 12). Флексия же -а длительный период сохраняется у неодушевленных существительных. Не только в древнепольских памятниках обычны формы *luda* (KŚ, K1), *skutka* (KŚ, K2), *p(re)zpcothka* (KŚ, K4) (*pczothka* - PF, 9), *glossa*, *groma* (PF, PP, 103, 84), *barloga* (KG, K2), *penōszka* (Ibid.), *obyczaga* (Ibid.), *rozuma* (BSz) и мн. др.³⁷, но и при последующей тенденции увеличения примеров с -и и сужения сферы употребления -а нередки колебания в распределении этих флексий, особенно в стихах (ср. рифмы Я.Кохановского: *człowieka - człowieku, od wieka - od wieku, wdźięczna lutni moiá - ródź áż do rokoióá*). О том, что еще во второй половине XVII в. не во всех случаях (или, по крайней мере, не во всех районах Польши) представлено современное состояние распределения -а и -и, свидетельствует, например, постоянное употребление форм *do lasa, wśród lasa, z lasa* в "Дневниках" Я.Пасека, отражающих особенности разговорного языка того времени.

Если флексия -и (за исключением слов *wół* и *bawół*) установилась как показатель неодушевленности, то флексия -а кроме одушевленных существительных, несмотря на историческую тенденцию к сокращению сферы своего употребления, до сих пор охватывает значительный пласт лексики, не относящийся к классу одушевленных. Описательная грамматика польского языка пытается систематизировать эти случаи, выделяя в них отдельные лексико-семантические группы, но многие лексемы выпадают из устанавливаемых групп. Кроме того, есть лексемы, в которых возможны обе формы род.п. ед.ч., с флексиями -а и -и, различающиеся оттенком значения, частотностью употребления или существующие как равноправные дублеты. Таким

35 Rzerpka W. Op. cit. S.122.

36 Ср. только -а в *angela* (KŚ, K1), *ducha* (PF, 17, 18; KG, K6), *ze wszego dobitka*, *Moyzesza a Aarona, od czlowyeka*, но *grzechu* (BSz), *darv* (KG, K6), *przebitku* (KG, K2), *gniewu* (PF, 9,24), *korabyu*, *pokarmu* (BSz).

37 При этом более новые формы с -и нередко для одних и тех же лексем и даже в одном и том же памятнике отмечаются параллельно с этимологическими с -а: *grzechu* (PF, Prof.) и *grzechu* (BSz, Exod., IX), *Korabyu* (BSz) и *s korabyu* (Ibid.).

образом, если показатель *-и* можно считать формальным выразителем категории одушевленности-неодушевленности, то *-а*, встречаясь в одушевленных и неодушевленных существительных, не является таковым. Меньшая активность флексии *й-основ в данной падежной форме (в отличие, например, от дат.п. ед.ч.) связана, вероятно, со сравнительно меньшей выразительностью флексии *-и* (в отличие от содержащих сегмент *-ov-*) и ее неуникальностью (ср. *-и* в мест.п. ед.ч. м.р.)³⁸.

В дат.п. ед.ч. тенденция к обособлению одушевленных существительных (и в первую очередь со значением мужского лица) проявлялась до XVII в. и выражалась в преимущественном распространении в них флексии *-owi* (из *й-основ) или ее великопольско-мазовецкого варианта после мягких *-ewi*³⁹. Примеры из древнепольских памятников: PF: *dawidowi* (17,54), *cudzoziemcowi* (Prol.); KG, K2: *czeszarzewy*, *oslouiy*, *volkouy*, *xpoui* = *chrystusowi*; BSz: *ku Moyseszowy aku Aaropowy*, *ku ffarapowoy*; RPP: *Voynovi* (1391), *Pauloui*, *Venczenczowi*, *biskupowi* (1393), *Maczeycui kmezczeui*, *wcrad Piotroui* (1397), из RPK: *Nicolaoui*, *Michalcoui* (1398) и мн.др.

Однако тенденция эта, проявляясь непоследовательно⁴⁰, не развилась до уровня нормы, в отличие, например, от чешского языка, в котором не только в дат.п. ед.ч., но и в предл.п. ед.ч. принадлежность к классу одушевленных или неодушевленных существительных имеет значение для выбора падежного показателя. С XVII в. флексия *-owi*, за исключением нескольких лексем (*brat*, *ojciec*, *świat*, *kot*, *pies* и некоторые др.), устанавливается у всех существительных м.р.

38 Аналогичная ситуация в распределении флексий род.п. ед.ч. м.р. наблюдается в чешском языке (*-a* для одушевленных и *-a/-u* - неодушевленных), причем представлено совпадение некоторых неизменяемых лексем, в которых сохраняется *-a* в польском и чешском языках: ср. названия месяцев (кроме *listopad* в чеш.), польск. *chleba* и чеш. *chléba*, польск. *sega* и чеш. *sýga*, польск. *języka* и чеш. *jazyka*, польск. *świata* и чеш. *světa*, польск. *do kościoła* и чеш. *do kostela*, польск. *do wieczora* и чеш. *do večera* и др.

39 Предполагают, что на распространение флексии *-owi* могла повлиять этимологическая форма *synowi*.

40 Ср., с одной стороны, *-owi/-ewi* отмечалось и у неодушевленных существительных (*ku boiowi* - PF, 17, 43; *naprzecif ogniewy* - KG, K6), а с другой — *-и* кроме неодушевленных (*plodu jego* - PF, 17, 54; *ku orzechu podobne* - BZ) встречается и у одушевленных, в том числе и со значением лица (*potmazanczu* - PF, 17, 54; *ku gospodni* - Ibid., 17, 45; *duchu* - Ibid., 1, 8; *svõthemu Potru* - KG, K.9). Как правило, *-и* сохраняется в водносложных словах, в основах на *с*, *з*: *xondzu* - RPP, 1393, постоянно *ludu*, *skotu* - PF, 103, 15; постоянно *rapu*, *bogu* (ср. *panv bogv* - PF, 146, 7), *duchu* - PF, 1, 8. Такие формы, как *skotu*, *ludu*, *dobytku* (ср. *dobythku* - PF, 146, 10), можно объяснить их семантической близостью к собирательным (обозначение совокупности: *народ*, *скот*) и отнесением вследствие этого к разряду формально неодушевленных. Формы *тина księdzu*, *bogu*, *rapu*, *chlõru* (ср. у М.Рей: *chlõru dafz grosz* - Zwierz.) и некоторые другие сохранили свой старый показатель дат.п. ед.ч. до настоящего времени и в описательной грамматике польского языка относятся к так называемым "исключениям".

§ 44. Формирование категории мужского лица (личности-неличности)

У существительных, обозначающих лиц мужского пола, как уже отмечалось, с древних времен проявлялась тенденция к формальному выражению их семаитики.

В ед.ч. специфические показатели существительных с семаитикой мужского лица были "поглощены" сформировавшейся в конце XVI - начале XVII в. категорией одушевленности-неодушевленности.

В парадигме же мн.ч. более древняя тенденция формального выражения семаитики мужского лица возобладала над тенденцией к выражению "одушевленности", и утрата "животио-мужского" рода в им.п., вызвавшая аналогичную утрату его в вин.п. мн.ч. и происходящая с одновременным закреплением флексии *-owie* только у существительных со значением лица, приводит к формированию у существительных в конце XVII - начале XVIII в. лексико-грамматической категории мужского лица. При этом в им.п. мн.ч. данная категория, в отличие от вин.п. мн.ч., находит полное формальное выражение лишь у существительных твердой разновидности, в то время как в мягкой разновидности она охватывает лишь незначительную часть лексем: для большинства слов представлено одно окончание *-e* независимо от семаитики существительного. Одновременно с формированием этой категории у существительных все адъективные определения (прилагательные, местоимения и т.д.) и формы глагола в прошедшем времени (причастия на *-l*), сохраняя свои формы⁴¹, являющиеся по происхождению формами им.п. мн.ч. м.р., также начинают осмысливаться как мужеско-личные, противопоставляясь в адъективных определениях формам с *-e* (ранее употреблявшимся с неодушевленными существительными и по происхождению являющимися формами вин.п. мн.ч. м.р.), а в причастиях на *-l* формам с *-u*, представляющим собой генетически формы им.п. мн.ч. ж.р. (об установлении личных форм числительных см. в § 74).

Таким образом, категория мужского лица у существительных в польском языке⁴² имеет морфологическое и синтаксическое выражение. Морфологически она выражена формами им.п. мн.ч. (особые флексии) и вин.п. мн.ч. (= род.п. мн.ч.). Синтаксическое ее выражение состоит в необходимости существительного со значением мужского лица сочетаться с определенными (лично-мужскими) формами адъективных определений, числительных и глаголов прошедшего времени.

41 За исключением изменения дополнительных показателей формы *sz* и в отдельных случаях *ż* перед флексией *-i*. Об изменении *naszy - nasi, gluszy - glusi, duży - duzi* см. § 68.4.

42 Кроме польского языка эта категория выделяется также в словацком и верхнелужицком языках.

формальных показателях каждой из перечисленных категорий, сосуществующих с существительным с семантикой мужского лица, см. в делах, посвященных соответствующим частям речи. Здесь мы остаемся на морфологическом выражении категории мужского лица у существительных. Из двух средств ее выражения наиболее важным является второе (употребление род.п. в функции вин.), охватывающее польском языке все существительные указанной семантики. Но по-скольку на замене вин.п. родительным, как в единственном, так и во множественном числе, мы останавливались в связи с проблемой формирования категории одушевленности - неодушевленности, нам остается рассмотреть историю флексий им.п. мн.ч. в связи с развитием категории мужского лица.

В им.п. мн.ч. действовали две тенденции: 1) закрепление унаследованных от разных основ флексий за маркированными членами оппозиций, возникающих в парадигме мн.ч. (вначале одушевленность - неодушевленность, затем мужское лицо - женское лицо и предметы)⁴³ 2) использование флексий, привнесенных из вин.п. мн.ч., в качестве показателей немаркированных членов указанных оппозиций.

Обе эти тенденции характерны для существительных твердой разновидности. У существительных же мягкой разновидности в слабой степени проявилась первая из них (проникновение флексии *-owie* и любой показатель им.п. мн.ч. существительных со значением лица на *-s* и *-sa* - см. далее). Большинство существительных мягкой разновидности независимо от семантики существительного в им.п. мн.ч. сохраняет или приобретает по аналогии из других основ этимологический показатель им.п. *-e*, который омонимичен флексии старого вин.п. мн.ч. *e* от *jō- и *n-основ, аналогически распространившейся и в *I-основы.

Если *-i* (*ǫ-основ) еще до формирования категории одушевленности - неодушевленности преимущественно употреблялось в им.п. мн.ч. существительных со значением мужского лица⁴⁴, или обозначающих живые существа⁴⁵, то флексия *-owie* (*ū-основ) и ее фонетический региональный вариант *-ewie* до формирования этой категории

43 В подсистеме заимствованных слов в исторический период флексии также подчиняются формирующейся оппозиции "мужское лицо - женское лицо и предметы". Так, показателем им.п. мн.ч. неличных существительных в галлицизмах XVII в. на *-ens*, *-ans*, *-ons* является флексия *-e*, которая употребляется в этих словах наряду с польской флексией *-y*. Встречающаяся с XV в. в основном в латинских и немецких заимствованиях флексия *-a* (*akta, grunta, koszia* и др.) становится с формированием категории мужского лица также одним из показателей неличных существительных. Эта флексия, изредка отмечаемая и в польских словах (*potą, pociska*), в XX в. постепенно выходит из употребления и сохраняется только в отдельных лексемах.

44 Ср. *ptaczy* (PF, 103, 13), *szzydzy* - *żydzi* (KG, K9) и т.п., хотя и *obloczy* (PF, 17, 14).

45 Это же окончание было представлено до конца XIV в. в местных названиях, производных от названий лиц определенных профессий или занятий (*Mydlnicy, Skotnicy*), в которых затем установились формы старого вин.п. (*Mydlniki, Skotniki*).

широко представлены и у неодушевленных существительных, причем спорадические примеры такого рода встречаются и в XVII в.

Примеры с *-owie/-ewie* из древнепольских памятников. PF: *sladowe mogi* (17, 40), *iozicowe* (63, 8), *mily przebitcowe twogi* (83, 1), *cedrowe lybanszczy* (103, 18), (ср. то же в Pi': *czedrowye lybaynszczy*), *Oltarzowe twogi* (83, 4), *oczczowe waszi* (94, 9), этимологическое *sinowe* (28, 6); KG: *biskvroue, kroleue, oslowe, ptaskowe*; ŻB: *waszy balwan(o)wyc bogowye byly*; BSz: *samczowye, wrzodowye, wyrzchowye gor, dszdzowye, gromowye boszy agradowye*. О том, что в мягкую разнovidность реже проникает флексия *-owie*, свидетельствует и число примеров с *-owie* в этом типе, уступающее количеству примеров с *-owie* в твердом типе, и наличие дублетов с *-e*, которые могут встретиться даже в одном и том же памятнике. Например, в BSz: *dszdzowye* (Gen., VIII) и *dszdzyc* (Exod., IX), в PF: *wroblowe* (103, 18), а в том же псалме PP: *wrobyle*. Отдельные примеры с *-owie* у существительных, обозначающих неживые предметы, отмечаются и в период формирования категории одушевленности - неодушевленности. К концу же XVII в., когда вместо форм *oglowie* и *ptacy* устанавливается старый ви.п. *ogly, ptaki*, флексия *-owie* превращается наряду с *-i* в показатель мужского лица данного существительного. Хотя распределение обоих выразителей категории мужского лица (*-i* и *-owie*) по лексемам колеблется в течение длительного времени, а в отдельных группах до настоящего времени возможны обе флексии (например, в некоторых словах на *-og, -eg* и *-og* преимущественно иноязычного происхождения).

С развитием категории мужского лица у существительных с *x*-исходом основы, обладающих семаитикой лица, перед флексией им.п. мн.ч. *-i* происходит изменение согласного $\check{s} > \acute{s}$. Это обусловлено тем, что наличие флексии *-i* в лично-мужских формах ассоциировалось с привычной мягкостью согласного, предшествующего флексии, и отвердевшее ко второй половине XVI в. (а может быть, и ранее) $\check{s} < \acute{s}$ "выбивалось" из этого ряда мягких. Поэтому оно подверглось фонетическому изменению в $\acute{s}$: *mniszy > mnisi, Wlochy > Wlosi*. Аналогичный процесс происходил в местоимениях *nasz, wasz* и прилагательных с *x*-, $\check{s}$ - и (лексически ограничено) $\check{z}$ -исходами основы.

Флексия *-e* с древних времен до настоящего времени представлена у существительных на *-apin* (все они обозначают лиц мужского пола): *gusane* (KŚ, K2), *Rzymianie* (Пам.), *inśi Rzymianie* (Chr.Ph), *Zyemianie* (Zwierz.).

Этимологической флексия *-e* является в словах с суффиксами *-ciel, -arz* (*jō-основы или образованные по их образцу), в *п-основах (*dnie*), *i-основах (*goście, ludzie*). Аналогически эта флексия распространилась в *jō-основах, имевших этимологическую флексию *-i* (тип *mōżi, *kroli): формы *wszyscy męże, króle rogańscy* отмечаются уже в памятниках XIV-XV вв. Некоторые существительные, обозначающие лиц,

впоследствии приобрели флексию *-owie*: *mężowie*, *królowie*, *ojcowie*. В этом распространении экспансивного окончания *-owie* в отдельных лексемах, а также в наличии окончания *-у (<-i)* у существительных на *-ес* (кроме тех, которые приобрели *-owie*) и на *-са*, в отличие от большинства существительных с мягким исходом основы, нашла свое выражение категория мужского лица.

Существительные на *-ес (<*ькъ)* имеют этимологическую флексию *-ь-основ -у (<-i)*. Она сохраняется у существительных со значением мужского лица, конкурируя в истории языка с флексией *-owie* и противопоставляясь *-е* в неличных существительных на *-ес*. Ср. у М.Рей: *oni [zaleńcy (Wizer.)*, *starczy Mędrzy (Zwierz.)*, но *gośćńice (Zwierc.)*⁴⁶.

В истории языка окончания *-у <-i* имели и существительные с суффиксом *-ic <*itjь*, среди которых были топонимы и названия лиц мужского пола (*dziedzic*, *rodzic*, *ślachcic*, *Biskupicy*). Но эти формы заменились формами этимологического внн.п. в топонимах в конце XIV в. (*Jarocice*), а позднее и для названий лиц. Так, *poszcńiwi rodzicy* наряду с *poszcńiwi rodzicowie* отмечается у М.Рей (*Zwierc.*) и даже в XVIII в.

Существительные м.р. на *-са*, как и другие существительные на *-а* м.р., изменялись по образцу существительных ж.р. на *-а (*ja-основы)*. Ср. им.п. мн.ч.: *pąjzy wymówce Polscy (Górn.Dwoz.)*. И только со второй половины XVIII в. под влиянием существительных со значением мужского лица на *-ес* они приобретают *-у* (*wybiерсу* вместо старого *wybiерсе*), хотя и не все (ср. *woźńica* - им.п. мн.ч. *woźńice* при род.-вин.п. мн.ч. *woźńiców*). Архаизмы возможны и в XIX в.: *Ale, Ty, Boże! który z wysokońci strzały twe gzcasz na kraju obrońce (Słow.)*.

В XVIII в. в литературном языке наблюдается тенденция, казалось бы, противоположная указанной: в существительных со значением мужского лица в им.п. мн.ч. начинают употребляться деперсонализованные формы типа *bohaterу*, *Greki*. По форме совпадающие с этимологическим винительным эти "псевдоаккузативы" способствовали сохранению архаизмов в вин.п., в первую очередь в поэтической речи, а также (наряду с этимологическими формами типа *wybiерсе*) появлению им.-вин.п. на *-е* у существительных на *-ес* со значением мужского лица: *ojce Polowce*.

Историки польского языка предполагают, что появление деперсонализованного им.п. мн.ч. представляет собой очередной этап в проявлении древней тенденции употребления в функции им.п. старого вин.п.: сначала эта тенденция охватила неодушевленные существительные (*ostatki*, но *wilcy*), затем одушевленные (*wilki*, но *bohaterowie*

⁴⁶ Ср. даже в XIX в. у поэтов, по крайней мере на "кресах" (не исключено, что в качестве *licentia poetica*), встречаются формы с *-owie*, которым в современном языке соответствуют формы с *-у*. Ср. у В.Сырокомли: *mędrowie*, *starowie (Dęb.)*.

// bohaterzy) и, наконец, существительные со значением лица (bohaterzy)⁴⁷.

Употребление форм типа bohaterу в литературе Просвещения исследователи связывают со стремлением приблизить язык литературы к разговорному языку, в котором предполагают наличие указанной тенденции⁴⁸. Однако в связи с формирующейся в устном языке стилистической окрашенностью форм типа chłopу как выражающих пренебрежительно-уничижительное и т.д. отношение к лицу, ими обозначаемому, с последней четверти XIX в. эти формы переходят в разряд стилистических средств (архаизации и т.п.).

§ 45. История существительных, изменявшихся по типу существительных мужского рода

По типу аппеллятивов м.р. изменялись и собственные имена м.р. на -о, которые историки польского языка делят на две группы:

1) древнепольские имена с формантом -k(o) типа Mieszko, Dobko, по образцу которых были образованы позднейшие и сохраняющиеся до настоящего времени формы типа Józio, Stasio; эти существительные на протяжении всей истории польского языка изменялись по типу существительных м.р.;

2) названия родов, которые впоследствии вошли в класс польских фамилий, типа Fredro, Sanguszko; эти существительные сохраняли словоизменительный тип по м.р. до XVII в., а с XVII в. словоформы ед.ч. начинают приобретать флексии ж.р.⁴⁹

47 Klemensiewicz Z., Lehr-Splawinski T., Urbaničzyk S. Gramatyka historyczna języka polskiego. Warszawa, 1964. S.277.

48 Ср. также у романтиков XIX в.: Otoczyli go polskie wojowniki (Goszcz. ZK) или в знаменитом финальном даустишине "Беневского", обращенном к А.Мицкевичу: Bądź zdrów A tak się żegnają nie wrogł Lecz dwa na słoińcach swych przeciwnych Bo gł (Słow. Ben). Поскольку поэты-романтики XIX в. - это выходцы главным образом с "кресов", употребление в их языке форм им.-вин.п. для существительных, обозначающих лица, освященное традициями польской литературы XVIII в., могло поддерживаться и региональной особенностью "кресового" польского языка: отсутствием в нем грамматической категории мужского лица.

49 Изменение фамилий на -о по ж. и м.р. известно и истории русского языка. Ср.: в "Воспоминаниях" А.П.Керн (20-е гг. XIX в.) представлены исключительно формы по ж.р.: род.п. ед.ч. *приездом от Магденки*, дат.п. *сказал Магденке*, вин.п. *уважаю Магденку*, тв.п. *с Магденкой* и т.д. В конце XIX - начале XX в. отмечается изменение по м.р. Ср. у А.П.Чехова в "Дуэли": род.п. ед.ч. *по лицу Самойленка*, у Самойленка, дат.п. *Самойленку*, вин.п. *на Самойленка*, тв.п. *с Самойленком* и т.д.

§ 46. Основные тенденции развития склонения существительных женского рода

В истории изменения существительных ж.р. наблюдаются следующие основные тенденции:

1) формирование флексий существительных ж.р. на базе существительных с древними вокалическими основами на $*\bar{a}$ ($*\bar{ja}$) и $*\bar{i}$ и утрата специфических флексий древних основ на согласный и $*\bar{u}$ ⁵⁰;

2) сближение и взаимовлияние существительных с мягким исходом основы ($*\bar{ja}$, $*\bar{i}$, основы на согласный), которые противопоставляются существительным с твердым исходом основы ($*\bar{a}$);

3) зависимость флексий ряда падежных форм от долготных соотношений;

4) эпизодический характер, за исключением зват.ф. ед.ч., влияния иных родовых типов и иных именных классов;

5) тенденция к унификации флексий мн.ч., проявляющаяся и в других типах склонения.

§ 47. История древних $*\bar{r}$ - и $*\bar{u}$ -основ в польском языке

Специфические флексии $*\bar{r}$ - и $*\bar{u}$ -основы имели в им.п. ед.ч. Формы *mać < matī, kry, jętry, świekrū* как единичные представлены только в древнепольских памятниках. Например: *m a c z tego dzecyōcyu placzōcyu pozōdala pomocy od swyōtego blaszeya (ŻB), owo m a c z twoya (KN), przeto abi m a c z bila wszego stworzenya czlowyeczego (BSz, Gen., V), k r y swantha sla zboga nasbavienne thobe (Bogur.)*

Но уже в древнепольских памятниках и тем более в среднепольский период обычным является установившееся, вероятно, под влиянием $*\bar{i}$ -основ, употребление старого вин.п. с нулевой флексией в функции им.п.⁵¹ Ср.: *Oto fie wrōć ıla i ā t r e w twā do ludu swego (BW, Ruth, I)*.

В остальных формах флексии слов, изменявшихся по типу $*\bar{r}$ - и $*\bar{u}$ -основ, в польском языке совпали с континуантами $*\bar{a}$ - и $*\bar{i}$ -основ и подверглись тем же процессам, что и окончания древних вокалических основ (так, судьба $-e$ в род.п. ед.ч. совпадает с судьбой $-e < \bar{e}$ в древних $*\bar{ja}$ -основах или $-i$ в им.п. мн.ч. - с судьбой древних $*\bar{i}$ -основ).

⁵⁰ Некоторые исследователи (П.С.Кузнецов) вообще не выделяли склонения на $*\bar{u}$ в особый тип, считая его контаминацией форм ед.ч. по основам на согласный и форм мн.ч. по основам на $*\bar{a}$ (см.: Кузнецов П.С. Историческая грамматика русского языка. Морфология. М., 1953. С. 40).

⁵¹ Пример с вин.п. ед.ч.: *Orffa czalowawszī swy e k r e w (BSz, Ruth, I)*. Позднее данная лексема приобретает им. и вин.п. ед.ч. по типу существительных на $-a$: ср. в BL (1561) и в BW (1599) вин.п. ед.ч. *świekrę (Ruth, I)*.

§ 48. Взаимовлияние флексий существительных с мягким исходом основы. Формирование твердого и мягкого подтипов склонения

На протяжении истории развития польского языка сближение существительных с мягким исходом основы осуществлялось в им.п. ед.ч., род., дат. и мест.п. ед.ч., в им.-вин.п. мн.ч., род.п. мн.ч., зват.ф. ед.ч.

В им.п. ед.ч. это сближение проявляется:

1) в возникновении неэтимологических форм на -а в старых *ĭ-основах (ср. *łża* - PF и *leż* - PP);

2) в появлении нулевой флексии в этимологических *jā-основах: *głęb* < *głębĭā*, *podróż* < *podróżā*, *łódź* < *łodziā*, *pogoń* < *pogoniā*, *toni* < *toniā*, *kolej* < *kolejā* и др.

В одних случаях (2) побеждала новая форма, в других (1) - более старая (ср. также *tarcza* < *tarczā* при временном новообразовании *tarcz*).

Род.п. ед.ч. Для существительных ж.р. с мягким исходом основы фонетически закономерны две флексии: -i (от *ĭ-основ) и -e (от *jā-основ и основ на согласный). В древнепольских памятниках представлены оба этих окончания: *ugęcy t(r)oiakey* (KŚ, K5), *twey slotkey zpaуomосcy* (ŻB) (*ĭ-основы); *z szemye Egipskyey* (BSz, Exod., XII), *pres potocz marie* (KG, K6) (*jā-основы); *A vsue maczerze* (KG, K2), (*r-основы); *y znassey krwe wyszed* (RPP, 1390), *Ale Ruth dzerszala syō swyekrwye swey* (BSz, Ruth, I) (u-основы). Флексия -e широко представлена у авторов XVI в. Ср. примеры из произведений М.Рея: *do drugiey niedzyele, nie dobrej nádzeie, nājsiāć pszenice - tey stārey pozbyć Jzubenice, do jāmey ziemie, Z Olefznice oney*.

Однако уже в древнепольских памятниках встречаются: 1) единичные примеры с -i в древних основах на *jā (например, во Флорианской псалтыри наряду с этимологическим *duże* отмечается и аналогическое *duży*); 2) аналогическое (из склонения прилагательных) окончание -ej в мягких основах, обычно имеющих долгий или -i в нм.п. ед.ч. Например: *gabacz ani iego racoуmeу* (RPK, 1398), *woleуtwogeу* (PF, 142, 11).

Активность флексии -ej приходится на XVI в., в то время как неэтимологическое -i в XVI в. отмечается редко, хотя у М.Рея и Я.Кохановского наряду с обычными формами с -e для *jā-основ встречаются и единичные примеры с -i: *koniuszу - mileу duszy* (Wizer.), *ani škodzić ziemi* (Ps.D.). С другой стороны, у тех же авторов широко представлены формы род.п. ед.ч. с -ej: у М.Рея - *ā iego woleу święteу nājlādowāć będyemy, do szpizārnicy* (Zwierc.), *pstrey Juknicy* (Wizer.); у Я.Кохановского - *pātrzāć rolēу* (T., s. 72), *około they Trāgedyeу piśal* (T., s. 73), *do stāуnicy* (T., s. 75), *Królowa do mjsēу chćiala* (Fr).

При этом в среднепольский период флексия *-ej* распространяется и в древних *Ī-основах (*przują niej, kradzieżej*).

Флексии *-e* и *-ej* сохраняются вплоть до XVIII в. Ср., например: в "Дневниках" Я.Пасека (XVII в.) *-ej* постоянно отмечается в 50 иноязычных лексемах на *-ijã/-ujã*⁵² и в незначительном числе польских на *-ã* или *-i* // *-ã* в им.п. ед.ч. (*mszej, gospodyniej, wolej*). Окончание же *-e* представлено в польских и заимствованных словах, имеющих в им.п. ед.ч. *-a* (очень редко с им.п. ед.ч. на *-ã*), а также в основах на согласный, восходящих к древним *u-основам: *dzielnica, forteca, granica, kapela, mila*, топоним *Oczysa, gusznica, stolica, szabla, wieczerzã* (*wieczerze*, хотя для мест.п. ед.ч. зафиксирована закономерная форма с *-ej*: *po wieczerzej*), *ziemia, chogagiew* (часто повторяется в тексте), *krw*, гидроним *Nagew*.

Такое же распределение *-ej* и *-e* сохраняется в конце XVII в. и в стихах. Ср. у В.Хростинского *komedyej, no chwile*, постоянно *krwie* (Chr.Ph.). Вероятно, требованиями версификации обусловлена рифма *zmaże - bez straże* (для им.п. ед.ч. историки польского языка восстаивали форму с *-ã*). Форма род.п. ед.ч. *krwie* встречается даже у авторов XIX в. (например, у С.Выспянского). Однако в конце XVIII в. в целом побеждает тенденция к обобщению во всех мягких основах флексии древних *Ī-основ.

Таким образом, в род.п. ед.ч. флексии мягких и твердых основ в настоящее время различаются только фонетическими вариантами: *-y* в твердых основах (за исключением *k, g*, после которых *y > i*), *-i* в мягких основах.

В дат. и мест.п. ед.ч. сохранились этимологические окончания *-e* (< *ě*) (от *a-основ) и *-i* (< *-i*) (от *Ī-, *ġ-, *u-, *ja-основ), которые в исторический период становятся показателями твердого (*-e*) и мягкого (*-i*) подтиповсклонения⁵³. Ср. в PF: мест.п. на *ziemi*, дат.п. *mojej duszy* (*ja-основы), мест.п. *we krwy* (*u-основы), мест.п. *głos boszy w czcy, głos boszy w welebnoocy* (*Ī-основы), мест.п. *w zdradze*, мест.п. на *drodze* (*a-основы) и т.д.

Сближение мягких основ в этих падежных формах проявлялось в проникновении до XVIII в. флексии местоименно-адъективного слово-

52 Наиболее частотными являются в тексте формы род.п. ед.ч.: *z okazyej, z gasyej, z dywizej, substancyej, kompaniej*.

53 В отдельных лексически ограниченных случаях могут изменяться вторичные показатели дат.-мест.п. ед.ч. — качество согласного перед *-e*. Так произошло в лексеме *Polska*, для которой с древнейших времен в дат.-мест.п. ед.ч. функционировала форма *Polszcze*. Эта форма встречается не только у писателей XVI в. (ср. у М.Рей: *Slawna w Polsce - Zwierz.*), но и как архаизм у поэтов XIX в., в частности, связанных с восточными "кресами" (А.Мицкевич, Ю.Словацкий). Ср. у Ю.Словацкого в "Беиевском": *Trochę w tym wina jest mojej młodości, Trochę tych grobów, co się w Polsce mnoży* (Ben.). В последнем случае форма поддерживалась архаизмом, сохраняющимся до сих пор в польских говорах восточного пограничья.

изменительного типа -ej только в мягкие основы. Как и в род.п. ед.ч., ограничения на употребление -ej налагали долготные соотношения. Ср. у М.Рея: w Iwányeliey (Post.); ná pářzěj (BW), в "Хронике" М.Бельского: w Grciey, po Ortygiey 'собственное имя'. Ср. также в "Дневниках" Я.Пасека флексия -ej постоянно представлена в 17 иноязычных словах на -ijã / -ujã⁵⁴ (для большинства из них зафиксированы аналогичные формы род.п. ед.ч.) и в нескольких польских лексемах на -ã в им.п. ед.ч.: po szyjej, po wieczszej, w placowej strażej.

Ср. у В.Хростинского: w Hiszpaniey, w bliskiey prowincyej (Chr.Ph.).

Взаимодействие мягких основ проявляется и в им.-вин.п. мн.ч., где этимологическая в основах на *jã флексия -e начинает проникать в *i-основы и, возможно, еще ранее в основы на согласный. Ср. уже в PF отмечена форма koście. Кульминации этот процесс достигает во второй половине XVIII в. Если, например, у авторов XVI в. встречаются единичные примеры с неэтимологическим -e (ср. у М.Рея *latořeie*), то в XVIII в. представлены уже многочисленные случаи колебаний типа *piešnie // piešni, rozkoszy // rozkosze, wsi // wsie*. У одних существительных с нулевой флексией в им.п. ед.ч. с течением времени установилось окончание -e, у других - сохраняется этимологическое -i, но для некоторых до настоящего времени возможны варианты, различающиеся частотностью (типа *wsie // wsi, postacie // postaci*) или употребляющиеся как равноправные дублиеты (типа *pięšci // pięšcie*).

Таким образом, отличие твердого и мягкого подтипов склонения существительных ж.р. (если рассматривать существительные на -a/-i и существительные с нулевой флексией в им.п. ед.ч. в рамках одного родового типа) заключается в отсутствии в твердой разновидности флексии -e, представленной в существительных с мягким исходом основы как единственно возможной у существительных с флексией -a/-i в им.п.ед.ч. и как одной из двух возможных у существительных с нулевой флексией в им.п. ед.ч.

Род.п. мн.ч. В род.п. мн.ч. представлены обе этимологические флексии: -ø < ѣ, ѣ и -i < *ьъ. Ср.: *Iaco mi Jacub pobral szeszdzesant kop rszi, a zadwe grziwne lank* (RPP, 1391), *ani szzil sza dzeszōncz grziuin* (RPP, 1396), *Jakuszovich kobil* (Ibid.), *swonnych rzeczy przeczystich* (BSz, Exod., XXXVII).

Взаимодействие основ с мягким согласным перед падежной флексией проявилось: 1) в аналогическом распространении окончания *i-основ в древних основах на *u и *r; 2) в аналогическом распространении окончания древних *i-основ существительных, изменявшихся по типу древних *ja-основ⁵⁵; 3) в появлении нулевой флексии в *i-основах.

54 Наиболее частотны из них формы *w okazyej* и *w dywizyej*.

55 В этом случае могли оказать воздействие и те основы на *ja, которые имели в перед j (типа *svinьja) и род.п. мн.ч. которых закономерно имел окончание -i < *ьъ.

Явление 1) наблюдается с древнейших времен, явления 2) и 3) отмечаются с XV в. Но если формы типа *mysz*, *podróż*, *twarz* встречаются только до XVIII в., то неэтимологическая флексия -i сохранилась до настоящего времени:

1) в существительных на -*nia*, которому предшествует согласный (причем *nia* может входить в состав суффиксов словообразовательной категории *nomina loci* -*agnia*, -*ernia*, -*alnia*, -*elnia*, -*ownia*): *zbrodni*, *czytelni*, *księgarni* и т.д.⁵⁶;

2) в заимствованиях на -*iją* / -*ują* (совр. -*ja*): *herezji*, *lekcji*; влиянию этих слов подверглись и некоторые польские лексемы на -*ja* (*nadziei*, *zawiei*, *zbroi*);

3) в отдельных словах: *mszy*, *gękojmi*, *wieczerzy*.

С XV по XVIII в. встречаются и другие примеры с аналогическим -i, не сохранившиеся до настоящего времени: *duszy*, *wieży*, *chwili*.

Косвенным свидетельством сближения мягких основ является преимущественная фиксация именно в них в XVII-XVIII вв. аналогической флексии род.п. мн.ч. -*ów* из м.р. (см. § 50) типа *myszów*, *gózbów*, *wsiów*, *zbrodniów*, *pieśniów* и особенно часто в заимствованиях на -*uja* / -*ija* (*komisyjów*).

Взаимодействие мягких основ можно наблюдать в средние века и в *зват.ф. ед.ч.*, для которой в древних *ja-основах встречается не только этимологическая флексия -*e* (*dusze*, *ziemie*), но и этимологическое для *I-основ окончание -*i* (*ziemi*, *lutni*). В XVI в. и этимологические формы с -*e* и аналогические с -*i* вытесняются формами с флексией -*o* (типа *ziemio*), образованными под влиянием *a-основ⁵⁷ и отмечаемыми с XV в. Хотя уже и у Я.Кохановского можно встретить архаизм на -*i*: *A ty mię niezostaway wdź ęczna lutni moiá* (Thr.).

Не исключено, что при проявляющейся с первых древнепольских памятников тенденции употребления в функции звательной формы им.п. ед.ч.⁵⁸ вследствие влияния древних *I-основ (с закономерным окончанием *зват.ф. ед.ч.* -*i*) указанная тенденция превратилась в норму только у существительных на -*i* в им.п. ед.ч.⁵⁹.

56 Для некоторых существительных на -*nia* возможно наличие в качестве дублетных более старых форм с нулевой флексией (*korpalń* // *korpalni*, *stajen* // *stajni* и др.). При этом в словах *stajnia*, *wiśnia*, *suknia*, *studnia* этимологическое *ń* в формах с нулевой флексией (*stajen*, *studzień* и т.д.) до конца XVII в. заменилось твердым под влиянием пар типа *sukno* - *sukien*, *sosna* - *sosen*. В XIX в. мягкость *ń* сохранялась в подобных формах только как "кресовый" архаизм, что видно из произведений А.Мицкевича и Ю.Словацкого.

57 Типа *wy ło*, *mny masz* - *ŻB* (*wiła* = *glupiec*).

58 Ср., например, первые строчки "Богородицы": *Bogv rodzica dzewica*, *bogem slawena maria* (краковский список) или *Boga rodzycza* и т.д. (варшавский список); ср. также: *Biogoslaw dusza moja* - PF, 103, 1 (то же в PP) или для м.р. *sluchaycze*, *lyud* мой - PF, 77, 1.

59 Ср. уже в конце XV в.: *Sdrowa bandź pany* - постоянно в KN при *dzyewko*, *krolyewno*, *porodzycyelko*, *vczyecho*, *chwało*, *nadzyeyo*, *dzyewuczce*. Однако единичные формы с -*o*

§ 49. Отражение долготных соотношений в истории флексий существительных женского рода

Долготные отношения в первую очередь повлияли на судьбу флексий им. и вин.п. ед.ч. существительных с мягким исходом основы перед гласной флексией им.п. ед.ч.⁶⁰.

В им.п. ед.ч. в основах на *jā в период до преобразования оппозиции по долготе - краткости различались существительные с флексиями -ā и -a. Со второй половины XV в., когда оппозиция долгий - краткий преобразуется для гласных неверхнего подъема в оппозицию чистый - суженный (см. § 33.4), в им.п. ед.ч. выделяются существительные с а чистым (обозначаемым посредством знака ā в произведениях краковских типографий) и а суженным. Ā было представлено в словах, где а возникло из стяжения или долгота явилась следствием древних интонационных соотношений. Например, ā в им.п. ед.ч. было в таких польских словах, как mszā, wieczerzā, studniā, paszā, dolā, rózā, suszā, wopiā, pełniā, kopijā, иноязычных на -ijā / -ujā. Кроме того, ā появлялось в XVI-XVII вв. и у отдельных существительных с этимологическим -i им.п. ед.ч.: boginiā, ksieniā, laniā (вместо этимологических bogini, ksieni, lani)⁶¹. У некоторых из них ā не сохранилось (gospodyni, pani), а в других представлено и в настоящее время (lania). Оппозиция флексий им.п. ед.ч. -ā ~ -a исчезла с утратой в литературном польском языке -ā.

Вин.п. ед.ч. существительных, имевших -ā или -i в им.п. ед.ч. в отличие от существительных с им.п. ед.ч. на -a (все *ā-основы и часть *jā-основ), образовывался с помощью флексии -Ń (письм. a). Существительные с -a в им.п. ед.ч. имели краткий носовой (ǫ), который со второй половины XV в. преобразовался в -ę. Флексия -a в вин.п. ед.ч. сохраняется не только в XVII в.⁶², но, поддерживаемая искусственными правилами грамматиков, впервые сформулированными в "Грамматике" Я.-К. Войны (1690), встречается вплоть до конца XIX в. Ср. в "Новеллах" А. Дыгасинского, изданных в 1888 г., представлены такие формы, как historia, objał pozysza, na lekysza, postawił kwestysza, psuja harmonia, Masz rasya, w apatysza и т.п.

отмечались в лексемах на -i и в XVIII в. (panio 1772).

60 Долгота в тв.п. ед.ч. появилась вследствие стяжения в доисторическую эпоху (см. §31.6) и, сохраняясь на протяжении истории развития польского языка, в эпоху преобразования оппозиции ā - ā̄ в Ń - ę (см. § 33.5), закономерно дала в тв.п. ед.ч. -Ń (письм a).

61 Хотя и в XVI в. наряду с более новыми сохраняются и архаические формы. Ср. у Я.Кохановского: Owoż u lani morzem głębokim płynie (OPG).

62 Ср. у Я.Пасека в "Дневниках": во всех словах с флексией -ej в род.п. ед.ч. в вин.п. ед.ч. употребляется -a.

Только в "Грамматике" А.Крынского (1907) впервые говорится о победе -ę во всех существительных с гласным в им.п. ед.ч. Морфологический архаизм -ą представлен в лексеме *pani* (вин.п. ед.ч. *panią*).

В говорах, где не утратилось различие а - ą, сохраняется и флексия -ą в вин.п. ед.ч. Кроме того, в говорах, в которых отсутствует оппозиция а - ą, может быть более широко, чем в литературном языке, представлен морфологический архаизм -ą. Так, в польских говорах на территории Литвы фиксируется вин.п. ед.ч. *mśo* (при отсутствии носовых фонем)⁶³.

§ 50. Влияние флексий существительных других родов и прилагательных на склонение существительных женского рода

Влияние склонения существительных м.р. проявилось и сохранилось в зват.ф. ед.ч., а также эпизодически отмечалось в род., тв.п. и мест.п. мн.ч.

В зват.ф. ед.ч. с XVI в. для некоторых названий лиц и их имен, в которых выражено экспрессивное (ласкательное) отношение к ним говорящего и основа которых оканчивается на функционально мягкий согласный и на -k, устанавливается флексия м.р. -u: *Olu, ciociu, Basiu, matulu, Zośku* и т.д.

В род.п. мн.ч., как уже отмечалось, влияние существительных м.р. проявлялось в фиксации в XVII-XVIII вв. в мягком подтипе -ów - континуанта этимологического окончания *ŷ-основ. В XIX в. под влиянием рекомендаций грамматиков, особенно "Грамматики" О.Копчинского, флексия -ów выходит из употребления у существительных ж.р.

В тв.п. мн.ч. влияние нных родовых типов (м. и ср. р.) проявилось в проникновении в существительные ж.р. неэтимологической для них флексии -у, которая встречается с древних времен до XIX в. Однако в результате унификации форм тв.п. мн.ч. для разных родов по типу существительных на -а флексия иных родовых типов не вошла в литературный язык XVIII в. В XIX в. формы типа *rod wargi* использовались как стилистическое средство для создания атмосферы необычности, приподнятости и т.п. Ср. у С.Гошинского: *Gęstemi trzciny szeleści jar na dnie (ZK)*; у Ю.Словацкого: *wzgardzi świętymi kary*; *Ludzie ... cierniowymi się kłaniają korony*; *Oto z ziemią się stało Co z gwiazdy trapieniem* и мн.др.

Не сохранилась в литературном языке и встречающаяся в памятниках флексия дв.ч. -ома.

⁶³ О зависимости от долготных соотношений распределения флексий род.п. ед.ч. -ej ~ -e см. с.170-171.

В *мест.п. мн.ч.* влияние м.р. проявилось в относительно редких случаях употребления флексии *-och*, отмечаемой с XIV до конца XVI в., как в существительных на согласный, так и в континуантах древних основ на **-а* и **-ja*: *postacioch, kaźnioch, głębokościach, gękoach, kraipoch*. Вероятно, из иных родовых типов, а не от континуантов **I*-основ ж.р. проникла в основы ж.р. на **-a* редкая флексия *-och* (см. § 51).

Проявлением влияния иного именного типа является появление в род.-мест.-дат.п. ед.ч. существительных ж.р. мягкой разновидности местоименно-адъективной флексии *-ej* (о судьбе этой флексии см. § 48).

§ 51. Унификация флексий в дательном, творительном, местном падежах множественного числа

Как и в других типах склонения, у существительных женского рода для всех типов древних основ устанавливаются флексии **а*-основ в тв. и мест.п. мн.ч. и флексия *-om*, о происхождении которой не существует единого мнения, в дат.п. мн.ч. Рассмотрим, как происходил процесс унификации флексий в каждой из указанных падежных форм.

Дат.п. мн.ч. В памятниках XIV-XV вв. в словах ж.р. (в том числе аналогически и в континуантах древних основ на **-I*, **-u* и согласный) употребляется флексия *-am*. Например: *poгам* (PF, PP, 56, 8), *gibał morskim* (BSz, Gen., I), *wardęgam* (PP, 103, 14), *kobyłkam* (PP, 77, 51) (**а*-основы); *ku czeluzszczam* (PP, 21, 16) (**I*-основы).

Аналогические формы с *-om* отмечаются очень редко у существительных м.р., изменяющихся по типу **а*-основ: *przestępcom, przedawcom* (XV в.). Количество подобных форм возрастает в XVI в., причем флексия *-om* проникает и в существительные ж.р. Переломный период в истории дат.п. мн.ч. считается вторая половина XVI в. С этого времени явно прослеживается тенденция вытеснения *-am* установления для всех существительных ж.р. флексии *-om*. Если в произведениях М.Рея или в "Хронике" М.Бельского преобладает *-am* (причем с *ā*, поскольку отсутствует "креска" над знаком *a*)⁶⁴, то у Я.Кохановского обычно употребляется окончание *-óm* (*rzekóm, ładkóm* - от *ładka* 'марионетка'), хотя встречаются и формы с архаическим *-am* (*-ā m*). Ср. в "Тренах": *Złym przygodam, łzam*⁶⁵.

О происхождении *-om* существуют две гипотезы:

1) окончание *-om* - результат аналогического распространения флексии древних **ǫ*-основ, причем процесс распространения *-om* на

64 Ср. отдельные примеры из произведений М.Рея: *ku wszystkim złociam, ku modlitwom, ściąpnam śalowanym*, а также у М.Бельского: *niewiáfтам ich, rzeczam*.

65 Ср. также: *gybam morskim* (BL, Gen., I, 1561) и *rybóm morskim* (BW, 1599).

налея у существительных с семантикой мужского лица, которые изменились по типу существительных ж.р.;

2) окончание *-om* - закономерный результат фонетического развития *-ǫm*; согласно этой гипотезе пришлось бы признать, что в дат.п. мн.ч. в единственном случае в литературном языке представлен не *a*, а *o* на месте *ǫ*.

Употребление в польских диалектах с сохранением оппозиции *a* - *ǫ* (*o*) в дат.п. мн.ч. флексии *-ǫm* (*-om*) (причем во всех словоизменительных типах существительных), казалось бы, свидетельствует в пользу второй гипотезы, так же как наличие в дат.п. мн.ч. тех же вариантов гласного, которые представлены в сочетании **aN > ǫN*. Тем не менее ряд исследователей считают более убедительной первую гипотезу. Так, С.Роспонд полагает, что во мн.ч. происходило взаимовлияние женского и мужского типов склонения, в результате которого в дат.п. мн.ч. победило окончание м.р., а в тв. и мест.п. - ж.р.⁶⁶.

Тв.п. мн.ч. Этимологическими у существительных ж.р. являются две флексии: *-ami* (**a-* и **ja-*основ) и *-mi* (от остальных основ). Однако уже в памятниках XIV-XV вв. отмечаются примеры с аналогическим *-imi* (ср. *ogarnopa rozlicziszami* - PF, 44, 15 (=rozlitoszczami), *śchogogamy* - KG, K2), которое вытесняет *-mi*. Ср. также у Я.Кохановского: *lżami*, *pieśniami*. О неэтимологических флексиях *-u* и *-oma* см. § 50. Окончание *-mi* сохранилось только в отдельных лексемах: *pić mi*, *kość mi*, *galęźmi* (наряду с *galęziami*).

Мест.п. мн.ч. Закономерными фонетически у существительных ж.р. являются флексии *-ach* (в **a-* и **ja-*основах) и *-ech* < **ъхъ*. Однако уже в первых памятниках отмечаются лишь единичные примеры с *-ech*. Так, во Флорианской псалтыри представлено семь примеров с этимологическим *-ech* (формы: *postaciech*, *we krwyech*, *światłościach*, *każniech*, *rozkoszech*, *głębokościach*, *gęślech*). Для некоторых из этих примеров отмечаются дублиеты с *-ach* и с аналогическим по м.р. окончанием *-och* (см. с. 176). В Пулавской псалтыри выявлено всего три формы с этимологическим *-ech*. Вместе с тем вплоть до конца XVI в. отмечаются единичные примеры с *-ech* (наряду с *-och*) в существительных, изменяющихся по типу **a-*основ (*glowiech*, *robociech*). Особенно часто примеры подобного рода фиксируются с твердым зубным в исходных основах.

Указанные немногочисленные примеры встречаются на фоне явной тенденции к обобщению флексии **a-*основ на все другие основы. По аналогии с формами типа *uekxogah* (KŚ, K1), *w radach* (PF), *na rzekach* (PF), *we wszęch drogach* (PF), *weszdzyach* (PP) установились формы типа *wpowyeszczyach* (PP), *na wisokosczech* (PF), *poczylydzach* (BSz) и т.п.

⁶⁶ Rospond S. Op. cit. S.262.

При этом до XVII в. в изданиях краковских типографий отмечается -*âch* (а без "крески"). Так, в произведениях М.Рея преобладает флексия с *â*, а у П.Скарги и Я.Кохановского представлено исключительно -*ach* (с *á*). В течение XVI в. -*âch* выходит из употребления, вероятно, одновременно с близким ему по произношению -*och*.

§ 52. История существительных, изменявшихся по типу существительных женского рода

В древнепольском языке как существительные древних *a-основ изменялись также две группы существительных, имеющих флексию им.п. ед.ч. -*a*:

1) существительные, обозначающие лиц мужского пола: типа *sluga*, *zakonanośca*;

2) существительные со значением собирательности: типа *braciâ* < *braciâ* < *bratŕja.

Существительные с *â* < *a* в им.п. ед.ч. (все с мягким исходом основы) имели, как и другие существительные ж.р. на -*â*, в виин.п. ед.ч. исосовой заднего ряда, а в род., дат. и мест.п. ед.ч. наряду с формами на -*i* употреблялись формы с местоименно-адъективным окончанием -*ej*.

Примеры отдельных форм из древнепольских памятников: им.п. ед.ч. *Zaszczitcza* moy, *y rog zbawena mego*, *y rog zbawena mego*, *y przyemcza* moy (PF), *Rarogowy dom woywoda yest gych* (PF); дат.п. ед.ч. *Powyadacz będę umyę twe*, *braczy moyey* (PP); тв.п. ед.ч. *roczzaszce posnanski sbraczę* (RPP, 1399), *Potem wwyedzon przed sędzę 'sędziâ'* (ŻB); дат.п. мн.ч. *arzkęcъ swym slugam* (ŻB); тв.п. мн.ч. *Obroczy szye, boze, ydokond? a vslyszczę będz nad slugamy twymy* (PP); виин.п. мн.ч. *Wezrzy na slugy twoye i nadzyala twa* (PP) и т.д.

В первой из указанных групп на протяжении всей истории развития польского языка сохраняется парадигма ед.ч. по ж.р., кроме отдельных форм для слов *sędziâ*, (*mar*)*grabiâ*, *gękojmiâ*, в которых с XV в. появляются новообразования в род., дат., виин.п. по м.р. прилагательных, а несколько позднее наряду с этимологическими типа *sędziâ*, *sędzi* появляются формы тв. и мест.п. ед.ч. на -*em*//*-im*. Во мн.ч. с XVII в. проявляется семантика мужского лица, которая находит свое отражение в установлении флексии им.п. мн.ч. -*owie* (отмечаемой наряду с -*u* sporadически даже в XV в.) и совпадении вин.п. с род. У большинства существительных этой группы в XV-XVI вв. изменяется также флексия род.п. мн.ч. - вместо нулевого окончания устанавливается -*ów*: *starostów*, *wojewodów*, *wladców*, *no slug*.

Формы ед.ч. собирательных существительных типа *braciâ*, *księza*, обозначающая группу людей, нередко сочетаются с формами мн.ч. опре

дсления и сказуемого. Ср. переходный случай в PF: *Bracza mala mali u wolicy*, a nine bilo w nich gospodnu (Prol.)⁶⁷.

Употребление с определениями и сказуемыми во мн.ч. способствовало переосмыслению форм существительного, которые начинают трактоваться как формы мн.ч. и соотноситься с основой ед.ч. *brat*. По образцу форм "псевдо" мн.ч. *braci*̃ (им.п. ед.ч. > им.п. мн.ч.), *braci* (род.п. ед.ч. > род.п. мн.ч.) образуются новообразования от основы *brać* — с флексиями парадигмы мн.ч.: дат.п. *braciom*, *księżom*; тв.п. *braćmi*, *księżmi*; мест.п. *braciach*, *księżach*, которые вытесняют соответствующие формы ж.р. *braci* // *braciej*, *bracią*. Форма род.п. ед.ч. > род.п. мн.ч. *braci* начинает употребляться и в функции вин.п., вытесняя архаическую форму ж.р. *bracią*.

Таким образом, и в первой и во второй группах слов на -а семантика лексем (значение лица мужского пола, значение совокупности лиц) становится источником изменения их форм.

Не исключено, что установленные в XVII в. оппозиции "ед.ч. по *а-основам — мн.ч. по склонению существительных со значением мужского лица" в существительных *sluga*, *starosta*, *Kostka* и т.п. вызвало появление такой же оппозиции у имен типа *Fredro*, *Sanguszko*, которые именно в XVII в., сохраняя парадигму мн.ч. по образцу существительных м.р., начинают в ед.ч. изменяться по *а-основам (см. § 45).

§ 53. Основные тенденции развития склонения существительных среднего рода

В истории изменения существительных ср.р. проявились следующие основные тенденции:

1) активность в формировании словоизменительного типа флексий древних гласных основ (*-*ö*, *-*jö*) и неактивность флексий древних консонантных основ (*-*p*, *-*pt*, *-*s*);

2) меньшая степень проявления дифференциации флексий в зависимости от качества согласного основы по сравнению с м. и ж.р.: это различие охватывало и охватывает в настоящее время только мест.п. ед.ч. и отчасти род.п. мн.ч.;

3) роль долготных соотношений и сопутствующих долготе процессов в истории флексий существительных суффиксом *-*ęje*;

4) влияние иных родовых словоизменительных типов;

67 Примеры подобной "естественной" синтаксической связи существительного с его определением или глаголом встречаются в истории польского языка и в других случаях. Так, в "Дневниках" Я.Пасека формы ед.ч. существительных *Moskwa*, *Litwa* и других, имеющих значение 'жители Москвы', 'жители Литвы', сочетаются с личным глаголом во мн.ч.: *A tak i Moskwa wzięli dyscyplinę* (1660), *Litwa niebożęta uciekali z pogromu* (1660).

5) унификация флексий в дат., тв. и мест.п. мн.ч., свойственная всем declinacionным типам существительных;

6) бóльшая степень сохранения реликтов дв.ч. по сравнению с другими родовыми типами (см. § 101).

§ 54. Судьба флексий древних консонантных основ и тенденция активизации флексий древних гласных основ

Немногочисленные основы на *-s (тип *kolos, *slovos, *nebos) благодаря совпадению им.п. ед.ч. еще в древнюю эпоху полностью идентифицировались с основами на *-ō. Следом старой принадлежности к *es/*os-основам является сегмент косвенных падежей (так называемое "наращение" в описательных грамматиках) es (или os вследствие перегласовки), сохранившийся во мн.ч. в лексеме niebo и в производных от нее словах (niebieski и др.)⁶⁸. Ср. уже в PF: *we wszec slowech swogych*, но на *nebesech*, *Naconil nebosa*, *Powiszi se na nebosa*, *Poslal s nebos*⁶⁹. Или в KG: *presposla nebeskego, krolestwa nebeskego* (K2) и т.д.

Основы на *-п, *-pt сохраняют свою специфику в большей степени. Это выражается: 1) в особой форме им.-вин.п. ед.ч. с носовым гласным, который с середины XV в. вследствие фонетических закономерностей представлен носовым переднего ряда ę; 2) в сохранении сегмента основы -eń/-on и -ęć/-ęt/-ąt (cielęta, cieląt ...); 3) в наличии в первых польских памятниках этимологических форм дат.п. мн.ч. *pt-основ *dzieci ęci* и *książ ęci*. Ср. в ŻB: *roko swō dzecyocy naglowō wlozyl* при род.п. по *ō-основам: *macz tego dzecyocy*. Обычными, однако, уже в древнепольском языке являются формы дат.п. по *ō-основам. Ср. в письме 40-х гг. XVI в.: *pyewynien oczyecz dzyączyeczzy 'dzieci ęciu' swetu* (Т., с. 5).

Остальные специфические флексии древних основ на согласный не сохранились. Так, утратились в дописьменный период флексии род.п. ед.ч. -e (заменившаяся флексией *ō-основ -a) и мест.п. ед.ч. -e, которую вытеснило окончание *ū-основ м.р. (см. § 55). Сохраняются флексии, совпадающие с окончаниями других основ или других родовых типов: тв.п. ед.ч. -em < ьтѣ (ср. *-emъ в *jō-основах и м.р.), им.-вин.п.

68 Парадигма мн.ч. *niebiosa, niebios* и т.д., оторвавшаяся от форм ед.ч., сохранилась в современном польском языке в торжественно-книжном стиле (*blękit niebios, wyrok niebios* и т.д.), а также во фразеологических словосочетаниях и пословицах: *wuchwala ć kogoś pod niebiosa // pod niebiosy* и т.п. В русском и чешском следы старой основы прослеживаются и для других лексем: рус. *колесо, словаца, словесный*, чеш. *sloveso 'глагол', slovesný*, книж. *koleso*.

69 В памятнике встречаются и формы мн.ч. от основы *nieb-*, хотя значительно реже, чем от основы *niebios- / niebies'*. Все эти примеры отмечаются в III части псалтыри и отражают особенности начала XV в.: им. и род.п. мн.ч. *chwalcze gy neba neb*; вин.п. мн.ч. *Gen vszynil neba*; мест.п. мн.ч. *Welyke yest na nebec myloserdze*.

в т.п. мн.ч. -а (как и в других словах ср.р.), род.п. мн.ч. -ѣ < ѣ (как в *ѡ- и *jѡ-основах). О судьбе дат., тв. и мест.п. мн.ч. см. § 58.

Флексии же древних гласных основ ср.р., за исключением окончания тв.п. ед.ч. -ом, подвергнувшегося судьбе аналогичной флексии м.р., и флексии мест.п. мн.ч. -их, представлены в памятниках. При этом в род.п. ед.ч., дат.п. ед.ч., дат.п. мн.ч. эти флексии распространились аналогически на другие основы ср.р.: в PF род.п. ед.ч. как *podług mnościwa* (*ѡ-основы) и *od pocolena* (*jѡ-основы), так и *Podług wielicoscy ramena twego, podług ymena twego* (*п-основы); в BSz *asz do dobitczyѡczya* (*пт-основы); в PF дат.п. ед.ч. как *ryepuw podobne* (*jѡ-основы), так и *ymenu svѡtemu* и т.д.

§ 55. Дифференциация окончаний в зависимости от качества согласного исхода основы

Эта дифференциация в парадигме существительных ср.р. охватывала и охватывает в настоящее время минимальное количество падежей.

Мест.п. ед.ч. Указанная дифференциация проявлялась в древнепольском языке в сохранении в твердых основах (т.е. изменяющихся по типу древних *ѡ-основ) этимологической флексии -e < ѣ при распространении в основах с мягким исходом основы (древние *п-, *пт- и *jѡ-основы) аналогической флексии м.р. -u. Примеры с флексией -e из PF: *w iezerze, w dobrze, w czele moim, skowane w szebraczstwie* у *w zezleszcze 'zelezie', w mescze* и мн.др. При этом в *jѡ-основах в памятниках XIV в. отмечаются отдельные примеры с этимологической флексией -i (типа *namory 'na morzu'* - KŚ, K1), которые чаще всего встречаются для существительных с суффиксом *-ьj. Ср. в KŚ в этих существительных представлены формы исключительно с -i: *vsuote(m) pisany (K2, K6), wiego diune(m) narod(eny), w yego vc(es)ne(m) uelikih chud cyneny, au yego t(r)vdne(m) (v)moceny (K5), vmile(m) uab(e)ny (K5), wdlugem chacany (K5), wrihle(m) othpusceny (K5)*⁷⁰. В остальных памятниках встречаются только единичные формы с -i при господстве форм с -u. Ср. в PF: *w otwroceny (103, 30), w przездroszy (106, 40)* при обычных *w weselu, w odzenu, w obezrzenu, na perzu, w przездwodu ot przездwodie = 'bezwodie'* и мн.др. В PP (103, 30) представлено уже *w odwroczenyu*.

В XVI в., как и у существительных м.р., флексия -u распространяется и на часть существительных с твердым исходом основы, а именно в основах на задненёбный. Вместо форм *w jebice, w miece* появляются

⁷⁰ Более длительное сохранение -i в мест.п. ед.ч. существительных с суффиксом *-ьj поддерживалось, вероятно, наличием закономерного и повсеместно употреблявшегося до конца XV в. окончания тв.п. ед.ч. -im/-ym < *ьjemъ. Ср. *milosirdi(m), modlenim, udrocent(m) при cadidle(m), sircem. (KŚ, K5)*.

новообразования w jabłku, w mleku, которые приобретают статус нормативных.

Род.п. мн.ч. В род.п. мн.ч. в определенных лексемах с мягким (или отвердевшим к XVI в.) исходом основы в среднепольский период вместо этимологической нулевой флексии фиксируется окончание *-i* (*-y*). Это слова, образованные по типу существительных с суффиксом **-ij*: *poddasze, wezglowie, zacisze, bezkrólewie, półrocze, bezprawie, wybrzeże, podziemie, rozdroże, pozdrze, parczcze* и некоторые другие. Большинство которых сохранило форму род.п. мн.ч. на *-i/-y* до настоящего времени⁷¹. Однако, несмотря на структурную близость к существительным с **-ij*, окончание *-i/-y* в указанных существительных вряд ли возникло под влиянием этимологического *-i* < **ьjъ*. Об этом свидетельствует как редкое употребление во мн.ч. лексем с суффиксом **-ij*, обозначающих обычно абстрактные понятия, так и наличие единичных форм род.п. мн.ч. от таких существительных аналогичной нулевой флексии (*pokoleń, miłosierdź*). Скорее всего формы типа *rółgoczy* появились под воздействием мягких основ других родов типов, унаследовавших или аналогически получивших флексию *-i* **i*-основ (типа *kości, gości, wieczery, żołnierzy, mszy* и т.п.⁷²). Во в остальных случаях, начиная с древнепольского периода и до настоящего времени, представлена нулевая флексия. Примеры из PF: *ymogę od zapan, od brzemion iego* (**n*-основы); *do nebos* (наряду с менее частотным *neb*, отмечаемым в III части) (**s*-основы); *ust* (**ö*-основы) и т.д. Ср. примеры из других источников: *asz do szwyerzót* (BSz, Gen. VI) (**nt*-основы); *biło gest trzysta lat ytrzydeszczy* (BSz, Gen., XII), *skrzydl twoych* (PP, 16,10), *asz dotich myast* (RPK, 1398) (**ö*-основы).

Таким образом, если нулевая флексия в род.п. мн.ч. ср.р. показана для существительных с любым согласным исходом основы, то окончание *-i/-y* отмечается только в определенной группе лексем с мягким исходом основы.

§ 56. Долготные соотношения и сопутствующие долготы явления в истории флексий существительных среднего рода

Процессы, связанные с преобразованием долгот, существенны были для субстантивов с суффиксом **-ij*, поскольку флексии, образованные в результате утраты интервокального *j* и стяжения гласных, сохранялись до второй половины XV в. долготу. Рассмотрим формы этих существительных.

71 В некоторых случаях возможны дублеты: *przysłowl//przysłów, przedmie ści//przedmieście*.

72 Kłemensiewicz Z., Lehr-Spławiński T., Urbańczyk S. Op. cit. S.303-306.

В *им.п. ед.ч.* закономерна долгота *e*, которая иногда, так же как и позднее сужение, передается графически. Ср. во II и III частях PF: *oeselee* (146,1), *trżosepyee* (105, 30), *w polenyee* (неразборчиво: опущен слог *ko*) (105,31), в NT Murz: *dręczenie* (Т., s. 44), *przykrycię* (Т., 44), *skrzytanię zęb* (Т., s. 46), *porużenie* (Т., s. 48)⁷³. Или у Я.Кохановского: *weselé swoje* (Т., s. 77), *Dobréy myśli naczynie* (Т., s. 76), *łayćci, boże, zdrowię* (Т., s. 81), *łáiánié - śpánié* (Т., s. 81).

С суженным характером долгого, а впоследствии *é* связано появление до начала XVII в. отдельных форм *им.п. ед.ч. с -i*. Например, в PF: *abyeszeny geszom albo oczekany* (103, 19), *'ubiezeni jeżom albo uciekani*'. Ср. в письме от 1545 г.: *abyjszye my przyszły na obęszy* (Т., s. 7).

Дальнейшая судьба флексии *-é* у существительных с *ьj совпадает с судьбой звука *é* (см. § 34.1), вследствие чего флексия *-e*, несмотря на рекомендации грамматиков (Г.Кнапского в 1621 г., О.Копчинского в 1778-1783 гг.), выходит из употребления. Утрате *é* в данной морфологической позиции способствовало и аналогическое воздействие лексем ср.р. с кратким *-e* (тип *pole*). В некоторых говорах (в частности, великопольских) произошел обратный процесс: обобщение *у^с < é* для лексем с этимологически кратким *e* (*poly^c* как *zdroy^c*).

В *род.п. ед.ч.* *ьja > *ā* > *ā̇*. О том, что в *род.п. ед.ч.* действительно произносился долгий, а затем суженный гласный, свидетельствуют отдельные случаи удвоения гласного в древнепольских памятниках (ср. в PF: *z pokolenyaa* - 105,31) и отсутствие "крески" над *a* в произведениях, напечатанных в краковских типографиях в XVI- XVII вв. (ср. у Я.Кохановского: *mięnia - wrompięnia* (Thg.)). Флексия *-ā̇* утратилась в литературном языке и сохраняется только в говорах с *ā̇*.

Омонимичная флексия была представлена в *им.-вин.п. мн.ч.*: *ьja > *ā̇* > *ā̇*. Ср. у Я.Кохановского: *wszystki wzdychania - gąk lamania* (Thg.), что свидетельствует о суженном характере долгого.

В говорах с *ā̇* в данной падежной форме не представлена этимологическая долгота, вероятно, в результате аналогического воздействия слов с этимологически кратким *-a*.

Долгота гласных верхнего подъема утратилась без качественного изменения: *дат.п. ед.ч. -u* < *-и*, *тв.п. ед.ч. -im*⁷⁴ < *im*. Однако флексия *-im/-um* не сохранилась и под аналогическим воздействием изофункциональной флексии большинства существительных ср.р. *-em* в течение XVI в. выходит из употребления. Ср. у М.Бельского в "Хронике" (1551): *koraniem* (Т., s. 53), *mużeniem* (Т., s. 55), у Я.Кохановского в

73 Следует помнить, что наличие "крески" над *e* зависело от издателя и традиций типографии. Например, в VL, изданной в типографии Шаффенбергов в 1561 г., в отличие от NT Murz и BW (1599), "креска" над *e* отсутствует.

74 Ср. отдельные примеры отражения этимологической долготы: *roserdzyum* (PF, 105,38) при обычных *odzyenym, obliczłm, se drszem, wiobraszenym* и под.

P.S.D.: rozrządzeniem (Т., s. 75), а у М.Рея в "Зверинце" (1574) przyroждением - pokoleniem (Т., s. 22)⁷⁵.

§ 57. Проявление влияния иных родовых словоизменительных типов

Аналогическое влияние флексий м.р. в дописьменный период проявилось в тв.п. ед.ч., начало проявляться в мест.п. ед.ч. и охватило дат.п. ед.ч., род. и мест.п. мн.ч. существительных ср.р.

Все аналогические флексии существительных м.р., если принять гипотезу А.Граппена о происхождении -och из *ŷ-основ, унаследованы из древних *ŷ-основ. В тв.п. ед.ч. - это распространившееся в *ŷ-основах уже, по-видимому, в праславянскую эпоху окончание *ŷmъ > -em⁷⁶. В мест.п. ед.ч. - усиливающее свою активность на протяжении длительного времени окончание -и, которое, по всей видимости, в доисторическую эпоху охватило основы на *-п, *-пi и начало распространяться в основах на *-jŷ, а в историческое время, закрепляясь в основах на *-jŷ, с XVI в. вторгается даже в часть основ на *-ŷ (с задненёбным исходом основы). О сохранении архаической флексии -и в *ŷ-основах см. с. 181.

Примеры с окончанием -и из древнепольских памятников: w serczu (PF) (*jŷ-основы); примеры с *-bj см. на с. 181; *wsyetyenuv Abramowyc rozegnanyc sobycy u swim sinom odzierszal* (BSz) (*п-основы). Аналогической флексией из *ŷ-основ является в дат.п. ед.ч. sporadически фиксируемое с первых памятников окончание -owi. Ср.: в PF из 19 форм дат.п. ед.ч. для лексемы *imā* две отмечены с окончанием -owi: *spowadacz se bŷdŷ umenowi twemu* (53, 6) и *spewacz umenowi twemu* (91, 9)⁷⁷.

С XVI по XVIII в. встречаются примеры род.п. мн.ч. с флексией -bw: *dzielŷw*, *niebiosŷw* и др.

В мест.п. мн.ч. -och встречается sporadически с XIV до середины XVI в. во всех типах основ. Ср. в PF: *rokalena* (неразборчиво) *gest w dzaloch gich* (105, 37) (наряду с четырежды зафиксированной формой *dzelech*); в PP: *I kuszyly boga wszyerczoch swych* (77, 21); у М.Рея: *w inych ŷ wirzŷtoch* (Zwierc.).

В формах тв. и мест.п. ед.ч. флексии от *ŷ-основ м.р. относятся к актуальным морфологическим показателям современного польского языка, флексия дат.п. ед.ч. -owi принадлежит к лексикализованным

75 Об особых флексиях мест.п. ед.ч. и род.п. мн.ч. см. в § 57, а о формах дат., мест. и тв.п. мн.ч., судьба которых не отличалась от судьбы аналогичных форм других существительных ср.р., см. § 58.

76 О происхождении -em из *ŷmъ в твердом подтипе, как и в м.р., свидетельствует отсутствие палатальности перед -em.

77 До настоящего времени сохраняется форма дат.п. ед.ч. *południowi*.

кончаниям (морфологический архаизм), а флексии мн.ч. м.р. не сохранились в литературном языке⁷⁸.

Воздействие слов с мягким исходом основы, относящихся к м. и ж.р. тип *kość, gość, żołnierz*), проявилось, как уже отмечалось, в род.п. мн.ч., где оно выразилось в распространении неэтимологической флексии *-i* (*zaciszy* и т.д.).

§ 58. Тенденция к унификации форм множественного числа

Тенденция к унификации форм мн.ч. для трех родов охватила, как уже отмечалось, дат., тв. и мест.п. мн.ч.

В *дат.п. мн.ч.* этимологической для существительных ср.р. является только флексия *-om* (от *ō-основ), обобщившаяся, вероятно, еще в дописьменный период в основах, изменявшихся по типу древних основ на согласный и **-jō*. Ср. по типу *Poloszył iesm stroszō vstom mogim* (PF, 18, 2) или *Pamōczen iesm bił dzalom gospodnowim* (76, 11) (*ō-основы) появились формы *polom, cielętom* и т.д.

Но уже в XV в. отмечается флексия дат.п. мн.ч. по типу *ā-основ. Причем, как и в мест.п. мн.ч., примеры с флексией, содержащей вокалический элемент *a*, для существительных ср.р. встречаются раньше и отмечаются чаще, чем для существительных м.р. Не исключено, что этому благоприятствовало наличие гласного *a* в им.-вин.п.-зват.ф. мн.ч. ср.р. Ср. уже в PP: *Nasyczeni sō synow* (вместо *synowe*) и *rozdzyelyly ostatky swoye dzyatkam swym* (16, 16). Наивысшей интенсивности достигает употребление флексии *-am* на рубеже XV-XVI вв. С середины XVI в., как и в других родовых типах, устанавливается флексия *-om* (наряду с ее фонетическим вариантом *-ōm*). Так, если в произведениях М.Рея отмечены формы *słowam // słowom, latam, dziatkam, bogactwam // bogactwom, dostojeństwam // dostojeństwom*, то у Я.Кохановского представлен обычный для него вариант с суженным гласным *-ōm* (ср.: *Y bogątym Kśiążętom prawá vstáwiałi - Sat.*) при отсутствии примеров с *-am*.

Тв.п. мн.ч. В тв.п. мн.ч. в древнепольских памятниках представлены два окончания: *-u*, этимологическое во всех типах ср.р.⁷⁹, и *-mi*, постоянно отмечаемое вместо этимологического *-i* в *jō-основах⁸⁰ и изредка в основах, изменяющихся по типу древних *ō-основ или основ на согласный. В последнем случае, как правило, перед *-mi* фиксировал-

78 В диалектном языке и в просторечии флексия род.п. мн.ч. *-ōw* широко представлена во всех словоизменительных типах.

79 Ср.: *vstawisz ie kśószoti* (о вместо *o*) *nade wszō zemō* - PF (*nt-основы); *ludzelał zwyczajdlnykw szedm sgassydly swym* - BSz (*ō-основы); *Tlmy sloui modresc faly suojego Nicolaia* - KŚ, K2 (*š-основы с утратой *-es* по *ō-основам).

80 Ср.: *nad twymy polmy* (BSz, Exod., IX).

ся сонорный: *piótmí, kołmí, wípimí, gamíonmí, ciałmí, jeziórmí* - примеры из памятников XIV-XVI вв.⁸¹

С XV в. изредка начинает встречаться флексия **ā*-основ, которая распространяется в XVI в., а с XVII в. побеждает, вытесняя полностью флексию *-mí* и сводя к морфологическому архаизму окончание *-y* (которое сохраняется в выражениях: *przed laty, przed dawnymí laty, innymí slowy*).

Мест.п. мн.ч. В древнепольских памятниках представлен один этимологический морфологический показатель этой формы *-ech* < **-ěхъ* и **-ьхъ* аналогически распространившийся в основах на **-jō*. Примеры из памятников: *Bog zeitze zóbi gich w uszczech gich* (PF) (**ō*-основы); *Weyrny gospodyzn we wszech slowech* (**s*-основы) *swogych, y swóty we wszech dzelech twogych* (PF) (**ō*-основы); на *skrzydlyech wyatrow* (PP) (**ō*-основы); *uwszitko pyrworodzone w dobitczech* (BSz, Exod., XII) (**nt*-основы); *Abil gest noe wszeszczydzeszót leczyech tedi* (BSz, Gen., VII) (**ō*-основы); *Yzbył gest grad we wszey szemy Egipskye, wszitko czosz bilo na polyech* (BSz, Exod., IX) (**jō*-основы).

С XIV в. наряду с этимологической флексией отмечаются аналогические: флексия из м.р. *-och* и окончание *-ach* из ж.р. Уже в КС читаем: *ap(re) doslem v yasłkah syn bozy polożon bil* (K4). В той же лексеме без деминутивного суффикса *-k* отмечено в KG (*tocz gest f gasłach* - K2). Если в рукописном экземпляре Modl.Pan. (начало XV в.) встречается форма *panebesech*, то в печатном тексте этой же молитвы от 1475 г. читаем: *gensz gest na nyebesach* - Vrt., s. 49.

В XVI в. флексия *-ach* // *-áčh* широко представлена у существительных ср.р. (в первую очередь мягкой разновидности), конкурируя в течение XVI в. с *-ech* в твердой разновидности и окончательно вытесняя последнюю флексию к концу XVI в. Если в произведениях М.Рея нередко отмечается *-ech* (как в ср., так и в м.р.)⁸², то, например, у П.Скарги *-ech* встречается лишь sporadически в отдельных лексемах, в которых раньше повсеместно употреблялось *-ech* (*w uściech, w slowiech, w leciech*) при обычном наличии даже в этих лексемах *-ach*.

Более ранняя замена *-ech* на *-ach* в ср.р. по сравнению с м.р. и редкое употребление *-och* в ср.р., вероятно, обусловлены, как уже отмечалось, аналогическим воздействием флексии им.-вин.п.-зват.ф. *-a*, наличие которой в парадигме мн.ч. существительных ср.р. способствовало скорейшей по сравнению с м.р. субституции этимологических и аналогических флексий окончаниями **ā*-основ.

Таким образом, в существительных м. и ср.р. в мест.п. ед. и мн.ч. утратились чередования *k : c, g : ʒ, x : š*. Утрата этих чередований, вероятно, связана с проявлением тенденции к восстановлению нару-

81 Klemensiewicz Z., Lehr-Splawiński T., Urbaniczyk S. Op. cit. S.307.
82 Ср.: *w tych slowiech, w rozmaitych pokufach, przygodach á niebefpyeczefitwiech* iego (Post.) и др.

ленной симметрии форм мн. и ед.ч., причем источником изменений в данном случае является мн.ч. Ср. наличие форм с окончанием -och, перед которым отсутствует изменение финального компонента основы, в первых польских памятниках и постоянную представленность в них для ед.ч. форм с с, з, ѝ перед -е. Не исключено, что отсутствие изменений в мест.п. мн.ч. существительных ж.р. (изначальная "асимметрия") способствовало сохранению чередований k : c, g : z, x : ѝ в парадигме ед.ч. существительных ж.р. в отличие от существительных м. и ср.р.

Тенденции к сохранению симметрии альтернативного оформления форм мест.п. ед. и мн.ч. существительных м. и ср.р., казалось бы, противоречит материал современного чешского литературного языка. В нем, как и в польском, сохраняется изначальная "асимметрия" в парадигме существительных ж.р. (matka - matce, kniha - knize, tajga - tajze, moucha - mouše при matkách, knihách, mouchách и т.д.). У существительных же м. и ср.р. при обычном отсутствии чередований в мест.п. ед.ч. (перед флексией -u)⁸³ во мн.ч. у существительных на задненёбный обычно представлены чередования перед флексией -ích (potocích, pa březích и т.д.). Однако наличие в литературном языке в мест.п. мн.ч. у существительных определенной словообразовательной структуры и особого лексического пласта (слова на -ček, -ек и слова разговорного языка на k) окончания -ách и соответственно сохранение перед ним задненёбного, а также распространение -ách в народно-разговорном чешском языке и городских говорах⁸⁴ свидетельствуют о сественной тенденции к симметрии и в чешском языке, сдерживаемой нормами литературного языка.

§ 59. История существительных, изменявшихся по типу существительных среднего рода

Среди существительных, изменявшихся по образцу существительных ср.р., выделяются две группы:

1) исконно польские существительные определенной фонетической структуры, являющиеся наименованиями должностных лиц;

2) заимствования из латинского языка на -um.

В древнепольском языке по типу существительных на *ъje > ē > é изменялись существительные, обозначающие должностных лиц, с префиксом pod- (типа podczaszé, podstolé), а также относящиеся к этой семантической группе слово chorąże.

83 В лексически ограниченных случаях возможны два окончания (-u и -e).

84 Ср., например: в говоре г.Брандиса широко представлены формы на -ách у существительных м. и ср.р. на k(o), h(o), g(o), ch(o): klukách, vo vikách, vo vojakách (В г а б с о в á R. Městská mluva v Brandýse nad Labem. Praha, 1973. S.57).

С начала XVI в. указанные существительные под влиянием близких по семантике деадъективных образований типа *lowczy*, *woź pu*, приобретаемая в им.п. ед.ч. *-i/-y*, чему способствовало также суженное произношение конечного *é < e*, начинают и в остальных формах изменяться по адъективному образцу. Исключение составлял им.п. мн.ч., где вместо древних *podczasz ǫ̇*, *podkomorzǫ̇* с XVI в. появляются формы с *-owie* или *-e*. В вин.п. мн.ч. до XVIII в. представлено *-e*.

Что касается заимствований на *-um*, то они с древнего периода до настоящего времени в ед.ч. не изменялись, а во мн.ч. приобретали флексии существительных ср.р., за исключением род.п. мн.ч., где в них установилось окончание древних *ŷ-основ (*-ów*).

На протяжении исторического развития польского языка некоторые заимствования ср.р. перешли в разряд существительных м.р. Ср. у Б.Пруса в "Кукле" *kosztowne album*, в "Словаре" Глогера 1896 г.: *piękne album* и совр. м.р. *album*, *-u*, *-mie* и т.д. с производным деминутивом *albumik*.

§ 60. Взаимодействие континуантов различных древних основ как один из источников развития системы склонения польских существительных

Рассмотрев историю формирования трех родовых типов склонения существительных, мы установили, что этот процесс осуществлялся при постоянном взаимовлиянии континуантов древних типов основ, принадлежащих как одной родовой группе, так и разным родовым классам.

Последнее проявилось в распространении у существительных, относящихся к разным родам, каких-либо окончаний, унаследованных от праславянского периода или возникших на польской почве. Эти окончания могли стать постоянным элементом польской языковой системы (например, так произошло с флексией зват.ф. ед.ч. *-u* в существительных ж.р. или с окончанием мест.п. *-u* в существительных ср.р.), а могли остаться лишь "эпизодом" в ее развитии: например, окончание дат.п. ед.ч. *-owi* у существительных ср.р., род.п. мн.ч. *-ów* у существительных ср. (кроме слов на *-um*) и ж.р., флексия тв.п. мн.ч. *-u* у существительных ж.р. и *-mi* в трех родовых типах или окончание мест.п. мн.ч. *-och* в трех родовых типах.

Результатом такого взаимодействия являются не отмечаемые обычно в исторических грамматиках польского языка спорадически появляющиеся формы им.-вин.п. мн.ч. существительных ср.р. с *-u*. Ср. *piebioso*, приводимое в словарях современного польского литературно-

го языка наряду с *niebiosa* (сохраняющееся, в частности, в пословице *Psie głosy nie idą w niebiosy*)⁸⁵.

Конечная стадия такого взаимодействия представлена во мн.ч., где в результате взаимовлияния и взаимодействия континуантов различных основ для всех субстантивных словоизменительных типов унифицировались флексии дат., тв. и мест.п. При этом в тв. и мест.п. победила флексия древних *ā-основ, а в дат.п. -*om*, о происхождении которой не существует единого мнения. В ненормированном (просторечном, диалектном) варианте польского языка эта тенденция охватила и род.п. мн.ч., в котором широко представлена флексия древних *ŷ-основ -*ów*.

Для установления в тв., мест., дат. (?) п. флексий от *ā-основ в каждом из родовых классов были свои причины. В м.р. этому процессу благоприятствовали существительные типа *śługa*, которые изменялись по ж.р. и, обладая семантикой мужского лица, являлись своего рода "проводниками" флексий *ā-основ в парадигму мн.ч. существительных м.р., изменяющихся по типу нных древних основ. В ср.р. на распространение флексий с гласным *a* могло оказать влияние наличие окончания -*a* в им.-вин.п.-зват.ф мн.ч.

---

⁸⁵ Ср. аналогичное явление в русском языке, широко отраженное в литературе XIX в. (например, у А.С.Пушкина в "Евгении Онегине": Мелькали селы, двойные окна) и сохранившееся в литературном языке в типе яблоки.

МЕСТОИМЕНИЕ

§ 61. Разряды древнепольских местоимений. Основные тенденции в истории изменения местоимений

Все местоимения дописьменного древнепольского языка, как и в современном языке, делятся на две группы: 1) местоимения, в которых выражена категория рода (*rodzajowe*); 2) местоимения, в которых эта категория отсутствует (*jednorodzajowe* или *nierodzajowe*).

К первой группе относятся следующие разряды: указательные *тъ, *ta, *to; *опь, *она, *опо; *сь, *sa, *se; притяжательные *шожь, *шожа, *шоје; *твожь, *твожа, *твоје; *нашь, *наша, *наше; *вашь, *ваша, *ваше; вопросительно-притяжательные *ѣиь, *ѣija, *ѣije; вопросительные *ki, *ka, *ke; *kaki, *kaka, *kake и некоторые другие.

Во вторую группу входят личные *jazь, *ty; возвратное *sebe; вопросительные *къто, *ѣто; отрицательные *ниѣто, *никъто. Местоимения *къто, *ѣто, *ниѣто, *никъто, *sebe, кроме того, являются именами *singularia tantum*.

На протяжении исторического развития польского языка в местоименной подсистеме происходят следующие основные изменения: 1) утрата отдельных типов местоимений и появление новых; 2) изменения в функции отдельных разрядов местоимений; 3) изменения в отдельных типах склонения и падежных словоформах (преобразование и утрата отдельных типов склонения, форм и флексий); 4) сокращение количества парадигм, оформляющих категорию числа (тенденция, проявившаяся во всех словоизменительных классах); 5) развитие новой грамматической категории синтаксического типа в разрядах местоимений, изменяющихся по родам или обладающих классификационной категорией рода (тенденция, реализовавшаяся во мн.ч. всех определяющих существительное с семантикой мужского лица, управляющих таким существительным или координирующих с ним именных словоизменительных классов, полных причастий и действительных причастий на -i, вошедших в состав генетического перфекта).

§62. Личные и возвратное местоимения

1. Личные и возвратное местоимения в древнепольских памятниках

Для периода древнейших польских памятников восстанавливается⁸⁶ следующая парадигма личных и возвратного местоимений.

Таблица 2

Падеж	Число							
	Ед.			Мн.		Дв.		
И.	ja, jaz	ty	-	my	wy	И.-В.	wa	wa
Р.	mnie	ciebie	siebie	nas	was			
Д.	mnie, mi	tobie, ci	sobie, si	nam	wam	Р.-М.	naju	waju
В.	mię, mie	cię, cie	się, sie	nas	wy, was			
Т.	mna	toba	soba	nami	wami	Д.-Т.	nama	wama
М.	mnie	tobie	sobie	nas	was			

Некоторые формы требуют специального комментария.

1. Форма им.п. ед.ч. *jaz* (<*azъ) встречается в единичных случаях: *ja z robuczę* (в Генриковой книге), *yaz modlyl yesm so* (PF, 108, 3). При этом во Флорианской псалтыри предполагается чешский источник данной формы.

Считается, что современная и наиболее частотная древнепольская форма *ja* представляет собой результат редукции *jaz*. В древнепольском языке *a* в *ja* было долгим (ср. диал. *jȧ, jo*).

2. Энклитики дат.п. ед.ч. *mi* (<*mi), *ci* (<*ti) широко употреблялись в древнепольских текстах в отличие от формы *si* (<*si), которая отмечена в нескольких древнепольских примерах. На основании наличия формы *si* в мазовецких текстах XVII в. и в перечне мазовизмов, высмеивавшихся авторами XVII в., можно предположить издавна территориально ограниченный характер этой формы.

Широко представлена в древнепольских памятниках редуцированная форма от *ci* > *ć*, употребляемая, как и *ci*, в экспрессивной функции, например: *Allecz maria gdisczy (gest ona) svego szinka porodicz bila mala*,

⁸⁶ Все формы в таблице здесь и далее даются в современной орфографии. При этом долготные различия, не отраженные в такого рода записи, оговариваются в комментарии к таблице.

takocz gest ona vboga bila, uszcz ona szadnego penõdza negest(cy) ona bila mala, chosbicz (ona) szobe gospodõ albo komorõ (szan) bila nagõla (KG K2, Vrt., s. 37).

3. После предлогов в вин.п. ед.ч. на всей территории распространения польского языка были представлены варианты с носовым, в то время как в позиции после глагола в разных районах Польши отмечались различные варианты: на Мазовье только формы *cię, się, mię* (позднее этот же вариант устанавливается в Великой Польше), в памятниках же, для которых предполагается малопольское или силезское происхождение, до середины XVI в. отмечаются варианты с носовым и без ринезма (DeProl., PF, PP, BSz). Ср., например, в PF: *у wzõł me d owecz oczcza tego, у pomazal me w miłosrzdzu pomazancza swego; ia (zisa porodzil iesm cze, Smiluy se nademnõ, gospodne; wyslvszay mõ; Nãgle wslyszu mõ, gospodne*. Об использовании указанного различия в формах *mię, cię, się* и *mie, cie, sie* после глаголов в качестве одного из аргументов в споре о диалектной базе литературного польского языка см. в § 9.

4. В памятниках не отмечаются следующие формы местоимения -го л.: род.п. ед.ч. *mepe (вытеснилось закономерным для дат. и мест.п. ед.ч. *mnie < *mьnĕ*); вин.п. мн.ч. *пу (вместо этой формы установилась этимологическая форма род.п. *nas*⁸⁷), вин.п.дв.ч. *па (вместо нее представлена форма им.п.дв.ч. *wa*). Форма им.-вин.п.дв.ч. *wa* также не является закономерным фонетическим результатом *vĕ. Как и в глаголе, на появление *a* здесь, вероятно, повлияла частотность *a* как показателя им.-вин.п. дв.ч. в других категориях (ср. *dwa zupa* и др.).

2. История форм личных и возвратного местоимений

В истории указанных местоимений выделяются два основных периода: 1) середина XVI - начало XVII в.; 2) с начала XVII в. Выделение этих двух основных этапов обусловлено следующими процессами, которые происходят с середины XVI - начала XVII в.

1. Утрата парадигмы дв.ч. Формы род.-мест. и дат.-тв.п. сохраняются в южномалопольских говорах в функции форм мн.ч.

2. Установление в литературном языке в вин.п. ед.ч. после глаголов одного варианта *mię, cię, się*.

3. Замена форм вин.п. ед.ч. *mię, cię, się*, которые употреблялись и в род.п. ед.ч., в позиции после предлога формами род.п. ед.ч. *mnie, siebie, siebie*. Этот процесс начинается в XVII в. Ср. сохранение старого состояния у М.Резя: вин.п. ед.ч. *przez mię, na cię, za mię, przed się; nie naśladowuj mie*. Следы старого употребления форм *się, cię* в постпред-

⁸⁷ Выделение *пу в Гнезненских проповедях в настоящее время считается результатом неверного прочтения.

ложной позиции сохранились в современных *zaś, zasię* (устар.), *przecie(ź), sam(o) przez się*.

§ 63. Вопросительные местоимения. Древнепольское состояние и история изменений

Таблица 3

Древнепольская парадигма

И.	кто	czso > co
Р.	kogo	czego
Д.	komu	czemu
В.	kogo	czso > co
Т.	kim	czym
М.	kiem	czem

Комментарий к таблице 3

1. Для местоимения *кто* в польском языке не сохранились континуанты этимологических тв.п. *сьць и мест.п. *комь. На их месте представлены новообразования, возникшие под влиянием соответствующих форм *czym* и *czem*.

2. Для местоимения *сьто не сохранились следующие формы: формы им.-вин.п. *сьто (вместо нее установился фонетически закономерный континуант одного из трех генетических вариантов род.п. *сьсо > *czso*, причем форма *czso* не употреблялась в польском языке в своем исконном значении род.п.); форма род.п. *ceso. Таким образом, в род.п. уже в древнепольском представлен один вариант *cego*. Реликты старого *сь в вин.п. сохранились в сочетании с предлогами: *przez 'przez co', zacz 'za co'* (ср. *co zacz, kto zacz*), *wniwecz 'w nic'*.

В истории форм вопросительных местоимений, а также производных от них отрицательных выделяются следующие этапы.

1. Развитие из формы им.-вин.п. *czso, piczso* современных *co* и *pic* < *pisco*. Варианты с *s*, по данным исторических грамматик польского языка, устанавливаются в XV в.

2. Смещение форм тв. и мест.п. вследствие фонетического процесса расширения *i, u* перед носовыми, который начался с XVI в. (см. § 34.2). Смещение этих форм, характерное для всего среднепольского и ново-польского периодов, встречает активное сопротивление со стороны грамматистов. Современный вариант совпадения устанавливается в результате реформы 1936 г.

§ 64. Родовые местоимения

1. Исходное и древнепольское состояние

В праславянском языке родовые местоимения были твердой и мягкой разновидностей. Указательные *тъ, *опъ, *овъ, определительное *самъ и некоторые другие местоимения изменялись по твердому типу и имели следующие флексии.

Ед.ч.

Им.п м.р. -ъ, ср.р. -о, ж.р. -а; род.п. м. и ср.р. -ого, ж.р. -ојѣ; дат.п. м. и ср.р. -оми, ж.р. -оји; вин.п. м.р. -ъ, ср.р. -о, ж.р. -ѡ; тв.п. м. и ср.р. -ѣшь, ж.р. -ѡѡ; мест.п. м. и ср.р. -омъ, ж.р. -ѡји.

Мн.ч.

Им.п. м.р. -і, ср.р. -а, ж.р. -у; род.п. -ѣхъ; дат.п. -ѣшь; вин.п. м.р. -у, ср.р. -а, ж.р. -у; тв.п. -ѣти; мест.п. -ѣхъ.

Дв.ч.

Им.-вин.п. м.р. -а, ж. и ср.р. -ѣ; род.-мест.п. -ѡји; дат.-тв.п. -ѣта.

Анафорическое *ъ, при помощи которого образовывались сложные прилагательные (§ 68), притяжательные *моъ, *твоъ, *своъ, *наъ, *ваъ изменялись по мягкому подтипу и имели следующие окончания.

Ед.ч.

Им.п. м.р. -ъ, ср.р. -е, ж.р. -а; род.п. м. и ср.р. -его, ж.р. -ејѣ; дат.п. м. и ср.р. -еми, ж.р. -еји; вин.п. м.р. -ъ, ср.р. -е, ж.р. -ѡ; тв.п. м. и ср.р. -ішь, ж.р. -еѡ; мест.п. м. и ср.р. -емъ, ж.р. -еји.

Мн.ч.

Им.п. м.р. -і, ср.р. -а, ж.р. -ѣ; род.п. -іхъ; дат.п. -ішь; вин.п. м.р. -ѣ, ср.р. -а, ж.р. -ѣ; тв.п. -іми; мест.п. -іхъ.

Дв.ч.

Им.-вин.п. м.р. -а, ж. и ср.р. -і; род.-мест.п. -еји; дат.-тв.п. -іта.

В древнепольских памятниках представлены лишь единичные формы этимологически твердого типа склонения. В Свентокшиских проповедях: род.п. ед.ч. *togodla* (постоянно), *pismo togo c(r)oleuicha* (K5); дат.п. ед.ч. *obŹzal sŹ tomu, csoz i(esc) urem(enne)go*. Во Флорианской псалтыри форма дат.п. мн.ч. *ciem*, но уже и *rocolenu onemi*.

Следы старого склонения по твердому типу местоимений *тъ, *та, *то сохранились в словах *potomek, potomny, przytomny*.

Уже в древнейших памятниках отражен результат совпадения в одном (этимологически мягком) типе двух праславянских разновидностей склонения. Так, в Свентокшиских проповедях обычны формы им.п. ед.ч. м.р. *tecto* (разночтения: *tetto* и *te ć to*), *ten*; род.п. ед.ч. *onego*; мест.п. ед.ч. *ute(m) 'w tem*'; род.п. мн.ч. *tih 'tych*'; дат.п. мн.ч. *ati(m)*

'a tym'; тв.п. мн.ч. *Timy slouí 'tymi slowy'*; мест.п. мн.ч. *na tih slo[wiech] 'na tych'* (по мягкому типу).

Различия между старыми твердым и мягким типами сохранялись только в им.-вин.п. ж.р. и вин.п. мн.ч. м.р. (у в твердом типе и *e < ě* в мягком). Ср. вин.п. мн.ч. м.р. твердой разновидности у *tu...*, *tu (iesc) swoio nauko o[t juodila (KŠ, K2)* и вин.п. мн.ч. м.р. мягкой разновидности *gosproszysz neprzyuaczele moge (PF)*.

Им.п. анафорического местоимения *жь в сочетании с частицей *ž(e)* (и без нее) употреблялся в функции относительного местоимения: ед.ч. м.р. *již(e)*, *jenž(e) < *жь + нь*, *jen*, ср.р. *jež(e)*, ж.р. *jaž(e)*; мн.ч. м.р. *již(e)*, ср.р. *jaž(e)*, ж.р. *jež(e)* и т.д. Впоследствии это местоимение вытеснилось относительным *kióru, -a, -e*. Примеры на *jen*: им.п. ед.ч. м.р. *Spewaycze gospodnu, iensze przebiwa wsyon (PF)*; им.п. ед.ч. ср.р. *A bódze iaco drzewo, iesz owoc swoy da w swoy czas (PF)*; им.п. мн.ч. м.р. *sedoci so, giz kdobremu oblenuio; lezocy so, gis so u [gre]se cohaió; spocy so, gis so vg(r)eseh zap(e)claió, vmarly so, giz vmiloscy bozey gospachaió (KŠ, K2)*.

В первых польских памятниках в притяжательных местоимениях *можь, *твожь, *свожь отмечаются наряду с полными стяженные формы, особенно часто в род., дат.п. ед.ч. ср.р. (о фонетическом процессе стяжения см. § 33.2). Примеры: род.п. ед.ч. м.р. *w domu oczcza mego, angela swego*, род.п. ед.ч. ср.р. *oblicza twego*, дат.п. ед.ч. м.р. *bogú temu*, *ludu twemu*, дат.п. ед.ч. ср.р. *u menu twemu (PF)*. Отмечаются во Флорианской псалтыри стяженные формы и в других падежах, хотя здесь более обычными являются нестяженные: вин.п. ед.ч. ж.р. у *duszó swó... vsadzi, wiymi duszó mó ~ widz móiú smaró*; вин.п. ед.ч. ср.р. *miloserdze swe ~ w dziedzicstwie twoie* у *w trzymane twoie*; вин.п. мн.ч. м.р. *nad towarzisze twe ~ им.п. мн.ч. м.р. sódowe twogi*; мест.п. мн.ч. *we wszech skutczyech swych albo swogych*. В иных памятниках отмечаются и другие стяженные формы, например: *twey móky, twey... zpaumosczy, mee[m], swych czarow, naswa 'na swa' kolana (ŽB)*.

В памятниках, в которых вновь различаются оба носовых (*ę < ą* и *o < ǫ* - письменный носовой *ǫ*), в вин.п. ед.ч. ж.р. нестяженных местоименных форм представлен носовой переднего ряда, в отличие от местоименного типа склонения прилагательных.

В род.п. ед.ч. ж.р. наряду с этимологическим -*e* (*moje < *mojejě* с утратой интервокального *j* и последующим стяжением) и стяженными *me*, *twe*, *swe* (в обоих случаях с *e* долгим) отмечаются формы дат.п. (*mojej < mojeji* с редукцией конечного *i*). Ср.: *s gori swótey swoiey, od lichoti moiey, czynucz woley twogey (PF)*.

Для указательного местоимения *сь в древнепольских памятниках отмечаются только отдельные формы, что не позволяет реконструиро-

вать всю парадигму. Например, па *sie* *Gody*, *czso* *mają* *przyjść*⁸⁸; *KŚ*: *abycz* *on* *racil* *na* *wego* *dna* *ifego* *roku* *we* *fdrovy* *we* *vely* *dopu* *ficzic* (*K10*), *noth* *ba* ' *noc* *sia* ' (*K1*), *oth* *fich* ' *ot* *sich* ' *ma* *fth* (*K4*). Следы старого указательного местоимения отражены в словах *dziś* (*дьнь *сь* - ср. *dinsa* ' *dzi* *ńsia* ' — *KŚ*, *K4*), *latoś* (< *lěto *se*), *do* *siego* *roku*, *ni* *to* *ni* *sio*.

Утратились также и вопросительные местоимения, образованные от корня *k-*: *ki*, *ka*, *ke* и *kaki*, *kaka*, *kake*. Они заменились формами *jaki*, *jaka*, *jakie*. Примеры архаизмов с *k-* из памятников: вин.п. ед.ч. ср.р. *vkake* *urem* *sg* (*r*) *esil* (*KŚ*, *K4*); ср. наречие *kako*: *O* *kako* *i* (*esc*) *tito* *c* (*r*) *ole* *mile* *rouabil* (*KŚ*, *K5*). Следы старых форм с корнем *k-* отражены в просторечных *ki* *diabel*, *po* *kiego* *diabla*.

Определительное местоимение *вьшь в польском языке представлено только в формах косвенных падежей. В им.п. ед.ч. уже в первых польских памятниках употребляются производные от *вьшь формы *wszy* (*s*) *tek*, *wszy* (*s*) *tka*, *wszy* (*s*) *tko*. Примеры: им.п. ед.ч. ср.р. *y* *wszistko* *przespeie* (*PF*), им.п. ед.ч. ж.р. *Wszitka* *slawa* (*PF*), род.п. ед.ч. м.р. *c* (*r*) *ola* *us* (*ego*) (*KŚ*, *K1*), род.п. ед.ч. ср.р. *ode* *wszego* *pocolena* (*PF*), род.п. ед.ч. ж.р. *wyesszyelym* *wszey* *zyemy* (*PP*) и т.д.

2. История форм родовых местоимений

В истории форм родовых местоимений происходят следующие процессы.

1. Стабилизация форм им.п. мн.ч., в которой можно выделить три стадии.

а) С конца XV в. вместо др.-польск. форм им.п. мн.ч. ср.р. типа *ta* (ср. *wsytka* *dzala* *twoga* - *PF*) и *moja* (*ramona* *moia* - *PF*) устанавливаются формы ж.р. типа *ty* (для твердой разновидности) и *moje* (для мягкой).

Следующие две стадии связаны с развитием в родовых местоимениях категорий одушевленности - неодушевленности (с XVI в.) и категории мужского лица (с XVII в.).

б) Этимологические формы им.п. мн.ч. м.р. на *-i* (*ci*, *wszytcy*, *naszy*), которые в памятниках XIV-XV вв. могли сочетаться и с названиями предметов и с названиями живых существ, в XVI в. употребляются преимущественно с одушевленными существительными (типа *chytrzy* *wilcy*, *naszy* *chlorsy*). С неодушевленными существительными используются формы с этимологическим окончанием вин.п. мн.ч. м.р. (и мягкой разновидности) и омонимичным окончанием *-y* (восходит к им.-вин.п. ж.р. и к вин.п. мн.ч. м.р.) в твердой разновидности. До развития категории анимальности во мн.ч. эти окончания могли упот

⁸⁸ Пример XV в. из кн.: *Klempensiewicz Z., Lehr-Splawinski I. Urbańczyk S. Op. cit.*

ребляться и по отношению к названиям живых существ. Ср.: *Wszystky od czebie czekaуѳ* (о животных: *zwierz, smok*) - PP, 103, 28.

в) С развитием в XVII в. во мн.ч. на базе категории одушевленности категории мужского лица для родовых местоимений, относящихся к существительным с семантикой мужского лица (или заменяющих таковые), устанавливается исконное окончание им.п. мн.ч. м.р. -i, а для всех остальных ("женско-вещных", предметных форм) обобщается этимологическое окончание им.п. мн.ч. ж.р. мягкой разновидности (-e < ѣ). Формирование категории мужского лица вызвало преобразование морфонологической модели им.п. мн.ч. местоимений *naszy, waszy*, в которых под влиянием форм им.п. мн.ч. других местоимений с конечным мягким согласным основы (*ci, owi, sami* и т.д.) отвердевшие к середине XVI в. *š, ž* замещаются мягкими *ś, ź*. Ср. в PF: *oczczowe nasi* и современные *nasi, wasi*.

2. Изменения в тв.п. ед.ч. и мест.п. ед.ч. м. и ср.р. и тв.п. мн.ч.

Эти изменения - морфологическое следствие фонетической закономерности расширения *i, y* перед *N* (см. § 34). Данный процесс начинается с конца XV в. Если во Флорнанской псалтыри последовательно различаются мест.п. ед.ч. м. и ср.р. и тв.п. ед.ч., то в Пулавской псалтыри они уже нередко смешиваются. Ср. мест.п. ед.ч. м. и ср.р. во Флорианской псалтыри: *w gniewe swoiem, w serczu swoiem* (PF) и *wgniewuye swoym u w goszyerdzyu swoym, wszyerczu swoym* (PP); при тождественности тв.п. ед.ч. м.р. *nad ludem twogim* (PF, PP, 3, 8).

В тв.п. мн.ч. с XV в. вместо этимологических по мягкому типу форм на -*ymi / -imi* появляются формы с флексией -*emi*.

Несмотря на искусственные правила грамматиков, предлагающих различать окончания -*im/-ym* ~ -*em* и -*emi* ~ -*ymi/-imi* по признаку рода (ср.р. ~ м.р.) или мужского-немужского лица определяемого или замещающегося местоимением существительного, окончательно победила тенденция падежного синкретизма, закрепленная орфографическими правилами 1936 г.: и в ед. и во мн.ч. установились этимологические окончания тв.п. (мест.-тв.п. ед.ч. -*im/-ym*, тв.п. мн.ч. -*imi/-ymi*).

3. В род., дат. и мест.п. ед.ч. ж.р. с XVI в. побеждает тенденция к синкретизму и устанавливается этимологическое окончание дат.п. ед.ч. -*ej*.

4. В вин.п. ед.ч. ж.р. -*ę* сохраняется и в новопольскую эпоху. Ср., например, в польско-французских диалогах, изданных в 1774 г., обычные формы с *ę*: *moię bieliznę, zagrzać swoię pościel, swoię częś ć, oddać moię powinność*. Более новые формы с -*ą* (если это не опечатки) отмечены дважды: *umiał swoią lekcyą, któż miał moią ksiązkę*.

Формы с носовым переднего ряда встречаются до середины XIX в. (может быть, несколько длившееся они сохраняются на "кресах" - ср. у С.Гоцинского: *Mrukał ataman i szedł w drogę swoję* - ZK). Тенденция к падежному синкретизму (совпадение окончания вин.п. ед.ч. с тв.п.

ед.ч. ж.р. и флексией соответствующих форм генетически полных прилагательных) побеждает в XIX в. Исключением является форма вин.п. ед.ч. *te*, которая, однако, в живой польской речи вытесняется формой с носовым заднего ряда.

Об утрате форм дв.ч. см. § 101.

§ 65. История местоимения 3-го л. (так называемого лично-указательного местоимения)

В древнепольских памятниках, как и в старославянских, отражена тенденция замены в анафорической функции форм им.п. всех родов и чисел местоимения *ji* соответствующими формами местоимения *op*, *opa*, *opo*. Таким образом, возникла новая парадигма анафорического (лично-указательного) местоимения, которая объединяла в себе им.п. всех родов и чисел местоимения *op* и косвенные падежи местоимения *ji*.

Рассмотрим некоторые формы.

1. В род.п. ед.ч. ж.р. наряду с этимологической формой *jeje* < *jeĵe употребляется стяженная форма *je* (ср. *wie suotè(m) ziuose* - KŚ, K2), а с XIV в. - неэтимологическая флексия *jej* из дат.-мест.п. ед.ч. (в которой редуцировался конечный гласный: *jej* < *jeji).

2. Вин.п. ед.ч. м.р. *ji* < *ĵь до конца XIV в. является обычной формой древнепольских памятников. Ср.: *Oua gi... u[ida]l hab(ra)ham...*, *au(to)re gy uidal moyses* (KŚ, K6); *Strzesze gospodyyn wszytky tylvuancze gy* (PF). В конце XIV в. отмечаются пока еще редкие примеры с вин.п. ед.ч. *go* < *jego*. Эта форма представлена в первую очередь в памятниках, язык которых близок к разговорной речи того времени. Например: *Iaco to swatczimi, iako Iura pechczal pomocz Potrkowi spaulem praua y zaprzalsszò go* (RPP, 1387) при обычном и здесь *gi* (ср.: *Iaco to swatczimi, przesto Miroslaw zabil Jana, yszmu otpouadal y krad gy* (1387), *to gi ranil* (1390), *iaco tu gy Przbislaw posslal* (1390) и т.д.).

После предлога в вин.п. ед.ч. употреблялось *ń*, которое сохранилось до сих пор в известных с первых памятников сочетаниях *weń*, *zań*, *przezeń*⁸⁹.

В беспредложном вин.п. ед.ч. ж.р. в памятниках, в которых различаются носовые переднего и заднего ряда, представлен носовой заднего ряда, в то время как после предлогов употребляется форма *nie*.

89 Эпентетическое *ń* в местоименных формах возникло из сочетаний предлогов *vъn, *zъn, *kъn с местоименными. При этом происходило переразложение: вин.п. ед.ч. м.р. *vъn* + *ĵь* > *vъ nъ* > *weń*; тв.п. ед.ч. м. и ср.р. *zъn* + *ĵь* > *zъnĵь* > *nĵ* > *z nĵ*; мест.п. ед.ч. м. и ср.р. *vъn* + *ĵь* > *vъnĵь* > *w nĵ*; тв.п. ед.ч. ж.р. *zъn* + *ĵь* (< *jeĵь) > *zъnĵь* > *s nĵ* > *z nĵ*. Позднее формы с *ń* распространились после всех предлогов. В древнепольских памятниках после других предлогов представлены формы без *ń*, ср.: *o get ze pise* (KŚ, K2) при *knem* (K4), *snim* (K4).

3. В памятниках отмечены только формы дат.-тв.п.дв.ч. *ji*ta и *pi*ta (после предлогов).

В истории лично-указательного местоимения выделяются следующие основные этапы: до второй половины XV-XVI в., переходный период с XV-XVI до XVII в. и с XVII в. Выделение XV-XVI вв. в качестве хронологического рубежа обусловлено следующими процессами:

а) смещением со второй половины XV в. тв. и мест.п. ед.ч. м. и ср.р. в варианте *-im/-um* или *-em*;

б) появлением в XVI в. в тв. беспредложном *ń* (*ni*m наряду с *im*, *ni*a - с *ja*, *ni*mi наряду с *imi*);

в) преобразованием им.п. мн.ч. (здесь выделяются те же стадии, что и в истории указательных местоимений твердой разновидности: им.п. мн.ч. ср.р. *opa* заменяется в течение XV в. формой ж.р. или вин.п. мн.ч. м.р. *opu*, которая в свою очередь в течение XVI в. уступает форме *one* по мягкому типу при указании на неодушевленные предметы);

г) утратой в течение XVI в. редких и в древнепольских памятниках форм дв.ч. (см. § 101).

В XVII в. в связи с развитием на базе категории анимальности категории мужского лица устанавливается и современное распределение форм *oni* ~ *one*, а также утрачиваются формы тв.п. без *ń* (исключение: идиоматический оборот *im... tum*).

После XVII в. происходит только частное изменение в одной форме: в вин.п. ед.ч. ж.р. с предлогом. Со второй половины XIX в. здесь побеждает тенденция к замене носового переднего ряда носовым заднего ряда (*и*, следовательно, при совпадении с формой тв.п., - тенденция к падежному синкретизму).

Признание грамматиками одного варианта для тв. и мест.п. ед.ч. м. и ср.р. с *-im/-um* и варианта *ni*mi для тв.п. мн.ч. представляет собой закрепление в орфоэпии и орфографии процесса, который уже давно осуществился в языковой действительности.

ИМЯ ПРИЛАГАТЕЛЬНОЕ

§ 66. Краткие и полные формы прилагательных. Основные тенденции развития прилагательных

От праславянского языка древнепольский унаследовал два морфологических класса прилагательных: краткие и полные прилагательные. Оба этих класса употреблялись в функции определения, причем распределение кратких и полных форм было аналогично дистрибуции неопределенного и определенного артиклей в современных романских или германских языках: краткие формы употреблялись по отношению к неопределенному, определенному предмету, полные - по отношению к уже известному, определенному предмету. Краткие формы функционировали и в качестве единственно возможных в составе сказуемого.

Краткие и полные формы обладали словоизменительными категориями рода, числа и падежа. При этом словоизменительные типы кратких прилагательных были такие же, как у существительных, что и отражено в польском термине *gzezownikowe* (русское традиционное название "именные"). Другое название полных прилагательных - местоименные (*zaimkowe*) - тоже указывает на словоизменительный тип и происхождение форм. Полные прилагательные образовались из сочетания краткой формы с местоимением *ъ, *ја, *је, обусловившим совпадение в ряде случаев окончаний этих прилагательных и указательных местоимений.

Краткие и полные формы прилагательных, обозначающих качества, имели сравнительную и превосходную степени сравнения.

В истории польского имени прилагательного проявились две основные взаимосвязанные тенденции :

1) постепенная утрата кратких прилагательных как особого морфологического класса;

2) закрепление в функциях и определения, и именной части сказуемого полных форм прилагательного как единственно возможных (за исключением отдельных лексических реликтов кратких форм, употребляемых в функции компонента сказуемого).

В каждом из морфологических типов - утрачивающемся кратком и расширяющем сферу своего употребления полном - на разных этапах исторического развития наблюдались свои тенденции.

В частности, в местоименном типе происходили такие явления, как утрата двусоставности вследствие фонетического процесса стяжения (см. § 31.6), а в некоторых падежных формах вследствие утраты первой части местоимения *ъ, *ја, *је или флексии именной части; расширение древней тенденции к утрате родовых различий во мн.ч. на формы

м. и вин.п. мн.ч.; тенденция к смонимии форм ед.ч. ж.р. (см. род., ат., мест.п.); длительность процесса становления флексий, обусловленная двумя фонетическими причинами: преобразованием долгих гласных в суженные и дальнейшими их изменениями (см. § 33.4) и аширением *i/u* перед носовыми согласными, что повлекло за собой длительный этап смещения флексий в тв., мест.п. ед.ч. м. и ср.р. и появление неэтимологического окончания в тв.п. мн.ч.; наконец, развитие в вин.п. ед.ч. и им., вин.п. мн.ч. категорий одушевленности-неодушевленности, а затем в им.-вин.п. мн.ч. мужского-немужского лица как категорий согласовательного (синтаксического) типа.

Большая часть указанных тенденций имеет "отраженный" характер, связана с явлениями других уровней (фонетики) или с процессами, происходящими в первую очередь в других частях речи (формирование категорий одушевленности-неодушевленности и мужского лица как качества лексико-грамматических в имени существительном), а также в силу генезиса полиных адъективных форм известна частям речи, вошедшим в состав прилагательных (омонимия род., дат., мест.п. ед.ч. к.р. и утрата родовых различий в им.-вин.п. мн.ч. "родовых" местоимений).

Краткие формы утратились не бесследно. Эти формы пополнили лексический инвентарь других частей речи (существительных и главным образом довольно ущербного в древности класса наречий). В результате утраты особого морфологического класса именных форм появились в сформировавшемся из этого класса (и по аналогии с ним) типе наречий на *o* (им.п. ед.ч. ср.р.) и *e* (мест.п. ед.ч.) "парадоксальные" для наречия изменяемые формы⁹⁰ (вернее, произошло переосмысление компаратива кратких прилагательных как форм сравнительной степени наречий). Этот "инородный" характер компаратива для класса наречий, вытекающий из гетерогенности состава этого класса, вероятно, обуславливает традицию отнесения этих форм в издле "Словообразование" для сохранения постулата о неизменяемости как свойстве наречия любого типа.

§ 67. История кратких форм

В доисторическую эпоху краткие формы прилагательных м. и ср.р. изменялись по типу существительных с древними основами на **-ō* и **-jō*, а женского рода — по типу древних основ *ia* **-a* и **-ja* (см. табл.).

Некоторые исследователи считают причиной постепенного исчезновения кратких форм и вытеснения их местоименными недостаточную формальную выразительность флексий кратких прилагательных,

⁹⁰ Формы компаратива наречий (генетически кратких форм прилагательных) см. в изделе "Морфология" (§ 69).

не отличающихся от показателей сочетающихся с ними существительных⁹¹.

Длительный процесс утраты кратких форм как особого морфологического класса осуществлялся неравномерно: более замедленно в определенных синтаксических и морфологических позициях, а также в некоторых семантических группах.

При исключительном употреблении кратких форм в функции именной части составного именного сказуемого (*orzecznik*) наиболее обычными уже в древиспольских памятниках были соответственно формы им.п., чаще им.п. ед.ч. м.р.⁹².

Примеры с краткими формами в функции компонента сказуемого: им.п. ед.ч. м.р. *leniu ics* (с) (KŠ, K2), *on bil barszo veszol* (KG, K1), *Sztw iest gospodzin* (PF), *oplwył byl* (PP); им.п. ед.ч. ср.р. *Gotowo sercze mole* (PF).

Широко сохраняются краткие формы в указанной функции в формах, которые обладают словоизменительными категориями прилагательных, но входят в парадигму глагола, а именно в страдательных причастиях. Краткие формы страдательных причастий отмечаются у литераторов XIX в., например, в произведениях А.Мицкевича (*ów mał bóg wojny, Otoczon chmurą pułków* — PT), В.Сырокомли (в "Яне Демборге": *Zubożon, stworzon*).

В функции определения наиболее длительно сохранялись краткие формы притяжательных прилагательных на -ow (-o, -a) и -in (-o, -a). Например: им.п. ед.ч. м.р. *Herodyaszow dom* (PP); им.п. ед.ч. ср.р. *Chwalane panowo* (PP); род.п. ед.ч. ж.р. *od boiazni neprzyczelowi wiymi duszō mó* (PF); дат.п. ед.ч. ж.р. *kupotruszczine rance* (RPK, 1398); вин.п. ед.ч. ср.р. *przeużył Ihezv Christusowo* (ŽB); род.п. ед.ч. м.р. *boga iacobowa* (PF); мест.п. ед.ч. ср.р. *wsycmycnyv Abramowye* (BSz, Tob.); им.п. мн.ч. ж.р. *kszołgi Moysesowi* (BSz, Gen.).

Эти формы отмечаются и в памятниках, отражающих особенности живой речи XIV в.: мест.п. ед.ч. ср.р. *Iaco Vawrzinecz pobral naswem szytho, anc na Miroslavine* (RPP, 1388).

Однако и в притяжательных прилагательных на -ow, -in часты местоименные формы, причем не только во мн., но и в ед.ч.: им.п. ед.ч. ср.р. *przyrodzene gesth tho woszeve* (KG, K6); род.п. ед.ч. ср.р. *podlug podobenstwa woszowego* (PF); вин.-род.п. ед.ч. м.р. *Micolay ranil Wlostowego szestrzincza* (RPP, 1390), род.п. ед.ч. ж.р. *do Micolayewey domu* (RPP, 1398).

91 При этом краткие формы им.п. от полных возможно отличить только в им.п. ед.ч. м.р. (я при -i/-у в полной), им.п. ед.ч. ср.р. твердой разновидности (-o при -e в полной), им.п. мн.ч. ж.р. твердой разновидности (-у при -e в полной). В остальных случаях различие краткой и полной форм заключалось в краткости-долготе флексии, которая в большинстве случаев в памятниках не отражалась.

92 Rospond S. Op. cit. S.284.

Только отдельные примеры косвенных падежей отмечены для других прилагательных: ср. виш.п. ед.ч. м.р. одуш. *puscyl gy czala yzdrowa* (ЗВ) (в функции дополнения при сказуемом).

Постепенно число лексем, которые употреблялись в функции именной части сказуемого в краткой форме им.п. ед.ч. м.р., сокращается: или они употребляются в полной форме (ср. у М.Рея: *pan podobien ku świni* — *Wizer.* и совр. *podobny*, у В.Потоцкого: *godzien stać* - *W.Ch.* и совр. *godny*), или утрачиваются (например, вместо *pražen*, популярного в XVI в., совр. *próżny*). Длительнее сохранялись эти формы в языке поэзии: ср. у В.Сырокомли - *dostojen herbu*; *starzec, szczęśliw ze mnie* (Dęb.).

Небольшое число лексем (*gotów, zdrów, ciekaw, pewien, laskaw, rękę, gad* и др.) и в настоящее время употребляется в составе сказуемого в краткой форме. Некоторые из них встречаются как в краткой форме, так и в полной. Ср. в произведениях С.Гощинского - при тенденции к кратким формам в стихах в прозе использованы полные формы: *roznać Machnickiego. gdyż jestem pewny, że* (Кг.З.).

Кроме лексикализованной группы кратких форм прилагательных, употребляющихся в функции компонента составного именного сказуемого, генетически именными формами прилагательных являются также следующие слова.

1. Наречия:

а) упоминавшиеся уже наречия на -о и -е; под влиянием генетических форм им.-виш.п. ед.ч. ср.р. с твердым согласным (*daleko, bosy* и т.п.) появились новообразования на -о с мягким исходом основы (*glupio, tanio*); под влиянием исконных форм мест.п. ед.ч. ср.р. *wcale, wkrótce, dalece* появились новообразования с -е;

б) им.п. ед.ч. ср.р. краткого прилагательного представляют собой по происхождению предикативные наречия типа *warto, powinien*;

в) наречия, образованные из сочетания род.п. ед.ч. с предлогом (*bez mała, z cicha*);

г) наречия, образованные из сочетания дат.п. ед.ч. с предлогом *po* (типа *po cichu*);

д) наречия, образовавшиеся из сочетания предлога с род.п. мн.ч. (типа *z dawien dawna*).

2. Существительные:

а) топонимы на -ów, -owa, -owo, -in, -ina, -ino, -yn, -yna, -yno, -sk: *Kraków, Częstochowa, Radomsko, Tomaszów, Koźmin* и др.⁹³;

б) наименования женщин по имени или по профессии мужа (типа *Zarębina, starościna*).

⁹³ К более древним формам притяжательных прилагательных, уже не относящимся к таковым для древнепольского периода, принадлежат образования с суффиксом *-jъ: *Poznań + jъ > Poznań, *Sierad + jъ > Sieradz.

§ 68. История полных форм прилагательных

1. Утрата двусоставности

Уже в первых польских памятниках отражены процессы стяжения и упрощения, причем процесс упрощения предшествовал стяжению. В прилагательном сокращались флексии, содержащиеся во втором слоге *m* и *x* (тв.п. ед.ч. м. и ср.р., дат.п. мн.ч. м., ж., ср.р., тв.п. мн.ч. ж.р., мест.п. мн.ч. м., ср., ж.р.), а в местоименной части - первая часть двусложной флексии (-je), которая всегда предшествует *j* (в род., дат., тв., мест.п. ед.ч. ж.р.) - см. табл. 4.

Вследствие этих процессов к периоду, предшествовавшему стяжению, родовые различия в парадигме мн.ч. были утрачены в дат., тв. и мест.п. мн.ч.: в дат.п. вместо м. и ср.р. *staromъ-jimъ* и ж.р. *staramъ-jimъ* появилось *staryjimъ*, в тв.п. вместо м. и ср.р. *stary-jimi* и ж.р. *starami-jimi* образовалось *staryjimi*, в мест.п. вместо м. и ср.р. *starĕxъ-jixъ*, отличающегося от ж.р. *staraxъ-jixъ*, появляется *staryjixъ*. Родовые различия сохранялись только в им. и вин.п. мн.ч., причем в вин.п. в меньшей степени, поскольку в нем противопоставлялись не три рода, а два: ж. и м.р. среднему. На протяжении исторического периода в развитии польского языка утрачиваются и эти различия. Они, как мы увидим, трансформируются в бинарную оппозицию в им. и вин.п. мн.ч. на совсем новых основаниях (см. § 68.4).

При утрате интервокального *j* и стяжении, как правило, звук, предшествующий *j*, уподоблялся последующему: им.-вин.п. ед.ч. ср.р. **staroje* > *staroe* > *starĕ*, род.п. ед.ч. м., ср.р. **pĕša j ego* > *pĕša ego* > *pĕšego*. дат.п. ед.ч. ср., м.р. **starujemu* > *staruemu* > *staremu* и т.д. Группа **ujj* (**ujjimi*, **ujjimъ*, **ujjixъ*) дала *u* (-*umi*, -*um*, -*ux*), группы **ujъ* и **ijъ* — соответственно -*u* (**staryjъ* > *stary*) и -*i* (**pĕšijъ* > *pĕši*).

Примеры из Свентокшиских проповедей - первого древнепольского памятника на польском языке - свидетельствуют о том, что процесс происходил в дописьменную эпоху: им.п. ед.ч. ср.р. *mochnę bostuo sm(er)ne narodene* (K4); им.п. ед.ч. м.р. *c(r)ol sm(er)ny* (K4); *clouek g(re)sny* (K4); род.п. ед.ч. м.р. *króla taso csnego* (K4); род.п. ед.ч. ж.р. *izbi pas otuecne (= od wieczne) sm(ir)cy zbauil* (K4); род.п. ед.ч. ср.р. *c(r)ol(c)stua neb(e)sk(e)go*; мест.п. ед.ч. м.р. *pa uisokem stolcy* (K6); мест. ед.ч. ср.р. *v suotem pisany* (K6) и под.

Изредка в памятниках отмечается этимологическая долгота: им.п. ед.ч. ср.р. *bozee iest krolewstwo* (PP, 21, 31); вин.п. ед.ч. ср.р. *vczynyl blysznyemu swemu zlee* (PP, 14.4); тв.п. ед.ч. м.р. *velikiim gloszem* (KG, K2); *se sliim duchem* (KG, K6), *bosziim gyczerzem* (Ibid.); дат.п. мн.ч. *slugam bosziim* (KG, K1).

Таблица 4

Реконструкция праславянской парадигмы склонения полных прилагательных

Число	Падеж	До упрощения			После упрощения (до стяжения)		
		РОД			РОД		
		мужской	средний	женский	мужской	средний	женский
Ед.	И.	dobrъ-jь pěšъ-jь	dobro-je pěše-je	dobra-ja pěša-ja	dobry-jь pěši-jь	dobro-je pěše-je	dobra-ja pěša-ja
	Р.		dobra-jego pěša-jego	dobry-jejě pěšě-jejě		dobra-jego pěša-jego	dobry-jě pěšě-jě
	Д.		dobru-jemu pěšu-jemu	dobrě-jeji pěši-jeji		dobru-jemu pěšu-jemu	dobrě-ji pěši-ji
	В.	dobrъ-jь pěšъ-jь	dobro-je pěše-je	dobrŏ-jo pěšŏ-jo	dobry-jь pěši-jь	dobro-je pěše-je	dobrŏ-jo pěšŏ-jo
	Т.		dobromъ-jimъ pěšemъ-jimъ	dobrŏ-jejo pěšŏ-jejo		dobry-jimъ pěši-jimъ	dobrŏ-jo pěšŏ-jo
	М.		dobrě-jemъ pěši-jemъ	dobrě-jeji pěši-jeji		dobrě-jemъ pěši-jemъ	dobrě-ji pěši-ji
Мн.	И.	dobri-ji pěši-ji	dobra-ja pěša-ja	dobry-jě pěšě-jě	dobri-ji pěši-ji	dobra-ja pěša-ja	dobry-jě pěšě-je
	Р.		dobrъ-jichъ pěšъ-jichъ	dobrъ-jichъ pěšъ-jichъ		dobry-jichъ pěši-jichъ	dobry-jichъ pěši-jichъ
	Д.		dobromъ-jimъ pěšemъ-jimъ	dobramъ-jimъ pěšamъ-jimъ		dobry-jimъ pěši-jimъ	dobry-jimъ pěši-jimъ
	В.	dobry-jě pěšě-jě	dobra-ja pěša-ja	dobry-jě pěšě-jě	dobry-jě pěšě-jě	dobra-ja pěša-ja	dobry-jě pěšě-jě
	Т.		dobry-jimi pěši-jimi	dobrami-jimi pěšami-jimi		dobry-jimi pěši-jimi	dobry-jimi pěši-jimi
	М.		dobrěchъ-jichъ pěšichъ-jichъ	dobrachъ-jichъ pěšachъ-jichъ	dobry-jichъ pěši-jichъ		dobry-jichъ pěši-jichъ

Как мы видим, древнепольские формы отличаются от современных этимологическими флексиями $\bar{e}$ в род.п. ед.ч. ж.р., $\bar{e}n$ в мест.п. ед.ч., $\bar{a}$ в им.-вин.п. мн.ч. ср.р. С историей именно этих падежных форм связаны остальные тенденции в формировании словозменительной парадигмы местоименных прилагательных.

2. Омонимия родительного, дательного, местного падежей единственного числа женского рода

Закономерный род.п. ед.ч. с флексией $\bar{e}$, отмечаемый в древнепольских памятниках (ср. в KG: *mathky bosze obraz* (K2), *dobre uole* (K1)), вероятно, вследствие близости произношения $\bar{e}$ и e_j смешивается с формой дат.п. При этом флексия дат.-мест.п. ед.ч. в функции род.п. ед.ч. ж.р. отмечается в средневековье даже чаще, чем этимологическое окончание. Ср. в PF: род.п. ед.ч. ж.р. *rozpapie werney swatlosci, s drogi praweju* наряду с этимологическим мест.п. ед.ч. *w metle szelazney*.

Изредка встречается и отражение обратного направления такого смешения: этимологическая флексия род.п. $\bar{e}$ в формах дат.-мест.п. ед.ч. Ср. в KG: дат.п. ед.ч. ж.р. *ku uekuge (= wiekuję) swathlosczy* (K1), *kuszyrokosczy welike* (K2).

Суженный характер $\bar{e}$ (как самостоятельной флексии, так и в составе e_j) вызывает спорадическое появление в род.-дат.-мест.п. ед.ч. ж.р. окончаний $\bar{u}$, $\bar{u}j$, $\bar{i}$, $\bar{i}j$. Тенденция к омонимии форм род.-дат.-мест.п. ед.ч. ж.р. завершается установлением в них одного окончания $\bar{e}j$, которое с утратой суженных гласных в литературном языке преобразовалось в e_j .

3. Судьба творительного и местного падежей единственного числа мужского и среднего рода и творительного падежа множественного числа

В древнепольских рукописных памятниках последовательно различаются флексии тв.п. и мест.п. ед.ч. м. и ср.р. и употребляется одна флексия $\bar{u}mi$ ($\bar{i}mi$) в тв.п. мн.ч. Примеры: мест.п. ед.ч. ср.р. *wiego diune(m) narod(eny)*, *w yego ucesne(m) uelikih chud cyneny* (KŠ, K5), мест.п. ед.ч. м.р. о *swõthem Petrze* а о *swõthem gane* (KG, K9), тв.п. ед.ч. ср.р. *przed obliczim watrowim* (PF, 17, 46).

С конца древнепольского периода отмечается продолжающийся около четырех веков процесс смешения этимологических флексий тв.п. и мест.п. и распространения неэтимологического окончания $\bar{e}mi$ в тв.п. мн.ч. Примеры: тв.п. мн.ч. *kapeluszami niemieckimi, osękami żelaznemi* — Pas. Pam. (1659), *Gdybyś my byli obyczaynieyszemi* были, nie bylibyś my byli *karanemi*. *Bądź my milofiernemi* ku ubogim — Błr (1774).

Грамматисты предлагают ввести принцип родового распределения флексий *-em ~ -um/-im* в тв. и мест.п. ед.ч. (например, В.Шилярский, О.Копчинский): *-em* в мест. и тв.п.ср.р., *a-um/-im* - м.р. Флексию тв.п. мн.ч. они пытаются искусственно использовать как синтаксическое средство передачи лично-мужской семантики определяемого существительного: с такими словами предлагается употреблять *-umi/-imi*, а со словами, лишёнными указанной семантики, — *-emi*. На практике в ед.ч. родовой принцип довольно часто соблюдается (естественно, только на уровне орфографии), а в тв.п. мн.ч. преобладает тенденция к использованию либо *-emi*, либо *-umi*. Часто отмечается и смешение обоих вариантов (и *-emi* и *-umi/-imi* без каких-то правил дистрибуции). Окончательно современный тип распределения, закрепивший в ед.ч. тенденцию к омоимии форм тв. и мест.п. ед.ч. м. и ср.р., а во мн.ч. возвращение к древнепольской флексии, установился после реформы 1936 г.

Расширение флексии *-i/-u* перед *m* в дат.п. мн.ч., результатом чего были варианты *-em/-em*, не имело в XV-XVI вв. такого повсеместного характера, как в тв. и мест.п. ед.ч. и тв.п. мн.ч.

Долготные отношения в формах прилагательного претерпевали те же изменения, что и в местоимениях. Долгие *i* и *u* сократились, долгий носовой в вин. и тв.п. ед.ч. ж.р. со второй половины XV в. преобразовался в *o* (письм. *a*). Континуанты долгих *a* и *e* в составе адъективных флексий подверглись тем же изменениям, что и в большинстве других форм, результатом чего в литературном языке явилось совпадение *a* и *ä*, *e* и *ě* в звуках *a*, *e*.

4. Выражение категорий

одушевленности-неодушевленности и мужского лица у прилагательных

Уже в древнепольских памятниках вин.п. ед.ч. местоимения, обозначающего живое существо, употребляется с род.п. ед.ч.: ср. *puscył gy czala yzdrowa* (ЖВ).

При развитии категории одушевленности-неодушевленности у существительных (см. § 43) согласуемое с одушевленным существительным прилагательное, краткое и полное, также употребляется в род.п. ед.ч. при использовании вин.п. ед.ч. для неодушевленного существительного.

Семантической дифференциации флексий им. и вин.п. мн.ч. по принципу одушевленности-неодушевленности предшествовала утрата в этих формах показателя ср.р. *-a*, который в XV-XVI вв. замещается флексией *-e (> ě)* по аналогии с адъективами ж.р. (им.п. мн.ч. ж.р.) и вторичной флексией им.п. мн.ч. м.р. (из вин.п. мн.ч. м.р.), проникшей в им.п. вследствие тенденции к употреблению в функции им.п. старого

вин.п. как существительных (в первую очередь обозначающих неживые существа), так и согласуемых с ними определений. Если в древнепольских памятниках мы читаем *vsta pełna* - PF (им.п. мн.ч. ср.п.), *drwa polna* - PF, PP (вин.п. мн.ч. ср.п.), *Sloua znamenita* - KŚ, K2 (вин.п. мн.ч. ср.п.), то в XVI в. обычными являются современные по виду (но не по функции!) формы прилагательных с -e.

С формами исконного им.п. мн.ч. существительных м.р. (с флексиями -i и -owie) в определениях употребляется окончание м.р. -i, изменившееся после отвердевшего ряда *š, ž, č, ž, c, z* в -y со второй половины XVI в.: *svōczy angely* (KG, K2), *bracia moia, mali, welicy* (PF), *wōszeu mōdrzy* (KG, K6) и *cedrowe lybanszczy* (PF), *czedrowye lybaynszczy* (PP, 103, 18).

С формами исконного вин.п. мн.ч. существительных м.р. в функции им.п. мн.ч. употреблялась соответственно и форма прилагательного в вин.п. мн.ч. (иа -e), причем эта согласовательная закономерность никогда не нарушалась: и в период возрождения старой тенденции замены им. на вин.п., и в современном языке при стилистически маркированных формах типа *chlory*, с которыми невозможно сочетание формы прилагательного на -i. Ср. у А.Мицкевича: *wszyscy dookola Kusego albo też Sokola, Ci jak znawcy, ci znowu jak naoczne świadki* - PT.

При формировании категории одушевленности - неодушевленности во мн.ч. существительных не происходит изменения показателей им.п. мн.ч. прилагательных м.р. Формы типа *wielcy ptacy* или *dobrzy towarzysze* сохраняются с древнепольского периода, причем первые только до утраты категории анимальности во мн.ч., а вторые, переосмысляясь, до настоящего времени. При этом наличие форм типа *rozliczni stanowye* свидетельствует о том, что показатель -i (-y после отвердевших) в им.п. мн.ч. прилагательных в период формирования категории одушевленности - неодушевленности нельзя считать исключительно показателем определений одушевленных существительных. Употребление -i все еще тесно связано с происхождением формы существительного, а не с его семантикой. В функции исконного вин.п. мн.ч., как и в случае его вторичного использования, с формой вин.п. мн.ч. существительных последовательно представлен вин.п. мн.ч. м.р. прилагательного: *przez złe angyoly* (PP), *on tho był, prze fszythke verne krescygany vcynil* (KG, K9).

Употребление род.п. мн.ч. в функции вин.п. мн.ч. для одушевленных существительных (и соответственно прилагательных, их определяющих) наблюдается позднее, чем специализация показателя им.п. мн.ч., и не находит в рамках категории одушевленности-неодушевленности последовательного выражения. Даже в период формирования категории мужского лица длительно (особенно в стихотворных произведениях) для существительных с семантикой мужского лица (и соответственно в определениях к ним) используется старый вин.п. мн.ч.

С формированием категории мужского лица в XVII-XVIII вв., с утратой форм типа *rozliczni stanowie* и *wielcy ptacy* при сохранении только *dobrzy towarzysze*, противопоставленного *dobrze koty* и *dobrze kobiety*, показатели прилагательного в им.п. мн.ч. -i (-y) и -e приобрели следующую дистрибуцию: -i - показатель лично-мужских форм, -e -женско-предметных. Исконная флексия вин.п. мн.ч. м. и ж.р. -e является показателем вин.п. мн.ч. неличных форм, а вторичная флексия вин.п. мн.ч. (из род.п. мн.ч.) -ych(-ich) - показатель личных форм.

С развитием категории мужского лица так же, как у существительных с sh-финалью основы и у местоимений *pasz*, *wasz*, происходит изменение морфонологической модели в им.п. мн.ч. лично-мужской формы прилагательных с sh-исходом основы и в *duży*: появляются формы *glusi*, *duzi*.

§ 69. История компаратива

Признак усиления качества в глагольном определении (современный класс наречий на -o, -e, которыми дополнили польский язык краткие формы прилагательных) в первых польских памятниках передается путем присоединения к адъективному корню суффиксов -e (редко) и -ej. Суффикс -e восходит к форманту *je, а суффикс -ej - к форманту *ěje, который утратил конечный гласный. Формант -ej (*starzej*, *powiej*) оказался активнее и вытесняет уже в XV в. зафиксированный в древнепольских текстах показатель -e: ср. а *bycz gap ięcze* (= więcej) *mókó cirpal był* (KG, K9), а *wschyték lyud schlyschaczto naszylnye szye dzywovaly* (RPrzem.).

Уже во Флоринской псалтыри вместо более древней формы *drzewie* употребляется *drzewiej*: *Drzewey, niszli sô vrozumeli*.

Признак усиления качества какого-либо предмета передавался с древнепольских памятников с помощью сохранившихся до настоящего времени средств: суффиксов -sz(-y) < *jъs-jъ и -ejsz(-y) < *ějъs-jъ. Одни формы с этими показателями унаследованы древнепольским языком от более древнего состояния, другие образованы по аналогии с древними формами. Примеры: *bo c(r)ol milosciueysy*; ... *bo crol scedreysy* (KŠ, K5), *ize tecto c(r)ol yc(r)oleuich iesc mochneysy* (Ibid.), *Allecz dzisza gescze pefnepsze pouiniy szęc nam bily* (KG, K2), *ne gest (cy on) bil svôthszy* (Ibid.), *y mlodsi iesm bil* (PF), *zye byly dlusche* (RPrzem).

На протяжении исторического периода развития в компаративе происходили следующие преобразования, помимо изменчивости лексического состава прилагательных.

1. Изменялись морфонологические модели некоторых форм компаратива. Так, на смену др.-польск. *ciszszy*, *liszszy*, *więzszy* или *więczszy*⁹⁴ пришли более новые *cichszy*, *lichszy*, *większy*.

94 Ср.: *ięczszy* (KG), *azwyatto wyęczsze* (BSz, Gen.), *świáło więfê* (BW).

2. Изменялись правила, определяющие возможность - невозможность образования синтетических форм сравнения. Ср. у М.Рея: *Zawždy rápná vbrańsa, niżli v ney* быуа и невозможность образования в современном языке подобных форм от причастий. Ср. также частотную в древнепольском, известную в более позднее время и широко распространенную в диалектах форму *ínszy* в значении 'не этот, другой'. Пример из источника XVIII в.: *profze Wc Pan o inszy czerwony zloty* (Blr).

3. Изменения в дистрибуции *-sz-* и *-ejsz-*. Ср. совр. *prostszy* и у Я.Пасека *najprościejszym* traktem (Pam.). Шире круг образований на *-ejsz* в периферийном польском диалекте, что отражено в языке писателей - "кресовцев" XIX в.

4. Изменения в составе или звуковом облике союзов, участвующих в образовании компаратива. Например, утрачивается в этой функции союз *pad*, изменяются в *jak* и *niż* др.-польск. *jako* и *niżli*.

В памятниках представлены все сохранившиеся до настоящего времени супплетивные образования: *aszwyatlo mnyeysze* (BSz, Gen., I); *isz bi wocy ne smal wiszicz se czlowek na zemi* (PF); *Bo lepszy iest dzen ieden v trzemech twogich* (PF).

Превосходная степень образовывалась путем добавления префикса *pa-* к сравнительной степени. В древнепольских памятниках и у авторов XVI в. обычно употреблялся этот показатель (*pā > pá* - по традиции передается без "крески"). Примеры: *Ysze gaceszm namnieszzy poszel* (KG, K1), *Wolacz bōdō ku bogu nawiszszemu* (PF), *myloszyerdzu nawyszszego puebēdze poruszon* (PP); у М.Рея: *namileyszy bráć iřku, rzecz nagorszza* (Post.), *nabárzyey* (Wizer.), *řie by namniey przypieklo* (Wizer.), *namilřza, Bo by ř by nagodnieysym* (Wizer.).

Однако уже и в древнепольских памятниках встречается префикс *paj-*, который некоторые исследователи считают боремизмом⁹⁵. Ср.: *pa łōdzwe twoye naymocznieszzy* (PF, 44, 4), *Y wszecz naywiszřzi dal iest głom* (PF, 17, 15).

В результате конкуренции префиксов *pa-* и *paj-* в XVII в. побеждает формант *paj-*. На судьбу показателя суперлатива, по всей видимости, повлияло перемещение центра письменности и культуры на территорию Мазовшья, в говорах которого, как свидетельствуют памятники, уже с XV в. установился префикс *paj-*. Фактором, способствующим победе префикса *paj-*, могло быть также наличие его в польском языке восточных окраинных районов, многие выходцы из которых играли значительную роль в общественной и культурной жизни польского государства в XVI-XVII вв.

Как и в положительной степени прилагательных, в компаративе и суперлативе нашли отражение категории одушевленности-неодуше-

95 Kiemensiewicz Z., Lehr-Splawinski T., Urbanićzyk S. Op. cit., S.249

ленности и мужского лица. При этом в им.п. мн.ч. перед -i(-y) изменилась морфологическая модель: формы на -szy, -ejszy были заменены формами на -si и -ejsi.

ИМЯ ЧИСЛИТЕЛЬНОЕ

§ 70. Общие замечания о числительных

Данная категория, не представляющая единства по своим грамматическим свойствам и объединяемая в одну именную группу главным образом по *семантическому признаку* (слова, обозначающие *количество* или *порядок* предметов при счете) в современном польском языке, в древнепольском была еще более разнородна по составу. Если в современном польском лишь количественные (кроме *jeden*) и собирательные числительные составляют особую группу и по семантическим и по грамматическим особенностям (отсутствие категории рода, кроме числительного *dwa*, и числа, специфические падежные флексии и синтаксические свойства: например, сочетаемость с исчисляемым существительным и глагольным сказуемым, специфический порядок в именной группе - перед любым определением, кроме указательного местоимения), то в древнепольском языке даже количественные и собирательные числительные не обладали в полной мере такой спецификой, как в современном языке.

Определенные группы количественных числительных изменялись по разным, совпадающим с изменением существительных или местоимений, типам склонения. Категория рода была существенна не только для числительного 2, но и для числительных 3, 4 и собирательных, причем если в современном языке у числительного 2 форма им.п.ж.р. противопоставлена форме им.п.м. и ср.р., то в древнепольском языке характер противопоставления был иным: им.п.м.р. противопоставлялся омонимичным формам им.п.ж. и ср.р. В собирательных, из трех родовых форм которых (*dwoj*, -а, -е; *troj*, -а, -е; *czwog*, -а, -о и т.д.) сохранилась в современном языке только генетическая форма ср.р., числительные *dwoj*, -а, -е, *troj*, -а, -е изменялись по образцу местоимения *jen*, а *czwog*, -а, -о и другие по типу существительных. Таким образом, учитывая только формальные особенности слов со значением отвлеченного числа, можно говорить о формировании этой категории как особой лексико-грамматической группы на протяжении отдельных исторических этапов развития польского языка.

Так называемые порядковые числительные, многократные (типа *dwukrotny*), многообразные (типа *dwojaki*), типа *podwójny* (*mpożne*), количественные *jeden*, -а, -о по своим грамматическим особенностям и в древние периоды истории польского языка, и в современном языке относятся к прилагательным. Количественное *jeden* изменялось и изменяется как местоимение *ten*. Многократные типа *dwukrotnie*, многообразные типа *dwojako*, слова типа *podwójnie*, как и древнепольские

адвербиализовавшиеся формы существительных *siła, para, troch ę*, и древнепольские неизменяемые *ile, tyle, wiele, kielko* принадлежат по формальным особенностям к наречиям. Слова типа *milion, tysiąc* относились и относятся к существительным.

§ 71. Основные тенденции и этапы в формировании склонения количественных числительных

Основной тенденцией в истории формирования склонения количественных числительных является тенденция к омонимии падежных флексий (падежийый синкретизм) слов со значением отвлеченного числа, генетически восходящих к разным древним типам основ существительных или вообще не изменявшихся (как, например, слова *ile, tyle* и др.). Эта тенденция в итоге выразилась в обобщении генетического окончания род.-мест.п. -и от числительного *dwa* для падежных форм других слов со значением отвлеченного числа. На протяжении исторического развития польского языка она проявлялась и в аналогическом воздействии на те или иные этимологические формы также и других словоизменительных типов (в частности, форм по типу *i-основ названий чисел от 5 до 10). Влияние форм числительного 2 на другие типы склонения слов со значением отвлеченного числа (а также 5-10 на протяжении исторического развития польского языка) соответствует четвертой закономерности, установленной В.Манчаком для аналогических процессов. В соответствии с ней числительное, обозначающее меньшее число, вызывает преобразование числительных, обозначающих большее число, а не наоборот⁹⁶. Согласно этой же закономерности, по которой числительное со значением меньшего числа в большей степени сохраняет свой архаический характер, чем числительное, называющее большее число, длительнее "сопротивлялись" воздействию числительного 2 названия единиц (5-10).

Другая тенденция носит "отраженный" характер: это формирование у числительных показателей категории мужского лица как категории синтаксического типа, обусловленное развитием этой лексико-грамматической категории в классе существительных.

В истории становления количественных числительных как особого лексико-грамматического класса выделяются три периода: 1) до XVI в. - период сохранения унаследованного состояния, период до начала действия освоенной тенденции; 2) с XVI по XIX в. - период проявления основной тенденции разрушения старых словоизменительных образцов и появления новых форм при сохранении реликтов старого, период сосуществования изофункциональных падежных форм; 3) с середины XIX в. до настоящего времени - период победы тенденции к полифун-

⁹⁶ Mańca W. *Polska fonetyka i morfologia historyczna*. Warszawa, 1965.

кциональности флексии -и, период формирования современного типа склонения количественных числительных.

§ 72. Слова со значением отвлеченного числа в древнепольском языке до XVI в.

Польские памятники XIV-XV вв. отражают древнее состояние, унаследованное от праславянского языка.

Слова *dwa* (и *oba*), употреблявшиеся с существительным в дв.ч. имели падежные формы дв.ч. по местоименному типу склонения: им. вин.п. (зват.) м.р. *dwa* (< *dъva) *chlōpi, dwa stoły*; ж. и ср.р. *dwie* (< *dъvĕ) *lecie, dwie żenie*; род.-мест.п. *dwu* (< *dъvoju); дат.-тв.п. *dwiẽma* (< **dъvĕ̃ma*). Примеры: им.п. м.р. *adwa ryerszczyenya złota* (BSz, Exod., XXXVII); *dwa sini gego* (BSz, Ruth, I); вин.п. м.р. *dwa anyoły* (BSz, Exod., XXXVII); вин.п. ж.р. *azadwe grziwne lank* (RPP, 1391); мест.п. у *ostala szona syroty podwu sinu* (BSz, Ruth, I); тв.п. *asedwyema sinoma* (BSz, Ruth, I).

Остальные количественные числительные, сочетаясь с исчисляемыми существительными во мн.ч., имели соответственно парадигму мн.ч.

Название числа 3 изменялось по типу субстантивных основ на *ĭ и имело различные формы им.п., относящиеся к существительным м.р., с одной стороны, и к существительным ж. и ср.р. — с другой: им.п. м.р. *trze* < *trъje, ж. и ср.р. *trzy* < *tri; род.п. *trzy* < *trъjъ*; дат.п. *trzem* < *trъmъ; вин.п. *trzy* < *tri; тв.п. *trzemi* < *trъmi; мест.п. *trzech* < *trъхъ. Примеры: им. (=вин.) ж.р. *trzy czewy, trzy czyaszky* (BSz, Exod., XXXVII); им.-вин.п. ср.р. *trzi lata pred tim* (RPP, 1393); род.п. *podob(ra)ze(m) trsy c(r)olew* (KŚ, K5); вин.п. (=им.) ж.р. *mal mi placicz trzy grziwni* (RPP, 1387); мест.п. *vtiĥ uethreh c(r)oleh poganskiĥ* (KŚ, K5).

Форма им.п. м.р. *trze* употреблялась редко и зафиксирована в памятниках XIV-XV вв. только в сочетании с названием мужского лица: *trze stole, trze ranowie, trze шĕdrcy*. Уже в XV в. на месте этимологического *trze* появляется новообразование *trzej*, которое, вероятно, возникло из первоначального *trze* при суженном произношении *ĕ* > *ẹ̆*. В конце XIV в. появляется и новообразование род.п. *trzech* по аналогии с формой мест.п.

Название числа 4, имея те же различия в им.п., что и 3, изменялось по типу субстантивных основ на согласный: им.п. м.р. *cztyrze* < *četyre; ж. и ср.р. *cztyrzy* < *četyri; род.п. *cztyr* < *četyrъ; дат.п. *cztyrzem* < *četyrъmъ; вин.п. *cztyrzy* < *četyri; тв.п. *cztyrzmi* < *četyrъmi; мест.п. *cztyrzecĥ* < *četyrъхъ. Ср. примеры из BSz, Exod.: им.п. ж.р. *bily czasky cztyrzy*; род.п. *anatey obrōbye coronō zlotōō rozmagaczeye rytōō cztyr palczow*; ви.п. *Audzylal... cztyrzy grōgy* (вместо *krōgy*); мест.п. *Acztyrzy obrōczy złote, ktore polozyl pocztyrzecĥ wōgleĥ*.

Как и для лексемы 3; для названия числа 4 редкая форма им.п. м.р. *cztyrze*, зафиксированная в древнепольских памятниках с существительными со значением мужского лица, сосуществует с XV в. с возникшей из *cztyrze* формой *cztyrzej*, которая постепенно вытеснила более гарую форму - источник. У счетного слова 4, так же как и у названия числа 3, наряду с этимологической формой в род.п. появляется по аналогии с мест.п. форма *cztyrzech*.

С XV в. в связи с переходом групп *ir(z)*, *yr(z)* в *ér(z)//er(z)* (см. § 33.3) начинается изменение гласного в корне числительного, а также под влиянием г в род.п. проникновение его во все падежные формы (первоначально наряду с сохранением этимологического *rz*).

Названия чисел от 5 до 9 изменялись по типу существительного *kość* (древние *Y-основы): им.-вин.п. *pięć* < *peťь; род.-дат.-мест.п. *piąci* < *peťьjь; тв.п. *piącia* < *peťьjь. В им.-вин.п. названий чисел 7 и 8 на протяжении всей древнепольской и даже среднепольской эпохи отсутствовало *e* перед *ń*, что соответствует этимологическим формам *sedmь и *osmь. Ср. в польско-французском разговорнике XVIII в. постоянны формы *siedm*, *ośm* и отсутствие *e* также в производных от них количественных и порядковых числительных (*siedmnaście*, *ośmnaście*, *siedmziesiąt*, *ośmziesiąt*, *siedmnaście*, *ośmnaście*, *siedmziesiąty*, *ośmziesiąty*, *siedmsetny*, *ośmsetny*) и существительных (ср. названия карт: *ośmka*, *dziesiątka* - Blr). Влиянию числительных от 5 до 9, вероятно, еще в дописьменную эпоху подверглось название числа 10, которое этимологически изменялось как существительные с древней основой на согласный (ср. эти старые формы в составе названий десятков). Примеры: им.-вин.п. *sto tysięcy... tysięcy* уроч *tysięcy* *luda pogańskiego* (KŚ, K1); *zaszcz grziwen* (RPP, 1387); *szadziesancz grziwen* (RPP, 1389); под.п. *potem zdal drugich szedmy dnyow* (BSz, Gen., VIII); дат.п. *sliszalem, yze bila oddana porzód syedmy mōzom* (BSz, Tob., VI); мест.п. *A gdisz bilo posyedmy dnyoch* (BSz, Gen., VII).

Названия чисел от 11 до 19 образовывались из словосочетаний *dvьa na desęte, *tri na desęte и т.п. В древнепольских памятниках отражены различные стадии преобразования второй части, которая в древнепольском языке была неизменной. По указанным выше типам изменялась первая часть числительного. Примеры: 1) отражение первой стадии в преобразовании второй части (*nadzieście*): *Taco tih... chacal, ize za (r)inadesce dny otrarodena gich* (KŚ, K5); 2) отражение следующей стадии в преобразовании второй части (*naście*): *yest moy rap neuinouat Sulcoui trzynaczczę grziwen* (RPP, 1386), *iako sam setmonaczczę kmoth* (RPP, 1399); 3) отражение стадии, соответствующей современной (*naście*): *Drugęgo myeszōcza sodmi naszczę dzen przeschla gest zemų* (BSz, Gen., VIII). Неизменной оставалась вторая часть в составе порядковых числительных: *lata szostęgo wyęku noe, myeszōcza drugęgo, drugęgo, syodminaszczę dzen tego myeszōcza* (BSz, Gen., VII); Y

vstanowy szó korab sedmy myeszócz, *syedminaszcz*e dzen tego myeszóczm (Ibid., VIII).

Названия чисел от 20 до 90 также образованы из словосочетаний названий единиц и форм лексемы *desęty*. В состав им.-вин.п. числительных 20, 30 и 40 входила форма **desęti*, а названий десятков от 50 до 90 — **desęty*: **tri desęti*, **pęty desęty* и т.д.

Форма им.-вин.п. *dwadzieści* < **dwa desęti* отмечена в памятнике 1425 г., но уже с первых польских источников господствующей является форма *dwadzieścia*, возникшая, по всей видимости, вследствие уподобления второй части первой. В памятниках XIV-XV вв. встречается и третий вариант — *dwadzieście*. Не исключено, что он возник под влиянием форм типа *trzydzieście*, *pięćdzieście* и т.п. В род. и мест.п. из **dwoju desętu* развилась закономерная форма *dwudziestu*. Примеров с формой дат.п. до XVII в. не отмечено, в тв.п. в древнепольских памятниках представлена форма *dwieina dziesięta*.

Этимологические формы им.п. *trzydzieści* < **tri desęti* и *cztyrydzieści* // *cztyrdzieści* // *czterdzieści* < **četyri desęti* встречаются в памятниках наряду с вторичными результатами влияния различных типов: ср. *trzydzieście*, *trzydzieścia*, *trzydziesiąt* (такие же формы отмечены и для лексемы 40).

В род.п. в древнепольских памятниках представлены следующие формы: *trzydzieści*, *trzydziesiąt*, *trzechdziesiąt* и *czterdzieści*, *czterdziesiąt*. Происхождение форм *trzydziesiąt* — *czterdziesiąt* историками польского языка объясняется двояко: они либо закономерно возникли из **trięty desęty* и **četyry desęty* (причем тип *trzechdziesiąt* вторичен по отношению к *trzydziesiąt*), либо образованы по аналогии с типом *pięćdziesiąt*. Формы род.п. *trzydzieści* и *czterdzieści* также трактуются неоднозначно: для них предполагается или наличие род.п. в первой части (названии единицы) и род.п. мн.ч. в названии десятка (по древним основам ж.р. на согласный), или использование мест.п. в функции род.п. Формы род.п. на *dziesiąt* с конца XV в. выходят из употребления.

В дат.п. до XVI в. встречаются составные формы: типа *trzem dziesiętom* или *trzem dziesięt* (по типу *pięćdziesiąt*). В тв.п. в XV-XVI вв. отмечаются закономерные формы *trzemidziesty* // *trzymidziesty* < **tręmi desęty*. Иногда первый член подвергается влиянию типа *dwieina*: *trzema dziesięty*. Встречается также вариант *trzymidzieści*. В некоторых случаях в функции тв. и мест.п. употребляется им.п. *trzydzieści*. Для названия числа 40 отмечаются формы тв.п. *cztyrmidziesiąt* (по типу *pięćdziesiąt*). Для счетных слов 30 и 40 до XVI в. представлены разнообразные варианты мест.п.: *we trzechdziesiętach*, *we czterdziesiętach*, по *trzechdziesiąt*. Примеры: *od Woczechowego ognia sgorzala Dobrogostowi dwadzieścize grziwen* (RPP, 1397); *ybódó dnyowie tego dwadzeszczya asto lat* (BSz, Gen., VI); *Iaco*

winnal *zatrzydziesci* grziwen rzeczi (RPK, 1398); *deszcz, leyōczy nazemyō saczyrdzeszczy dny azaczyrdzeszczy noczi* (BSz, Gen., VII).

В состав числительных от 50 до 90 входила форма род.п. *desęť (типа *sedmь desęť). В древнепольском языке при изменении падежей первой части числительных вторая часть на *desęť* оставалась без изменения. Например: мест.п. A bil gest поe *wszeszczyzdeszōt kczyech* (BSz, Gen., VII).

Название числа 100 склонялось по типу существительных ср.р. твердой разновидности (древних *ō-основ): ед.ч. им.-вин.п. *sta*, род.п. *sta*, дат.п. *stu*, тв.п. *stem*, мест.п. *ście*; мн.ч. им.-вин.п. *sta*, род.п. *set*, дат.п. *stom*, тв.п. *stami* // *sty*, мест.п. *stach* // *ściech*.

Формы *ście* < *сьѣ, *sta* < *ста и *set* < *сѣть входили в состав названий сотен: ср. *dwieście* < *двъѣ сѣѣ, *trzysta* < *три ста и *czterysta* < *четыри ста, *pięćset* < *пѣть сѣть.

В числительных от 200 до 400 в древнепольском языке изменялись обе части, в названиях чисел от 500 до 900 по типу древних *ī-основ — только первая часть.

Составные количественные числительные в древнепольском языке образовывались бессоюзным способом, как и в современном польском языке, и с помощью соединительных союзов *a* (как в чешском языке) и *i*. При этом предлог употреблялся перед каждой частью счетного слова: *uybiwało gich postu aporyōczydzeszōt dny* (BSz, Gen., VIII); *Tego naczō zaluyō, esz przyał wetwvdzestu vetrzech tako dobrich iako sam setmō naczczē kmoth* (RPP, 1399).

Ср. пример с союзом *i*: *Alye przybiwane synow Izrahelskich, czso sōō bile w Egipczye, bilo gest trzysta lyat y trzydzieszczy* (BSz, Exod., XII).

Слова *ile*, *tyle*, обозначающие неопределенное количество, в древнепольскую эпоху не изменялись. Тенденцию к неизменяемости проявляли также числительные *kielko* < *kolko* < *колько, позднее *kiiko* (со второй четверти XVI в. — *kielka*, *kiika*) и вторичные производные *kielo*, *kilo* (с середины XV в.), *kiela* и *kila* (с середины XVI в.).

В функции неопределенного числительного употребляется им.п. существительного *siła* и производное от него *silka*, возникшее по аналогии с *kiika*. Форма *siła* в значении 'много' употребляется и в среднепольскую эпоху. Ср. в XVII в. в "Дневниках" Я.Пасека: *bojarów dumnych naginęło siła*, а *osobliwie Litwa siła chowają tych karmicielów*.

Неопределенное числительное *wiele* (по происхождению им.-вин.п. прилагательного *wiel, *wieli) также до XVII в. обычно не изменяется. При склонении чаще всего встречается форма род.п. ед.ч. *wiela*, которая с XIV в. употребляется в функции различных падежей. Ср. у Я.Пасека: *wiela sposobów, że będzie wiela okazyj*. При изменении этого слова возможны следующие формы: им.-вин.п. *wiele*, род.п. *wiela*, дат.п. *wielu*, тв.п. *wielmi*, *wielimi* (редко *wielmi* употребляется в значении 'wielce'), чаще отмечаются формы *wielim* и *wielem*, мест.п. *wielu*.

§ 73. Изменения в склонении слов со значением числа в XVI-XIX вв. Появление новообразований. Процесс формирования лексико-грамматической категории "имя числительное"

Возможно, что основные преобразования, которые происходят с XVI в. в склонении названий чисел, связаны с утратой остатков дв.ч. (не случайно и совпадение по времени этих процессов). Утрата форм дв.ч. существительных, с которыми употреблялось счетное слово *dwa*, способствовала обобщению флексии *-u* (из *dwu*) для других числительных, которые всегда сочетались с существительными во мн.ч. В свою очередь преобразовалось и склонение числительного 2, подвергшись влиянию числительных 3 и 4, употреблявшихся с формами мн.ч.

Наряду с сохраняющимися тремя архаическими формами числительного 2 в XVI в. появляются следующие новообразования: им.п.м.р. *dwaj*, род. и мест.п. *dwuch* // *dwoch* // *dwóch*, дат. и тв.п. *dwo*.

Форма *dwaj* появилась или под влиянием возникшей в XV в. формы *trzej* (см. § 72), или как результат контаминации формы *dwa* с формой собирательного числительного *dwoj*. *Dwaj* и *obaj* употреблялись в основном с названиями лиц мужского пола при сохранении в этой же функции до середины XIX в. форм *dwa* и *oba*. Ср. у Я.Пасека: *i sultani obadwa* наряду с *dwaj zapasy chodzą* (при опущенном существительном — *воины*); у А.Мицкевича: *Oba krzyczeli* (PT). У последнего сохранение архаизма могло поддерживаться особенностями региональной виленской разновидности польского языка, в которой отсутствует категория мужского лица (см. § 30).

Новообразования род. и мест.п. появились под влиянием форм *trzech*, *cztyrzech* // *czterech* и окончания *-och* существительных. Форма дат.п. *dwo* возникла по аналогии с формой дат.п. дв.ч. существительных м.р. (что также свидетельствует о разрушении категории дв.ч.), а в тв.п. эта форма проникает уже с XV в.

В XVII в. появляется еще одно новообразование в дат.п. - *dwo* // *dwóm* // *dwum*, возникшее под влиянием форм *trzem*, *czterem*, а в XVIII в. - форма *dwu* из род.-мест.п.

Помимо общей тенденции к взаимовлиянию разных древних типов склонения (в данном случае воздействие числительных 3-4 на 2), результатом чего являются новообразования, и также общей для всех количественных числительных тенденции к выражению категории мужского лица (ср. форму *dwaj* и др.) в парадигме названия числа 2 проявляются две особенности, присущие только этому числительному. Первая - это изменение характера сочетаемости с существительными в связи с утратой категории дв.ч. Результатом реализации данного процесса является установление для всех количественных числитель-

ных сочетаемости с формами мн.ч. исчисляемого существительного. Вторая особенность - изменение показателей числительного, относящегося к существительному ср.р. Здесь проявляется старая генетическая принадлежность числительного 2 к местоименному типу склонения. Следует отметить, что в родовых местоимениях и в сложных прилагательных, образуемых при помощи родового местоимения, "слабой" оказывается в им.-вин.п. мн.ч. также форма ср.р.

С конца XVII в. в сочетании с существительным ср.р. устанавливается форма *dwa* вместо древинопольской *dwie* (сохранившейся, например, в пословице *Madrej głowie dość dwie słowie*). Историки польского языка связывают это явление с утратой флексии дв.ч. в существительном и с аналогичным распространением окончаний -а и в форме числительного: *dwie słowie* > *dwie słowa* > *dwa słowa*.

С этого времени сохранение формы *dwie* с существительными ср.р., которое диалектологи XX в. фиксируют в силезских говорах (§ 23), становится диалектной особенностью польского языка. С нарушением оппозиции м.р. *dwa* ~ ж. и ср.р. *dwie* вследствие утраты дуальных форм в исчисляемых существительных связано и характерное для диалектов северной Польши распространение *dwa* не только на существительные ср.р., но и ж.р. (*dwa okna, dwa kury* как *dwa ko nie* - см. § 16).

В XVII-XVIII вв. расширяется сфера употребления тв.п. *dwoma* (наряду с *dwіema*) и его более редких фонетических вариантов *dwóma* и *dwіma*. Эти формы используются без родовых различий исчисляемого существительного, что допускают грамматики конца XVIII в. Ср. у Я.Пасека: *dwіema palcami uwiązać, dwіema dniami*. Последующему закреплению формы *dwіema* только за существительными ж.р. (наряду с возможным здесь *dwoma*), вероятно, благоприятствовала установившаяся квалификация формы *dwie* как сугубо феминативной.

Об отражении категорий мужского лица в парадигме числительного 2 и других количественных числительных см. § 74.

В словоизменительной парадигме названий чисел 3-4 также в XVI в. возникает ряд новообразований. Повлияв на склонение числительного 2, падежная парадигма слов 3 и 4 в свою очередь также подверглась влиянию парадигматических показателей первого числительного в дат. и тв.п. В XVI в. появились омонимичные формы дат. и тв.п. *trzema* (обычно употребляются в тв.п., редко в дат.п.: ср. *z trzema tysięcy rajтарыej* (Pas. Рам.), *czterma, czterzema* > *czterema, czteroma, czterzoma, czteremi* (конец XVI в.). В XVII в. спорадически отмечаются формы дат.п. *czterema, czteroma*. Все эти формы образованы по типу форм *dwіema* и *dwoma*, а *czteremi* представляет собой контаминацию новообразования *czterema* и закономерного результата из *cztyrzmі* > *cztermi*. На звуковой облик основы числительного 4 повлиял фонетический процесс *irz, uz* > *ér* (см. § 33.3), а также аналогическое воздействие этимологической формы род.п. с г-исходом основы. Судьба *é* в

корне числительного совпадает с историей изменения этого гласного в других фонологических позициях.

Инновации, образованные по типу форм числительного 2, появляются и в склонении *названий чисел от 5 до 10*. Формы с флексией *-u* распространяются в род. (с XVI в.), дат. (с середины XVII в.), тв. (спорадически с XVII в.), мест.п. (с XVI в.). По типу дат.п. *dwóm* и тв.п. *dwóma* образуются формы дат. и тв.п. на *-óm* и *-óma*. Спорадически в XVI в. проявляется влияние и других типов склонения, например существительных ж.р. на *-a*, выразившееся в употреблении окончания дат.п. *-am*.

Соперничество старых и новых вариантов в XVII в. (ср. у Я.Пасека: род.п. *nie masz przy niej i sześci ludzi* и в тв.п. *z pięćiu tysięcy ludzi wybofnuch*) оканчивается победой нового типа склонения с омонимичной флексией падежных форм *-u*. Этому в литературном языке могли способствовать и экстралингвистические факторы: перемещение центра польской письменности и культуры на территорию Мазовья, в горах которого (по Липно, Лович, Раву, Радом, Пулавы) господствовали формы *róć u*, *seść u*. В говорах Малой Польши, которая до этого была центром польской культуры и письменности, диалектологи XX в. отмечают формы с сохранением архаического *-i*, расширенного *x* под влиянием склонения местоимений и прилагательных (*róć ix*, *seść ix* или при *x > k*: *róć ik*, *seść ik* и т.д.⁹⁷).

Длительнее всех старых форм сохраняются этимологические формы по типу древних *ĭ-основ в тв.п. Они отмечаются не только в XVII в. (ср. постоянно у Я.Пасека: *kiedy to suną za nami szczęścią barek, z dziesiącią chorągwi*), но и в XVIII-XIX вв. Эта форма была так активна, что повлияла на некоторые другие типы числительных (ср. для неопределенного *kilka*: *przed kilka dni powróci* - *Рас. Рам.*, 1662). Форму тв.п. на *-ą* рекомендовали О.Копчинский и грамматисты XIX в.

В числительных *от 11 до 19* появление новообразований в XVI в. сопровождается нарушением принципа неизменяемости второй части. Инновации по большей части создаются по типу форм числительного 2, но в некоторых формах и под влиянием числительных 5-10.

Так, в род.п. в XVI в. отмечаются формы типа *dwupaściu* (последующая стадия - отверждение согласных перед *-u* по типу *dwudziestu: do piętnastu tysięcy*), а также формы с изменением второй части по типу древних *ĭ-основ (*ze dwupaści*) и формы с *-a* в элементе *paścia* по образцу род.п. существительных (*więcej pięćiu paścia tysięcy*). В дат.п. в XVI в. известны различные новообразования: по типу *dwóma - dwięć paścióma*; сохраняющие неизменяемость второй части и с первой частью, образуемой по типу дат.п. мн.ч. существительных ж. или м.р. — типа *pięć paśció* и *pięć paśció*. С XVII в. преобладает

97 De j n a K. Dialekty polskie. Wrocław etc., 1973. S.220, 221.

форма на *-nastu*, наряду с которой вплоть до XIX в. употребляется тип *dziewięćnastom*, *szesnastom*, образованный по образцу формы *dwóm*.

В XVI в. в тв.п. появляются также разнообразные инновации. Кроме редких в это время, но победивших впоследствии форм типа *dwunastu* возникают следующие новообразования: типа *dwiepanaściami* и *dwiepanaściami* (по типу *dwoma* и *czterema*), *dziewięćnastą* (по типу *kość* во второй части и с сохранением этимологической формы первой части), типа *siedmnaścią* (с неизменной первой частью и вторым членом, изменяемым по типу форм числительных 5–9) и форм такой же структуры с отверждением согласных перед *-ą* по типу *dwudziestu* и форм *-nastu* (т.е. форм типа *siedmnaście*).

Новообразования XVI в. в мест.п. — это формы типа *we dwunastą* во второй частью, изменяемой по образцу слов 5–9) и типа *dwunastą* // *dwunastu*, возникшие под влиянием числительного 2.

С XVI в. в числительных от 20 до 40 особенно большое количество инноваций, образуемых по различным словоизменительным типам, представлено в тв.п.: *dwadzieściami*, *dwudziestą* (из трех вариантов наиболее частотным и употреблявшимся вплоть до второй половины XIX в. был последний), *trzydzieściami*, *czterdzieściami*. С XVII в. появляются формы на *-u* по типу *dwu* (*dwudziestu*, *trzydziestu* и т.п.). В дат.п. в VI–XVII вв. фиксируются формы на *-om* (*trzydziestom*, *czterdziestom*). В XVII в. и здесь появляются формы на *-u* при параллельном употреблении форм на *-om*. С XVI в. по аналогии с этимологическим типом *dwudziestu* и для числительных 30, 40 начинает употребляться род.п. *trzydziestu*, *czterdziestu* в функции мест.п.

В числительных от 50 до 90 путь к современным формам на *dziesięciu* шел через стадии появления *-u* в первой части при сохранении неизменяемости второго члена и наличия вариантов с изменяемой второй частью по типу числительных 5–9. Примеры: род.п. *od lat pięćdziesięt* (формы этого типа встречаются и в XIX в.: ср. у С. Гоцинского — *Miał około lat pięćdziesięt* — *Kr.Z.*), *z ośmdziesięci czterech*, тв.п. *siedmdziesięć trzema* (XVII в.), мест.п. *w sześćdziesięt tysięcy* (XVI в.). Для дат.п. в памятниках представлено небольшое число примеров, демонстрирующих длительность сохранения этимологических форм типа *pięćdziesięt*. В XVII в. современные формы с *-u* во второй части появляются в род., тв. и мест.п.

В парадигме числительного 100 наряду со старыми формами, сохраняющимися до XIX в., появляются различные новообразования: род.п. *stu* (с XVII в.), тв.п. *stą*, *stoma* (с XVII в.), *stema* (контаминация новообразования *stoma* и архаизма *stem*, возникновению которой благоприятствовало наличие форм *dwieście*, *trzysta*, отмечается с XVII в.), мест.п. *stu*.

С XVI в. отмечаются новообразования и в склонении названий чисел от 200 до 400. Для 200 это следующие формы: род.п. *dwuset*,

dwóchset, dwuchset (под влиянием trzechset, pięćset) - при временном исчезновении этимологической формы *dwustu* < *dwōju *sttu*, которая возникает вторично под влиянием *dwu* только в XIX в.; дат.п. *dwóm set*, *dwustom*, *dwiestom*, *dwiestu*, *dwustu* наряду с архаизмом *dwieina stoma*. тв.п. *dwieina sty*, *dwieina set* и *dwoma set*, *dwieią*, *dwustoma*, *dwiestoma*. мест.п. *dwuset*, *dwuchset* (сохраняется также победившая впоследствии форма *dwustu*).

Для 300–400 представлены следующие формы. В род.п. с XVI в. наряду со старыми формами *trzyset* и *cztyrset* употребляются инновации *trzechset* и *czterset*, которые сменяются формами на -и только с середины XIX в. В дат.п. наряду с этимологическими *trzem stom*, *czter(z)em stom* // *cztyr(z)em stom* с XVI в. отмечаются формы *trzem set* и *czterem set*. В тв.п. в XVIII в. наряду с архаизмами *trzemisty*, *trzemasty*, *trzoma sty* (и подобными с тв.п. мн.ч. от старого склонения 100 во второй части) спорадически встречаются формы *trzysta*, *trzystoma*, *trzema set*. В мест.п. с XVII в. наряду с архаизмом типа *cztyrzech stoch* отмечаются новообразования *czterech set* и *trzech set*.

В склонении числительных от 500 до 900 происходит изменение в первом члене: окончания числительных 5–9 по древним *ī-основам заменяются флексией -и под влиянием формы *dwu*. Историки польского языка относят начало появления новообразований в мест.п. к XVI в., в род. и дат.п. к XVII, в тв.п. к концу XVII в. Длительнее всего сохраняются, как и в названиях единиц, соотносящихся с первой частью сотен, этимологические формы тв.п. Они отмечаются до второй половины XIX в. и рекомендуются грамматиками XIX в.

В неопределенном числительном *wiele* в XVI в. в род.п. появляется форма *wielu* (по типу *dwu*), в дат.п. с середины XVI в. - *wielom* (по типу *dwom*), в тв.п. с середины XVI в. - *wielą* (по типу *pięćią*), а с середины XVII в. сохраняющиеся до настоящего времени формы *wielu* и *wieloma* (по типу *dwu*, *dwoma*). Формы *wielom* и *wielą* утрачиваются в течение XIX в. Длительнее, чем *wielom*, сохраняется форма тв.п. на -а.

Становятся изменяемыми слова *ile*, *tyle*: род.п. *tyła* (с XVI в.), тв.п. *tylą* (с середины XVII в.), мест.п. *tylu* (с середины XVII в.). Формы дат.п. *tylom* и тв.п. (*tyloma* и *tylu*) появляются со второй половины XVIII в. В памятниках встречается и им.п. на -о. В частности, форма *tylo* отмечается в "Дневниках" Я.Пасека: *Chwycono się tego zaraz, tylo go szacunku urominano... kiedy nagabal tylo dać*. Может быть, здесь проявилось влияние старой формы *kielko* (?). Предположение о фонетическом происхождении *tylo* < род.п. *tyła* (ср. *koźdy*, обычное у Я.Пасека) вряд ли оправдано, поскольку, во-первых, в *tyła* а краткое, а во-вторых, форма *wieła*, которая постоянно употребляется Я.Пасеком, представлена только в таком виде (ср. *tak wieła sumy nie miałem, rydlów nie było tak wieła*).

Длительнее всех новообразований, которые были утрачены, за исключением представленных и в настоящее время *tylu* и *tyłoma*, сохранилась форма тв.п. на -ą. Ср. у С.Гошинского: *Widma oczami wartowapa tyła* (ZK).

Во второй четверти XVI в. появляются формации *kielka* и *kilka*, а с середины XVI в. — *kiela* и *kila*. Последняя пара сохранялась до конца XVII в. При изменении (а до XIX в. часто встречаются неизменяемые формы этих названий неопределенного числа) они имеют следующие флексии: в род.п. с середины XVI в. -и (до этого фиксировалось окончание -а); в дат.п. в XVI в. -еш, в XVII-XVIII вв. -ош (-и появляется в XIX в.); в тв.п. в XVI в. -еш, но чаще всего отмечается -а, с середины XVII в. встречается -и, в мест.п. -и. Примеры: род.п. *Wumysły to nierotrzebne kilku osób* (Pas. Pam.) (ср. у него же и форма с более старым -а: *Tak to kilka Ichmościów, jako mówią, wumysł*), тв.п. *przed laty kilka, były tu komnaty* (Kr.Z.). Как и в числительном *tyle*, форма тв.п. на -ą сохраняется в течение длительного периода.

Сложные неопределенные числительные *kilkanaście*, *kilkadziesiąt* и т.д. переживают ту же судьбу, что и соответствующие определенные.

С конца XVIII в. чаще отмечается изменяемость лексемы *sila*, употребляемой в функции неопределенного числительного (все падежные формы приобретают флексию -и). Еще с XVII в. форма *silec* используется в той же функции, что и словарная форма (в значении "много"). К XVII в. начинают встречаться в этой функции существительные *para* и *trocha*. В функции им.п. фиксируется вин.п. со значением обстоятельства меры (*parę, trochę* 'немного, несколько'), а в остальных падежных формах была представлена по типу формы *świ* флексия -и.

С XVIII в. генетическая форма им.-вин.п. ср.р. прилагательного *mał* — *malo* начинает употребляться как наречие со значением числа (*przysłówek liczebnikowy*).

§ 74. Формирование лично-мужских показателей в склонении количественных числительных

С развитием категории мужского лица в качестве лексико-грамматической категории существительных в XVII-XVIII вв. в склонении количественных числительных также развиваются специфические показатели этой категории как категории синтаксического типа. Для слов со значением отвлеченного числа можно выявить следующую закономерность: чем большее число означает числительное, тем позднее находит отражение в его парадигматических показателях указанная категория.

Количественные числительные, как и существительные, имеют особые показатели лично-мужских форм в им. и вин.п.

Раньше, чем в названиях десятков, а тем более сотен, лично-мужские формы им.-вин.п. появляются в наименованиях единиц, хотя процесс стабилизации данных форм и в этом классе числительных был длительным.

У числительных 2 и оба наряду с новообразованиями им.п. *dwaj*, *oba*, которые и до формирования категории мужского лица преимущественно использовались с названиями лиц мужского пола (см. § 73), с середины XVII в. в функции им. и вин.п. при существительных с семантикой мужского лица начинают употребляться все формы род.п. этимологическая *dwu* и новообразования *dwuch*, *dwóch*, *dwóch*.

Рассматривая в § 43–44 историю формирования категории одушевленности–неодушевленности и мужского лица у существительных, мы выявили роль числительных 2–4 в процессе замены старого вин.п. родительным, подчеркнули синтаксическую обусловленность причины этой замены (переход от многозначного *dwa syna widzą dwa brata* к однозначному *dwa syna widzą dwu bratu*) и др. Поэтому нас не должны удивлять факты более раннего наличия форм род.п. с будущими показателями мужского лица по сравнению с формами им.п. для числительных 2–4 и подвергшихся их влиянию других количественных числительных.

В числительных 3–4 наряду с формами *trzej* и *cztyrzej* > *czterej* в функции им.-вин.п. при существительном с семантикой мужского лица употребляется новый род.п. на *-ch*. Историки польского языка определили, что он начал употребляться в функции вин.п. раньше, чем в им.п. Процесс стабилизации показателей лично-мужских форм, однако, как отмечалось, был довольно длительным. И например, в польско-французском разговорнике XVIII в. мы встречаем формы типа *trzy króle*.

В числительных от 5 до 10 с 40-х гг. XVII в. с лично-мужскими формами существительных используются новообразования с флексией *-u*, которые постепенно вытесняют старые формы типа *siedm królów*. Но сама тенденция употребления род.п. в функции им. проявлялась еще до формирования категории мужского лица (с XVI в.). Хотя формы старого вин.п. при исчисляемом существительном с семантикой мужского лица встречаются даже в XIX в., тенденция к использованию с такими существительными род.п. на *-u* становится преобладающей в XVIII в.

Грамматисты отмечают, что в числительных от 11 до 19 в XVII в. в сочетании с существительными с семантикой мужского лица распространяются новообразования на *-nastu*. Однако в течение длительного периода эти формы конкурируют со старыми, в которых не выражена семантика мужского лица существительного. Ср. в XVII в.: *do króla ich przyszło ośmnaście* (Pas. Pam.); то же в неопределенном числительном: *wysunie się, ich kilkanaście z lasa* (Pas. Pam.). Или в источнике

XVIII в.: *Czternaście królów* (Btr). Тенденция к употреблению род.п. в функции вин.п. при исчисляемом существительном со значением лица мужского пола отмечается еще до формирования категории мужского лица (в XVI в.). Род.п. в этих случаях конкурирует с этимологическим вин.п. С XVII в., по данным исторических грамматик польского языка, наблюдается преобладание при существительных с семантикой мужского лица род.п. на -и (на *-naściu* и *-nastu*).

В числительном 20 род.п. в функции вин. употреблялся уже в памятниках XVI в., в числительных 30–40 — с XVII в. Использование новообразований род.п. на *-dziestu* при существительных с семантикой мужского лица отмечается с XVII в. на фоне сохранения старой формы им.п. (ср. у Я.Пасека: *Idziemy... dwadzieścia*). Победа форм на -и в функции им.-вин.п. для числительных 30–40 с исчисляемыми существительными с семантикой мужского лица происходит только в XIX в.

В им.-вин.п. числительных от 50 до 90, связанных с существительными с семантикой мужского лица, разнообразные формы род.п. начинают появляться с XVII в., но вариант на *-dziesięciu* устанавливается только к XIX в.

Числительное 100 при существительном со значением мужского лица сохраняет этимологическую форму им.-вин.п. *sto* до XIX в. Появившаяся в XVIII в. лично-мужская форма им.-вин.п. *stu* устанавливается только во второй половине XIX в. Также в конце XVIII в. появляется форма *dwustu* в им.-вин.п. числительного 200, относящегося к существительным лично-мужской семантики.

Только с XIX в. начинают использоваться особые лично-мужские показатели в им.-вин.п. числительных от 300 до 900 и по данным грамматик неопределенных (*ile, wiele* и др.)⁹⁸. При этом из количественных позднее всего появляются лично-мужские формы в числительных от 500 до 900.

§ 75. Завершение процесса формирования категории количественных числительных

Со второй половины XIX в. устанавливаются и закрепляются нормативными правилами современные формы количественных числительных.

1. Исчезают допустимые еще в XIX в. формы вин.п. в функции им.п. для числительных 5–10, употребляемых с исчисляемыми существительными со значением мужского лица, а также формы им.п. числительных от 11 до 19 при существительных этой семантики. В XIX в. побеждают формы род.п. в функции им.-вин.п. и для числитель-

⁹⁸ Мы, однако, встретили примеры с им.-вин.п. на -и в неопределенных числительных и в памятнике XVII в.: *kilku powiązanych pożywilli się władunku* (Pas. Pam., 1665) при *wiele krewnych moich*.

ных 30–90 с исчисляемыми существительными с семантикой мужского лица. Устанавливаются появившиеся в XVIII в. лично-мужские формы числительных 100 и 200 (*dwustu* по типу *dwu*), а в числительных 300–900 и неопределенных *ile*, *wiele*, *tyle*, *kilka* появляются и побеждают парадигматические показатели мужского лица исчисляемого существительного (род.п. на *-u* во второй части в функции им.-вин.п. для 200–400, род.п. на *-u* в первой части для 500–900, формы *ilu*, *wielu*, *tylu*, *kilku*). Позднее всего появляются лично-мужские формы в числительных от 500 до 900 (в им.п. в конце XIX в.). Недавний характер становления лично-мужских форм в неопределенных числительных отражает возможная в современном языке дублетность *ile // ilu*, *wiele // wielu*, *tyle // tyłu* в сочетании с лексемой *ludzie* (*ile ludzi // ilu ludzi*), а также при экспрессивном употреблении (*ile tu inżynierów // ilu tu inżynierów!*).

2. Полностью реализуется тенденция к омонимии падежных форм. Полифункциональные образованные по типу *dwu* формы на *-u* (для 500–900 с *-u* в первой части), а также форма тв.п. на *-oma* по типу *dwoma*, установившаяся в некоторых группах числительных в XIX в. наряду с формой на *-u*, вытесняют встречающиеся еще в XIX в. архаизмы и некоторые новообразования:

а) тв.п. на *-ą* (этимологический в названиях чисел 5–9 и числительных, в состав которых входят эти слова, — типа *pięć* и *pięćset*, и аналогического происхождения в определенных и неопределенных количественных числительных), а также другие разнообразные формы тв.п. (типа *trzystoma*, *trzema set* и др.);

б) формы дат.п. на *-om* по типу *dwom* (типа *pięćdziesięciom*, *pięćdziesięciom* или *trzytom*) и некоторые другие формы дат.п. (например, в 300–400 *trzem set*, *czterem set* по типу 500–900);

в) формы с неизменной второй частью и изменяемым первым членом в числительных 50–90 (типа род. и мест.п. *pięćdziesiąt*, *pięćdziesiąt*);

г) вторичные формы на *-set* в числительных 200–400, возникшие под влиянием 500–900 (род.п. *dwuset*, *dwóchset*, *trzechset* и более ранне *trzyset*; мест.п. *przy trzech set*, *we dwuset*); все эти формы заменяются новообразованиями на *-stu*;

д) старые формы по типу *ō-основ в числительном 100, а также уже названные новообразования *stą* и *stema*;

е) форма *kilko* и неизменяемые формы от *kilka*.

§ 76. Собирательные числительные

До начала XV в. в древнепольском языке существовали два словоизменительных типа собирательных числительных:

1) тип *dwój*, *oboj*, *troj* изменялся по трем родам и трем числам по типу склонения местоимений *ъ, *ја, *је: *dwój*, *dwójego*, *dwójemu* и т.д.;

2) тип, охватывающий числительные от *czwōg* и более, изменяющийся также по трем родам и числам, но по типу существительных: *czwōg*, *czwōga* и т.д.

В XV в. происходит контаминация различавшихся ранее типов и возникают новые формы *dwojega*, *czwojega*, *pięciorega* и т.д., которые после сокращения превращаются в формы типа *dwojga*, *czwojga* и т.д. Остальные формы с распространившимся из род.п. -g- (от *dwój-*, *obj-*) изменяются по типу склонения существительных ср.р. (от *czworo*): *dwojgu*, *czwojgu* и т.д.

Область употребления собирательных числительных в древнепольском языке была шире, чем в современном языке, о чем свидетельствуют примеры из памятников. Ср.: *wzondz dwoje skota* (RPP, 1386), *wszanł dwoje repandze* (RPK, 1398), *ptastwa puebyeszkyego szedmyoro asedmyoro, samczow a samucz* (BSz, Gen., VII). Такое употребление соответствует использованию собирательных числительных в древнерусских текстах и старорусских памятниках деловой письменности, где собирательные числительные встречаются при существительных, обозначающих парные предметы или совокупность предметов (ср. деньги), а также живые существа (скот, самец и самка)⁹⁹.

В настоящее время наблюдается дальнейшее сокращение сферы употребления собирательных числительных.

§ 77. Дробные и другие числительные

Из дробных числительных, образующих смешанные числа, следует обратить внимание на историю числительных, первой частью которых является существительное *poł. Из склонения этого числительного сохранились только формы род.п. ед.ч. (*nie wziął połu* *korca* XV в.) и вин.п. мн.ч. *poły* (*na poły*, *w poły*, *przez poły* 'наполовину, половинчато'). Форма род.п. ед.ч. представлена также в составе др.-польск. *połukoria* и сохранившегося до настоящего времени *południe*.

Современные неизменяемые числительные *połtora*, *połtrzecia*, *połczwarta* возникли из сочетания существительного *poł > *poł* с род.п. порядкового числительного, изменившегося по типу склонения кратких прилагательных: *poł* + род.п. *wtora* > *poł(w)tora*, *poł* + род.п. *trzecia* > *połtrzecia*, *poł* + род.п. *czwarta* > *połczwarta*. Так же образовывались формы ж.р. типа *połtory* < *poł* + род.п. *wtory*. В ж.р. было возможно присоединение формы род.п. и по типу склонения полных прилагательных (*poł* + *trzeciej*), результатом чего являются современные формы ж.р. *połtovej*, *połtrzej*. В памятниках польского языка встречается присоединение к *poł* род.п. м.р. с флексией -u: *połtoru łokciu*, *w półtrzejcu lat*.

99 См.: Горшкова К.В., Хабургаев Г.А. Указ. соч. С.270-277.

В древнепольском языке широко были представлены вышедшие к настоящему времени из употребления так называемые "коллективные" (zespolowe) числительные, которые образовывались сочетанием местоимения *sam* и порядкового числительного. Например: *samowióg* 'вдвоем', *samoitrzec* 'один с двумя, втроем', *samoszwaig* 'один с тремя, вчетвером' и т.п. Ср. древнерусские аналоги: *самъ-другъ* 'вдвоем', *самъ-десять* 'вдесятером' и подобные им, сохранившиеся в сказках, пословицах и т.п. Например: в пословице *Патрикей сам-третьей* (о дурном товариществе, помощи).

ГЛАГОЛ

§ 78. Грамматические категории глагола. Общие замечания

Древнепольскому глаголу были присущи унаследованные от более древнего состояния специфические глагольные грамматические категории вида, залога, наклонения, времени, общая с личными местоимениями категория лица, общая с именами категория числа. Причастная система глагола обладала также всеми словоизменительными категориями, характерными для прилагательных (род, число, падеж).

До развития категории вида разный характер протекания действия во времени (ограниченное каким-либо временным пределом и воспринимаемое как целостное, нерасчлененное в глаголах совершенного вида и не ограниченное каким-либо временным пределом и представляемое как длительный или повторяющийся процесс в глаголах несовершенного вида) выражался системой временных форм. В древнепольских памятниках, подобно первым памятникам других славянских языков (в частности, старославянским, древнерусским), уже представлены специфические средства выражения аспектуальности (префиксация и суффиксация), хотя круг глаголов, в которых выражалась данная категория, был уже, чем в современном польском языке. Так, нейтральными по отношению к виду были в самый древний период глаголы движения, видовая противопоставленность которых развилась, как показано в работе З.Н.Стрекаловой¹⁰⁰, в историческое время.

Категория залога, семантическая сущность которой состоит в различном представлении отношений между субъектом действия, действием и объектом действия, выражалась морфологическими и синтаксическими средствами. Морфологическими средствами выражения были причастия и возвратный компонент *się* < др.-польск. *sią* (по происхождению форма вин.п. возвратного местоимения). При этом *się* могло образовывать как формы активного залога (ср. глаголы с возвратным компонентом *się* типа др.-польск. *wracać się*, *narodzić się* и мн. др.), так и пассивного: *iakos są dce wie supte(m) żywoce* (KŚ, K2) (букв. 'как читается в ее святом житии'). Синтаксические средства выражения залога - определенные конструкции. Например, пассивный залог выражался в древнепольском сочетании страдательного причастия как с творительным беспредложным, так и с предложно-падежными формами (в качестве предлогов использовались *od* и *przez*):

¹⁰⁰ См.: Стрекалова З.Н. Из истории польского глагольного вида. М., 1968.

ср. aso ta ista sloua zmo[wiona] ochce(m) suoti(m) (KS, K6) и Ale in postawon iesm crol od nego (PF, 2,6). В среднепольский период чаще употреблялись в польском языке формы, соответствующие лат. *infinitivus praesentis passivi* (типа *capri, vinci*, польск. *być branym, być zwyciężanym*) в связи со спецификой заимствованной из латинского конструкции *accusativus cum infinitivo*, для которой в польском языке преобладающим в функции инфинитива было сочетание глагола *być* с именем или страдательным причастием, выражающее состояние (типа *Widzę go być rjapanym* или *Widzę go być zabitym*).

Со способом выражения пассивного залога связано понятие переходности-непереходности глагола, поскольку страдательные причастия образовывались от переходных глаголов. Вероятно, на базе пассивного залога, выраженного страдательным причастием, при опущении глагола-связки *być* при им.п.ед.ч. причастия ср.р. в польском языке с течением времени возникли специфические конструкции действительного залога на *-po, -to*, образование которых возможно не только от переходных, но и от непереходных глаголов.

Произошли изменения по сравнению с древним состоянием в составе древнепольской временной системы, в частности в подсистеме прошедшего времени. Так, уже в первых польских памятниках видна победа тенденции к упрощению этой подсистемы: простые прошедшие времена аорист и имперфект оказались вытесненными формами сложных прошедших времен (в первую очередь формами перфекта) и представлены в памятниках в рудиментарном состоянии.

Глагольные категории числа, как и у прилагательных, и лица относятся к категориям согласовательного типа. Категория лица представлена тремя лицами, категория числа, как и в имени, тремя числами, причем характерна тенденция к утрате форм дв.ч. (см. § 101).

Словоизменительные показатели личных форм глагола, как и падежные флексии существительных, по отношению к источнику происхождения можно разделить на четыре группы. Однако в подтипах III и IV групп проявляется глагольная специфика.

I. Утратившиеся в дописьменный период (например, флексия 3-го л. дв.ч. **-te*).

II. Фонетически закономерные результаты развития древних показателей (например, флексия 1-го л. мн.ч. *-m < *-mь*).

III. Распространившиеся по аналогии:

1) из иных форм той же числовой парадигмы (например, *-ta* в функции 3-го л. дв.ч.);

2) из других числовых парадигм (например, употребление флексий дуалиса в функции показателей мн.ч.);

3) из других словоизменительных типов:

А) той же временной парадигмы (например, распространение флексий *-š* и *-š* во 2-м л. ед.ч. настоящего времени нетематических глаголов);

Б) иной временной парадигмы:

а) обозначающей то же отношение действия к моменту речи (например, окончание *-chō* из имперфекта в 3-м л. мн.ч. аориста или распространение аористного элемента *-ch-* в формах 1-го л. перфекта: *bylichmy, bylech* - см. § 87);

б) обозначающей иное отношение действия к моменту речи (например, употребление аористного *-ch-* при образовании форм настоящего времени типа *jestechmy, sachmy* - см. § 82).

IV. Инновации:

1) неконтаминационного происхождения:

А) возникшие из самостоятельных глагольных форм (флексии перфекта, флексии нового типа спряжения глагола *być* - см. § 82);

Б) возникшие под влиянием показателей другого лексико-грамматического класса (например, флексия 1-го л. мн.ч. *-шу*, возникшая под влиянием личного местоимения 1-го л. мн.ч. *my*);

2) контаминационного происхождения:

А) результат контаминации флексий внутри глагольной парадигмы (например, диал. *-ша*, возникшее в результате контаминации окончаний 1-го л. мн.ч. *-шу* и 1-го л. дв.ч. *-wa*);

Б) результат взаимодействия показателей разных лексико-грамматических классов (например, флексия 1-го л. дв.ч. *-wa* вместо *-we* < *vě — результат воздействия на **-vě* показателя *-а* им.-вин.п. дв.ч. существительных м. и ср.р., прилагательных, местоимений и числительных *dwa, obo*).

Как и именные флексии, флексии II-IV групп различаются по признаку устойчивость-неустойчивость.

От полной трехродовой, семипадежной и трехчисловой парадигмы кратких (именных) причастий в древнепольском сохранились отдельные формы (как правило, им. или вин.п. ед.ч.). Эти формы, утратив соотносительность с определенной словоизменительной парадигмой, позднее или выходят из употребления, или переходят в разряд глагольных определений - деепричастий (так произошло с действительными причастиями), или употребляются как лексически ограниченные и стилистически маркированные средства выражения именной части составного именного сказуемого (см. историю страдательных причастий).

ИСТОРИЯ ВРЕМЕННЫХ ФОРМ ГЛАГОЛА

§ 79. Основные тенденции изменения форм настоящего времени

В истории формирования системы спряжения в польском языке выделяются следующие основные тенденции (процессы).

1. Процесс разложения древних типов (классов) с тематическими суффиксами (и без них - глаголы V класса) и формирования их континуантов - новых типов спряжения.

В этом длительном процессе, начавшемся в праславянском периоде, играют роль разнообразные факторы: морфологические (изменение морфемной структуры глагольного слова), фонетические (преобразование звукового облика флексий и основы), аналогические (вытеснение одних флексий другими и др.).

2. Появление типов спряжения, праформы которых отсутствовали в древней исходной реконструкции: образование глаголов III и IV спряжений и новых форм глагола *być*. Стабилизация новых форм относится к переломному в истории польского языка XVI в. Этот процесс связан с фонетическими (стяжение) и аналогическими явлениями.

3. Переход отдельных глаголов из одного типа спряжения (класса) в другой и изменение морфонологической модели презенса некоторых глаголов, осуществляющиеся на протяжении всей истории развития польского языка.

§ 80. Преобразование исходной древней системы презенса

Еще в праславянский период древние тематические суффиксы начинают входить в состав флексий. Так произошло в 1-м л. ед.ч. и 3-м л. мн.ч. В 1-м л. ед.ч. глаголов I-III тематических классов гласный тематического суффикса -o слился с флексией -om (например: *pisjo-om > *pisjo) и образовалась новая флексия, аналогически распространившаяся и в IV тематическом классе. В 3-м л. мн.ч. флексии *-*otь* (I-III классы) и *-*etь* (IV класс) возникли из слияния тематического гласного o (I-III классы) и i (IV класс) с древним окончанием *-*ntь*.

Постепенно изменение морфемных границ охватывает и другие словоформы. В результате переразложения (перинтеграции) согласная часть тематического суффикса вошла в состав корня, в случае с j преобразовав его звуковой облик (ср. *piśq* < *pisjo), а гласная - в состав флексии.

Закономерные фонетические процессы видоизменили как континуанты древних флексий, так и в некоторых случаях огласовку глагольного корня. Вследствие перегласовок 'е > 'о и 'ѣ > 'а изменилась часть основ древнего I класса (нового I типа спряжения) в 1-м л. ед.ч. и 3-м л. мн.ч.: *nesoċ, *nesoċtŃ > совр. польск. niosę, niosa, *beroċ, *beroċtŃ > совр. польск. biorę, biorą, *jědoċ, *jědoċtŃ > совр. польск. jadę, jada, но во 2-м л. ед.ч. niesiesz, bierzesz, jedziesz и т.д. Ср.: 3-е л. ед.ч. gospodzyn rozproszena yzrahelska sberze (PF), aon wyeprza zasyoċ nyesyue (ZB), 1-е л. мн.ч. acz ge dowody donyesyemy (ZB).

Фонетически закономерные континуанты флексий представлены в следующих формах: 2-е л. ед.ч. -sz (-esz, -isz) < *-šb¹⁰¹, 1-е л. мн.ч. -m (-em, -im) < *-mъ, 2 л. мн.ч. -cie (-ecie, -icie) < *-te, 2-е л. дв.ч. -ta (-eta, -ita) < *-ta. Об установлении современного распределения носовых во флексиях 1-го л. ед.ч. и 3-го л. мн.ч. см. § 33.5. О долготе носового до второй половины XV в. в 3-м л. мн.ч. свидетельствуют отдельные случаи удвоения гласного в этой форме в древнепольских памятниках. Ср. в PF: W niwecz wnidōō iako woda czekōcza; naczōgnōl iest lōcziszczce swe alisz se roznetogōō (57, 7); y clanacz se bōdōō iemu (44, 13). Об утрате сегмента -тъ в 3-м л. мн.ч. см. далее. Примеры фонетически закономерных континуантов из памятников: 2-е л. ед.ч. iako sōd zdurowi rozbyiesz ie (III класс) - PF, 2, 9; sadl ies na stolczu iensze sōdzisz prawdō (IV класс) - PF, 9, 4; 1-е л. мн.ч. Apsto chemly (my) thamo my greŃny ludze dotegotho weŃela krolefstwa nebeskego pryč (=chcem li) - KG, K1; Wo nadgydze szmyara y pokaznyeny będzem - PP, 89, 12; 2-е л. дв.ч. dzewki moge, przecz gydžeta semnō (I класс), ... drzewey bōdžeta babye, nyszly swadzbi snymi doczekacye - BSz, Ruth, I; 2-е л. мн.ч. A iusz crolowe rozumeyce, nauczce se czso sōdzice zemō (IV класс) - PF, 2, 10. Формы дв.ч. не встречаются позднее XVI в. Окончание -m наряду с аналогическим -my широко отмечается в литературе со средневековья до новейшего времени. Ср. у Я.Кохановского: *naydź iem go w rość eli*; у В.Хростинского: *Pomniem to wŃyŃcy, ZloŃney to muŃiem przypiŃać Fortunie, radź iem* и мн.др. Особенно широко -m распространено в произведениях авторов, связанных с "кресами", что обусловлено, по всей видимости, влиянием региональной разновидность польского языка. Ср. у С.Гоцинского: *A my tu będziem na wszystko gotowi, I ani moźem wāpřić o zwycięŃtwie (ZK)*; в описаниях Пшезинского, изданных в Вильно в 1841 г.: *Nim uslyszym odpowiedź pokorną wōjta*. У В.Сырокомли в небольшой поэме "Jan Dęborōg" представлено 11 форм с -m (*Idziem* 101 В свою очередь *ъ в *-šb появилось неэтимологически из более раннего *-šī, о чем свидетельствует наличие -И во 2-м л. ед.ч. настоящего времени в старославянских памятниках (ПАСЕШИ, НОСИШИ и т.д.) В некоторых грамматиках (например, у В.Манчака) не восстанавливается стадия с ь, а реконструируется только стадия с і (*přeši, *peseši). При этом В.Манчак отмечает, что утрата -і вызвана высокой частотностью употребления формы (M a Ń c z a k W. Op. cit. S.115).

nić modlić, wtedy obaczysz, A ty tu marnie kwilim и др.). Высокая частотность форм на -ш в поэтических произведениях обусловлена нередко версификационными целями.

Аналогические процессы в парадигме настоящего времени привели к утрате закономерной флексии 3-го л. дв.ч. -cie < *te, которая была вытеснена еще в дописьменную эпоху, вероятно, более частотным показателем 2-го л. -ta. Аналогическое влияние иных словоизменяемых типов проявилось в иаличии уже в первых польских памятниках в 1-м л. мн.ч. дублетной к этимологическому -ш флексии -шу (-eшу, -iшу), возникшей под влиянием местоимения 1-го л. мн.ч. шу, в 1-м л. дв.ч. на месте *vě польского новообразования с -а (-wa), проникшего в глагольную парадигму: по всей видимости, по аналогии сим.-вин.п. дв.ч. существительных м. и ср.р., прилагательных м. и ср.р. именного типа склонения и числительных dwa и oba¹⁰². Ср. в ŻB: 1-е л. мн.ч. *donyesyemy uzmujemy, tobecz ge (nasze dusze) poleczamy*.

Частотой употребления (*częstość użycia*) объясняет утрату этимологического *-ть в 3-м л. ед.ч. настоящего времени В.Манчак¹⁰³. В результате этой утраты в 3-м л. ед.ч. всех типов спряжения представлены различные гласные флексии (-e, -i и т.д.) или, если не считать вокалические элементы флексиями, как делают, отдавая дань традиции, некоторые исследователи, одна нулевая флексия. Вероятно, аналогическому влиянию 3-го л. ед.ч. подверглось 3-е л. мн.ч., в котором также утратилась часть, следующая за носовым гласным: *-oть, *-ęть > польск. совр. письм. а [ɔ]¹⁰⁴. Ср. отсутствие t в самом древнем польском памятнике KŚ: 3-е л. ед.ч. *ude tobe vboku* - K4 (I класс), *Timi sloui mōdresc fały suōtego Nicolaia* — K3 (IV класс).

Таким образом, вследствие перераспределения в глагольной основе и изменений в континуантах древних флексий реформировались I и II типы польского спряжения, причем в I тип вошли глаголы древних I-III классов и изменяющиеся по их образцу, а во II тип спряжения - глаголы IV древнего класса и изменяющиеся по их образцу. Различия между I и II типами состоят в качестве вокалического элемента флексий 2-го, 3-го л. ед.ч., 1-го, 2-го л. мн.ч.; в I спряжении -e, во II -i или -y (после ś, ź, ć, ź, с, з со второй половины XVI в.).

Нередко в 1-м л. мн.ч. на месте этимологических i/y в литературе отмечаются формы с -e, -é (-eшу, -éшу, -eш), что связано с воздейст-

¹⁰² Ср., однако, единичную форму 1-го л. дв.ч.: *Stodo poydzewye kiwemu iyudu* - BSz, Ruth, I.

¹⁰³ M a n c z a k W. Op. cit. S.115.

¹⁰⁴ Вероятно, утрата *-ть в ед. и мн.ч. носила диалектный характер: ср. наличие согласного в 3-м л. ед. и мн.ч. в восточнославянских языках и отсутствие его в западнославянских. Современный сербохорватский язык сближается в этом отношении с западнославянскими языками, в то время как в современном литературном болгарском языке произошли изменения по сравнению с древнеболгарским: в 3-м л. ед.ч. согласный элемент отсутствует, а в 3-м л. мн.ч. он сохранился.

внем N на предшествующий гласный (§ 34.2). Ср. у М.Рея: *á vřtávicznie fie toruemy w rozmáitych pokuřach* (Post.); у Я.Кохановского: *Frářzki to wřyto, cokolwiek myřlémy, Frářzki to wřyto, cokolwiek czyniémy* (Fr.); у Я.Пасека: *Puřciemy, byle nie kupa, rifymy zaczníemy - się bronímy, zaczníemy - nie skończymy*; у В.Хростинского: *przeurzemy się błędzie, musiem i др.*; в польско-французском разговорнике конца XVIII в.: *zapłaciemy Wc Panu siedm talerow*. Данное явление представляет собой такое же морфологическое следствие фонетического процесса, как и появление флексий *-eři, -eři* в тв.п. мн. и ед.ч. прилагательных и местоимений.

В континуантах нетематического V класса флексии, как и окончания тематических классов, подверглись закономерным фонетическим изменениям, незтимологической редукции гласного или согласного элементов¹⁰⁵.

Так, закономерные фонетические результаты представлены в 1-м л. ед.ч. (*-ш < *-шь*), 1-м л. мн.ч. (*-ш < *-шь*), 2-м л. мн.ч. (*-cie < *-te*), 2-м л. дв.ч. (*-ta < *-ta*). В польском языке не зафиксированы формы с диссимилятивным *s < dt, tt* (за исключением *jest*) типа **dasi, *věsi, *dasty, *věsty, *daste, *věste, *dasta, *věsta*. Подвергшись влиянию тематических классов, эти глаголы утратили элемент *s* в формах мн. и дв.ч., приобрели *ř* вместо *s* во 2-м л. ед.ч. (*dasz*) и редуцировались до форм *da, wie* и т.д. в 3-м л. ед.ч. Ср. 2-е л. мн.ч.: *Dzathky mile, Ysze gako tho (vy) szamy dobrze vecze* (KG, K1).

В 3-м л. мн.ч. на глаголы **damь, *věть, *jęть* повлияли глаголы IV древнего класса с основой на *-с, -з* в 3-м л. мн.ч.¹⁰⁶. Вследствие этого установились формы *dadzą, wiedzą, jedzą*. Ср. в PF в префиксальных от *wiedzieć*: *Slawř krolewstwa twego powedż; y welykoscz twoyo wupowedż*.

Только глагол **jesь* сохранил в древнепольском архаический тип спряжения (с сокращением *-i* во 2-м л. ед.ч. **jesi* и утратой **-ть* в 3-м л. мн.ч. **sřть*). Формы *jeřm, jeř, jeřć* (наряду с *jest, je*), *jesm // jesmy, jeřcie, sa, jeřwa, jeřta* употребляются до середины XV в. как единственно возможные (в том числе и в составе перфекта - см. § 87) и сохраняются наряду с новыми формами глагола *być* (§ 82) вплоть до XVI в. Ср. в PF: 1-е л. ед.ч. *bo ya sluga twoy gesm*; 2-е л. ед.ч. *syn moy ies ti*; 3-е л. дв.ч. *Miloserdze a prawda posrzatla iesta iemu* (в составе

¹⁰⁵ К этому классу традиционно относят глаголы **věděti, *jęsti, *dati, *byti, *iměti* (**věть, *jęть, *datь, *jeать, *imать*).

¹⁰⁶ В глаголах IV класса незтимологические формы типа *radzą, gźać* в свою очередь возникли под влиянием соотношений в глаголах I-III классов, где основа I-го л. ед.ч. совпала с основой 3-го л. мн.ч. Это соотношение, распространившись на глаголы IV класса, привело к аналогическому установлению в 3-м л. мн.ч. вместо этимологического **r'ut'-, *rad'* основ *řuc-* (*řuc-*), *ra3-* (*radz-*).

перфекта); в КŚ 1-е л. мн.ч. (в составе перфекта): O toch *iesmy* [slyszeli] *ize...* (K4).

Из трех форм 3-го л. ед.ч. наиболее древняя *jeść* как исключительная встречается только в самом древнем памятнике КŚ. Ср.: *Tochto u iesch p(ra)uda, ize yde tob(e) c(r)ol zbauicel* (K4); *ana tih slo[wiech wyklad języ]ka laci(n)skiego vpolski iesc taky* (K4).

Более частотной уже в памятниках XIV-XV вв. является сохранившаяся до настоящего времени форма *jest*. Так, в PF обычна эта форма (ср. из восьми форм 3-го л. ед.ч. Prol. *все jest*), хотя и в этом памятнике встречается форма *jeść*: ср. *gemvsz nye gescz czysla* (103, 26). Богемизм *je* отмечается редко, чаще с отрицательной частицей в значении совр. 'nie ma': ср. в PF: *Welyku pan u chwalny barzo, a welkoszy yego ne koncza* (144, 29).

Из всех архаических форм глагола *być* до настоящего времени сохранились только формы 3-го л. *jest* и *sa*. Пример 3-го л. мн.ч. из КŚ: *a s o ta sloua zmo[wiona] ochce(m) suoti(m)* (K6).

§ 81. Формирование ам- и ем-спряжений

Уже в первых польских памятниках отражен новый тип спряжения, который образовался из глаголов древнего III класса, обладающих определенной фонетической структурой: с а и ё, предшествующими j, причем, за единичными исключениями (например, в глаголе *znać*), а и ё не являются корневыми.

Образование этого типа (вернее, двух типов) спряжения связано с двумя процессами: фонетическим процессом стяжения (так называемое "ściągnięcie powsze", см. § 23.2), проявившимся во всех формах, кроме 1-го л. ед.ч. и 3-го л. мн.ч., и процессом аналогического воздействия на форму 1-го л. ед.ч. соответствующей формы нетематических глаголов (типа *дашь). При фонетическом стяжении групп *aje*, *ėje* (редко) образовывались долгие гласные *ā*, *ē*, которые подверглись описанным в § 33.4 историческим изменениям (например: 2-е л. ед.ч. *-ajesz > asz > āsz > asz*; 3-е л. ед.ч. *aje > a > ā > a* и т.д.). В 1-м л. ед.ч. в результате воздействия формы *daś > dām > dām*, *wieś > wiēm > wiēm* перед *m* гласный также был долгим (*powiadām > powiadām*)¹⁰⁷. О редком и непоследовательном обозначении долготы в древнепольских памятниках см. в § 32.1.

В 3-м л. мн.ч. с древних времен до настоящего времени сохраняются нестяженные формы¹⁰⁸. Предполагают, что процессу стяжения здесь

¹⁰⁷ Об этом свидетельствует наличие гласных *o*, *ā* < *a* и *é*, *i*, *e*¹, *y* < *e* в говорах с сохранившимся отличием континуантов кратких и долгих *e* и *a*.

¹⁰⁸ Ср. 3-е л. мн.ч. в КŚ: *sedoci so, giz so kdobremu obleniaio; lezocy so, giz so u[gre]se cohaio; sposu so, giz so vg(ressch zap(e)claiio, vmarly so, giz wnilloscy bozey rospachaio* (K2).

принятствовало наличие ринезма во флексии. Об этом свидетельствует более длительное сохранение по сравнению с остальными формами "полных" форм 1-го л. ед.ч. (в которых также представлен носовой) и нефонетический характер образования "кратких" форм 1-го л. ед.ч. В какой-то степени роль фонетического фактора как причины сохранения нестяженных форм 3-го л. мн.ч. может подвергаться сомнению при наличии современных просторечных и диалектных *gozumią*, *umią* и вошедшей в литературный язык формы *śmia* (наряду со *śmieją*)¹⁰⁹.

В древнепольских памятниках XIII-XIV вв. чаще всего нестяженными являются формы для глагола *znać* и производных от него. Ср. в КŚ: *yto uznaie*, *kedgy* sg(r)esil K4; в PF: *Bo znaie gospodzin drogę prawych*, а *droga zlich zgine* (1, 7). В то же время в этих же памятниках обычными являются формы со стяженным некорневого а/ѣ: 2-е л. ед.ч. *au(m)*, *p(r)au* [św. Augustyn], *rospachas*, *clouece* (KŚ, K4); *Vtwarzasz ty rękę twoją* (PF); *Insze powieszsz me z wrot smetnich* (PF); *Bo ti osweczasz sweczó moię*, *gospodne* (PF); *yzmouil sin bozi sloua uelmy zna(meni)ta*, *gimis casdę duşę zbosną pobuda*, *ponęcha y pouaba* (KŚ, K2); *y pouada na(m)... s(uc)ti symeon* (KŚ, K6); *tobecz ge poleczamy* (ŻB); *y tesze vy o temtho (często) slychake* (KG, K1).

Примеры аналогического 1-го л. ед.ч.: *powadam ia: dzala moja krolowi* (PF, 44, 1). Отдельные "полные" формы 1-го л. ед.ч. встречаются в XV-XVI вв.: *wylewaję*, *trzymaję* и др. Стяжение, как показывают памятники, произошло раньше в глаголах с некорневыми а/ѣ, а позднее в глаголах *znać*, *śmieć*. Ср. уже в Пулавской псалтыри в 1,7 употребляется, в отличие от Флорнанской псалтыри, стяженная форма: *Bo zna bog drogę prawych*, а *droga zlosnych zagynę*.

XVI в. историки польского языка считают временем установления современного состояния, утраты спорадических нестяженных форм типа *podnaszaję* и *znaję*.

§ 82. Новые презентные формы глагола *być*

Арханческие формы настоящего времени глагола *być*, как уже отмечалось, сохраняются вплоть до XVI в. Однако уже в XV в. и в качестве самостоятельно употребляющихся, и в составе сложных прошедших времен отмечаются новые презентные формы глагола *być*, образованные по типу форм перфекта (см. § 87) от сохранившейся до настоящего времени основы *jest* (для ед. и мн.ч.) и спорадически (для

109 Реабилитировать теорию фонетического фактора как преграды для стяжения может следующее: 1) доказательство недавнего происхождения форм типа *gozumią* (т.е. предположение, что фонетический фактор ринезма играл свою роль в более древнее время и утратил ее позднее вследствие каких-то причин, например ослабления назального качества гласного); последнее, однако, нуждается в экспериментальной проверке; 2) или доказательство того факта, что формы типа *gozumią* возникают в диалектах с утратой ринезма конечного гласного.

мн.ч.) от сохранившейся до настоящего времени основы *sa*: *jestem*, *jesteś*, *jesteście* // *jestesmy*, *jesteście*; *saśmy* // *saśmy*, *saście* как *był* + *jeśm* > *byleśm* > *byłem*.

Первые формы наряду с архаическими зафиксированы в BSz. Формы от *sa* спорадически отмечаются с XV до конца XVIII в. В XV в. по аналогии с формами сложного прошедшего времени типа *gobilichmy*, возникшей под влиянием сослагательного наклонения, появляются формы 1-го л. мн.ч. настоящего времени с *-ch*: *jestechmy*, *sačmy*. Новые формы глагола *być* окончательно вытесняют архаические *jeśm*, *jeś*, *jeść*, *jesmy*, *jeście* в XVI в.

§ 83. Изменение конъюгационных типов и морфонологических моделей глагольных лексем

На протяжении всей истории польского языка осуществлялся процесс изменения конъюгационных типов глагола: переход из одного типа спряжения в другой, утрата старых морфонологических моделей и развитие новых, объединение разных глаголов в одном типе спряжения, утрата парадигмы настоящего времени и сохранение неизменяемых реликтов глагольной парадигмы и др.

Например, часто происходило взаимовлияние глаголов I спряжения (древнего I класса), имеющих форму инфинитива на *ać*, и глаголов III спряжения в связи с идентичным характером форм инфинитива. Так, по образцу *pisać* - *piszę* - *piszesz* на месте древнепольских форм типа *klamać* - *klamam* - *klamiesz*, *korąć* - *koram* - *korasz* и других возникли новые *klamię*, *korę* и под. Противоположное направление процесса аналогического влияния отражено в появлении на месте древнепольских *żone*¹¹⁰, *włodzę*, *zyszcze* и других новых *gnam*, *władam* > *władam*, *zyskam* и под. Некоторые из новообразований не сохранились в литературном языке (например, *lgam* > *lżę*, *lżesz*, но *tkam*).

В разное время происходило изменение морфонологической модели спряжения (при сохранении старых флексий). Так произошло в ряде глаголов I древнего класса, в которых мягкий губной или шипящие *č*, *ż*, возникшие в результате I палатализации, распространились на 1-е л. ед.ч. и 3-е л. мн.ч. Вследствие этого формы типа *surę* - *surą*, *żywę* - *żywą*, *zowę* - *zową* и другие сменились рядом *syrię* - *syrią*, *żywię* - *żywią*¹¹¹ > *żyję* - *żyją*, *zowię* - *zowią* и т.д. Новая морфонологическая модель совпадает с морфонологической моделью глаголов древнего III класса, в которой во всех формах отражены результаты изменения гласных перед *j*. Поэтому традиционно, хотя точная хронология этого перехода неизвестна вследствие длительного неразличения мяг-

¹¹⁰ Ср. еще у Я.Кохановского 3-е л. ед.ч.: *Srogi láki ś przewoźnik wo źi biádé ćięnie Y w láfy niewefolé Cypryfové źenie* (Thr.).

¹¹¹ Ср. *nędznie á mizernie żywie ná fwecie* (Górn. Dworz.).

ких и твердых согласных на письме, этот процесс называют переходом гла олов I класса в глаголы III класса.

Как факультативная в среднепольский период появляется морфологическая модель с *ć* в глаголах *derce*, *szerce* (результат влияния языка восточных окранных - см. § 30).

Влиянием форм инфинитива объясняется возникновение на месте моделей *kołę - kolesz*, *porzę - porzesz*, *kowę - kowiesz* при *kluć*, *pruć*, *kuć* форм *kluję - klujesz*, *pruję - prujesz*, *kuję - kujesz*. На месте утраченных форм *rosnę - rościesz*¹¹², *kradę - kradziesz* появились новообразования с *p* (*rosnę - rośniesz*, *kradnę - kradniesz*). Исчезли из литературного языка др.-польск. формы *czte*, *kwte*, *chocę*¹¹³, которые заменили инновации *czytam*, *kwitnę*, *chcę*.

Два др.-польск. глагола *wspomienę // wspomienie* - *wspomieniesz*¹¹⁴ (древний II класс) и *(ws) pomnię - (ws) pomniesz*¹¹⁵ (IV класс) совпали в одном типе, объединившем формы *wspomnę*, *wspomną* от древнего первого типа и *wspomnię* и остальные - от второго.

Полностью утратилось спряжение таких глаголов, как *widać slychać* (*widam*, *slycham* и т.д.)¹¹⁶, о прежнем существовании которых напоминают только предикативы *slychać*, *widać*.

Архаические формы наряду с новообразованиями широко представлены в польских диалектах.

§ 84. История форм будущего времени

В древнепольском языке были два способа передачи действия, которое должно осуществиться в будущем: 1) с помощью форм настоящего времени от глаголов совершенного вида (одна из форм древнего *futurum primum*); 2) с помощью формы будущего времени глагола *być и причастия на *-*лъ* или инфинитива того же глагола (древнее *futurum exactum*).

Форма настоящего времени употребляется для выражения действия, которое мыслится как завершенное в будущем. Примеры: 2-е л. ед.ч. *atak gy korab wdzalas* (BSz, Gen.); 3-е л. ед.ч. *aiacocoly to g(r)esny clouek uciny, tako nagle sirce iego iemu doracy, yzbi g(r)eha ostal* (KS,

112 Ср. у М.Рез: 3-е л. ед.ч. *kiedy ste rozroście, niepotrzebne giałajki y iljcie, gdzie go wiele obrzyna: bo to wŷyto prętko wroście* (Zwierz.).

113 Ср. 3-е л. ед.ч.: *lakos są cce wie suoté(m) ziuoce* (KS, K2) и в глоссах латинских проповедей в KG: *у fe cze są nam o them* (KG, 153). Пример 3-го л. ед.ч. глагола *kwiść*: *Rano yako zyelye zakwycze* (PP, 89, 6).

114 Ср. 3-е л. ед.ч. *tochu sam sebe wspomene* (KS, K4), 3-е л. мн.ч. *Wspomyeną y nawroczą szye ku gospodnu wszytky kraye zyemske* (PP, 21, 29).

115 Ср. в XVI в.: *Pomnię ia przed láty, że w Polfcze żaden nie byl w pleniądze bogáty* (Koch.), в XVII в.: *ale nie pomnię, z kórego miasta* (Pas. Pam., 1659).

116 Ср. 2-е л. мн.ч. *slychake* (KG) или у М.Рез: 1-е л. мн.ч. *Zaŷz tákich nie widamy, co ŷle ożeńią* (Wizer.), *Bo to widamy y w konloch y w inych źwierzętoch* (Zwyerc.).

К4), A list iego *ne spadne*, y wszistko, czsocoli *vczini, przespeie* (PF); 3-е л. мн.ч. *Wniwecz wnidōō* iako woda czekōcza (PF).

Сложная форма употребляется для передачи действия, границы продолжительности которого в будущем не определены. Примеры: а) с инфинитивом: 1-е л. ед.ч. *Radowacz y weselicz se bōdō* w tobe, y *pacz bōdō* y menu twemu barzo wisocze (PF, 9, 2); 2-е л. ед.ч. *Wlodacz bōdziesz* nad nimy w metle szelazney (PF, 2, 9); 3-е л. ед.ч. w zacone iego *bōdze mislicz* (PF, 1, 2); 3-е л. мн.ч. *chwaliczczе bōdōō* (PF, 83, 5); б) действительным причастием на -l: 1-е л. ед.ч. *Nye bēdę sze bal* tysszyōcza lyudzy obstōpauōczych mye (PP, 3, 36); 3-е л. ед.ч. *Gospodnye, kto bēdze myeszkal* wrzēbitcze twoyem, albo kto *bēdzye stacz* na gorze szwyētye twoyey? (PP, 14, 1).

Если, например, во Флорианской псалтыри более частотны формы сложного будущего времени с инфинитивом, то в Пулавской псалтыри в ряде случаев, в которых во Флорианской псалтыри представлен инфинитив смыслового глагола, употреблено причастие (ср. псалом 3,6: *Ne bōdō se bacz* (PF) и *Nye bēdę sze bal* (PP); псалом 14,1: *kto bōdze przēbiwacz* w przēbitcze (PF) и *kto bēdze myeszkal* (PP)). Эти примеры свидетельствуют также о семантической тождественности форм с инфинитивом и причастием.

§ 85. Основные тенденции в истории системы прошедших времен

Основные тенденции в системе прошедших времен связаны с упрощением как претеритальной системы в целом (осуществляющаяся еще в дописьменный период утрата простых прошедших времен), так и структуры отдельных ее звеньев (постепенное упрощение форм перфекта, которые из двусложных превращаются в односложные, причём бывший вспомогательный глагол преобразуется в словоизменятельную морфему).-

§ 86. Рудименты аориста и имперфекта в древнепольских памятниках

В древнепольских памятниках XIV-XV вв. отражены лишь остатки древней сложной системы простых прошедших времен, которая состояла из трех видов аориста (простой, архаический сигматический и новый сигматический) и имперфекта. В польских памятниках представлены только рудименты одной из аористных парадигм — нового сигматического аориста (см. табл.6).

Древнепольской парадигме нового сигматического аориста, как от вокалических основ, так и от основ инфинитива на согласный, не известна этимологическая форма 3-го л. мн.ч. (типа *znaę, nesoę*). Место исконной формы здесь занимает форма, возникшая под влияни-

ем имперфекта и в случае совпадения гласного перед *ch* идентичная форме 3-го л. мн.ч. имперфекта.

Таблица 6

Реконструкция полной парадигмы нового сигматического аориста и польские континуанты

Число	Лицо	Прасл.	Др.-польск. XIV в.	Прасл.	Др.-польск. XIV в.
Ед.	1-е	-хь	-ch	-о-хь	-e-ch
	2-е	-ѡ	-ѡ	-ѡ	-ѡ
	3-е	-ѡ	-ѡ	-ѡ	-ѡ
Мн.	1-е	-хотъ	-chom	-о-хотъ	-e-chom
	2-е	-ste	-ste	-o-ste	-e-ste
	3-е	-šę	-chą	-o-šę	-e-chą
Дв.	1-е	-ховѣ	-chova	-о-ховѣ	-e-chova
	2-е	-sta	-sta	-o-sta	-e-sta
	3-е	-ste	-sta	-o-ste	-e-sta
основа инфинитива		вокалическая типа зна-		консонантная типа pes-	

Как и в настоящем времени, форма 2-го л. дв.ч. распространилась и на 3-е л. Ср.: *Sam a Jafet włożysta piaszcz* (BSz).

Кроме того, в аористных формах от консонантных основ инфинитива перед *х* представлен не гласный *о* (как в старославянских памятниках), а *е* (*niesiech* вместо *niesoch* и т.д.).

В представленных в древнепольских памятниках остатках парадигмы имперфекта (см. табл. 7) во 2-м л. мн.ч. и 2-3-м л. дв.ч. фиксируются аористные формы на *-ste*, *-sta* (при этом, как в настоящем времени и аористе, 2-3-е л. дв.ч. имеют одно окончание *-sta*). В 1-м л. дв.ч. часто отсутствует гласный *о* (*bychwa*).

Аористная форма от глагола *być* участвовала в образовании сослагательного наклонения (§ 90). Приведем др.-польск. аористную парадигму этого глагола в сопоставлении с имперфектом (формы имперфекта даны в скобках): ед.ч. *bych* (*biech*), 2-е л. *by* (*biesz*), 3-е л. *by* (*biesz*); мн.ч. 1-е л. *bychom* (*biechom*), 2-е л. *byste* (*bieszete* // *bieste* под влиянием аориста), 3-е л. *bychą* (*biechą*); дв.ч. 1-е л. *bychowa* // *bychwa* // *byswa* (*biechowa*), 2-е л. *bysta* (*bieszeta* // *biesta*), 3-е л. *bysta* (*bieszeta* // *biesta*).

Взаимодействие форм аориста и имперфекта становится возможным в связи с утратой семантической противопоставленности этих времен как выражающих законченность и незаконченность действия и с формированием специфической категории глагольного вида, кото-

рая стала выражать указанную оппозицию. В свою очередь совпадение ряда форм аористной и имперфектной парадигм (3-е л. мн.ч., когда х предшествует а или е, 1-е л. ед.ч. и 1-2-е л. мн.ч. в глаголах без і в инфинитиве, 2-е л. мн.ч. в основах на гласный, 2-3-е л. дв.ч. на -sta), а также идентичный характер формы 2-3-го л. ед.ч. аориста и формы 3-го л. ед.ч. настоящего времени для многих глаголов, а для глаголов IV класса совпадение ее также с формой 2-го л. ед.ч. императива (см. § 89.1) способствовали утрате простых прошедших времен.

Таблица 7

Реконструкция полной парадигмы имперфекта

Число	Лицо	Прасл.	Др.-польск.	Прасл.	Др.-польск.
Ед.	1-е	-ахъ (< -ах-ъ)	-ach ¹¹⁷	-ѣахъ (< -ѣах-ъ)	-āch
	2-е	-аše (< -ах-е)	-aše	-ѣаše (< -ѣах-е)	-āše
	3-е	-аše (< -ах-е)	-aše	-ѣаše (< -ѣах-е)	-āše
Мн.	1-е	-ахомъ (< -ах-омъ)	-achom	-ѣахомъ (< -ѣах-омъ)	-āchom
	2-е	-ašete (< -ах-ете)	-ašete / -aste	-ѣаšete (< -ѣах-ете)	-āšete / -āsté
	3-е	-ахѡ (< -ах-ѡ)	-acha	-ѣахѡ (< -ѣах-ѡ)	-ācha
Дв.	1-е	-аховѣ (< -ах-овѣ)	-achova / -achva	-ѣаховѣ (< -ѣах-овѣ)	-āchova / -āchva
	2-е	-ašeta (< -ах-ета)	-ašeta / -asta	-ѣаšeta (< -ѣах-ета)	-āšeta / -āsta
	3-е	-ašete (< -ах-ете)	-ašeta / -asta	-ѣаšete (< -ѣах-ете)	-āšeta / -āsta
основа инфинитива		вокалические (кроме і-основ): тип zna-, vidě-		консонантные и і-основы: тип xvali-, nes-	

Всего в рукописных памятниках XIV-XV вв. обнаружено 26 форм с явными признаками аориста и имперфекта (исключая омоформы с 3-м л. ед.ч. настоящего времени и формой императива). Для некоторых из форм невозможно точное определение, аористная это форма или имперфектная (например, 3-е л. мн.ч. zaplakacha (KS) и др.). Существует прямая зависимость между частотностью форм простых прошедших времен в памятнике и его древностью: чем древнее источник, тем

117С присоединением данных флексий к основе, оканчивающейся на а, ё, возникает сочетание гласных, подвергающееся стяжению, в результате которого появлялся долгий. Таким образом, конечный сегмент форм на гласный и согласный в древнепольском совпали.

большой процент составляют эти формы от общего лексического объема памятника (и соответственно чаще встречаются), чем новее источник, тем указанный процент меньше (и частотность реже).

В Свентокшиских проповедях отмечено восемь форм (без аориста в составе конъюнктива): две безусловно имперфектные (2-3-е л. ед.ч. *siedziesz, biesz*), одна безусловно аористная (3-е л. мн.ч. *pośpieszucha*)¹¹⁸, а остальные исследователи считают соотносящимися как с парадигмой аориста, так и с имперфектом: 1-е л. ед.ч. *videh p(rai)u ang(e)la bo[że]go (K1)*; 3-е л. мн.ч. *kaiŏch ydehŏ (K1)*, у *posŏh sŏ modlich (Ibid.)*, *[z]apłacaŏ, p(rai)u, use(m) sirce(m) yobetnicŏ bogu vzdahŏ (Ibid.)*.

Во Флорианской псалтыри общее число форм 13: пять форм безусловно имперфектных (*biesz, biecha, mołwach, mołwiesz, błogosławiacha*), одна аористная (*mołwich*), остальные - аористно-имперфектные (*luczacha, potępiacha, szukacha, mijacha, przysiągacha, poklinacha, chwaliacha*). Две формы зафиксированы в источнике 1401 г. (*ukradziecha* и *wynidziecha*) и в Пулавской псалтыри (*wychodzaasz, mołwiesz*), одна форма 3-го л. дв.ч. *włozysta* отмечена в Шарошпатацкой Библии¹¹⁹.

§ 87. История форм перфекта

Перфекте первых польских памятников является основной формой выражения прошедшего времени. Первоначально имея значение совершенного действия, с утратой простых прошедших времен он передает общую тональную семантику прошлого.

Перфект состоял из настоящего времени вспомогательного глагола *być* и действительного причастия *na-*, имевшего следующие родовые окончания: ед.ч. м.р. *-ѡ (< *ъ)*, ж.р. *-а*, ср.р. *-о*; мн.ч. м.р. *-и*, ж.р. *-у*, ср.р. *-а*; дв.ч. м.р. *-а*, ж. и ср.р. *-е (< ѣ)*.

В истории перфекта, как и в истории других морфологических категорий и форм, XVI в. является переломным, причем изменения происходят в обеих составных частях перфекта.

Во вспомогательном глаголе *jeść, jeś, jest / jeść, jeśmy / jesmy, jeście, są* на протяжении XIV-XV вв. прослеживается тенденция к сокращению его, а в 3-м л. ед. и мн.ч. — полной редукции.

Так, элиминация вспомогательного глагола в 3-м л. обычна уже в Свентокшиских проповедях: 3-е л. ед.ч. *Tegdis nagle bog usłusał modlituŏ ludu sm [iernego i posłał] gim napomoch angela suego s(uŏte)go*

¹¹⁸Примеры из памятника: *sedese, bo vdob(rze) lubował, podle drogy (K2)*; *iem(uz) bese vŏ sŏpseŏn(s(uŏ)ŏ), p(rai)udiui, bogoboynu (K6)*; *pospesiŏ sŏ docos[cio]la namodlituŏ (K1)*.

¹¹⁹Здесь не учитываются многочисленные аористно-имперфектные формы в чешско-польском памятнике *Leg.Dog*, которые и по лексике, и по фонетическим особенностям представляют собой польско-чешские гибриды: *dzeŏka szwasachu, hanebnye obnasachu, biczuwachu, ye welmi tepechu, na pyadla rospyechu, wadziczami tarhachu (Vrt., s. 179)*.

(K1); 3-е л. мн.ч. *taco lud bozy przez ang(e)la uicóstwo odirzely*, *apogany sm (ir)с podioly*¹²⁰.

В остальных формах в древнепольских памятниках представлены разные стадии сокращения вспомогательного глагола, причем тенденция к сокращению возрастает к XV в. Примеры различных стадий: 1) полные формы: 1-е л. ед.ч. м.р. *p(re)s mo p(ri)soǵl iesm* (KŠ, K1); *W zamótcze moiem wezwal iesm gospodna, y bogu memu wolal iesm* (PF, 17, 7); 2-е л. ед.ч. м.р. *Vkogil ies wszistek gnew twoy, otwrocil ies se od gnewu roznepwana twego* (PF, 84, 3); 3-е л. ед.ч. м.р. *Nagotowal iest w sódze stolecz swoy* (PF, 17,11); 3-е л. мн.ч. ж.р. *I pokazali só se stundne wod* (PF, 17,17); м.р. *Wolali só, any bil* (PF 17,45); 3-е л. дв.ч. *Miloserdze a prawda posrzatla iesta iemu* (PF, 84, 11); 2) сокращенные формы различного вида: 1-е л. ед.ч. м.р. *Snayó eszem wszól, aczsom vczinil, tom paswem vczinil* (RPP, 1399); 2-е л. ед.ч. м.р. *gospodnye wszemogócy, genszes naas wywyodl scyemnoscy przezwyarstwa aw wyodles naas wsywatloscz twey ... znayomoscы, czsoszes nasza cyala kazal sobye zywo offerowacz* (ŽB).

О тенденции к большей частотности редуцированных форм в XV в. свидетельствуют обычные перфектные формы Пулавской псалтыри. Полная форма употребляется наряду с сокращенными, по-видимому, как средство избежать однообразия конструкции. Ср. в псалме 8,6: *Vmnyeszylesz gy malo od angyolow, slawą y czczya koronowalesz gy y postawylesz gy nad dzyala ręku twoych*, а в следующей строке (8, 7) полная форма: *Wszystko poddal yes pod pogu yego*. Отмечаются в Пулавской псалтыри и формы, аналогичные современным: 1-е л. ед.ч. *Napelnnyeny yesmy rano myloszyerdzya y wyesszyelylysmы szye i kochalysmy szye we wszech dnyoch passzych* (89,16), *Radowalysmy szye ... wydzelysmы zloszczy* (89,17). Вероятно, в устной речи сокращенные формы утвердились раньше, чем в письменной, особенно в переводах Священного писания. Об этом свидетельствует постоянное употребление их в своего рода клише *Iacosm przitem byl* и *Iacosmi przitem bili* в познанских и краковских судебных записях за 1397 и 1398 гг., а также и во многих других случаях.

С конца XV в. сокращенные формы, превратившиеся в словоизменительные морфемы, окончательно вытеснили полные.

В конце XV - начале XVI в. под влиянием аористного *x* в сослагательном наклонении (см. § 90) формы с *x* появляются в 1-м л. всех чисел прошедшего времени, чаще всего в 1-м л. мн.ч. Ср. у М.Рея: *A nochmy ie nápoły iuż dawno [stráćili (Zwierz.), iákolichmy skryśláli ziemię y morze, ... á práwiechmyią ludziom wydárli, á samichmyią posiedli (Zwierz.), częgochmy wczorá nie widzieli (Ibid.)*.

120 Хотя отмечаются примеры и с сохранением вспомогательного глагола в 3-м л.: *ty i(esc) suoł nauko ó[st]judila* (K2), *p(ro)rok d(au)l d uznamonaw ogego silne(m) vbostue i(esc) suadecstuo dal* (K4). -

Выйдя из употребления в литературном языке, *х* в прошедшем времени сохраняется в 1-м л., как уже отмечалось, на территории малопольского (см. § 21) и силезского (см. § 23) диалектов. Эта особенность была характерна для южной и юго-западной Польши и в XVI в., о чем свидетельствуют диалектные тексты юго-западного происхождения: 1-е л. ед. ч. ж.р. прошедшего времени *Ja jako wina matzizta rodzilach wdzyetznofiz wonye* (Т., s. 8).

В произведениях с отражением особенностей народной-разговорной речи встречаются характерные в настоящее время для диалектов (и, вероятно, узкорегинальные и в XVI-XVII вв.) формы претерита с личными местоимениями и причастиями на -1 без личных окончаний. Ср. у Я.Пасека: *aleć mi ę niezadlugo dogonił (pacholek) na lepszym koniu, niżeli ja siedział, zdobycznym; Interim (= tymczasem) królowi gotowano do stołu, a my poszli* (Pam.).

В смысловой (причастной) части перфекта происходят следующие процессы: 1) изменения во флексиях мн.ч.; 2) утрата показателей дв.ч. (см. § 101); 3) изменения в основе некоторых глаголов.

Во мн.ч. показатель им.п. ср.р; -а постепенно вытесняется этимологической флексией ж.р. -у (ср. начальную стадию процесса изменения показателя ср.р. в родовых местоимениях и местоименных прилагательных). Уже в XIV в. формы на -а встречаются редко, например: *zastępila sę me sidła smertna* (PF). Дальнейшее распределение у - і в причастии связано с развитием в конце XVI - начале XVII в. категории одушевленности-неодушевленности, а с конца XVII - начала XVIII в. категории мужского лица, которая, как и в прилагательных, нашла синтаксическое выражение в соответствующих формах причастий на -1, относящихся к существительным с семантикой мужского лица (показатель -і) или лишенных этого значения (показатель -у).

Формы дв.ч. утрачиваются к концу древнепольского периода. В памятниках XIV-XV вв. отмечаются довольно часто. Особенно много форм дуалиса в Шаршпатацкой библии: м.р. у *bilasta oba paга, adam gewa* (Gen., II); ж.р. *Aonye wznyozwszi glos, poczylesta plakacz* (Ruth, I); второе *poczylesta plakacz* (Ibid.); *Ybralesta syф spolu; Agdisz wmyasto weszlesta* (Ibid.).

Изменились некоторые древнепольские причастные формы (и соответственно основы инфинитивов - см. § 100). Так, на месте др.-польск. *czetił* появилась форма *czytał*, на месте *chociał*¹²¹ - *chciał*, на месте др.-польск. *богемизма jał*, отмечаемого наряду с *jachal*, - *jechał* и др. Мог меняться и гласный, предшествующий суффиксу причастия: ср. *mysłyl gesm* (PF, 142,5). Форма *myślił* сохраняется в новопольский период: широко представлена, в частности, у А.Мицкевича. Но к настоящему времени оказалась вытесненной образованием *myślał*. В новопольскую

121 Ср.: *hochal [oddać ziemię urogow uasih* (KŚ, K1).

эпоху также произошел переход формы *patrzal*, сменившейся *patrzył*, в разряд архаизмов.

Как уже отмечалось, более замедлен был процесс стяжения в причастиях на *ojał* типа *bojał se, *stojal (и соответственно в инфинитивах) в Великой Польше, о чем свидетельствуют отдельные нестяженные формы этих глаголов в Гнезненских проповедях: дважды в глаголе 'бояться' (*tedy wōcz (oni) fbythszy ſōszbō bily xpa barwō bogegely* - ошибочно дважды *ge* - K7; *ony tego wōczbō byly barwō bogely* - K3) и однократно в глаголе 'стоять' (*poth domem ſkoth yoflowe wō(cz ony) bily... ſtagaly* - K2).

§ 88. История форм плюсквамперфекта

Второе сложное время - плюсквамперфект - обозначало действие, предшествующее другому действию, совершенному в прошлом, или действие, которое было осуществлено очень давно (давно прошедшее время). Компонентами плюсквамперфекта были перфект глагола *być* и действительное причастие на-1 смыслового глагола. Например: 2-е л. ед.ч. *jeś był poszedł > byleś poszedł*. Ср. примеры 3-го л. ед.ч. м.р. с опущенным *jest* и 1-го л. ед.ч. ж.р.: *bo wtem szodmem dnyu przestal odewsznego dzala swego, czsosz bil dzalal* (BSz, Gen., II), *wiszlam bila pelna, arpozłō myf nawrocyl pan* (BSz, Ruth, I). Из древнепольских памятников обилием форм плюсквамперфекта выделяются Гнезненские проповеди, причем нередко употребление этих форм с общей семантикой прошедшего времени. Примеры: 3-е л. ед.ч. м.р. *gdisci szō xt gest byl na thenthō svath narodzil* (K1); 3-е л. ед.ч. ж.р. *maria gest bila suego sinka porodila* (K2); 3-е л. мн.ч. м.р. *svōczy angely szō(cz) tho ony bily vczynily* (K1).

В последующий период формы плюсквамперфекта употребляются нечасто. Они встречаются не только в литературе новопольского периода, но и в польских говорах (в частности, силезских)¹²².

§ 89. Основные тенденции в развитии форм повелительного наклонения

В истории польского императива основные две тенденции касаются показателя повелительного наклонения. Первая, проявившаяся в дописьменный период, заключается в формировании *-i* как единственного показателя императива не только в формах ед.ч., где он является закономерным для глаголов всех четырех классов, но и во всех формах мн. и дв.ч. Однако этой тенденции обобщения форманта *-i*, вероятно, так же с дописьменной эпохи, противодействовала тенденция к утрате суффикса *-i* (в первую очередь в безударной позиции - § 32) и замене

¹²² G o l a b P. Gwara Schodnl i okolicy. Wrocław, 1955. S.128.

его нулевым показателем. В историческое время победила вторая тенденция, в результате которой показатель императива *-i* заменился *-ø* или морфемами *-ij/-uj* в глаголах определенной морфонологической структуры.

Следующая тенденция состояла в сокращении числа простых форм императива и в развитии описательных форм императива, изофункциональных утраченным синтетическим формам 3-го л. ед. и мн.ч.

И наконец, отмечаются изменения по сравнению с этимологическими формами в образовании форм повелительного наклонения отдельных глаголов определенной морфонологической структуры (в нетематическом глаголе *dati, глаголах с презентной основой на *k, g* и др.) вследствие аналогического влияния на формы императива других подпарадигм этих же глаголов.

1. Судьба показателя императива

Как известно, в праславянском языке императив образовывался от презентной основы с помощью суффикса **-i* в тематических классах и **-ji* в нетематических. В большинстве форм, сочетаясь с тематическим гласным основы (в тематических классах), этот суффикс дал *-i* (см. табл. 8). Исключение составляли формы 2-3-го л. ед.ч. нетематических глаголов типа *věděti, *jěsti, *dati (др.-польск. и совр. *wiedz, jedz* и др.-польск. *dadz*, отраженное в названии божества *Dadzbóg*) и формы мн. и дв.ч. глаголов I и II классов, в которых дифтонг *oi*, в отличие от форм ед.ч., дал *e*¹²³.

Таблица 8

Реконструкция праславянских показателей императива

Число	Лицо	Классы				
		I	II	III	IV	V
Ед.	2-3-е	-i	-i	-i	-i	-ø < jь
	1-е	-ěпъ	-ěпъ	-imъ	-imъ	-imъ
Мн.	2-3-е	-ěte	-ěte	-ite	-ite	-ite
	1-е	-ěvě	-ěvě	-ivě	-ivě	-ivě
Дв.	2-3-е	-ěta	-ěta	-ita	-ita	-ita
Основа	презенса	*nes-	*dvign-	*piš-	*svět-	*dad-

В древнепольских памятниках во мн. и дв.ч. и для глаголов I и II классов представлено *-i*, установившееся здесь, вероятно, в дописьменную эпоху по аналогии с глаголами других классов (III, IV, нетемати-

¹²³ Предполагают, что различия в континуантах дифтонга *oi* в числовых парадигмах обусловила дифференциация интонаций, нисходящей в ед.ч. и восходящей в дв. и мн.ч.

ческих). Ср. 2-е л. мн.ч. *Prziymice pokaznene* - PF (I класс), у *podzwignicze se wrota wekuia* - PF (II класс) как *Sluzicze bogu w strasze* (IV класс) или 2-е л. дв.ч. *odidzyta* — BSz, Ruth, I (I класс).

Если вокалический элемент *ě* подвергся аналогическому воздействию более частотного показателя *-i*, то нулевой суффикс 2-3-го л. ед.ч. нетематических глаголов сохранился¹²⁴. Этому способствовал начавшийся, по-видимому, также в дописьменную эпоху процесс редукции *-i* преимущественно в безударной позиции. Во всяком случае в памятниках XIV-XV вв. данная тенденция явно выражена¹²⁵. Ср. 2-е л. ед.ч. с *-i*: *vszuma przymu* (PF, 142,1), *anabyerzi ssobó rozmagitego pokarmu* (BSz, Gen., VI), *Wytagry mō ... nacyz mō* (PF, 142,11), у *nachili vcho twoie y zapomnyluda twego* (PF, 44,12), *Sędzymye, gospodnye* (PP, 7,9) и 2-е л. ед.ч. с *-ø*: *Blogoslaw, dusza moya* (PF, 103,1), *widz moiō smarō* (PF, 9,12), *Wypuszcz duch twoy* (PF, 103,31), *Blaszeyu, zywō offerō mnye offery* (ŽB), *Ati vczyn sobyē korab* (BSz, Gen., VI); 3-е л. ед.ч. *czego nas douedy bog* (KŚ, K1) и *bogv naszemv bōdz weselee y krazne pfalene* (PF, 146,1); 1-е л. мн.ч. *Podzmi, poclonmi se y padnmi przed bogem* (PF, 94,7) и *placzmy przed gospodnem* (PF, 94,7) и т.д.

Наличие определенной тенденции не означает отсутствия некоторых отступлений от нее и непоследовательностей. Ср. во Флориаиской псалтыри 2-е л. ед.ч. *nacyz mō* (142,11) и 2-е л. мн.ч. *nauczce se* (2,10) (ср. рус. учí), 2-е л. мн.ч. *przydzyczye* (BSz, Gen., VI) и *gydzycesz* (ŽB) (ср. рус. идí), 3-е л. ед.ч. *douedy* (KŚ, K1) и 2-е л. мн.ч. *przywyedzcye przed mōy ty nyewyasty* (ŽB) (ср. рус. ведí).

Последовательнее всего (и, вероятно, ранее всего) утрачивался гласный показатель императива в презентных основах на *-j*, хотя по графике (смешение *i-y-j*) трудно это установить. В древнепольских памятниках довольно регулярно представлено здесь *-y*: ср. 2-е л. ед.ч. *Poszōday otemne* (PF, 2,8), 3-е л. ед.ч. *Skoynczay zbye zloszcz grzesznykow* (PP, 7, 10), 1-е л. мн.ч. *Rostarguymy gich przecowi* (PF, 2,3); 2-е л. мн.ч. *Spewaycze gospodnu ... powadaycze medzi ludem naukō* (PF, 9,11); 2-е л. дв.ч. *nye domnymayta syō bista mogle semnye wyōcey mōsze myecz* (BSz, Ruth, I).

Тенденция к утрате *-i* постепенно возрастает. Ср. во Флорианской псалтыри 2-е л. мн.ч. *Sluzicze bogu w strasze, y weselcze se iemu se drszenim*, а в Пулавской псалтыри - *Sluzicze bogu w boyazny u wyeszylcze szie* (но *prziymice* - PF, 2,12 и то же в PP: *prymyce*); в PF 2, 3 *Rostarguymy gich przecowi y szuczimy s nas iarzmo gich*, а в PP *Rostargaymy ... y szuczmy*.

¹²⁴ Ср., например, аналогичную современной др.-польск. форму 2-го л. мн.ч. в PP: *Wyedzcye, usz dzywno vczynyl gospodzyn szwyętego swego* (4, 4).

¹²⁵ Связь между безударностью-ударностью императивного показателя и его более ранней утратой была установлена, как уже упоминалось, Я. Розвадовским.

К концу XVI в. отмечается преобладание форм без *-i*; *-i* сохраняется лишь в глаголах с сочетанием согласных в основе. При этом вокалический элемент представлен в них не только в XV-XVI вв.¹²⁶, но и на протяжении XVII в. и даже в отдельных случаях отмечается в XVIII в. Ср. *Weź mi odemnie tego kopia* (Pac. Pam.) (XVII в.), *ściagnicie strzemiopa* (Bir - 1774 г.). Однако морфонологическое правило, по которому в большинстве глаголов финаль основы императива оканчивалась на согласный, повлияло и на глаголы с сочетанием согласных, и в них добавляется *j* (*ciągni > ciągnij*). *J* появляется, вероятно, под воздействием глаголов с презентной *j*-основой, в которых предполагается, как уже отмечалось, наиболее ранняя утрата *-i*.

В XVII-XVIII вв. под влиянием форм *chciej*, *rozumiej* отмечались спорадические новообразования на *-ej* типа *zaropniej*.

2. Редукция части парадигмы императива и употребление описательных форм

В парадигме императива утратились, как и в других категориях, формы дв.ч., а также синтетические формы 3-го л. ед. и мн.ч. (об утрате дуалиса см. § 101). Простые формы 3-го л. ед. и мн.ч., став редкостью в XVI в., позднее выходят из употребления, сохранившись в архаических выражениях типа *przyjdź królestwo twoje*, *Bóg zapłać* и т.п. Функцию императива в 3-м л. начинает выполнять аналитическая форма, состоящая из двух элементов: глагола в 3-м л. настоящего времени и побудительных частиц. В качестве частицы выступали: 1) до конца XV в. частица *ać*, образовавшаяся из соединения союза *a* и дат.п. ед.ч. местоимения *ty*: *a ci > ać*; 2) сочетание частицы *ać* с формой 2-го л. ед.ч. императива от глагола *piechać*: *ać piechaj przyjdzie*.

Во втором способе образования описательной формы происходили преобразования показателей побуждения: слияние в одну частицу *piechać*¹²⁷ или последующее упрощение *piecha*; утрата *ać* и употребление одной формы *piechaj*¹²⁸, причем с XV в. известен и ее сокращенный вариант *piech*, преобладающий в настоящее время.

3. Изменение некоторых морфонологических моделей императива

Комплексом факторов (влиянием основы парадигмы настоящего времени глагола *dawać* (*daj*) и односложных глаголов с *j*-основой им-

126 Ср., например, в Шарошпатацкой библии 2-е л. мн.ч. *roszczycze aploczycze szye*, а *napelnycze szemyo a oszyognycye yd sobye* (Gen., 1).

127 Ср. *nyechacz vilazj stego gezyora* (ŻB).

128 Ср.: *Nyechaj szya nyepodnoszy thwoye szercze wpycha. dlya szwycząsthw, ktorez uczynyl* (Hist. Al.).

ператива - типа *pić - pij, bić - bij*, в которых рано осуществилась утрата вокалического показателя императива -i) объясняется, вероятно, замена этимологических форм *dadz, dadz(i) my, dadz(i)cie* формами *daj, dajcie, dajmy*.

Неэтимологические формы представлены также в исходе основы глаголов I класса с k-, g-основами 1-го л. ед.ч. и 3-го л. мн.ч. Под влиянием большинства форм настоящего времени и соотношений типа *nieście - nieć* в них вместо закономерных *s, dz* (**rzeczy > *rzec*) установились формы с шипящей финалью основы: *rzeczy, pomoży > rzecz, pomóż*.

В ряде случаев уже в новопольский период происходит изменение морфонологической модели императива, связанное с разнообразными причинами. Так, отмечаемая еще у М.Рея и Я.Кохановского форма *odpoczuj* (ср. *odpoczuj sobie - Fr., odpoczuj mało w tym pędzonym przybytku moim - Post.*) вытесняется более новой *odpocznij* в связи с утратой старого презенса *odpoczuję, odpoczynie*¹²⁹, соотносящегося с инфинитивом *odpoczywać*¹³⁰, и заменой этих форм рядом *odpocznię, odpocznie - odpocząć - odpoczął*.

§ 90. История форм сослагательного наклонения

Основные процессы, которые произошли в истории сослагательного наклонения в польском языке, - это, во-первых, осуществившееся в дописьменную эпоху установление одного средства выражения сослагательного наклонения по сравнению с двумя, известными более древнему состоянию славянских языков; во-вторых, осуществлявшаяся в исторический период трансформация аористной формы, с помощью которой образовывался конъюнктив, превращение ее, как и вспомогательного глагола в перфекте, в словоизменительную морфему, подвижность которой - показатель ее прежней лексической самостоятельности. Менее значительное явление - влияние элемента *x* в аористной части конъюнктива на формы изъявительного наклонения (формы типа *bylichmy, jestechmy*), которое имело непродолжительный характер и, вероятно, было ограничено югом и юго-западом Польши. Формы частиц *bych, by* и т.д. сыграли большую роль в образовании целевых союзов.

В древнепольских памятниках, в отличие от старославянских, представлен один способ образования форм конъюнктива: сочетание аористных форм глагола *być* (см. § 86) с формами действительного причастия на *-*лъ* смыслового глагола. Способ выражения сослагатель-

¹²⁹ Ср., например, в PF: *у падо czalo moje odpocznie w nadzezi (15,10) (PP odpoczynie).*

¹³⁰ Примеры прошедшего времени, основа которого совпадает с основой инфинитива: *ono ... othpoczynolo; aby ... nogam bila mało othpoczynola (KG, K2); iodpoczynol wszyodmi dzen (BSz, Gen., II).*

ного склонения путем присоединения причастия на -l к частице сослагательного склонения *biń, bi, bi, biń, biste, ba* древнепольскому языку не известен.

Придание формам аориста значения частицы сослагательного склонения, вероятно, произошло вследствие близости этих форм, в особенности в 2-3-м л. ед.ч. и 2-м л. мн.ч. (*by - bi, byste - biste*).

Большое число форм конъюнктива представлено в древнейших Свентокшиских проповедях: ср. 2-е л. ед.ч. *yde tobe c(r)ol sm(er)ny, bi ty nebuial (K4)*; 3-е л. ед.ч. *yde tobe c(r)ol zbauicel, izbi nas otuesne sm(ir)cy zbauil (K4)*; 1-е л. мн.ч. *izbiho(m) gih touaristua uneb(e)s(ke)go c(ro)lestna pozywali (K1)*; 2-е л. мн.ч. *izbisce cugih bogom [nie chodzili] (K1)*.

Аористные формы 3-го л. ед.ч. и 2-го л. мн.ч., входящие в состав конъюнктива, сохранились без формальных изменений. При этом уже в первых памятниках форма 3-го л. ед.ч. обычно употребляется и в функции 3-го л. мн.ч., вытесняя форму *bychą* к концу XV в. В течение XVI в. изменяются или утрачиваются и остальные формы конъюнктивного аориста. В 1-м л. ед.ч. появляется новообразование *bym*¹³¹, во 2-м л. ед.ч. *byś*¹³², в 1-м л. мн.ч. конкурируют формы *byśmy, bychmy*¹³³, *bysmy*, из которых в литературном языке устанавливается *byśmy*. Старые аористные формы и формы дв.ч. постепенно выходят из употребления. Форма 1-го л. *bych* (в виде *buk* или *byk*), как и образованная по ее типу форма прошедшего времени на *ek/ef*, становится только диалектной особенностью южного и юго-западного польского ареала.

§ 91. Причастные формы. Общие замечания

От праславянского языка древнепольский унаследовал пять типов причастий: два типа, образующихся от презентной основы (действительное и страдательное), и три претеритных (два действительных и одно страдательное). Однако в древнепольском языке отражены только остатки парадигм кратких причастий, в то время как в праславянском были представлены полные словоизменительные парадигмы.

131 Хотя и в XVI в. широко распространены старые формы, обычные, например, у М.Реза и Я.Кохановского: *y iabych sie domyslil, gdzye nasia c pszenice (Wizer.)*; *Oy, wolaibych la tu gnoiu nawozic a leczmieni nasia c (Zwierz.)*; *zebych byl wyz rzał progi twoie (Thr.)*.

132 Ср. у М.Реза: *Bo byś był nagodniejszy, iuż sładz lako kokofz (Wizer.)*; *A iżbyś thák, rzekł (Post.)*; *albo bogactwo chciabyś mie c za pocleche, opuś c iwzzy Pána (Ibid.)*.

133 Ср. у М.Реза: *bylibychmy byli w więzszym gniewie (Post.)*; *day Pánie Boże, abychmy stale przy tobie trwali (Ibid.)*.

ПРИЧАСТНЫЕ ФОРМЫ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОГО ЗАЛОГА

§ 92. История кратких форм действительного причастия настоящего времени

Из всей древней парадигмы действительного причастия настоящего времени, представленной для трех чисел и трех родов, в древнепольских памятниках сохранились три формы: им.п. ед.ч. м.р., им.п. ед.ч. ж.р. и вин.п. ед.ч. м.р.¹³⁴

Таким образом, в древнепольском представлены континуанты пра-форм, имеющих следующие показатели:

Таблица 9

Падеж	Ед.ч.				
Им.п. м.р.	-у	-у	-е	-е	-у
Им.п. ж.р.	-otji	-otji	-otji	-etji	-otji
Вин.п. м.р.	-otjъ	-otjъ	-otjъ	-etjъ	-otjъ
Основа презенса	I класс основа типа *ved-	II класс основа типа *dvign-	III класс основа типа *piř-	IV класс основа типа *svět-	V класс основа типа *vĕd-

В истории всех кратких форм действительного презентного причастия выделяются следующие основные тенденции: действие фактора аналогии, изменение синтаксической функции с определительной на обстоятельственную¹³⁵ и превращение, таким образом, причастия в деепричастие, сокращение числа изофункциональных форм. Из трех континуантов праславянских форм наиболее жизнеспособной оказалась форма вин.п. м.р., вытеснившая из употребления формы им.п. м. и ж.р.

¹³⁴ В праславянском причастия образовывались от презентной основы с тематическим гласным (о, ѝ), к которому добавлялся суффикс -пѣ. Во всех падежных формах м. и ср.р., кроме им.п. м. и ср.р., после -пѣ присоединялось јо. Причастия м. и ср.р. изменялись по типу основ на - *ѝ мягкой разновидности, кроме им.п. мн.ч., где было представлено окончание -es. В причастиях ж.р. во всех формах, кроме им.п. ед.ч., после -пѣ добавлялось ја, а в им.п. ед.ч. — јѝ. Изменялось причастие ж.р. по типу *а-основ мягкой разновидности.

¹³⁵ Учитывая обстоятельственную функцию этих форм, их употребление с существительными любого рода и неизменяемость в древнепольском языке, названия им.п. ед.ч. ж.р., им.п. ед.ч. м.р. и вин.п. ед.ч. м.р. определяют только происхождение этих форм, не отражая их статуса в древнепольском языке.

Им.п. ед.ч. м.р. представлен уже в первых древнепольских памятниках только с носовым показателем. Исконные формы глаголов I и II классов, вероятно, еще в дописьменную эпоху подверглись влиянию форм глаголов III и IV классов. Твердость согласного перед носовым ($\epsilon < \dot{\epsilon}$) в глаголах I и II классов свидетельствует о вторичности здесь носового переднего ряда.

Однако уже в древнепольских памятниках формы им.п. м.р. встречаются редко, в некоторых памятниках вообще не отмечаются, а у глаголов I и II классов их часто трудно отличить от I-го л. ед.ч. настоящего времени (типа *piosę, przudę*). Так, при наличии форм им.п. м.р. в Свентокшских проповедях, Флорианской псалтыри, в Житии св. Блажея¹³⁶ эти формы неизвестны Гнезненским проповедям и DeProi Вероятно, вследствие совпадения с другими глагольными формами именно это причастие в ряду изофункциональных форм утратилось раньше всех.

Несколько раз в Свентокшских проповедях встречается форма причастия на -а, определяющая обстоятельство действия лица мужского пола. Во всех случаях она представлена одним глаголом *gzesz* например, *ati (m) usem re (c) to bog mylosciu, mo (ui) reca (K4)*¹³⁷. Источником этой формы, квалифицируемой как вариант им.п. ед.ч. м.р., по всей видимости, является чешский язык (ср. чеш. *nesa, řka* и под.)

Им.п. ед.ч. ж.р. на -ęсу (< *-ętji, *-ętji) употреблялся до XVI в. Как и им.п. ед.ч. м.р., форма определяла обстоятельство действия лица (лиц) любого рода.

В XVII в. изредка отмечаются формы с носовым заднего ряда типа *ikaęсу*, остатком которых является употребляющаяся в функции имени существительного современная форма литературного языка *piechęсу*.

Обе неизменяемые причастные формы (на -ę и -ęсу/-ęсу) были вытеснены генетической формой вин.п. ед.ч. м.р. на -ęс (< *-ętjъ, *-ętjъ), которая частотна уже в первых древнепольских памятниках. Ср. *kaięch ydeęo (KŚ, K1); Welikoczinęcz zbawena crola yeęo (PF, 17, 54); tey ištey nosy Cristus Swętemu sye Blaszeу pokazal, arzkęcz gemu (ŻB)*

Причастия на -ęс могли образовываться как от глаголов несовершенного вида, так и от глаголов совершенного вида, в отличие от современного состояния (тип *ostanęc po meęzu*). В XVI в. форму *ęс* от глагола *jeęm* сменяет новообразование *bęдас*.

¹³⁶ Примеры им.п. ед.ч. м.р. из памятников: *reko ia: pospeyso (KŚ, K2); Iezus vien czaм przyda kпуетv (RPrzem.); ie (n) nepamotaię dob (ra) uekuleęo, obozal so tomu (KŚ, K2); r poslal ge ku swętemu blaszeуv, kazę swęteęo... prziуwescz (ŻB); y na wisokoscach postawaię me (PF, 17, 36).*

¹³⁷ Учитывая произношение носового ($\dot{\epsilon}$), возможно было бы предположить влияние фонетики на орфографию (ср. обычные *a, ap* и т.д. в RPP и других памятниках на месте носовых). Однако в орфографической системе Свентокшских проповедей последовательно употребляется ϵ на месте * $\dot{\epsilon}$ и * ϵ (в том числе и в причастии *reko*).

В приведенных выше примерах причастная форма на -аґ употреблена в своей основной и ставшей впоследствии единственной обстоятельственной функции. В источниках XIV-XVI вв. встречается употребление причастия на -аґ также в функции определения к существительному в косвенном (обычно вин.) падеже. Ср.: *uwydzał bog, ysze gest dobrze, yrzekł: wspaniałe szemya szcelye czyniący szemyo drzewo yablko noszący, czyniący owocze podług swego przyrodzenia.. Y wspaniałe szemya szcelye mający szemyo podług płodu swego, adrzewo noszący owocze mający kaszdi szemyo płodzący podług przyrodzenia wchodzący (BSz, Gen.); lako gdy alexander nalyasz lywdzye y szonky nazywający (Hist. Al.) и даже у Я.Кохановского: *Zem widz al umierający... dziećię swoje (Thr.)*. Пример определения к им.п.: *za iste iest bog dający ye na ziemi (PF, 57,11)*.*

Однако гораздо чаще в функции определения употребляются полные формы причастий, которые окончательно вытесняют в данной функции причастия на -аґ.

Изменилась морфонологическая модель некоторых причастий. Ср.: *abi precz wiszy, anyedadzysz gym wczynysz nyszadnego omyeszkaną any czasu (BSz, Exod., XII)* и совр. *dając*.

§ 93. К истории полных форм действительных причастий

Полные причастия были унаследованы от праславянского, в котором они образовывались путем сочетания кратких форм с местоимением *яь, *ја, *је (ср. полные формы прилагательных). Однако форм им.п. ед.ч. м.р. типа *несу-яь, *слышѣ-яь (ср. др.-рус. ИДЪИ или ИДАИ, СЛЫШАИ) в польских памятниках нет: зафиксировано только суффиксальное образование на -аґ-у¹³⁸.

Функция полного причастия - это определение или именная часть составного именного сказуемого. Примеры из Флоринской псалтыри: им.п. ед.ч. м.р. *Glos boszi gotuiący ielene (28,8)*; род.п. ед.ч. м.р. *Wyimesz me od przycywołującyego luda (17, 47)*; им.п. ед.ч. ср.р. *To jest pocolene szukającyego gospodna, szukającyego oblicza boga iacobowa (23, 6)* и т.д.

Как и для причастий на -аґ, в памятниках встречаются полные причастные формы, образованные от глаголов совершенного вида. При этом глагольное действие, выраженное причастием, представляется как производимое в будущем. Оттенок "будущности" может быть обусловлен также семантикой отдельных глаголов: ср. *slepy, bo nabędzie dob(r)o negłodał (KŚ, K2)*.

¹³⁸ Ср. то же в древнерусских памятниках отмечается для им.п. ед.ч. ср.р. ИДУЩЕЕ (Историческая грамматика русского языка. Морфология. Глагол. М., 1982, С.363).

§ 94. История кратких форм действительного причастия прошедшего времени

Об истории действительного причастия на -l, входящего в состав перфекта и плюсквамперфекта, см. в § 87.

От второго типа праславянского претеритного причастия действительного залога в польском языке сохранились только две формы ед. им. п. м. и ж. р.¹³⁹. Как и в кратких формах действительного причастия настоящего времени, в действительном причастии прошедшего времени происходит сокращение изофункциональных форм до одной и закрепление за краткими формами обстоятельственной (наречной) функции.

Конкуренция употребляющихся главным образом в функции обстоятельства глагольного действия форм привела к вытеснению форм генетического им. п. ед. ч. м. р. (на -w) формами им. п. ед. ч. ж. р. (на -sz и -wszy).

Формы *им. п. ед. ч. м. р.* встречаются до начала XVI в. Причем в древнепольских памятниках формы на -w употребляются не только от локалических основ инфинитива, но и от основ на согласный и -i. Ср. *przyslisew* to c(r)ol, ie(n)ze ang(e)l ..., *siopiu* (KS, K1); *jacz p(ro)rol d(au)id uznamonaw* ogego silnem vbostue (KS, K4); *Ale ia wyiŃw* od niego mecz vczŃl iesm glowŃ jego (PF, Prol.); *Rozgnewaw* sye sŃdzl przykazał gy kiymy bycz (ŹB); *powonyaw* pan bog wonyey chŃtney (BSz, Gen., VII); *Potem vdzalał* noe oltarz panu bogu, *awszŃw* zewszego dobiłk offyerŃ (BSz, Gen., VIII); *Tegdi wiszedłw* (c I из прошедшего времени) *Moysesz odffaraona* yzmyasta (BSz, Exod., IX).

В памятниках XV-XVI вв. встречаются также формы, совпадающие с закономерными фонетически от инфинитивов с консонантной основой (типа *oblek*¹⁴⁰). Но невозможно наверняка исключить интерпретацию этих форм и как причастных компонентов перфекта с опущенным I.

В глаголах на *ĕti наряду с закономерным *e < ě* перед суффиксом -w¹⁴¹ под влиянием форм прошедшего времени (*szyszał*) широко рас-

139 В праславянском языке первое действительное причастие прошедшего времени образовывалось от основы инфинитива на согласный и i с помощью суффикса -us, а от вокалических основ - с помощью суффикса -*ius*, к которым во всех падежных формах м. и ср. р., кроме им. п. ед. ч., добавлялось *jo*, во всех падежных формах ж. р., кроме им. п. ед. ч., — *ja*, а в им. п. ед. ч. ж. р. — *ji*. Изменялись формы так же, как действительные причастия настоящего времени. Образец от *vedti и *pisati: им. п. ед. ч. м. р. *vedus > vedŃ*, *pisauus > pisavŃ*; им. п. ед. ч. ж. р. *vedusji > vedŃši*, *pisauusji > pisavŃši*.

140 Ср. в BSz: *y vczynyl pan bog adamowy agego szenye suknye koszane, aoblek ge yrzekł* (Gen., III).

141 Ср., например, в ŹB: *vzrzew* to sŃdza, *kazał gy*, *To wsliszew* sŃdza, *wscyeklym gnyewcm yŃl sye saam bycz*.

пространились формы на -aw: *A vszrzaw noe, yze yusze bila oszòkla woda* (BSz, Gen., VIII).

Иногда, подобно причастиям на -ac, действительное причастие прошедшего времени употреблялось в функции определения при существительном в внн.п. Ср.: *videh, p(ra)ui, ang(e)la bo[że] lgo sneba slecew* (KŚ, K1).

С XVI в. континуант *им.п. ед.ч. ж.р.* на -szy и -wszy вытесняет в обстоятельственной функции изофункциональные менее выразительные формы на -w и еще менее выразительные с -ø. Но и до утраты форм на -w и -ø формы с шипящим элементом широко представлены в памятниках, причем обычно они употребляются с существительным ж.р. и мн.ч. Примеры: *usrewsy kuas[dę w drogę] vstopily* (KŚ, K5), *potopiussy boga uasego* (KŚ, K1), *vslyszewszy to ny* (ZB), *pokłòkszy naswa kolana* (Ibid.), *Anna zostawywschy vdomv vyelyky zamat... zaszye vyschedschy yednego dnya do ogroda* (RPrzem), *Dwa anyoly naobu wyrzchu przykrywadla, szczyògnowssy skrzydla aprzykrywssy modlewnyòò* (BSz, Ezod., VII), *Orffa czalowawssy swyekrew, wroczy syò* (BSz, Ruth).

Как и в причастиях на -w, в формах на -wszy от глаголов на -ěti появляется а из парадигмы прошедшего времени: *Ato vszrzawssy Noemy* (BSz, Ruth), *vzryawssy to ine dzyeczy* (RPrzem).

Формы на -wszy проникают и в основы на согласный: *przyschedwssy knyemv, pozdrovyl y* (RPrzem) (в этом же тексте *vyschedschy*).

В XV в. появляются новообразования на -lszy, представляющие собой контаминацию претеритальных форм на -l и причастий на -szy. В XVI и XVII вв. обычными являются, однако, старые формы на -szy. Ср. у М.Рея: *szed[ssy] do Bogá Oyczá, poczed[ssy] sobie, przetár[ssy] przez durfzlák* или у Я.Пасека: *Przeszedssy tedy, Przyszedssy rzecze do mnie, podniòsszy gęce do góry* и т.п. Только к концу XVIII в. формы на -lszy после согласного становятся общепринятыми. Иногда встречаются контаминации -l с -wszy (типа *wszedlwszy*). Подобная контаминация для *им.п. ед.ч. м.р.* отмечалась и в более древнее время (ср. *wyszedlw - BSz*).

ПРИЧАСТНЫЕ ФОРМЫ СТРАДАТЕЛЬНОГО ЗАЛОГА

§ 95. К истории реликтов страдательных причастий настоящего времени

В польском не только не сохранилась полная трехродовая и трехчисловая падежная парадигма именных форм континуантов праславянских страдательных причастий настоящего времени, образуемых с помощью суффикса -m, присоединявшегося к презентной основе с

тематическим гласным (о в I-III классах и і в IV классе)¹⁴², но и представлены лишь отдельные лексически ограниченные примеры именных форм. Отсутствует категория голных причастных форм, образуемых на базе кратких с прибавлением местоимения *jь, *ja, *je. К причастиям возводят лишь отдельные лексемы: ś wiadom(y), rzekomy, godzimy, wiadomy. Остальные немногочисленные образования -а -оу современного литературного языка, выполняющие функцию прилагательных, являются польскими инновациями, возникшими по модели праславянских реликтов: znajomy, (nie)widomy, guchomy, łakomy, znikomu.

Таким образом, категория страдательных причастий настоящего времени не сохранилась, вызвав утрату у континуантов праславянских страдательных причастий прошедшего времени темпоральной семантики.

§ 96. История именных форм страдательных причастий прошедшего времени

В древнепольском языке представлены все три формы праславянского претеритального страдательного причастия¹⁴³. Однако эти формы не имеют грамматически выраженного значения темпоральности в связи с утратой страдательных причастий настоящего времени.

Краткие формы больше всего представлены в форме им.п. ед.ч. м.р. Ср. в PF: *Poznan bōdze gospodzyn czynō sōdy; w uczinkoch rōku swoiu polapon iest grzesznik* (9,16); *S swōtim swōt bōdziesz* (14,28); в KG: (on) *posnan* (bil) *svathloszczō ... othtetho svathloszczy nebil osfeczon* (K1); в BSz: *bōdziesz przekłōt* (Gen., III); *golōbek wislan skorabya* (Ibid.); в KN: *Angyolem wczynyon yest* и мн. др.

Краткие формы сохраняются в XVI¹⁴⁴ и XVII вв., употребляясь в функции именной части составного именного сказуемого¹⁴⁵. В ново-

¹⁴² Ср. от *nesti — им.п. ед.ч. м.р. *nesomos > *nesomъ, от *pisati — *pismo > pišemъ, от *svētiti > *svētimos > *svētimъ, от *dati > *dadmos > *datъ. Изменялись эти причастия по *ō-основом твердой разновидности (м. и ср.р.) и по аналогичным *а-основом (ж.р.).

¹⁴³ В праславянском эти причастия образовывались от основы инфинитива с помощью трех суффиксов: -п присоединялся к сокалическим основам (кроме *i-основ), -ep - к консонантным и *i-основом, -i — к инфинитивной основе, равной корню и оканчивающейся на i, y, u, e, ĭ (*kięty, *szьlyty, *dvignęty, *tuty). Изменялись они по *ō-основом твердой разновидности (м. и ср.р.) и по аналогичным *а-основом (ж.р.). Фонетические явления польского языка вызвали изменения в суффиксе -ep, который в результате перегазовки 'e > 'o преобразовался в -'on: ср. в PF: *pane bosze moy, powelbyon yes barzo* (103,1); *w tobe witargnon bōdōd od pokusy* (17,32). Однако в некоторых памятниках встречаются и формы с -ep, что является либо отражением региональных особенностей (ср. Iaco Swenthoslaw *nedzelen bil* — RPP, 1388) или влиянием чешского оригинала в библейских текстах (*bōdze szemya nasyczena* — PF, 103,14).

¹⁴⁴ Ср. у М.Пея: *rok iest nā czworo rozdzielon* (Zwyerc.); *Może być zwan* (Zwier.); *był pražen strāchu* (Wizer.); *sprawion będzysz* (Post.); *wtwirdzon* (Ibid.); *vmārti bogacz y pogrzebijon iest w piekle, vmārti Lā zarz ā wzyęty iest do przybytku Abrāmowego* (Ibid.) и мн. др.

польскую эпоху они сохраняются как приметы архаизованного высокого стиля в религиозной литературе.

§ 97. К истории полных форм страдательных причастий

Полные формы страдательных причастий употреблялись в древнепольском языке в атрибутивной функции и функции именной части составного именного сказуемого. Эти особенности они сохранили до настоящего времени. Ср.: *I z wibranim wibrani bȳdziesz, a z przewrotnim przewrotczon bȳdziesz* (PF, 17, 29); *gospodne czcy, bogoslawoni mȳsz, iensz pwa w czȳ* (PF, 83, 13).

§ 98. Некоторые особенности морфонологических моделей страдательных причастий и их изменение

1. Глаголы *wiȳdę, plotę, kradę, kładę, bodę* перед суффиксом *-on* имели закономерные *ć, dź*, которые должны были бы сохраниться и перед *-eń* им.п. мн.ч. м.р. (с развитием соответствующих категорий им.п. мн.ч. одушевленных > им.п. мн.ч. лично-мужских). Однако в польском языке здесь представлен результат диссимиляции *ć > c, dź > dz* под воздействием *ń*. Время этого процесса трудно установить по памятникам с их непоследовательным обозначением мягкости.

2. В глаголах II спряжения, базовая основа которых оканчивалась на *t, d, st, s, z*, перед *-on(y)* должны быть *c, dz, szcz, sz, ź*. На эти глаголы оказывали влияние глаголы I спряжения с аналогичной финалью основы I-го л. ед.ч. настоящего времени, в страдательных причастиях от которых представлены мягкие *ś, ź, ć, dź, ść*. Следствием этого влияния явились формы типа *uiścionu, oślachcionu*. Ср. во всех четырех вариантах Нового Завета (трех XVI в. - N, T. Murz., BL, BW и одного XVII в. - 1633 г.) представлен вариант *oszuścion // oszuścionu*. Впоследствии в большинстве случаев победили исконные формы с *szcz* и *c*. Однако *ś* и *ć* сохранились в формах типа *rozgałęzionu, zalesionu, (u)więzionu* и некоторых других.

3. Причастия от глаголов на *-nąć* вплоть до XIX в. (и даже в XIX в.) образовывались с суффиксом *-on(y)*¹⁴⁶. Редко *-on(y)* присоединялся к корню без *ń*: типа *zamczonu*. Примеры обычных форм: конец XV -

В памятниках невозможно отличить полные и краткие формы им.п. ед.ч. ж.р., им.-вин.п. мн.ч. ср.р., им.п. мн.ч. м.р., различающиеся только долготой-краткостью флексии, которая не обозначается. Поэтому приводятся только формы им.п. ед.ч. м.р. и им.-вин.п. ед.ч. ср.р., в которых представлено различие: о в кратких, е в полных формах. Ср. также *aby każde Źowo byȳo czytano i piřano* (Murz. Ort.).

¹⁴⁵ В этой функции сохраняется и архаизм настоящего времени *řwiadom* наряду с полной формой *řwiadomy*.

¹⁴⁶ Этот суффикс с закономерным *e* перед *ń* сохранялся и в отглагольных существительных: ср. *По owym zamilknieniu* (Pas.Pam.), *dwiac czas do wypocznienia* (LP).

начало XVI в. *dzyezczyatko obwynyone vpyelyvchach* (RPrzem.); XVI в. *polá rozćiągnioné* (Koch., Ps.D.); XVII в. *piosą rozwinioną chorągiew* (Pas.Pam.); XIX в. *Spoczęła miłe śród puchów zatopu, Osłonionego w drodze adamaszki* (ZK); *nad błękitnem Niemnem rozciągnione* (PT).

Эти сохраняющиеся на протяжении такого длительного времени формы лишь в новейшее время вытесняются формами с суффиксом -t (на -ęt) при соответствующей замене суффикса в отглагольном существительном¹⁴⁷. Проводниками новых форм, которые отмечаются с XVII в., послужили формы на -t от глаголов типа *zacząć*.

§ 99. Некоторые итоги развития системы причастий

Таким образом, из унаследованной системы кратких причастий лучше сохранились в польском языке действительные причастия (вин.п. ед.ч. м.р. и им.п. ед.ч. ж.р.), которые, употребляясь в функции глагольного обстоятельства, сформировали новую глагольную форму — деепричастие. В результате полной утраты страдательных причастий настоящего времени и отсутствия полных форм на -szy, -wszy причастиям в польском языке несвойственна грамматическая категория времени. За полными причастиями закрепились, как и во многих славянских языках, синтаксическая функция определения, а также части составного сказуемого.

§ 100. История формы инфинитива

В дописьменную эпоху произошла, вероятно, редукция вокалического элемента суффикса инфинитива *-ti, поскольку в памятниках представлены все формы без i: *doych* (KS, K2), *zauitach* (KS, K4), *buiach* (Ibid.), *vstac* (KS, K2) и т.д. Вследствие редукции i в польском языке появляются два показателя формы инфинитива: *ć* < *ti и с из *kti/*gti (например: *piec*, *wlec*, *strzec*, *móc* и т.д.).

Формы с *i* встречаются только в поэтических произведениях, где они употребляются часто в версификационных целях. Изобилуют такими формами, например, *Sk.Umier.* (XV в.): *nyemogaszadzowedzeczy* — *pozczlek myeczy* — *dvszą szcala vyleczy*; *yvszmy vmrzeczy* — *gdze szyadzeczy*, *oprvczyczy* — *nyefroczyczy* и мн.др.

Вместе с преобразованием конъюгационных типов ряда глаголов и их морфонологических моделей изменились и морфонологические модели их инфинитивов. Так, с трансформацией морфонологических моделей глаголов типа *supę*, *skubę*, *grzebę* и других приобрели иной вид и формы их инфинитивов: др.-польск. *suć*, *grześć*, *skuć* и т.д. изменились в *supać*, *grzebać*, *skubać* и под.

¹⁴⁷ Сохраняющиеся существительные на -enie от глаголов на -nąć часто имеют специальное значение в отличие от процессуальных на -ęcie: ср. *ciągnięcie* 'розыгрыш, тираж'.

Инфинитивы *klwać*, *plwać*, *szczwać*, *zwać* под влиянием форм настоящего времени заменились на *kluć*, *pluć*, *szczuć*, *źuć*. Вместе с преобразованием презентных форм *rostę*, *rościesz* в *rosnę*, *rośniesz* трансформировалась и форма инфинитива, и вместо др.-польск. *róść* появляется инновация *rosnąć*. Тем не менее аналогичная замена форм *kradę* - *kradziesz* на *kradnę* - *kradniesz* не повлекла за собой в литературном языке утраты инфинитива *kraść*. Исчезли др.-польск. *czyść*¹⁴⁸ и *kwiść*, *chocieć*, которые заменились формами *czytać*, *kwitnąć*, *chcieć*. Объединение в одной парадигме двух разных глаголон *wspomnię* - *wspomnisz* и *wspomionę* - *wspomieniesz* привело к утрате инфинитива *ia* - *pać*¹⁴⁹ (и соответствующей формы причастия на *-pał*) и к установлению формы инфинитива на *-eć*.

Архаические формы инфинитива, как и настоящего времени, широко представлены в польских диалектах.

§ 101. Остатки категории двойственного числа в древнепольских памятниках и дальнейшая судьба ее в истории польского языка

Категория дуальности как лексико-грамматическая категория, которая имела специфические показатели для выражения множества из двух однородных предметов, уже в древнепольских памятниках представлена в разрушенном состоянии и с точки зрения семантики, и в формальном отношении. О разрушении этой категории как лексико-грамматической свидетельствует, с одной стороны, употребление форм мн.ч. для двух предметов, а с другой - употребление форм дв.ч. по отношению к числу предметов, превышающему два (формы типа *trzema ralsoma*). Рудиментарный характер в плане выражения проявляется также в ущербном по отношению к исходным формам (см. табл. 10-13) числе показателей дуальности (например, не представлена в памятниках такая форма, как нин.п. па местоимения 1-го л.¹⁵⁰) и, главное, в частой непредставленности во всех частях речи категории дв.ч. Например, наряду с формальными показателями дуальности в родовых местоимениях и причастиях на *-l* во Флорианской псалтыри отмечается и употребление с формами дв.ч. существительных местоимений и причастий на *-l* с показателями мн.ч.: внн.п. *gõcze swogi umyie* (57, 10), *sprawedlnosc z pocoy czalowalesta se sõ* (84, 11), // вин.п. *w gõcze twoie* (9, 36), *Rosprostrzel gesm gõcze moge* (142, 6); им.п. *Sercze moie y czyalo moie weselila se iesta* (83, 2) (по мн.ч. ср.р. или под

148 Ср.: *nyeboyszua dzysz moyey scoly nyedam czy czyszcz epistoly* (DeProl.).

149 Старая форма инфинитива отмечается в XVII в. Ср. у Я.Пасека: *zaropnąć*.

150 Здесь проявляется, впрочем, характерная для всех числовых парадигм тенденция к взаимодействию разных древних словоизменительных типов.

влиянием дуального показателя м.р.). Или в Шарошпатацкой библии *Wrocza syð* (дв.ч.), *dzewki moqe* (мн.ч.).

Длительнее всего формы дв.ч. сохранялись у существительных. Так, в древнепольских памятниках дуальные формы представлены для всех категорий, синтаксически связанных с существительными или замещающих их (местоимениях, прилагательных, причастиях на I числительных *dwa* и *oba*), а в произведениях авторов XVI в. встречаются только отдельные архаизмы у существительных, наиболее часты в сочетании с им.-вин.п. дв.ч. *dwie: dwie flońcy* (Koch. OPG), *dwómowie* (Górn.Dworz.), *nieśmiertelných ręku* (Koch.OPG).

Наибольшее число примеров дв.ч. во всех категориях представлено в Шарошпатацкой библии. Им.п. дв.ч. числительных и существительных м.р. *dwa sini* (Ruth, I), ж.р. *drzewyey bōdzeta babye* (Ibid.); вин.п. дв.ч. числительных и существительных *luczynyl bog dwuye szwyeczi wyeliczi* (Gen., I); тв.п. числительных и существительных *sedwyeczi sinoma* (аналогическая форма по *ō-основам) (Ruth, I), *sobyeczi nyewyastama* (Ibid.), *podedwyecza czewyama* (Exod., XXXVII); мест.п. числительных и существительных *podwu sinu* (Ibid.); на *obu stopni* (Exod., XXXVII). Примеры с личными местоимениями: дат.п. дв.ч. *Day wama nalescz pokoy...*; *gysz syð wama dostanō* (Ruth, I); тв.п. дв.ч. *vczin swama* (Ibid.). Примеры форм глагола и им.-вин.п. причастия на -l: *vczin swama pan mylosyerdze iakosta wi vczynyle* (ж.р.) *sumarlim ysemnō* (Ruth, I); *Przecz gydzeta semnō nye domnymayta syð, bista mogl semnye wyōcey mōsze myecz* (Ibid.); а *wi chcyele czekacz* (Ibid.). Примеры форм дв.ч. в глаголе, прилагательном, числительном и причастии на -l (по м.р.): у *bilasta oba naga, adam gewa, anyesromalasta sze ... A gdisz vznamyonalasta, zesta naga ... vczynylasta sobye wyenyky* (Gen.III)

Таблицы исходных дуальных показателей

Таблица 10

Личные местоимения	Падеж	Лицо	
		1-е	2-е
	И.	vě	va
	В.	na	va
	Р.-М.	naju	vaju
	Д.-Т.	nama	vama

Таблица 11

Спрягаемые глагольные формы	Лицо		
	1-е	2-е	3-е
	-vě	-ta	-te

Именные основы	Падеж	ТИП ИГ-ЕВР. ОСНОВЫ										
		*δ		*jδ		-a	*-ja	*-I	*-ñ	*-u	*-s	*-n
		м.р.	ср.р.	м.р.	ср.р.							
И.-В.	-a	-ĕ	-a	-i	-ĕ	-i	-i	-y	-(ŷv)i	-(es)ĕ	-(en)i	
Р.-М.	-u		-u		-u	-u	-u	-(ov)u	-(ŷv)u	-(es)u	-(en)u	
Д.-Т.	-oma		-oma		-ama	-ama	-ŷma	-ŷma	-(ŷv)ama	-(es)ŷma	-(en)ŷma	

*По типу *δ-основ изменяются краткие прилагательные типа starĕ, staro.

По типу *jδ-основ изменяются краткие прилагательные типа rĕŷĭ, rĕŷe.

По типу *a-основ изменяются краткие прилагательные типа stara.

По типу *ja-основ изменяются краткие прилагательные типа rĕŷa.

Таблица 13

Родовые местоимения	Падеж	РАЗНОВИДНОСТЬ					
		твердая			мягкая		
		м.р.	ж.р.	ср.р.	м.р.	ж.р.	ср.р.
И.-В.	-a		-ĕ		-a		-i
Р.-М.		-u				-u	
Д.-Т.		-ĕma				-ima	

*По твердой разновидности изменялось числительное 2, И.-В. прич. на -i.

По мягкой разновидности изменялись сложные (местоименные) адъективы.

Об утрате во второй половине XVI в. дуальных форм всех словоизменительных классов, кроме существительных, в которых сохранялись лексические архаизмы, свидетельствует сравнение текстов трех библий (BSz, BL, BW). В двух последних при архаизмах *ze dwiema supoша* (хотя в BL возможен и дат.п. *dwieша supom* - с формой существительного по мн.ч. - Т., s. 35), *dwie świetle* (BW, Т., s. 33), *z obieша niewiastkoma* (с аналогическим окончанием дуалиса по *ǫ-основам) отсутствуют формы дв.ч. в глаголе, причастиях на -1, прилагательных. Ср.: 1-е л. мн.ч. *poydziesz* при 1-м л. дв.ч. *poydzewye* в BSz (Vrt., s. 82), 2-е л. мн.ч. *wroc ćie Jie* при *wroczia syǫ* в BSz (Vrt., s. 82), *czekáć ch ć iáły* (Т., s. 37) при *cheyele czekacz* в BSz (Vrt., s. 82), *ięli - jęły plákáć* при *pozǫlesta plakacz* в BSz (Vrt., s. 83) и др.

Из субстантивных архаизмов дуальные формы длительнее всего сохранялись в случае так называемой естественной парности, частным видом которой являются названия парных частей тела. Формы типа *pieś miertelných gęku* встречаются не только у авторов XVI в., но и у поэтов-романтиков XIX в. Не случайно именно для этой категории слов до настоящего времени сохранились в литературном польском языке формы дв.ч., употребляющиеся в функции мн.ч., а в лексеме *gęka* и в ед.ч. (им.-вин.п. мн.ч. *gęсе* < им.-вин.п. дв.ч., мест.п. ед.ч. *w gęku* < род.-мест.п. дв.ч., устар. тв.п. мн.ч. *gęкоша* < дат.-тв.п. дв.ч. по типу *ǫ-основ, им.-вин.п. мн.ч. *uszu*, *oszu* < им.-вин.п. дв.ч. по типу *i-основ, род.п. мн.ч. *oszu*, *uszu* < род.-мест.п. дв.ч., тв.п. мн.ч. *osзуша*, *usзуша* < дат.-тв.п. дв.ч.). Сохранение архаического состояния именно в случаях естественной парности известно и другим славянским языкам, утратившим категорию двойственного числа: ср. укр. *дві руки, дві ноги*, рус. *уши, плечи, глаза, бока, рога, берега*.

В диалектах сфера сохранения форм дв.ч. несколько шире. Сохраняются, например, дуальные формы личных местоимений (*пају, вају*), употребляемые в функции мн.ч. В малопольском говоре так называемых "лясовяков" (район Тарнобжега) диалектологи начала XX в. отмечали сохранение и семантики дуальности в именных и глагольных формах дв.ч.

Утрата категории дв.ч. - общеславянское явление, представленное в истории большинства славянских языков (категория дуалиса сохраняется только в словенском и лужицких языках). Традиционно это явление объясняют формированием более высокого уровня абстракции, когда понятие двойственности начинает "поглощаться" более обобщенным понятием множественности. Положение категории дв.ч. в системе числовых оппозиций в какой-то степени можно сравнить с положением категории ср.р., которая стремится "редуцироваться" во многих языках, сократив число своих показателей, а в ряде языков с наличием категории рода вообще отсутствует (например, в балтийских).

В. Манчак усматривает "слабость" позиции категории дв.ч. в редкости ее употребления по сравнению с формами ед.ч. (наиболее частотными) и формами мн.ч. (частотность которых занимает среднее положение между частотностью форм ед. и дв.ч.)¹⁵¹. Однако на вопрос, что позволяло сохраняться категории дуалиса в праславянском языке в письменный период польского языка и даже как рудименту до второй половины XVI в., это объяснение, в отличие от традиционного, ответа не дает.

Утрата категории дв.ч. имела большое значение для перестройки грамматической системы польского языка и ее частных подсистем. К последствиям этой утраты относятся следующие явления.

1. Упрощение структуры числовой оппозиции (превращение тернарной оппозиции в бинарную) и сокращение числа ее конкретных репрезентантов.

2. Как уже отмечалось в § 43, утрата дв.ч. способствовала расширению случаев замены старого вин.п. формой род. на сочетания существительных со счетными словами 3 и 4, которые стали своего рода "проводниками" этой замены в парадигму мн.ч. существительных. Таким образом, утрата категории дв.ч. косвенно способствовала становлению одного из показателей первоначально категории анимальности во мн.ч., а затем сформировавшейся на базе последней категории мужского лица.

3. Как уже подчеркивалось в § 73, утрата категории дв.ч., вероятно, способствовала становлению категории числительных как лексико-грамматического класса; она обусловила возможность сочетаемости числительного 2 с формами мн.ч. существительных и воздействия форм этого числительного (главным образом формы род.-мест.п. *dwu*) на другие счетные слова.

4. Утрата дв.ч. обусловила реализацию некоторых частных процессов: изменение распределения по родам форм *dwa - dwie* (от м.р. *dwa* - ж. и ср.р. *dwie* к м.р. и ср.р. *dwa* - ж.р. *dwie*).

В истории других славянских языков последствия утраты могли быть еще многообразнее. Так, в истории русского языка (уже после распада восточнославянской общности) утрата дв.ч. способствовала, кроме указанных четырех тенденций, также переосмыслению сочетаний 2 с существительными, изменявшимися по типу древних *ō-основ (и появившихся вследствие разрушения категории дв.ч. сочетаний 3, 4 с подобными существительными) как сочетаний с формами род.п. ед.ч. В результате аналогического воздействия на другие типы основ (*два лета* < ДЪВЪ ЛЪТЪ, *две рыбы* < ДЪВЪ РЫБЪ) в русском языке установился новый тип сочетаемости существительных с числительными 2-4, отличный от других восточных славян. В белорусском и

¹⁵¹ Mańczak W. Op.cit. S.33-34.

украинском, как и в польском, числительные 2-4 сочетаются с формами им.п. мн.ч. Кроме того, утрата дв.ч. в русском языке способствовала наряду с влиянием части собирательных существительных на -а (сочетание которых со сказуемым во мн.ч. благоприятствовало осознанию этих форм на -а как форм мн.ч.) становлению флексии им.п. мн.ч. существительных м.р. -а (*леса, дома, мастера* и т.п.)¹⁵².

---

¹⁵²Подробнее см.: Кузнецов П.С. Указ.соч. С.107-110.

ЛЕКСИКА

§ 102. Понятие лексико-семантической системы в ее диахронном аспекте

При изучении лексики любого языка следует разграничивать понятия "общенациональная лексика" и "лексика литературного языка". Общенациональная лексика польского языка - это все словарные средства польского языка: как общеупотребительные, так и узкопрофессиональные, внелитературные (диалектные, просторечные, жаргонные и т.д.). Лексику литературного языка составляют только те слова, которые допустимы в коммуникации нормами литературного языка. Однако на этапе, предшествующем формированию кодифицированного литературного языка, эти понятия (или, точнее, применительно к данному этапу "общенародная лексика" и "лексика культурного диалекта") недостаточно дифференцируются.

На каждом этапе развития языка его лексическая система - это единство и взаимодействие различных по происхождению и сферам использования (функционирования) лексических пластов. Ядром лексической системы является общеупотребительная лексика.

Различаются функции литературного языка и культурного диалекта, на базе которого развивался, в частности, польский литературный язык. Более того, исторически изменчивы функции каждого из них, и соответственно исторически изменчивы понятие нормы и степень нормированности языка. Так, для культурного диалекта XIV-XV вв., с его узкой сферой функционирования (религиозная литература и устная речь образованных слоев населения) и одновременно малой степенью противопоставленности территориальным диалектам, норма допускала большую свободу и вариативность лексических средств и их фонетического и морфологического оформления, нежели в последующую эпоху, а так же большую степень проникновения иноязычных элементов¹.

С расширением функций формирующегося со второй половины XVI в. на базе культурного диалекта средневековья польского литературного языка, превращением его в полифункциональную и соответственно разностилевую систему меняется и содержание понятия "норма". Она начинает более четко разграничивать сферы литературного и внелитературного (диалектного, просторечного, арготического и т.д.) и регламентирует возможность-невозможность включения элементов

¹ Ср. аналогичную многочисленность изофункциональных флексий, унаследованных от разных древних основ, характерную для морфологии древнепольского периода.

последней, а также заимствований из других языков в лексическую систему литературного языка. Если, в частности, древнепольские заимствования из чешского, немецкого и латинского языков сохранились в польском языке до настоящего времени, то многие из более поздних заимствований (итальянизмы, галлицизмы, восточнославянские элементы), проникавшие в литературный польский язык с уже сложившимися его нормами, впоследствии выходят из употребления. Не следует, конечно, при этом забывать и об особом свойстве подвижности элементов лексического яруса, их непосредственном "реагировании" на изменение экстралингвистических условий (смена влияний в результате изменения исторической обстановки, утрата реалии и т.д.).

Более или менее полное описание лексической системы языка предполагает: анализ всех основных лексико-семантических групп (шире тематических групп) и их компонентов (лексических единиц) в их синонимических, антонимических, паронимических, омонимических, деривационных (иначе эпигматических) отношениях как внутри этих лексических групп, так и между лексико-семантическими парадигмами; выявление синтагматических отношений между компонентами тематических групп (лексическая сочетаемость и ее виды, обусловленные выделением свободных и несвободных значений); исследование семантической структуры лексических единиц (полисемия или моносемия, номинативные или экспрессивно-оценочные значения); установление соотношения исконной и заимствованной лексики в каждой из лексико-семантических или тематических групп.

Описание лексической системы польского языка в ее историческом развитии предполагает исследование указанных аспектов, начиная с древнепольского периода до настоящего времени, в каждом из выделенных культурно-исторических периодов ("синхронных срезов"), что позволяет выявить основные пути изменения лексико-семантической системы языка в тесной связи с историческими судьбами польского народа². Такое исследование осуществляется путем сопоставления всего словарного запаса, зарегистрированного в словарях, относящихся к различным историческим периодам, и представленного в памятниках для тех эпох, которые не отражены исторической лексикографией. При этом системное описание предполагает изучение судьбы не

² Содержание внутрисистемного понятия "синхронный срез" и экстралингвистического "культурно-исторического периода" для лексики вследствие тесной обусловленности ее изменений внешними факторами предельно сближается и в ряде случаев совпадает. При этом границы промежуточных срезов определяются не только объективно (изменениями в области лексики, связанными с культурно-историческими процессами), но и могут зависеть от субъективных факторов: уровня развития исторической лексикографии, степени отражения тех или иных периодов в истории языка словарями. Рассматривая историю лексики польского языка, мы ограничиваемся характеристикой указанных ее аспектов в рамках каждого из трех самых общих историко-культурных периодов (древнепольского, среднепольского и новопольского).

одной какой-то изолированной лексемы, а целых лексико-семантических (или тематических) групп слов в их взаимодействии и взаимоотношении на протяжении исторического (отраженного в памятниках польской письменности) периода развития польского языка.

Этим грандиозным по своим масштабам задачам исторической лексикологии принадлежит будущее, и перспективы создания истории лексико-семантической системы польского языка (как и любого другого) связаны, как уже отмечалось, в первую очередь с перспективами развития исторической лексикографии.

При описании истории лексики на современном уровне развития диахронической лексикологии польского языка исследователи ограничиваются, как правило, изучением истории заимствованных лексических единиц. Мы несколько расширим проблему и рассмотрим основные пути и средства изменения словарного состава польского языка на протяжении его исторического развития в связи с историческими судьбами польского народа, помня о том, что это только частный фрагмент изучения истории лексико-семантической системы польского языка.

§ 103. Общеславянская лексика польского языка

По приблизительным подсчетам лексикологов, лексика развитого (т. е. выполняющего основные функции и обладающего, соответственно, разветвленной системой кодов - функциональных стилей) литературного языка в широком смысле слова насчитывает немногим меньше 1 300 000 слов. Сюда входят спецтермины, общеупотребительная лексика - 300 000 слов и лексическое ядро - индивидуальный запас личности (около 30 000 слов), из которого реализуется на практике 8000 слов³.

Если рассматривать состав лексики литературного польского языка с точки зрения происхождения, то в нем выделяется праславянский лексический фонд (сюда входят слова, унаследованные от праиндоевропейского языка), слова, общие для западных славян, общие для лехитов, собственно польские инновации, заимствования, вошедшие в польский язык в различные периоды его развития. Конкретный состав этих компонентов менялся на протяжении исторического развития польского языка, отражая изменения в социально-общественной жизни польского народа, его культурно-исторических контактах. Одни слова отмирают, другие появляются. Однако основа лексической системы, ее ядро, передается из поколения в поколение, благодаря чему мы и можем говорить о развитии и различных периодах в истории одного языка, в данном случае польского.

См.: Денисов П.Н. Лексика русского языка и принципы ее описания. М., 1980. С. 55; Lehr-Splawinski T. Język polski. Pochodzenie, powstanie, rozwój. Warszawa, 1978. Wyd. III. S. 86.

Какая же часть лексического состава наименее подвержена изменениям?

Т.Лер-Сплавинский, анализируя праславянский состав польской лексики, выявил, что большая его часть представлена словами, относящимися к окружающему миру и внешним (физическим) проявлениям человеческой деятельности, менее значительный пласт составляю слова, связанные с внутренней (духовной) жизнью человека, и небольшая часть (что обусловлено ее назначением) - это слова, служащие для выражения грамматических категорий и связи слов (предлоги, местоимения, числительные, союзы)⁴. Такое распределение праславянского лексического фонда отражает социально-психологический факт более ранней концентрации человека на явлениях окружающего мира, от которого он зависел и который преобразовывал, и более позднего внимания к особенностям своей внутренней жизни.

Среди существительных, относящихся к указанным двум семантическим группам праславянской лексики, непосредственно связанным с социально-культурной жизнью народа, можно выделить следующие подгруппы.

1.1. Слова, обозначающие природные явления (атмосферные и астрономические явления, особенности рельефа, водные пространства, ископаемые): *deszcz < deždž, slota, grom, śnieg < др.-польск. śnieg, szron, rosa, grad, piorun, mróz, skwar; gwiazda, cień, oblok, tęcza, luna, chmura, wiatr, burza, niebo, słońce; dół, pole, brzeg, góra, jama, woda, morze, rzeka < др.-польск. rzeka, jezioro, potok, prąd, bród, kra, ład, bagno; złoto, srebro, żelazo, olów, miedź* и др.

1.2. Темпоральные имена: *czas, godzina, dzień, świt, wieczór, południe, północ, lato, jesień, zima, wiosna, miesiąc, doba* и др.

1.3. Названия представителей фауны и названия домашних животных: *niedźwiedź, wilk, tur, zając, jeź, łось, jelen; bocian, czapla, jastrząb, wrona, dzięciol, sroka; komar, mucha, żuk, pszczoła; żaba, jaszczur; koń, krowa, koza, pies, owca, świnia; ryba, jaź* и др.

1.4. Названия растений и их плодов, в том числе и сельскохозяйственных культур: *jabłoń, jabłko, buk, dąb, grab, jawor, lipa, sosna,*

⁴ Lehr-Splawinski T. Op.cit. S.87. Сравнивая выделенный на основании данных этимологических словарей общеславянский фонд с 8000 собственного лексического запаса, Т.Лер-Сплавинский устанавливает, что праславянское наследие составляет в нем более 1700 слов, из которых 0,8 относятся к первой из выделенных им групп (1450), 0,1 - ко второй (178) и остальные - к третьей (100). По грамматическому составу большей частью это существительные (более 1000 слов), меньше глаголов (460), еще меньше прилагательных (170), остальные части речи составляют 80 слов. Вероятно, приблизительно такие же пропорции будут справедливы и для других современных славянских языков. Ср.: аналогичные данные приводятся, например, для русского литературного языка: не более 2.000 слов образует общеславянский фонд, составляющий 1/4 всех употребляемых слов (см.: Г а л к и н а - Ф е д о р о в а Е.Ф., Г о р ш к о в а К.В., Ш а н с к и й Н.М. Современный русский язык. М. 1957. С.30).

chmiel, śliwa, glóg, orzech, brzoza, olcha, żółdź, bez, dynia, grzyb; pszenica, żyto, proso, jęczmień, owies, len, konopie и др.

I.5. Названия частей тела живых существ: głowa, ręka, noga, czoło, broda, ramię, plecy, głęba, usta, bok, źebro, ucho, oko, wątroba, ząb, łapa, róg, wąs и др.

I.6. Термины родства: ojciec, matka (др.-польск. mać, macierz), siostra, brat, stryj, wuj, bab(k)a, ciot(k)a, teść, syn, córka, świekr, др.-польск. świekry, niewiasta, wdowa, wnuk < др.-польск. wnęk, swat, kmiot и др.

I.7. Названия лиц: gospodarz, pasterz, stróż, sąsiad, wróg, (nie)przyjaciel, chłop, kmieć, sędzia, wojewoda, starosta, sługa и др.

I.8. Названия предметов и орудий труда: rola, radło, dluto, włókno, płótno, brona, plóg, kosa, сер, sierp и др.

I.9. Названия строений и их частей: obora, gumno, komora, okno, ściana, próg, wrota, ława, łoże и др.

I.10. Названия явлений социально-общественной жизни: gromada, ród, plemie, wiec(e), sejm < др.-польск. sjem, sąd, dług и др.

I.11. Военные термины: pulk < др.-польск. polk, broń, twierdza, miecz, strzala, cięciwa, wojna, grabież, bój и др.

II.1. Слова, обозначающие понятия духа и души, отражающие особенности мировоззрения древнего человека, и психические проявления человека: duch, dusza, rozum, czucie, woła, chęć, pamięć, myśl, wiara, strach, nadzieja, nienawiść, miłość, żal, wstyd, radość и др.

II.2. Слова, отражающие религиозные и этические понятия древних: Bóg, czart, bies, grzech, błąd, dziw, modły, kara, cud, kara, raj, prawda, wina и др.

II.3. Понятия, обозначающие определенный взгляд на мир и его оценку: byt, życie, śmierć, początek, koniec, stan, swoboda, (nie)woła, postać, osoba, imię, mądrość, wieść, starość, (nie)wiedza, moc, siła, trud, twórc, ład и др.

Все существительные второй группы выражают абстрактные понятия.

Среди общеславянских прилагательных, обозначающих признаки внешнего мира, выделяются такие подгруппы: 1) названия физических качеств и свойств живых существ: chudy, tłusty, młody, stary, lysy, zdrowy, chory, błądy, wysoki, niski, żywy, martwy, chromy, niemy и др.; 2) названия признаков и свойств предметов и вещей: mały, wielki, głębokі, krótki, wąski, lekki, miękki и др.; 3) прилагательные цветообозначения: biały, czarny, żółty, modry и др. К прилагательным, обозначающим психические свойства человека, относятся такие, как: dobry, zły, mądry, głupi, szczodry, srogі и др.

Среди глаголов, унаследованных от праславянского, выделяются глаголы физической деятельности и физического состояния (siedzieć, leżeć, spać, więdnąć, widzieć, jeść, brać, bać się < bojąc się,

krzyczeć, slyszeć, plakać, umierać, pić, żyć, być и др.); глаголы, называющие производственную деятельность (myć, szyć, kucić, kować, siać < sejać, tkać, mleć, paść, prząść, pisać, uczyć и др.), I группа, а также слова, называющие психическую деятельность члена I группы, а также слова, называющие психическую деятельность члена II группы (myśleć, chcieć, umieć, mścić, czcić и др.), - II группа.

В праславянский фонд древнепольского языка вошли как индоевропейские слова (mać, brat, owca, byk, mięso, kość, brać, wieść, widzieć, bosy и др.), так и заимствования эпохи праславянского единства. К последним относятся, в частности, древние германизмы готского происхождения (skot, izba < др.-польск. istba, с которым соотносится деминутив izdebka, tyn, książdз и książę, pieniądz, др.-польск. sztom, miecz, jawor, kupić и др.), иранизмы (socha, kur, topór), заимствования из греческого и латинского языков (cesarz - лат. caesar, roganin - лат. roganus и др.).

"Этимологический словарь славянских языков" под редакцией О.Н.Трубачева, который исходит из принципов "древней диалектной сложности славянства в области лексики и словообразования" и "автономности праславянского состояния словарных составов отдельных славянских языков и диалектов"⁵, дает возможность дополнить фонетическую и морфологическую характеристику трех исторических групп славянства более подробной их лексической (и словообразовательной) характеристикой и, таким образом, выявить лексические и словообразовательные особенности польского языка как одного из представителей западнославянской группы.

Таким образом, сохранившиеся до настоящего времени слова, унаследованные от праславянского, относящиеся к рассмотренным лексико-семантическим группам, являются наиболее устойчивой (и одновременно основной) частью лексического фонда польского языка.

Однако большая часть лексико-семантической системы на протяжении развития польского языка подвергается изменениям, обусловленным, с одной стороны, преобразованиями социально-исторических условий функционирования языка (развитие или упадок тех или иных сфер общественной жизни и соответственно появление новых реалий и уход в прошлое других; смена непосредственных или опосредованных - главным образом через книгу - контактов с языками других народов и т.д.), а с другой стороны, изменениями в статусе и функциях самого формирующегося литературного языка. В литературном языке происходит процесс стабилизации норм, допускающих вхождение в него тех или иных генетических диалектизмов или заимствований и не допускающих употребления других диалектных или иноязычных элементов.

⁵ Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд М., 1974. Вып. I. С.3.

§ 104. Основные пути и средства изменения лексической системы польского языка

Изменение лексического состава польского языка представляет собой результат взаимодействия различных процессов, происходящих как внутри исконной лексики (в области неприменных слов и в производных формациях), так и в заимствованиях. Причем процессы, происходящие в области исконной и заимствованной подсистем, находятся в тесной взаимосвязи, поскольку их различные по происхождению элементы на каждом этапе развития польского языка образуют единую лексико-семантическую систему. Так, утрата др.-польск. лексем *brat żony* 'брат жены', *dziewierz*, *dziewior* 'деверь, брат мужа', *jętę*, *jętrew*, *jętrewka* 'жена брата, сноха' связана с появлением в польском языке германизма *szwagier* < *Schwager* и производных *szwagrowa*, *szwagierek*, *szwagierka*. Германизмы с формантом *-ung* > *-unk* > *-unek* (*fresunk* > *frasunk* > *frasunek* и т.п.) с течением времени становятся исходными моделями для образований с *-up* (e) k от славянских⁶ корней (типа *posalunek*, *podarunek*).

Иноязычные лексемы даже в том случае, когда они не вошли в польский язык, могли повлиять на изменение семантики польского слова. Ср. по типу немецких *Ort*: 1) место; 2) местность; город; деревня и омонимов *Schloß* 'замок' и *Schloß* 'замок, дворец' в польском *miasto*, первоначально имевшем значение 'место', устанавливается значение 'город', а лексема *zamek* 'замок' приобретает омоним со значением 'замок'.

Учитывая эту связь, мы исследуем наиболее важные (но не исключительные!) процессы, обусловившие изменения в лексическом составе польского языка: преобразования в области производных формаций, историю иноязычных влияний, лексико-семантический способ словообразования. При этом заимствование производных слов, в которых в польском языке начинает выделяться словообразовательный аффикс, образующий новые слова со славянскими корнями, рассматривается как составная часть первого процесса.

Словообразовательный аспект в данной работе представляет главным образом констатацию активности-неактивности тех или иных формальных (в первую очередь аффиксальных) средств, поскольку на современном уровне развития исторического словообразования не представляется возможным дать полную картину исторического раз-

6 Определение "славянский" употребляется здесь и далее в оппозиции к термину "заимствованный" и, не имея значения 'исключительно славянский, употребляющийся только у славян', относится и к случаям, имеющим соответствия в других индоевропейских языках. Ср. соответствия к корню *dar*, выделяемому в лексеме *podarunek*: греч. *δῶρον*, арм. *dar*. Реконструируемое прасл. *darъ восходит к и.-евр. *darō.

вития словообразовательных категорий во всем многообразии конкурирующих в их рамках словообразовательных типов.

§ 105. Морфологические способы образования слов древнепольского языка

Суффиксальные формации

1. До XVI в. в польском языке были распространены существительные с формантом *-dlń-*, обозначающие место свершения определенного действия, типа *kowadlnia* 'кузница', *postrzegadlnia* 'место пострижения', *obloczedlnia* 'место, где раздевались и одевались' и т.д. В XVI в. часть существительных утрачивается, а в другой части группа *-dlń-* упрощается в *-lń-*.

2. В образовании существительных активен суффикс *-ica*, в ряде случаев утративший свою первоначальную семантику уменьшительности. Примеры др.-польск. формаций: *wędzica* (ср. *wędy* и *małe wędzice* - BL), *wiewierzycza* 'белка' (под влиянием чеш. *veveřice*) при параллельном *wiewiób(a)*, *maścuzca* 'белила, пудра', *ptaszycza* (уменьш. от *ptach*), *sunica* от *suną* 'сума, кожаный кошель', *szermica* 'борьба' от *szerm* < *szugm* из нем. *schirmen* и мн. др. Некоторые формации на *-ica* сохранились до настоящего времени, но полностью утратили значение деминутивности: например, существительное *kotwica* 'якорь' от *kotew*, употребляющееся в XV в. наряду с *kotka* (как и во многих других языках, образовались от лексемы *kot* 'кот', использованной в метафорической функции).

3. Дальнейшее распространение континуанта древнепольского заимствования *-arz* (ср. лат. *-arius*), оформляющего в польском языке и десубстантивную и отглагольную лексику: *kostarz* 'игрок в кости', *lichwarz* 'ростовщик' и *mordarz* 'убийца' (совр. *morderca*), *włodarz* 'владелец' (с XVI в. 'эконом'), *młocarz* 'молотильщик' и др. В некоторых сохранившихся лексемах изменилась морфонологическая характеристика основы: перед *-arz* представлен мягкий зубной и губной вместо первоначального твердого (*lichwarz*, *winiarz*, *farbiarz* вместо др.-польск. *lichwarz*, *winarz*, *farbarz*).

4. Из активных в древнепольском языке заимствований на *-erz* < *-er* типа *kołnierz*, *kuśnierz*, *pręgierz* начинает вычленяться суффиксальная морфема *-erz*, служащая для образования новых слов как путем прибавления к славянскому, так и к заимствованному корню. Особенно часто суффикс *-erz* (как и *-arz*) используется для образования названий деятеля: *bluźnierz* 'богохульник', *mieczerz* 'отделяющий оружие', *palkierz* 'бьющий в литавры'. Однако эта функция его не является исключительной: существительное с суффиксом *-erz* может, в частности, обозначать и орудие действия (*burderz* 'стилет, рапира' от *burda* 'борьба, турнирное сражение').

Из других суффиксов, оформляющих категорию *nomina agentis*, в отглагольных существительных активными в древнепольский период были форманты *-acz* (типа *igracz* 'игрок' и *obigracz* 'тот, кто обыграл кого-либо'), *-ciel* (типа *czciiciel* 'читатель', *uczyniciel* 'исполнитель'), *-ec* (типа *źniec* 'жнец', *iściec* 'должник' и разновидность *nomina agentis nomina patientis* типа *jęciec* 'пленник' и *wschowaniec* 'воспитанник', мотивированные причастиями *jęty* и *wschowany*), *-(n)ik* (типа *bluźnik* 'богохульник, святотатец'). Особенно активен был формант *-ca*: *przyszućca* 'тот, кто является причиной, виновник', *usłyszca* 'тот, кто выслушивает', *zaszczyćca* // *zaszczyćca* 'защитник', *pożeźca*, *pażeźca* 'поджигатель' и др. В ряде случаев с течением времени изменилась первоначальная морфонологическая модель, в частности, модель без чередования сменилась моделью с чередованием *ć*, *ź* : *j* в примерах типа *zdradzić* : *zdradźca* > *zdrajca*. Возможны были и формации на *-eń* (типа *soczeń* 'оскорбитель' от *soczyć* 'очернять').

Часть указанных суффиксов оформляла и отыменные формации, которые относятся уже к иной словообразовательной категории (*nomina attributiva* - названия носителей признака). Обычными в таких формациях были суффиксы *-nik* и *-ec*. Примеры: *kłodnik* 'узник, колодник', *złostnik* // *złośnik* 'грешник, плохой человек', *litkupnik* 'свидетель продажи, посредник', непосредственно от заимствования-слово-сложения нем. *Litkouf* ('напиток, который выпивали при заключении торговой сделки'); *juniec* 'молодой бык', *wipowaciec* 'то же, что *wipowaty*', *lutościwiec* 'жалостливый'. Суффикс *-nik* может быть усложнен: ср. *opiekadnik* 'опекун'.

Нередко встречаются синонимы с различными суффиксами. Ср. *tworzec* (KŚ, Bogur.) и *tworzyciel* (Pozdr.an.), которым соответствует совр. *twórcą*.

5. В памятниках XIV-XV вв. гораздо чаще, чем в современном польском языке, но реже, чем в среднепольский период, употребляются прилагательные на *-ły*, являющиеся генетически действительными причастиями прошедшего времени (типа *omieszkały* 'медлительный', *opuszczały* совр. 'opuszczony' и т.п.).

6. Выходят из употребления в последующие эпохи многие древнепольские существительные с суффиксом *-dło* (типа *stadło* 'состояние' - совр. *stan*). Многие существительные с этим формантом относились к категории *nomina instrumenti* (названия орудий): *przykrywadło* совр. 'przykrywa' (ср. *uczynił przykrywadło* - BSz, Exod., XXXVII), *gasidło* 'прибор для гашения свечей' (ср. *ludzelał szwyczydlnykwow szedm sgassydły swymu* - BSz, Exod., XXXVII) и мн. др.

7. Более активен в древнепольском языке был адъективный показатель *-ist* (типа *plodzisty*, *zębisty*).

8. Распространены были в древнепольском утратившиеся впоследствии наречия на *-ski*, *-skie* типа *łaciński*, *złodziejskie*.

9. С конца XV в. в польский язык проникает и распространяется в нем уже упоминавшийся в § 104 суффикс *-unk* < *-ung*: типа *gachunk*, *szafunk* 'счет', *spierunk* 'арест на имущество'.

10. В XV в. в древнепольский язык входят слова со словообразовательной "приметой" еще одного языка - чешского. Это имена с суффиксом *-tel* типа *śmiertelny* (вместо др.-польск. *śmiertny*), *wierzytelny* и другие, сохранившиеся до настоящего времени.

Префиксальные форманты

1. В древнепольском языке совпали континуанты **jъz* > *iz* и **sъ* > *s*, которые смешались в приставочно-предложном *s/z*, варианты которого определяются качеством последующего звука: *s* перед глухим, *z* перед звонким и гласным. При этом в предлоге окончательно установилась орфограмма *z* во всех случаях.

2. В XV в. в любой позиции на месте более древнего *ot* устанавливается *od*.

Префиксально-суффиксальные формации

В древнепольском языке употреблялись названия должностей, образуемые с помощью одновременного присоединения суффикса *-é* < **ije* и префикса *pod-*: *podczaszé*, *podstolé* и др. Единственная лексема, относящаяся к данному семантическому классу, которая функционировала без приставки, - это слово *chorążé*. Об изменении морфологической характеристики лексем типа *podczaszé*, *chorążé* см. § 59.

Особенно часты различия между древнейшим и новейшим периодами в конкретном оформлении производной лексемы тем или иным характерным как для древнепольского, так и для современного языка способом или средством. Например, нулевая суффиксация в др.-польск. *upad* и суффикс *-ek* в современном *upadek*; оформляемые разными суффиксами др.-польск. *wielmostwo*, *glupóść*, *potrzebizna* и совр. *wielmożność*, *głupota* и *potrzeba*; оформляемые разными префиксами др.-польск. *uwgóz* и совр. *rowgóz*, др.-польск. *ulubieniec* и совр. *polubieniec*, *oblubieniec*, др.-польск. *wzdać* и совр. *oddać* и мн. др. Современному соотносящемуся с префиксальным глаголом совершенного вида *nauczyciel* 'ten kto nauczył' соответствует беспрефиксальная др.-польск. лексема *uczyciel* 'ten kto uczy(l)'. Современные префиксальное *rowszedni* и одноприставочное *stęchły* соотносятся с др.-польск. беспрефиксальным *wszedni* и двуприставочным *wstęchły*. Возможны одновременные расхождения и в префиксе и в суффиксе производных лексем: ср. др.-польск. *bezwiństwo* и *zwoleństwo* и совр. *niewinność* и *wolność*. Могут различаться и элементы словосложения: ср. др.-польск. *zakonapośca* и совр. *zakonodawca*, *prawodawca*, др.-польск. *złodziejca* и совр. *złoczyńca*. Расхождения такого типа отмечаются на всех этапах развития польского языка.

§ 106. Морфологические способы словообразования среднепольского периода

Суффиксальные формации

1. Возрастает по сравнению с древнепольским периодом группа адъективных причастий на *-ly*. По данным З.Клеменевича, в Словаре Б.Линде представлено 200 слов типа *niedordzaly* (совр. *niedojrzały*), *wstrzymawały* (совр. *wstrzemięźliwy*), *podbielały* 'белый снизу' и под., в то время как в современном языке их не более 20.

2. В категории *nomina agentis* и существительных со значением носителя признака утрачивается активность форманта *-erz*, заменяемого в некоторых случаях суффиксом *-erca* (типа *bluź nierz > bluź nierca*). Сохраняют свою употребительность форманты *-ec⁷*, *-ca*, *-acz*, *-ciel*, *-nik*.

Формант *-nik* особенно продуктивен в группе названий лиц по профессии и ремеслу (типа *sadownik* и *papiernik*). Отмечаются также *nomina agentis* с формантом *-ek* (типа *obiecек* 'тот, кто обещает'). Часто встречаются отглагольные имена с суффиксом *-ak*, причем эти формации могут обозначать не только лиц (типа *zabijак* 'убийца'), но и предметы (типа *kleрак* 'плохая медная монета').

3. Довольно активен в отыменных существительных со значением места суффикс *-isk-o* (тип *romiełlisko* 'место для мусора'). Этот формант может иметь и другие значения, в частности в модификационных формациях выполнять функцию стилистического маркера. Ср. у Я.Пасека: *Urzędniczysko potem owej paniej przylazło z muszkieciskiem, со sarny strzela*. В этой функции суффикс *-isk-o* часто употребляется в новопольском периоде.

4. Активны формации с именным суффиксом *-ek*, являющиеся названиями действий (типа *roгeбек* 'битие по лицу'). Впоследствии сохранившаяся часть подобных дериватов переходит в разряд наименований продуктов деятельности (типа *odpadeк*, *-dki* 'отбросы').

5. Развитие общественно-культурной жизни и науки в XVI-XVII вв., опосредованно отраженное в языковых изменениях, в частности, проявилось в возрастании доли слов, выражающих абстрактные понятия. Для образования, например, *nomina essendi* (названия абстрактного признака) широко использовался формант *-ość*, который позднее вытеснили другие суффиксы (*-stw-o*, *-ość* и др.). Например,

⁷ Однако авторы "Исторической грамматики польского языка" отмечают, что формант *-ec* "уже в самый древний период... мало продуктивен" и что последующее вытеснение его формантом *-ca* подготовлено его судьбой в дописьменном периоде (Kleменевич З., Lehr-Splawinski Т., Urbanczyk S. Gramatyka historyczna języka polskiego. Warszawa, 1964. S.198).

вместо ciężkość стало употребляться smutek или вместо głupść - głupota; głupstwo.

Для образования *nomina actionis* (названия действий) используются суффиксы *-nie, -enie, -anin-a* (ср. у Пасека: *A tu rąbanina, trupi leca*) и др. Впоследствии во многих формациях на *-nie, -enie* устанавливается иное словообразовательное средство. Например, вместо ср.-польск. *odwetowanie, niechcenie* и.-польск. *odwet, niechęć* (*niechcenie* сохраняется в выражении *od niechcenia*).

6. Распространены отглагольные формации, образуемые так называемым способом "вторичной деривации" (типа *złot, доклад*).

7. Среди адъективных показателей активны форманты *-n, -liw, -sk*. Лексическая сочетаемость этих средств нередко отличалась от их позднейшей дистрибуции. Ср. ср.-польск. *gmiński, szkolski, żalobliwy* и и.-польск. *gminny, szkolny, żalobny*.

8. Широко используется глагольный формант *-owa* и распространяется (возможно, не без влияния чешского языка) его эквивалент *-awa* (типа *omieszkać*). Большое число формаций с *-owa* встречается, например, в "Дневниках" Я.Пасека: *pokazować, nadskakować, nie rozwiązować, upatrować, ja to obiecował* наряду с *obiecował, ukazować, opisować* и мн. др.

Примеры с формантом *-awa* отмечаются и у лучших авторов, в том числе и у Я.Кохановского: *Y Oczy ku tobie wznośi, kłóty siedźisz w niebie, Y oczekawa zwykléj żywnośći od ciebie* (Ps.D.).

9. При сохранении древиепольских наречий на *-ski, -skie* в среднепольский период активны также адвербиальный формант *-e*, оформляющий в ряде случаев наречия, которые впоследствии приобрели показатель *-o* (ср. *żwawie, wolnie, krwawie*).

10. Для литературы среднепольского периода характерно употребление в различных частях речи деминутивных образований. Ср. у Я.Пасека: *Młodzusié niki chłopiec, Cichusie niko ruszyliśmy się*.

Префиксальные форманты

В области префиксальных формаций З.Клеменевич обращает внимание на два явления, одно конкретное, а другое более общего характера:

1) большую продуктивность по сравнению с последующим периодом префикса *rgzu-* в именах (типа *rgzucie nisy*);

2) синонимии префиксальных аффиксов, которые могут выражать одно и то же значение (ср. конкуренцию в превосходной степени прилагательных и наречий *pa-* и *paj-* в XVI в., сменившуюся победой *paj-* в XVIII в.).

Вообще среднепольский период характеризуется сосуществованием не только синонимических префиксальных средств, но и других формантов, тождественных по значению.

Словосложение

Особенность среднепольского периода – наличие и появление большого количества производных слов, образованных сложением основ.

Многие сложные слова создаются по модели латинских и греческих слов или являются кальками с них. Ср. из греческого *ἡ βραχυλογία* польск. *krótkowówność* или из лат. *res publica* польск. *rzecz pospolita* // *rzeczpospolita*, ставшее с 1569 г. названием польско-литовского государства (*Rzeczpospolita*).

Сложные слова могли быть и кальками из западноевропейских языков. Например, отмечаемые в Словаре Б. Линде *krótkowidność* и *szerwonowłosy* из нем. *Kurzichtigkeit* и *rotbaarig*.

Словосложение характерно для именных образований, прежде всего для существительных и прилагательных. Сложные прилагательные могут субстантивироваться. Например, широко распространена была для обозначения женщины лексема *białogłowa*, являющаяся по происхождению субстантиватом прилагательного *białogłowy*, -а, -е и в свою очередь послужившая производящей основой для вторичных дериватов: *białogłówka*, *białogłowski* 'женский, относящийся к женщине'.

Наиболее характерны сложные слова для поэтического языка XVI–XVII вв. Например, у Я. Кохановского встречается особенно много сложных слов: *trupokupiec* 'торговец трупами' (ср.: *Lecz u ty, Jrogi Trupokupcze, niedawno u Jam połączysz* – OPG), *krotochwilny* (*krotochwilna gra*), или образования с первым элементом *biał-*: *białonogi* (*białonogi koń Turecki*), *białoskrzydły* (*O białoskrzydła morska pławaczko ...*), *białomleczny* (*Białomleczna droga*) и мн. др. Эта тенденция, главным образом в эпитетах, сохраняется и у писателей XVIII в. (ср. у Ф. Княжина: *Sokol bystropiógny*).

При появлении большого количества переводов греческих и латинских авторов естественным является и перевод употреблявшихся у античных авторов сложных прилагательных.

§ 107. Морфологические способы образования слов новопольского периода

Суффиксальные формации

Все формации по сравнению с суффиксальными производными словами предшествующих эпох можно разделить на три группы.

1. Утратившие в различной степени свою активность или ослабившие ее.

К формациям, полностью утратившим свою активность, относятся рассмотренные выше прилагательные отпричастного происхождения с формантом *-i*. Ослабили свою активность также, в частности, *potępa agentis* с формантами *-са* (непродуктивный в современном языке) и *-ак*

(непродуктивный и лексически ограниченный в современном языке: типа *pijak, śpiewak, pływak*).

Сократилась частотность и форманта *-nik*, с помощью которого образовывалась особая группа названий профессий и ремесел, что обусловлено, с одной стороны, исчезновением ряда профессий и ремесел (типа *tarcznik, kaletnik*), а с другой - возрастанием активности других формантов.

Часть формаций, ослабив свою активность в новопольский период, впоследствии активизировалась. Это, в частности, произошло у отглагольных существительных с нулевым аффиксом, который в начале новопольского периода начал заменяться двучленными морфемами (типа *występ > występek*). О последующей активизации формаций, образованных методом так называемой "вторичной деривации", см. далее.

2. Сохранившие свою активность или усилившие ее.

В частности, к таким формантам относится *-arz* в десубстантивных *nomina agentis* (тип относится в Словаре польского языка под ред. В. Дорошевского к продуктивным в современном языке: из 440 дериватов, мотивируемых существительными, впервые отмечено в этом словаре около 50%). Этот формант вытеснил в большинстве случаев утративший свою активность суффикс *-nik* в группе названий профессий (типа *ksiąźnik > księgarz*).

Возрастает активность форманта *-ec* в *nomina attributiva* (типа *romyleniec* 'сумасшедший'). С XIX в. усиливается активность нулевого суффикса в отглагольных образованиях.

Ряд формаций приобретает продуктивность в определенном языковом стиле.

Так, например, не сохранившийся во многих старых нейтральных названиях действующих лиц (типа *ukazacz, pozwalacz, pozdrawiacz* и т.д.) суффикс *-acz* образует в новопольскую эпоху ряд неологизмов, с одной стороны, в языке художественной литературы, а с другой - в технической терминологии. В настоящее время формант *-acz* относится к продуктивным формантам польского языка, образуя слова категорий *nomina agentis* и *nomina instrumenti*, а нередко и слова, объединяющие оба этих значения (типа *stawiacz*: 1) заградитель (мин); 2) 'ten kto stawia'). Для специальной терминологии, а также для разговорного языка характерны и упоминаемые выше формации с нулевым суффиксом: ср. *wuтор (stali)* 'выплавка (стали)' и *wyciąg разг.* 'выписка'.

Исключительно разговорному стилю присущи отыменные формации новейшего периода, образованные так называемым способом "обратной деривации" (типа *pila < pilka, wiocha < wioska, lawa < lawka*).

В языке художественной литературы новопольской эпохи появляются новообразования типа существительных с формантом *-ość*, эмоционально окрашенным *-isk-o*, с суффиксом *-stw-o*, типа прилагатель-

ных на *-ist-*, *-yst-*, *-n-*, типа глаголов на *-ić*, *-eć* и др. При этом преимущественное употребление тех или иных типов формаций-неологизмов зависит от творческой манеры автора. Ср., например, неологизмы на *-n-*, *-ap-* у Ю.Тувима: *konwalijsne* *posne smętki* ("Światlniki"), *ptactwo gołębiane* ("Oczekiwanie").

3. Появившиеся в новопольский период.

К таким формациям З.Клеменевич, в частности, относит субстантивные образования с суффиксами *-ik* и *-in-a*, используемые в художественной литературе и в технической терминологии (типа *markotnik*, отсутствующего, впрочем, и в SD и в SSz, и типа *dławik* 'дроссель', *okładzina* 'облицовка, обивка').

Префиксальные форманты

Характерным для новопольской эпохи является появление префиксальных существительных типа *nadczłowiek* 'сверхчеловек, супермен', *niedokwasota* 'пониженная кислотность', *eks-żaż* 'бывший муж' и т.д., а также существительных, образованных префиксально-суффиксальным способом при нулевой суффиксации (типа *bezguch* 'неподвижность'). Употребляются новые приставки. В частности, если в SL нет ни одной лексемы с приставкой *eks-* в значении 'бывший', то в SD отмечается такое употребление латинизма *eks*.

В языке художественной литературы используются неологизмы, образованные префиксально-суффиксальным способом и в других частях речи, ср. в глаголе у Ю.Тувима: *zatriotrułilo* ("W lesie").

Словосложения

Этот способ словообразования довольно активен: в языке науки и техники, а также в художественной литературе (главным образом при образовании эпитетов). Ср. у К.Пшервы-Тетмаера в стихотворении "O zmroku" *blekitnosine*, *bladoróże*, *liliowomodre* или у Ю.Тувима *monolog trzynastozgłoskowy* ("Spacer antyczny"), *tysiąc pudowy* ("Walka").

В современном польском языке различают три вида сложных слов в широком смысле слова: 1) собственно сложения, части которых соединены интерфиксом - соединительной гласной (*złożenia*): типа *korkociąg* 'штопор'; 2) сращения, в которых части не соединены интерфиксом, а просто примыкают друг к другу (*zrosty*): типа *psubrat* разг. 'подлец, мерзавец' или *Wielkanoc* - религ. 'пасха'; 3) соединения, где одно понятие выражено словосочетанием, в котором невозможна перестановка его членов (*zestawienia*): типа *czarna jagoda* 'черника'.

Сложносокращенные слова

Появление сложносокращенных слов - аббревиатур (*skrótowiec*) представляет собой одно из характерных явлений новейшего периода

новопольской эпохи. Среди аббревиатур, первые из которых появляются лишь в XX в., польские грамматики различают: 1) добуквенные сокращения (*literowce*): например, EWG [ewug'e] от *Europejska Wspólnota Gospodarcza*; 2) сокращения по звукам (*głoskowce*): например, PAN [pan] от *Polska Akademia Nauk* или GUS [gus] от *Główny Urząd Statystyczny*; 3) сокращения по слогам (*syllabowce* или *grupowce*): например, *żelbet* от *żelazobeton* или *Pafawag* от *Państwowa Fabryka Wagonów*; 4) а также различного рода смешанные сокращения: например, *Cepelia* от *Centrala Przemysłu Ludowego i Artystycznego* - образец буквенно-звукового сокращения.

Ряд исследователей (в частности, Д.Буттлер) усматривают в появлении аббревиатур, особенно характерных для языка газеты, проявление принципа языковой экономии. Эта же тенденция, по всей видимости, лежит в основе и такого активного способа словопроизводства новопольского периода, как универбизация: появление одного слова на месте тождественного по значению словосочетания (типа *trolejbus przegubowy* - *przegubowiec*)⁸.

§ 108. Лексико-семантический способ словообразования

Лексико-семантический способ словообразования - это изменение значения слова при неизменяемости его формы, появление новых значений (развитие полисемии) вплоть до разрыва между исходным и переносным значениями (появление омонимов) или утрата части значений (развитие моносемии).

Приведем отдельные примеры проявления лексико-семантического способа словообразования из истории польского языка. Так, в современном литературном польском языке лексема *żałoba* имеет значение 'траур, печаль', в то время как в религиозных польских памятниках и в среднепольский период она употреблялась и в значении, аналогичном рус. 'жалоба', а также 'обвинение' (в суде).

В современном языке сохранилось только одно из двух значений корня *żał-*, базисного для *żałoba*, связанное с понятием 'кладбище, могила' и сопровождающим их понятием 'печаль'.

До XVI в. глагол *doić* употреблялся не только по отношению к животным ('дойть'), но и по отношению к людям ('кормить грудью' и отсюда *dójką* 'мамка'). От корня этого глагола образованы и *dziecko*, *dzieci* ('выкормленный', 'кормленные грудью').

Лексема *biel*, имеющая в современном языке значение 'белизна' (для названия цвета), в первых религиозных памятниках употребля-

⁸ Подробно о словообразовании новейшего периода развития польского языка см.: Grzegorzyczkowa R. *Zarys słowotwórstwa polskiego. Cz.I. Słowotwórstwo opisowe*. Warszawa, 1972; Grzegorzyczkowa R., Puzynina J. *Słowotwórstwo współczesnego języka polskiego. Rzeczowniki sufiksalne rodzime*. Warszawa, 1979.

лась в более конкретном значении 'белая мука, рожь, хлеб'. Ср.: *apszenczka abyel pucgest zabyta bosz bila pozdna* (BSz, Еход., IX).

Употребляющееся в переносном значении 'небольшое количество, немного' слово *odgobina* имело в древности конкретное значение 'частица, кроха' (см. *Leg. Al.*).

Негативно характеризующее человека существительное *drab* 'бездельник' в древнепольском означало 'солдат пехоты, пехотинец', будучи заимствовано из нем. *Drab, Trab* (не исключено, что при посредничестве чеш. *dráb*).

Сузили объем значений и такие лексемы, как *pasioğa* (имеющая в современном языке специальное значение 'свиноматка' и употребляющаяся в древнепольских памятниках в значении 'мать' — RPrzem.), *riać* (в современном литературном языке характеризующее только пение петуха и имевшее в древнепольском общее значение 'петь'), *pogłowie* (употребляющееся в современном языке в сочетании с наименованием скота — *pogłowie bydła, trzody chlewnej* и имеющее в древнепольском значение 'пол, род': ср. *żońskie pogłowie Erazm Jęz*).

Однозначными стали лексемы *twarz* 'лицо', *rzecz* 'вещь', *ojczyzna* 'родина', имевшие в древности также значения 'тварь, создание', 'речь', 'наследство от отца'.

Об изменении семантики под влиянием иноязычной лексической системы см. с. 273.

§ 109. Лексические заимствования древнепольского периода

На лексику польского языка древней поры оказывали влияние в основном три языка: латинский, немецкий и чешский. Типы контактов этих языков с польским и соответственно пути проникновения заимствований из них в польский были различны. Если контакт с немецким языком был непосредственным (устным), то влияние латинского и чешского языков — опосредованно, оно шло через письменный источник, книгу. Различный тип контактов отразился и в различении тематических групп лексики, заимствованной, с одной стороны, из латинского и чешского языков, а с другой — из немецкого языка.

Непосредственный, "житейский" характер общения с немцами-ремесленниками, немцами-торговцами, немцами-строителями, особенно активно заселявшими западные части Польши и города, получившие магдебургское право, приводит к появлению в XIV-XV вв. германизмов в сфере хозяйственно-экономической жизни, городского устройства и управления, бытовой жизни средневекового горожанина.

В лексике, относящейся к административно-хозяйственной сфере жизни, можно выделить следующие основные группы заимствований: 1) названия, относящиеся к городскому и сельскому устройству и уп-

равлению, названия административных учреждений и заведений: ratusz, gmina, sołtys, wójt, burmistrz, czynsz и др.; 2) область судопроизводства: lichwa, clo, ortył, żold и др.; 3) названия, связанные с торговлей: handel, kiermasz, jarmark, rachować, szacować, reszta, waga, szalki, funt и др.; 4) названия, связанные с различными ремеслами и профессиями: mistrz, kształt, prasa, stelmach, malarz, garbować, kuśnierz, ślosarz > ślusarz, gumarz и мн. др.; в этой группе особенно выделяется обширный подкласс названий построек, их частей, строительных материалов и инструментов: mur, gmach, ganek, cegła, szyba, cembrować, filar, gura, tynk, stodoła, ćwiek, drut < drot, blach // blacha, alkierz (через чеш. arkeř из нем. Erker) и мн. др., а также названия дорог, земляных сооружений и т.п.: plac, gynsztok, bruk и др.; 5) военная и морская терминология: szturm, żołnierz > żołnierz, herszt, rabować, żagiel, szyper, maszt и др.

В сфере бытовой лексики выделяются: названия утвари и посуды, а также других предметов домашнего обихода (talerz, zegar, kielich, kubel, puchar, lada, szuffada, graty, pudło и мн. др.); гастрономические названия (szpik, szmalc, smar и др.); названия одежды (kołnierz, fartuch, kitel и др.); названия танцев (reje, senary и др.); названия единиц измерения (mila, cal, tuzin и др.); названия, связанные с обычаями и традициями (truna > trumna, kregle > kręgle, dyngus и др.); слова, относящиеся к духовной и эмоциональной сфере жизни человека (żart, szkoda, frasować się, winszować и др.).

В SL, не учитывающем рукописных древних памятников, по подсчетам А. Брюкнера, приводится более 1500 германизмов⁹. Многие из них сохранились до настоящего времени в литературном языке, часть - только в диалектах.

А. Брюкнер установил, что большинство германизмов, особенно интенсивно входящих в польский язык в XIII-XV вв., генетически связаны с восточными центральнонемецкими диалектами (Ostmitteldeutsch). Эти ранние заимствования подвергались высокой степени адаптации в польском языке. Часто на месте нем. g в заимствовании представлено k (kształt < Gestalt), на месте немецкого сочетания гласного с носовым согласным - носовой гласный (wędrować < wandern), на месте сочетания er - ar (folwark < Volkwerk, ratować < retten, rachować < rechnen, garbować < gerben). В старых словах отсутствуют дифтонги и й (rabować ~ ср. нем. gauben, cugle ~ ср. нем. Zügel, winszować ~ ср. нем. wü nschen, kres ~ ср. нем. Kreis, gzesza ~ ср. нем. Reich). Однако в этом случае, как писал А. Брюкнер, следует помнить, что во время заимствования этих лексем на месте дифтонгов в немецком языке были представлены *i*, *u*, *u*.

⁹ B r ü c k n e r А. Wpływy języków obcych na język polski // Brückner A. Początki i rozwój języka polskiego. Warszawa, 1974. S. 377.

Латинские и чешские заимствования активно проникают в польский язык с принятия в 966 г. христианства по римско-католическому образцу и в связи с переводом на польский язык Священного писания и его частей. Переведенные ранее на чешский язык Библия и ее фрагменты служили образцом для польских переводчиков. XIII-XV вв. - это период первого чешского влияния, когда богемизмы, с одной стороны, непосредственно проникают в язык первых польских памятников, а с другой - служат "проводниками" в польский язык латинизмов. Сфера латинских и чешских заимствований этой поры - в первую очередь религиозная и церковная терминология, а также некоторые слова, связанные с другими областями умственной и научной деятельности (фармакология, школа и др.).

Исследовав 70 церковных и религиозных терминов, встречающихся в древнепольских памятниках до 1500 г., Э.Клих¹⁰ установил, что из них 77% пришло в польский язык через посредничество чешского языка. Например: *smuter // cynter* 'кладбище' (впоследствии давшее *smyntar, smynterz, smyntarz* и, наконец, совр. *smentarz*) < чеш. *smiteř // cinter* < лат. *cimiterium* 'место отдыха, спальня'.

Путь проникновения латинизма мог быть еще более сложным: из латинского языка через романское (итальянское) посредничество в немецкий, из немецкого в чешский язык и из чешского в польский. Ср. лат. *peregrinus* 'чужой' через ит. *pellegrino* (от народного варианта *pelegrinus*) в нем. *Pilgrim*, из которого проникло в чешский и при посредничестве последнего вошло в польский.

Посредничество немецкого и чешского языков констатируется, например, для слов: *bierzmowanie* '(миро)помазание', *dziekan, kaplica, nieszpog* 'вечерня', *ofiara // ofiera* и др. Через древневерхненемецкое и последующее чешское посредничество прошли такие латинизмы, как: *(arcy)biskup, kościół, chrzest, jalmużna, opat, żalm, żoltarz // żaltarz // psalterz* и др.

В древнепольский период в польский язык проникали также непосредственные заимствования из чешского и латинского языков.

Собственно богемизмы XIV-XV вв. относятся к книжной лексике. До настоящего времени из них сохранилось относительно небольшое число (*plazy, obywatel, hojny* и др.). Выделяются фонетические особенности, по которым можно определить богемизм. Это наличие: 1) *h* на месте польск. *g* (*hańba, hojny*); однако этот критерий не является абсолютным: так, *h* на месте польск. *g* характерно и для заимствований из украинского языка (*bohomas, holubić* и др.); 2) группы *trat* на месте польск. *trot* (*władza, straż, brana, władać, własny, utrapienie*); 3) *u* на месте польск. носовых (*poruczyc*); 4) *a* на месте польск. *ę* (*Waclaw*); 5) *t* на месте польск. *ć* в суффиксе *-tel* (типа *skazitelny, obywatel*).

10 Klich E. *Polska terminologia chrześcijańska*. Poznań, 1927.

К собственно латинизмам древнепольского периода относятся, в частности, некоторые фармакологические и гастрономические названия (*cebula, ferska* 'персик', *oset, kryształ, palma* и др.); названия инструментов (в том числе музыкальных) и приборов (*cybbał, laterna* > *laternia, organy* и др.); слова, связанные с учением, умственными занятиями (*kancelaria, bulla, bakalarz, atrament* и др.); прочие книжные слова (*farao, cedr, kalendy, manna, balsam* и др.)¹¹.

В древнепольских источниках редко отмечаются также заимствования из арабского (названия тканей и их отделки: например, *adamaszek* 'дамаст' (вид ткани) - от названия современной столицы Сирии, *bisiog* < араб. *busra*, ср. рус. *бусы*) и тюркских языков (например, *basalyk* - заимствование XV в., обозначающее 'кнут с зашитым в нем куском свинца').

§ 110. Лексические заимствования среднепольского периода

В среднепольском периоде число языков, влияющих на польский, возрастает. Сохраняют некоторое время свое значение и прежние "поставщики" заимствований.

Чешский язык, выполняя функцию своего рода эталона (главным образом в сфере литературы), продолжает влиять на польский язык до середины XVI в.¹² У некоторых литераторов (например, у Я. Малэцкого-Сандецкого) отмечается особое пристрастие к чешскому языку. Большое число богемизмов встречается в произведениях М. Рея. Влияние чешского языка ослабевает лишь к концу XV в. и окончательно исчезает после трагической в истории чешского народа битвы на Белой Горе (1620), после которой чехи вместе с политической независимостью утрачивают и свое прежнее "эталонное" значение для поляков в культурной области.

Сохраняется и даже усиливается в XVII-XVIII вв. влияние латинского языка. З. Клеменевич выделяет три группы латинизмов среднепольской эпохи: абстрактные слова, включая специальную лексику, заимствование которых связано с развитием науки и теоретических

¹¹ Говоря о латинизмах, мы не исследуем их происхождение в латинском языке (собственно латинизмы, грецизмы, древнееврейские заимствования и др.). Так, пришедшее в польский язык лат. *manna* заимствовано в свою очередь из греческого. Или *balsam* < лат. *balsamus* < греч. *balsamon*, которое в греческий язык проникло, как пишет А. Брюкнер, с Востока (SE. S. 12).

¹² О причинах сохраняющегося влияния чешского языка писал Л. Гурицкий в "Дворянине": *У staąd wrostał im ta sława od nas że sąmych, iż ich język miałby być dobrze niż nasz cudniejszy; iákož podobno obfityjszy niż nasz być może, á to staąd, iż pierwey do nich u pijsmo, u náuki przyjszy ...* (Т., с. 66). — "И отсюда распространилась от нас же самих их (т.е. чехов — Н.А.) слава, что их язык якобы намиого, нежели наш, замечательнее; ибо более изобилен, нежели наш, а это оттого, что раньше к ним и письмо и наука пришли ..."

знаний; названия лиц по профессиям; названия конкретных предметов и изделий¹³.

Утративший свое значение в эпоху Ренессанса латинский язык переживает период возрождения своего бывшего влияния со второй половины XVII в. Неумеренное употребление латинизмов, не вытекающее из объективных потребностей развития польского языка, становится в это время модой среди польской шляхты и находит отражение в произведениях того периода, в том числе и написанных в жанре бытового рассказа. В частности, огромное число латинизмов и целых вставок-цитат на латыни содержится в воспоминаниях Я. Пасека, написанных в целом в разговорной манере с употреблением элементов народного языка¹⁴.

Однако период нового возрождения латыни был непродолжительным, и в конце XVIII в. латынь окончательно теряет свое бывшее значение, оставаясь вплоть до настоящего времени лишь источником так называемой интернациональной лексики.

Также, несмотря на появление новых германизмов, относящихся, как и древнепольские, к хозяйственно-экономической и бытовой области жизни (*bryłfanna* 'противень'; метонимически перенесенное на название предметов и людей *galganeł* 'тряпка'; 'оборванцы' - во мн.ч. из немецкого названия растения *Galgan(t)*; *śpichrz* // *szpichlerz* > *śpichlerz* 'гумно' < нем. *Speicher*, *durszlak* и др.), влияние немецкого языка на общепольскую лексику ослабевает. Немецкий язык сохраняет свое значение в качестве источника заимствований только в отдельных районах Польши (Великая Польша и др.).

О том, что заимствование отнюдь не всегда связано с объективной необходимостью (отсутствие реалии, появление нового понятия и т.п.), а зависит от моды, большей "престижности" в языковом сознании той или иной формы, свидетельствует, в частности, неоднократный характер германского заимствования, обозначающего понятие 'краска'. "Возраст" этих лексем определяется даже по их внешнему виду: более древнее, адаптировавшееся в польском и заимствованное, вероятно, до появления в польском фонемы *f* *barwa* и более новое, менее модифицировавшееся *farba* < *Farbe*. Смена моды вызвала позднее появление еще одного заимствования для обозначения указанного понятия: *kolor*, ср. лат. *color*.

На протяжении среднепольского периода в польский литературный язык проникают также заимствования из иных языков: итальянского,

¹³ Kł e m e n s i e w i c z Z. *Historia języka polskiego*. Warszawa, 1974. S.339.

¹⁴ Ср. пример обычного по своему лексическому наполнению предложения из "Дневников" Я. Пасека: *Insi zaś, co się tej pestylencyej uchronić nie mogli, consiliis (= radom) onych łacne dając ucho, drugich contumeliis (= zniewagami) karmili, pod owę podpadać musielił paremią (=przypowieść) : Qui facile credit, facile decipitur (= kto łatwowierny, łatwo bywa oszukany).*

восточнославянских языков, тюркизмы (как непосредственно, так и через посредничество восточных славян, в первую очередь украинского языка), немногочисленные унгаризмы и заимствования из румынского языка.

Наиболее активно итальянизмы проникают в польский язык в период пребывания в Польше второй жены Сигизмунда Старого итальянки Боны (1518-1556). Королева Бона распространяет при дворе культ итальянского, приглашает из Италии скульпторов, художников, зодчих и т.д. Итальянизмы, вошедшие в польский язык и касающиеся в основном области архитектуры и музыки, изящных искусств, украшений и одежды, гастрономии, ботаники, а также байковского дела, сохранялись на протяжении XVI-XVII вв. Позднее многие из них исчезли: например, *balena* 'кит', *faryna* 'мука', *galarda* 'вид танца'. Другие сохранились до настоящего времени: *fontanna*, *impreza*, *bransoleta*, *bomba*, *sega*, *marcupan*, *szpada*, *parapet*, *bank*.

С XVII-XVIII вв. на польский начинает влиять французский язык. Центром распространения его был королевский двор, монашеский орден визиток. В XVII в. появляется первая грамматика французского языка, открывается кафедра французского языка в Виленском университете, а в XVIII в. - в Краковском. В польский язык высших слоев входят первые галлицизмы: названия одежды, танцев, блюд, игр, военные термины и др. (*fryzjer*, *antreprenier*, *robron*, *gorset*, *botynki*, *frykas*, *deboszować* и др.).

Все это подготавливает почву для последующего бурного воздействия французского языка на лексику польского в период правления последнего польского короля Станислава Августа Понятовского.

В XVI-XVII вв. отмечается наиболее активное проиикновение в польский язык восточнославянских (украинских) лексических элементов, что связано с более тесным контактом поляков с восточными славянами на территории "кресов", формированием здесь региональной разновидности польского языка (*polszczyzna kresowa*), которая была "проводником" в литературный польский язык многих украинизмов, а через них посредничество и тюркских элементов. Примеры украинизмов: *czereśnia*, *czerewo*, *czurgyna*, *czoboty*, *duby* 'ерунда', *harmider*, *huba* и др. Украинизмы и другие восточнославянские элементы, а также тюркизмы могли использоваться для создания особого локального колорита¹⁵.

В XVII в. отмечается усиление притока тюркских элементов. Это слова, разнообразные по семантике: названия животных (*buhaj*), лиц по различным признакам (*chad*, *bohater* - совр. *bohater*, *giaur*, *bisurman*, *ulan*), одежды и материалов (*baszlyk*, *kaftan*, *wojlok*), блюд

¹⁵ H r a b e c S. *Elementy kresowe w języku niektórych pisarzy polskich XVI i XVII w.* Toruń, 1949.

(bałyk), военных атрибутов (buława, wataha), элементов административного устройства (hagacz 'дань', horda), болезней (dziupa) и др.

Немногочисленные унгаризмы вошли в польский язык во время правления Стефана Батория (1533-1586) и касаются военной терминологии, пастушества и одежды (dobosz 'барабанщик', szuha 'сукман', bаса 'старший пастух' (в Татрах), giermek 'оруженосец', hajduk - от названия солдата венгерской пехоты, hejnał воен. 'заря', kontusz 'кунтуш (вид одежды)', orszak 'свита, кортеж' и др.).

Незначительное число румынских элементов, проникших в польский язык, касается в основном терминологии, связанной с горным пастушеством и овцеводством: bryndza, koszara, walach, maczuga 'палица, дубина' и др.

§ 111. Лексические заимствования новопольского периода

С начала новопольской эпохи до середины XIX в., как и в истории некоторых других славянских языков (в частности, русского), продолжается период усиленного влияния французского языка, отношение к которому в эту эпоху в какой-то степени сопоставимо с тем влиянием, которое имела в конце XVII-XVIII в. или в средневековье латынь. Многие галлицизмы той поры сохранились до настоящего времени: багаж, sos, garderoba, awans, depesza, bluza, bilet и bilecik (причем во всех значениях: уменьшительное к bilet и 'записка'), basen, biuletyn, biuro, debata, kariera, adres и др. Лексические заимствования из французского охватывают многие области: театр и одежду, кулинарию и общественную жизнь и мн. др.

Сохраняется региональное влияние немецкого языка: в частности, оно сильно в австрийской и прусской частях Польши, утратившей с 1772 г. политическую независимость и государственность. Через разговорный язык этих районов в польский язык вошли такие лексемы, как frajda, heca, fajno, fest. В официальный книжный стиль проникают многочисленные кальки с немецкого (типа parowóz < Dampfswagen).

В русской части разделенной Польши отмечается влияние русского языка, проявляющееся и в калькировании, и в непосредственном заимствовании лексических единиц (wziąć fortecę вместо польск. zdobyć fortecę, odkrytka и др.).

Из других восточнославянских языков продолжается, хотя и в меньшей степени, влияние украинского языка (holubić 'нежить, любить', balakać 'болтать' и некоторые другие).

В новопольский период впервые отмечается влияние английского языка. При этом если в XIX в. английский влиял опосредованно через немецкий и французский (так, англ. szterling, sztorm вошли в польский из немецкого, на что указывает звук ś (sz), а żokej из французского, о

чем свидетельствует *ż*), то в XX в. англицизмы непосредственно входят в польский язык. Это сфера военного и торгового флота, область хозяйственно-экономических отношений, спортивная и политическая терминология, лексика, связанная с путешествиями, названия одежды и др.: *boj, boks, kraul, steward, kort, finisz, rower, strajk, mityng, sleeping, pulower, drink*.

В последнее время наиболее активное воздействие на лексику польского языка оказывают русский и английский языки. Влияние русского языка проявляется главным образом в газетном, публицистическом стиле (расширение сочетаемости некоторых глаголов, например *zabezpieczyć fundusze* вместо *zapewnić fundusze* или *zabezpieczyć miasto w wodę* вместо *zaopatrzyć, nieprawidłowy stosunek* вместо польск. *niewłaściwy, cienki dowcip* вместо *lekki dowcip*)¹⁶, а также в разговорном языке в экспрессивной функции: *miałem perepalkę, jolki palki, czut' czut', barachłó*.

Для англицизмов наряду с языком науки (ср. *trend* экон. 'течение') и прессы (ср. *slums* 'городские трущобы') характерно проникновение в различного рода жаргоны: учащихся (ср. *kara* 'автомобиль'), профессиональное аргю (ср. англицизмы *pop, hit* 'популярная эстрадная песня').

Влияние английского языка проявляется, по-видимому, и в тенденции к ударности первого слова в заимствованиях, причем не только английского происхождения, но и в словах из других западноевропейских языков, корни которых совпадают с корнями соответствующих английских слов. Ср. *W à szyn gton, f è stiwal, pr è zydent, k ómitet* < фр. *comité*, *z g è guly* < лат. *regula*.

¹⁶ Используются примеры Г. Курковской из ее лекции для участников летнего семинара (18.09.1974). Эти примеры оценивались ею как неправильные с точки зрения стилистических норм польского литературного языка.

УСЛОВНЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

- Al. (Hist.Al.) - Historia Aleksandra Wielkiego, 1510 r.
BG - Bulla Gnieźnieńska, 1136 r.
BSz (BZ) - Biblia Szarospatacka (Biblia królowej Zofii), 1455 r.
BL - Biblia Leopolda, 1561 r.
BW - Biblia Wujka, 1599 r.
Blr - Bardzo łatwe rozmowy dla chcących się uczyć Polskiego y Francuskiego Języka. Warszawa, 1774 r.
Bogur. - Bogurodzica, начало XV в.
Chr.Ph. - Chrościński W.S. Pharfaliey.Oliwa, 1693 r.
DeProl. - Rozmowa mistrza Polikarpa ze śmiercią, XV в.
Eraz.Jęz. - Erazma z Roterdamu księgi, które zową Język, 1542 r.
Górn.Dworz. - Górnicki L. Dworzanin, 1566 r.
KG - Kazania Gnieźnieńskie, koniec XIV в.
KN - Książeczka Nawojki, koniec XV в.
KŚ - Kazania Świętokrzyskie, XIII в.
Koch. Fr. - Kochanowski J. Fraszki, XV в.
    OPG - Kochanowski J. Odprawa posłów greckich, XV в.
    Ps.D. - Kochanowski J. Psalterz Dawidów, XV в.
    Sat. - Kochanowski J. Satyr, XVI в.
    Thr. - Kochanowski J. Threny, XVI в.
Kod.Dział. - Kodeks Działyńskich, середина XV в.
Kod.Strad. - Kodeks Stradomskiego, 1518 r.
Kr.Z. - Goszczyński S. Król zamczyska, XIX в.
Leg.Al. - Legenda o św. Aleksym, 1454 r.
Leg.Dor. - Legenda o św. Dorocie, 1420 r.
LP - Listy posła do oycy na wsi mieszkającego y odpowiednie, 1788 r.
Modl.Pan. - Modlitwa pańska, XV в.
Murz.Ort. - Murzynowski S. Ortografija polska, 1551 r.
NT Murz. - Nowy Testament S. Murzynowskiego, 1551 r.
Pas.Pam. - Pasek Jan Chryzostom. Pamiętniki, XVII в.
PF - Psalterz floriański, XIV-XV вв.
P.Mohort - Pol W. Mohort, XIX в.
PP - Psalterz puławski, вторая половина XV в.
Post. - Rej M. Postylla, XVI в.
Pozdr.an. - Pozdrowienie anielskie, XV в.
PT - Mickiewicz A. Pan Tadeusz, XIX в.
RPK - Roty przysięg sądowych krakowskie, XIV в.
RPP - Roty przysięg sądowych poznańskie, XIV в.
RPrzem - Rozmyślanie przemyskie o żywocie Pana Jezusa czyli żywot Najświętszej Rodziny, koniec XV - начало XVI в.

- Sk.Umier. - Skarga umierającego, XV w.
 Słow.Ben. - Słowacki J. Beniowski, XIX w.
 SL - Linde S.B. Słownik języka polskiego. 1807-1814, T.I-VI.
 SD - Słownik języka polskiego / Red. W.Doroszewski. Warszawa. 1958-1969. T.I-XI.
 SE - Brückner A. Słownik etymologiczny języka polskiego. Wyd. 3. Warszawa, 1974.
 SPP - Słownik poprawnej polszczyzny / Red. W.Doroszewski, H.Kurkowska. Warszawa, 1973.
 SSz - Słownik języka polskiego / Red. M.Szymczak. Warszawa, 1978-1981, T.I-III.
 (Syr.) Dęb. - Syrokomla W. Urodzony Jan Dębóróg, XIX w.
 T. - Tarszycki W. Wybór tekstów staropolskich XVI-XVIII wieku. Warszawa, 1969.
 U bab. - Kraszewski J. U babuni, XIX w.
 W.Ch. - Potocki W. Wojna chocimska, XVI w.
 Wizer. - Rej M. Wizerunek, XVI w.
 Zwierc. - Rej M. Zwierciadło, XVI w.
 Zwierz. - Rej M. Zwierzyniec, XVI w.
 ZK - Goszczyński S. Zamek Kaniowski, XIX w.
 Vrt. - Vrtel-Wierczyński S. Wybór tekstów staropolskich. Czasy najdawniejsze do r. 1543. Warszawa, 1969.
 ŻB - Żywot św. Błażeja, koniec XIV w.

англ. - английский
араб. - арабский
арм. - армянский
бел. - белорусский
болг. - болгарский
великопольск. - великопольский
венг. - венгерский
герм. - германские
греч. - греческий
др.-польск. - древнепольский
др.-рус. - древнерусский
и.-евр. - индоевропейский
ит. - итальянский
караим. - караимский
кашуб. - кашубский
лат. - латинский
литов. - литовский
луж. - лужицкий
мазов. - мазовецкий
малопольск. - малопольский
мальб. - мальборский
нем. - немецкий
н.-луж. - нижнелужицкий

н.-польск. - новопольский
полаб. - полабский
полес. - полесский
польск. - польский
прапольск. - прапольский
прасл. - праславянский
прус. - прусский
рум. - румынский
рус. - русский
сев.-кашуб. - севернокашубский
серб.-хорв. - сербохорватский
силез. - силезский
словац. - словацкий
словин. - словинский
ср.-польск. - среднепольский
ст.-нем. - старонемецкий
ст.-сл. - старославянский
тюрк. - тюркские
укр. - украинский
франц. - французский
чеш. - чешский
ю.-малопольск. - южномалопольский

* * *

букв. - буквально	общепольск. - общепольский
вин.п. (В.) - винительный падеж	одуш. - одушевленный
вост. - восточный	письм. - письменный
дат.п. (Д.) - дательный падеж	предл.п. - предложный падеж
дв.ч. - двойственное число	прич. - причастие
диал. - диалектный	прост. - просторечное
ед.ч. - единственное число	прош.вр. - прошедшее время
ж.р. - женский род	разг. - разговорный
зват.ф. (З.) - звательная форма	религ. - религиозный
зап. - западный	род.п. (Р.) - родительный падеж
им.п. (И.) - именительный падеж	сев. - северный
книж. - книжный	сев.-вост. - северо-восточный
крес. - кресовый	сев.-зап. - северо-западный
л. - лицо	совр. - современный
лит. - литературный	ср.р. - средний род
лично-муж. - лично-мужской	строит. - строительный
м.р. - мужской род	тв.п. (Т.) - творительный падеж
мест.п. (М.) - местный падеж	уменьш. - уменьшительный
мн.ч. - множественное число	устар. - устаревший
наст.вр. - настоящее время	экон. - экономический
неодуш. - неодушевленный	южн. - южный

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	5
§ 1. Предмет и задачи курса “История польского языка”	5
§ 2. Методы изучения истории языка.....	6
§ 3. Источники изучения истории польского языка. Связь истории языка с другими науками.....	8
§ 4. Понятия, необходимые для изучения исторического языкового процесса	9
§ 5. Польский язык и другие западнославянские языки в отношении к праславянскому	12
§ 6. Польский язык как представитель лекситской группы западнославянских языков	19
§ 7. Польские племена и польское государство в IX-X вв.....	24
§ 8. Периодизация истории польского языка.....	26
§ 9. Дискуссия о диалектной базе литературного польского языка	29
§ 10. Характеристика памятников и других источников истории польского языка.....	36
1. Памятники древнепольского периода. Графика и орфография древнепольских памятников. Орфографические трактаты	36
2. Источники среднепольского периода. Первые грамматики польского языка.....	48
3. Источники новопольского периода. Орфографические реформы.....	52
ДИАЛЕКТОЛОГИЯ	56
§ 11. Предмет диалектологии.....	56
§ 12. Краткая история польской диалектологии. Краковская и Варшавская школы.....	56
§ 13. Польская лингвистическая география	60
§ 14. Основные понятия диалектологии	63
§ 15. Классификация польских диалектов	65
§ 16. Противопоставляемые диалектные различия польских говоров	67
§ 17. Лексические особенности польских говоров.....	69
Старые племенные диалекты.....	70
§ 18. Великопольская группа говоров.....	70
1. Особенности собственно великопольской группы говоров (без Крайны и Боров Тухольских).....	70

2. Особенности боровяцкого и крайняцкого диалектов.....	73
§ 19. Особенности куявской группы говоров и хелминско-добжинского диалекта	74
§ 20. Лексические особенности великопольской группы говоров	76
§ 21. Особенности малопольской группы говоров.....	78
§ 22. Лексические особенности малопольских говоров	83
§ 23. Особенности силезской группы говоров.....	84
§ 24. Особенности особенностей силезских говоров.....	88
§ 25. Особенности мазовецкой группы говоров	88
§ 26. Лексические особенности мазовецких говоров..	92
§ 27. Особенности кашубских говоров.....	93
§ 28. Лексические особенности кашубских говоров ...	97
Новые польские диалекты	99
§ 29. Новые немазуракающие диалекты.....	99
§ 30. Периферийный польский диалект (polszczyzna kresowa).....	103
Карты.....	110
Ф О Н Е Т И К А	112
§ 31. Фонетический строй и фонологическая система древнепольского языка дописьменного периода (условно до 1136 г.).....	112
1. Состав гласных фонем польского языка VIII-IX вв.	112
2. Перегласовки 'e > 'o, 'ѣ > 'а, 'ѣ > 'ѣ°	113
3. Судьба сонантов [ɨ, ɨ', ɨ]	116
4. Судьба ɣ, ɣ и ɣ, ɣ	119
5. Носовые гласные в польском языке XII в.	121
6. Контракция с j в существительных и прилагательных	121
7. Заместительная долгота	122
8. Состав гласных фонем к XII в.	124
9. Консонантизм до XII в.	124
10. Состав согласных фонем к XII в.	125
§ 32. Фонетический строй и фонологическая система древнепольского языка в XII-XIII вв. (первый письменный период)	126
1. Вокализм XII-XIII вв.	126
2. Консонантизм XII-XIII вв.	127
§ 33. Фонетический строй и фонологическая система древнепольского языка XIV - начала XVI в. (второй письменный период).....	130

1. О характере древнепольского ударения.....	130
2. Контракция в глаголе и местоимении.....	131
3. Переход <i>ir, irz</i> в <i>er, erz</i>	132
4. Судьба долгих гласных.....	132
5. Судьба <i>ǫ</i> и <i>ā</i> . Состав гласных фонем к XVI в.....	133
6. Консонантизм XIV — начала XVI в. Состав согласных фонем к XVI в.....	134
§ 34. Фонетический строй и фонологическая система польского языка среднепольского периода (с начала XVI в. до 80-х гг. XVIII в.).....	135
1. Судьба суженных гласных а польском языке.....	135
2. Изменения качества гласных в сочетании с сонорными.....	138
3. Стабилизация места ударения.....	139
4. Денализация <i>ę</i> на конце слова.....	139
5. Состав гласных фонем к 80-м гг. XVIII в.....	139
6. Консонантизм в XVI—XVIII вв. Состав согласных фонем XVIII в.....	140
§ 35. Фонетический строй и фонологическая система польского языка новопольского периода (с 80-х гг. XVIII в. до настоящего времени).....	141
1. Вокализм новопольского периода.....	141
2. Консонантизм новопольского периода.....	142
§ 36. Основные тенденции исторического развития фонологической системы польского языка.....	143
МОРФОЛОГИЯ	144
ИМЯ СУЩЕСТВИТЕЛЬНОЕ	144
§ 37. Грамматические категории имени существительного.....	144
1. Категория рода.....	144
2. Общие замечания о тенденциях в системе склонения польских существительных. Классификация именных флексий.....	146
§ 38. Основные тенденции развития склонения существительных мужского рода.....	150
§ 39. Тенденция утраты флексий * <i>i-</i> и * <i>n-</i> основ и активности окончаний * <i>ǫ-</i> и * <i>ū-</i> основ.....	150
§ 40. Формирование твердого и мягкого подтипов склонения.....	151
§ 41. Сближение мягких основ и основ на задненёбный.....	155

§ 42. Унификация флексий в дательном, творительном и местном падежах множественного числа	155
§ 43. Формирование категории одушевленности-неодушевленности	158
§ 44. Формирование категории мужского лица (личности-неличности)	164
§ 45. История существительных, изменявшихся по типу существительных мужского рода	168
§ 46. Основные тенденции развития склонения существительных женского рода	169
§ 47. История древних *г- и *й-основ в польском языке	169
§ 48. Взаимовлияние флексий существительных с мягким исходом основы. Формирование твердого и мягкого подтипов склонения	170
§ 49. Отражение долготных соотношений в истории флексий существительных женского рода ...	174
§ 50. Влияние флексий существительных других родов и прилагательных на склонение существительных женского рода	175
§ 51. Унификация флексий в дательном, творительном, местном падежах множественного числа	176
§ 52. История существительных, изменявшихся по типу существительных женского рода	178
§ 53. Основные тенденции развития склонения существительных среднего рода	179
§ 54. Судьба флексий древних консонантных основ и тенденция активизации флексий древних гласных основ	180
§ 55. Дифференциация окончаний в зависимости от качества согласного исхода основы	181
§ 56. Долготные соотношения и сопутствующие долготе явления в истории флексий существительных среднего рода	182
§ 57. Проявление влияния иных родовых словоизменительных типов	184
§ 58. Тенденция к унификации форм множественного числа	185
§ 59. История существительных, изменявшихся по типу существительных среднего рода	187
§ 60. Взаимодействие континуантов различных древних основ как один из источников развития системы склонения польских существительных	188
МЕСТОИМЕНИЕ	190

§ 61. Разряды древнепольских местоимений. Основные тенденции в истории изменения местоимений.....	190
§ 62. Личные и возвратное местоимения	191
1. Личные и возвратное местоимения в первых древнепольских памятниках	191
2. История форм личных и возвратного местоимений	192
§ 63. Вопросительные местоимения. Древнепольское состояние и история изменений.....	193
§ 64. Родовые местоимения.....	194
1. Исходное и древнепольское состояние.....	194
2. История форм родовых местоимений	196
§ 65. История местоимения 3-го лица (так называемого лично-указательного местоимения)	198
ИМЯ ПРИЛАГАТЕЛЬНОЕ	200
§ 66. Краткие и полные формы прилагательных. Основные тенденции развития прилагательных.....	200
§ 67. История кратких форм.....	201
§ 68. История полных форм прилагательных	204
1. Утрата двусоставности	204
2. Омонимия родительного, дательного, местного падежей единственного числа женского рода.....	206
3. Судьба творительного и местного падежей единственного числа мужского и среднего рода и творительного падежа множественного числа.....	206
4. Выражение категорий одушевленности- неодушевленности и мужского лица в прилагательных	207
§ 69. История компаратива	209
ИМЯ ЧИСЛИТЕЛЬНОЕ	212
§ 70. Общие замечания о числительных.....	212
§ 71. Основные тенденции и этапы в формировании склонения количественных числительных.....	213
§ 72. Слова со значением отвлеченного числа в древнепольском языке до XVI в.	214
§ 73. Изменения в склонении слов со значением числа в XVI-XIX вв. Появление новообразований. Процесс формирования лексико-грамматической категории "имя числительное".....	218
§ 74. Формирование лично-мужских показателей в склонении количественных числительных.....	223

§ 75. Завершение процесса формирования категории количественных числительных	225
§ 76. Собираательные числительные	226
§ 77. Дробные и другие числительные	227
ГЛАГОЛ	229
§ 78. Грамматические категории глагола. Общие замечания.	229
История временных форм глагола	232
§ 79. Основные тенденции изменения форм настоящего времени	232
§ 80. Преобразование исходной древней системы презенса	232
§ 81. Формирование am- и sm-спряжений	237
§ 82. Новые презентные формы глагола <i>buć</i>	238
§ 83. Изменение конъюгационных типов и морфологических моделей глагольных лексем	239
§ 84. История форм будущего времени	240
§ 85. Основные тенденции в истории системы прошедших времен	241
§ 86. Рудименты аориста и имперфекта в древнепольских памятниках	241
§ 87. История форм перфекта	244
§ 88. История форм плюсквамперфекта	247
§ 89. Основные тенденции в развитии форм повелительного наклонения	247
1. Судьба показателя императива	248
2. Редукция части парадигмы императива и употребление описательных форм	250
3. Изменение некоторых морфологических моделей императива	250
§ 90. История форм сослагательного наклонения	251
§ 91. Причастные формы. Общие замечания	252
Причастные формы действительного залога	253
§ 92. История кратких форм действительного причастия настоящего времени	253
§ 93. К истории полных форм действительных причастий	255
§ 94. История кратких форм действительного причастия прошедшего времени	256
Причастные формы страдательного залога	257
§ 95. К истории реликтов страдательных причастий настоящего времени	257
§ 96. История именных форм страдательных причастий прошедшего времени	258
§ 97. К истории полных форм страдательных причастий	259

§ 98. Некоторые особенности морфологических моделей страдательных причастий и их изменение...	259
§ 99. Некоторые итоги развития системы причастий.....	260
§ 100. История формы инфинитива.....	260
§ 101. Остатки категории двойственного числа в древнепольских памятниках и дальнейшая судьба ее в истории польского языка.....	261
Л Е К С И К А.....	267
§ 102. Понятие лексико-семантической системы в ее диахронном аспекте.....	267
§ 103. Общеславянская лексика польского языка.....	269
§ 104. Основные пути и средства изменения лексической системы польского языка.....	273
§ 105. Морфологические способы образования слов древнепольского языка.....	274
§ 106. Морфологические способы словообразования среднепольского периода.....	277
§ 107. Морфологические способы образования слов новопольского периода.....	279
§ 108. Лексико-семантический способ словообразования.....	282
§ 109. Лексические заимствования древнепольского периода.....	283
§ 110. Лексические заимствования среднепольского периода.....	286
§ 111. Лексические заимствования новопольского периода.....	289
У С Л О В Н Ы Е С О К Р А Щ Е Н И Я.....	291
О Г Л А В Л Е Н И Е.....	295

Учебное издание

Ананьева Наталия Евгеньевна
История и диалектология польского языка

Зав. редакцией Г.М. Степаненко
Редактор Л.Н. Левчук
Художник В.А. Чернецов
Художественный редактор Ю.М. Добрянская
Корректоры И.А. Мушникова, Т.С. Милякова,
В.П. Кададинская

ИБ № 6164

ЛР № 040414 от 27.03.92г.

Подписано в печать 16.08.94.
Формат 60х90 1/16.
Бумага офсетная № 2.
Гарнитура Таймс.
Офсетная печать.
Усл. печ. л. 19,0.
Уч.-изд. л. 18,95.
Тираж 1000 экз.
Заказ 1471 .
Изд. № 2202.

Ордена "Знак Почета" издательство
Московского университета.
103009, Москва, ул. Герцена, 5/7.

Типография ордена "Знак Почета"
издательства МГУ.
119899, Москва, Воробьевы горы.

Конвертацией файла, взятого в интернете,
в формат DjVu занимался ewgeni23

(октябрь 2010)

philbook@mail.ru